

СТИВЕН

КИНГ

ЗЕЛЕНАЯ
МИЛЯ

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 41

Stephen King
THE GREEN MILE
1996

Перевод с английского В.А. Вебера и Д.В. Вебера

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Ralph M Vicinanza Ltd.
c/o Andrew Nurnberg Associates Ltd.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Кинг С.

К41 Зеленая миля: Роман / Пер. с англ. В.А. Вебера,
Д.В. Вебера. — М.: ООО «Фирма «Издатель-
ство АСТ», 1999. — 416 с. Вып. 20.

ISBN 5-237-03652-X.

Стивен Кинг приглашает читателей в жуткий мир
тюремного блока смертников, откуда уходят, чтобы не
вернуться, приоткрывает дверь последнего пристанища тех,
кто преступил не только человеческий, но и Божий закон.
По эту сторону электрического стула нет более
смертоносного местечка! Ничто из того, что вы читали
раньше, не сравнится с самым дерзким из ужасных опытов
Стивена Кинга — с историей, что начинается на Дороге
Смерти и уходит в глубины самых чудовищных тайн
человеческой души...

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Stephen King, 1996
© Перевод. В.А. Вебер, Д.В. Вебер, 1997
© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

Стивен Кинг

ЗЕЛЕНАЯ МИЛЯ
Предисловие-письмо

27 октября 1995г.

Дорогой Постоянный Читатель!

Жизнь полна неожиданностей. Предлагаемая Вам история начинается в этой маленькой книжке, а последняя своим появлением на свет обязана случайному замечанию риэлтера, которого я лично не имею чести знать. Случилось это год назад на Лонг-Айленде. Ральф Вичинанца, мой давний друг и деловой партнер (он главным образом продает зарубежным издателям права на публикацию моих произведений), арендовал там дом. Риэлтер отметил, что «выглядит дом так, словно сошел со страниц романа Чарлза Диккенса».

Ральф запомнил эту фразу и, принимая своего первого в этом доме гостя, английского издателя Малкольма Эдвардса, процитировал ее. Они заговорили о Диккенсе. Эдвардс упомянул, что Диккенс многие свои романы печатал с продолжением то ли в журналах, то ли отдельными брошюрами (под брошюрой здесь понимается книжка в обложке, но меньшей толщины, чем стандартная книга карманного формата, к которым я всегда питал самые теплые чувства). Некоторые из своих романов, добавил Эдвардс, Диккенс, по существу, писал и переписывал по ходу издания бро-

шюр. Чарлз Диккенс, вероятно, относился к тем писателям, которые не испытывали страха перед заранее оговоренным предельным сроком сдачи рукописи.

Диккенсовские романы с продолжением пользовались огромным успехом. Больше того, один из них послужил причиной трагедии в Балтиморе. Толпа поклонников Диккенса собралась на пристани, ожидая прибытия английского судна с экземплярами последней части романа «Лавка древностей» на борту. Из-за толчеи несколько человек упали в воду и утонули.

Я не думаю, чтобы Малкольм или Ральф хотели, чтобы еще кто-нибудь утонул, но они задались вопросом: а что будет, если в наши дни возобновить публикацию большого романа отдельными брошюрами? Каждый, разумеется, знал, что такое уже имело место (ничто не ново под луной) по крайней мере дважды. Том Вулф опубликовал первый вариант своего романа «Bonfire of the Vanities» в журнале «Rolling stone», а Майкл Макдауэлл (автор романов «The Amulet», «Gilded Needles», «The Elementals», пьесы «Beetlejuice») выпустил в брошюрах роман «Blackwater»: триллер о семействе с Юга, в котором считалось хорошим тоном в некоторых ситуациях превращаться в аллигаторов. Не самое удачное произведение Макдауэлла обернулось, однако, большим коммерческим успехом издательства «Avon».

Мужчины продолжали рассуждать о том, что может произойти, если популярный автор попытается издать свой очередной роман с продолжением, то есть отдельными брошюрами, которые будут продаваться за фунт или два в Британии и, возможно, за три доллара в Америке, где книги в обложке нынче стоят от \$6.99 до \$7.99. Малкольм предположил, что в таком эксперименте мог бы поучаствовать Стивен Кинг, после чего разговор переключился на другие темы.

Ральф почти забыл об этой идее, но вернулся к ней осенью 1995 года, после возвращения с Франк-

фуртской книжной ярмарки, международного торгового шоу, где для продавцов прав на публикацию произведений американских авторов за рубежом каждый день — праздник. Идею о выпуске романа в брошюрах он высказал мне наряду с несколькими другими, которые я сразу же отверг.

А вот публикация с продолжением меня заинтересовала, в то время как я с ходу отмел, к примеру, интервью для японского «Плейбоя» или турне по Прибалтийским странам с оплатой всех расходов принимающей стороной. Я не считаю себя современным Диккенсом. Если такой человек и существует, то речь может идти о Джоне Ирвинге или Салмане Рушди, но я всегда отдавал предпочтение романам, как бы сложенным из эпизодов. Впервые я столкнулся с таким форматом в субботнем приложении к «Ивнинг пост», и мне он понравился, потому что на финише каждого отрывка читатель становился как бы полноправным партнером писателя: ему отводилась целая неделя, чтобы подумать, в какую сторону повернет сюжет. К тому же читают такие произведения более внимательно, так как каждый отрывок достаточно короток. Подобный роман нельзя «проглотить», даже если этого и хочется (а хорошие романы, изданные отдельной книгой, зачастую именно глотают).

Но самое главное заключалось в том, что в моей семье такие отрывки часто читали вслух: в один вечер мой брат Дэвид, в другой — я, в третий — моя мама, а потом вновь наступал черед Дэвида. То был редкий случай насладиться печатным словом, как мы наслаждались телевизионными сериалами («Rawhide», «Bonanza», «Route 66»), которые смотрели вместе. Вечернее чтение стало семейным мероприятием. И только много лет спустя я узнал, что в свое время точно так же наслаждались чтением романов Диккенса, только тогда волнения о судьбах Пипа, Оливера, Дэвида Копперфилда затягивались на годы, а не обрывались

через пару месяцев (даже в «Пост» роман с продолжением редко печатался больше чем в восьми номерах).

Идея мне понравилась и еще по одной причине, оценить которую в полной мере может, пожалуй, лишь автор детективов и ужасиков: именно в романе, печатающемся с продолжением, автор получает недостижимую в иных случаях власть над читателем. Попросту говоря, уважаемый Постоянный Читатель, Вы не сможете заглянуть в конец и загодя узнать развязку.

Я до сих пор помню, как однажды, когда мне было двенадцать лет, я вошел в гостиную и увидел, что мама, сидя в своем любимом кресле-качалке, читает последние страницы детектива Агаты Кристи, хотя по закладке видно, что прочла она от силы страниц пятьдесят. Я ужаснулся и немедленно заявил ей об этом (двенадцатилетние мальчишки зачастую полагают, будто им известно все), ведь заглядывать в конец детектива — все равно что съесть начинку марципана, выбросив все остальное. Мама рассмеялась своим чудесным, добродушным смехом, признала мою правоту, но отметила, что иной раз она просто не может устоять перед искушением. Такое объяснение я мог понять и принять: в двенадцатилетнем возрасте искушений более чем достаточно. И вот теперь наконец-то обнаружился превосходный способ преодолеть это искушение. Пока последняя брошюра не появится на прилавках книжных магазинов, никто не сможет узнать, куда приведет «Зеленая миля»... в том числе, возможно, и я.

Хотя Ральф Вичинанца и не подозревал об этом, он завел разговор о романе с продолжением в очень удачный психологический момент. Я давно обдумывал идею романа, сюжет которого строился бы вокруг электрического стула (я знал, что рано или поздно напишу такой роман). «Старая Замыкалка» зачаровала меня после первого увиденного мною фильма с Джей-

мсом Кэгни, после первых прочитанных мною рассказов об участии смертников (в книге под названием «Двадцать тысяч лет в Синг-Синге», написанной надзирателем Льюисом Е. Лоуэсом). Это творение человеческого разума вдохновляло темную сторону моего воображения. Каково это, гадал я, пройти последние сорок ярдов к электрическому стулу, зная, что на нем тебя ждет смерть? А что ощущает человек, который должен привязать осужденного к электрическому стулу... повернуть рубильник? Что делает с человеком такая работа? Сводит с ума?

За последние двадцать или тридцать лет я не раз пытался в различных произведениях подойти к ответам на эти вопросы. Я написал одну удачную повесть, действие которой разворачивается в тюрьме («Rita Hayworth and Shawshank Redemption»*) и пришел к выводу: тема эта очень благодатная, как раз для меня, и высказать мне удалось далеко не все, что хотелось. Особенно меня привлекала возможность предстать перед читателями именно рассказчиком. Вот когда они могли бы услышать истинный голос Стивена Кинга, негромкий, честный, иной раз даже чуть удивленный рассказываемой историей. Короче, я принялся за работу, еще не зная, куда она меня приведет, бросая ее и вновь начиная. Например, большую половину второй части я написал, застигнутый проливным дождем в Фенуэй-Парке!

Ральф позвонил, когда я уже исписал целый блокнот. Вот тут я и понял, что пишу новый роман, «Зеленую милую», вместо того чтобы очищать стол от черновиков другого романа, уже законченного («Desperation»**) — Вы его скоро увидите, Постоянный Читатель). Как раз в этот момент с «Милей» я находился на перепутье: отложить (и, возможно, боль-

* Американский актер театра и кино, известный исполнением ролей гангстеров. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** В русском переводе «Домашний адрес: тюрьма».

ше не возвращаться) или отбросить все остальное и писать дальше?

Ральф предложил третий вариант: роман, написанный так, как он и будет читаться, — отдельными эпизодами. Мне понравилось и то напряжение, которое должны привнести в работу поставленные условия: сбавь темп, в назначенный срок не положи на стол издателя оговоренное число страниц, и миллион читателей потребуют твоей крови. Никто лучше меня не знает, что это такое, разве что моя секретарша, Джулиан Эгли. Каждую неделю мы получаем десятки раздраженных писем, требующих очередную книгу из цикла о Темной башне (терпение, поклонники Роланда, еще год — и ваше ожидание будет вознаграждено, обещаю). Один читатель прислал полароидную фотографию плюшевого медведя, закованного в цепи, с посланием из печатных букв, вырезанных из газетных заголовков и обложек журналов: «ОПУБЛИКУЙ СЛЕДУЮЩУЮ «ТЕМНУЮ БАШНЮ», ИЛИ МЕДВЕДЬ УМРЕТ». Я оставил фотографию в кабинете как напоминание о моей ответственности перед читателем, а также о том, сколь близко к сердцу принимают люди создания, вызванные к жизни воображением писателя.

Так или иначе, я решил публиковать «Зеленую милю» отдельными брошюрами, тоненькими книжками в обложке на манер XIX века, в надежде, что Вы напишете мне и скажете: а) понравился ли Вам роман; б) устраивает ли Вас столь редко используемая, но небезынтересная система общения с читателем. Она, несомненно, интенсифицировала процесс написания романа, хотя на текущий момент (дождливый октябрьский вечер 1995 года) еще многое предстоит сделать даже в черновом варианте, а итог вызывает определенные сомнения. Все это является дополнительным стимулом, хотя... пока я еще не выехал из густого тумана и не вижу конечной цели.

* Первое американское издание вышло в сентябре 1996 г.

А больше всего мне хочется сказать следующее: если Вы получите от чтения хотя бы половину того удовольствия, которое испытывал я при написании «Зеленой мили», будем считать, что мы оба в выигрыше. Наслаждайтесь. А почему бы Вам не почитать роман вслух подруге или приятелю? Уж во всяком случае Вы скоротаете время, оставшееся до появления на лотке или в Вашем местном книжном магазине следующей брошюры.

А пока берегите себя и будьте добры к своим близким.

Часть первая

ДВЕ МЕРТВЫЕ ДЕВОЧКИ

Глава 1

Случилась эта история в 1932 году, когда тюрьма штата находилась в местечке, известном под названием Холодная Гора, а одной из достопримечательностей тюрьмы являлся электрический стул.

Заклученные постоянно вышучивали стул, как люди зубоскалят над тем, чего боятся, но от чего не могут избавиться. Как его только не называли. И Старая Замыкалка, и Хватунчик. Не остался забытым счет за электричество, выписываемый всякий раз после использования стула по назначению. Высказывались предположения, что именно на нем начальник тюрьмы Мурс в эту осень готовил обед на День благодарения*, поскольку его жена Мелинда болела и не могла встать к плите.

Но у тех, кому действительно предстояло сесть на этот стул, чувство юмора отшибало сразу. Во время службы в этой тюрьме я присутствовал при семидесяти восемью казнях (эту цифру я никогда не перепутаю, буду помнить даже на смертном одре) и думаю, что для большинства этих людей осознание происходя-

* Государственный праздник в память первых колонистов Массачусетса (последний четверг ноября).

щего с ними приходило в тот самый момент, когда их лодыжки привязывали к массивным ножкам Старой Замыкалки. Внезапно они понимали (а это читалось по меняющемуся выражению их глаз), что ноги уже отслужили свое. Кровь еще бежала по венам, мышцы сохраняли силу, но они больше не пригодятся. Ни для того, чтобы прошагать еще одну милю, ни для того, чтобы потанцевать с девушкой. Известие о смерти клиентам Старой Замыкалки поступало от лодыжек. Да, после того как они произносили последнее слово, им на голову надевали черный шелковый мешок-маску, который даже глушил пару-тройку фраз. Вроде бы мешок этот придумали для их блага, но я всегда считал, что пользу он приносит только нам, избавляя от лицемерия ужаса, застывавшего в их глазах, когда им окончательно становилось ясно, что они должны умереть с согнутыми коленями, сидя на Старой Замыкалке.

В тюрьме «Холодная гора» крыло, предназначенное для смертников, отсутствовало. Его заменял блок Е, отстоящий от четырех остальных и по размерам вчетверо меньший, кирпичный, а не деревянный, с некрашеной металлической крышей, сверкающей на солнце, словно глаз дьявола. Состоял блок из шести камер, по три с каждой стороны широкого центрального прохода, каждая в два раза больше камер в обычных блоках. Само собой разумеется, одиночек. Неслыханная роскошь по тюремным меркам (особенно в тридцатые годы), но заключенные блока Е с радостью махнулись бы на любую камеру в другом блоке. Поверьте мне, махнулись бы.

За те годы, что я проработал старшим надзирателем блока, не было случая, чтобы на шесть камер приходилось шесть заключенных: возблагодарим Господа за те маленькие радости, что видят от Него тюремщики. Обычно число смертников не превышало четырех, белых и черных (в «Холодной горе» для ходячих тру-

пов сегрегации не существовало), но и этого нам хватало с лихвой. Однажды в блоке Е появилась женщина, Беверли Макколл. Черная, как туз пик, и прекрасная, как грех, совершить который у тебя никогда не хватит духу. Шесть лет она сносила побои мужа, а вот измены не пожелала терпеть и дня. И в тот же вечер (о проделках мужа Беверли узнала несколькими часами раньше) она подстерегла несчастного Лестера Макколла, которого друзья (и, видимо, любовница) звали Брэдбрей, на верхней площадке лестницы, ведущей в их квартиру из его парикмахерской. Подождав, пока он начнет снимать пиджак, она выпустила его кишки в его же тапочки, воспользовавшись одной из бритв Брэдбрея. За две ночи до встречи со Старой Замыкалкой Беверли Макколл вызвала меня в свою камеру и заявила, что во сне к ней явился дух ее африканского предка, который приказал ей отречься от рабской фамилии и принять смерть под фамилией свободной — Матуоми. Вот она и потребовала, чтобы при зачитании смертного приговора ее называли не иначе как Беверли Матуоми. Как я догадался, африканский предок не успел дать ей другого имени или она не сумела его придумать. Я ответил: пожалуйста, нет вопросов. Годы службы научили меня никогда не отказывать смертникам, если только они не просили совсем уж невозможного. А в случае с Беверли Матуоми, как выяснилось на следующий день, мой ответ вообще не имел ни малейшего значения, потому что в три часа пополудни позвонил губернатор штата, чтобы сказать, что Беверли смертная казнь заменена на пожизненное заключение в женской тюрьме в Травяной Долине. И я, скажу вам, только порадовался, когда круглая попка Бев, миновав мой стол, продефилировала налево, а не направо.

Тридцать пять лет спустя, а может и того больше (но не меньше тридцати пяти, это уж точно), я наткнулся на ее фамилию в разделе некрологов, под фотогра-

фией худой чернокожей старушки с седыми волосами и в очках в роговой оправе. Последние десять лет Беверли прожила на свободе, говорилось в некрологе, практически в одиночку поддерживая на плаву библиотеку маленького городка Рейнс-Фоллз. Она также преподавала в воскресной школе и пользовалась в этом захолустье всеобщим уважением. Предварялся некролог заголовком «БИБЛИОТЕКАРЬ УМИРАЕТ ОТ СЕРДЕЧНОГО ПРИСТУПА». А ниже самым мелким шрифтом указывалось: «Отсидела двадцать лет в тюрьме за убийство». Глаза Беверли за стеклами очков остались прежними. Большие сверкающие глаза женщины, которая и в семьдесят лет не колеблясь полоснет опасной бритвой, если того потребуют обстоятельства. Убийцы узнаются сразу, даже если они заканчивают свой век библиотекарями в Богом забытых городках. По крайней мере узнаются теми, кто провел рядом с убийцами столько же лет, сколько я. И лишь один раз я задался вопросом: а в чем суть всей моей работы? Потому-то, наверное, я все это и пишу.

Широкий коридор между камерами блока Е покрывал линолеум цвета перезрелого лайма, отчего в «Холодной горе» его называли не Последней милей, как в других тюрьмах, а Зеленой. Тянулся он с юга на север, если мне не изменяет память, аж на шестьдесят больших шагов. Один конец коридора упирался в изолятор, другой оканчивался Т-образным перекрестком. Поворот налево означал жизнь, если считать таковой прогулки по залитому солнцем тюремному двору. Многие и считали, проводя в тюрьме год за годом и не испытывая никаких видимых неудобств. Воры, поджигатели, насильники разговаривали, прохаживались, обдeldывали свои мелкие делишки.

С правым поворотом дело обстояло иначе. Сначала вы попадали в мой кабинет (на зеленый ковер, который я все хотел поменять, да так и не дошли руки) и проходили мимо моего стола, осененного двумя фла-

гами: американским — слева и штата — справа, держа путь на дальнюю стену с двумя дверями. Одна вела в маленький туалет, которым пользовались я и надзиратели блока Е (иногда и начальник тюрьмы Мурс). Вторая приводила в помещение, похожее на чулан или кладовую. Там и обрывалась жизнь тех, кто проходил Зеленую милю. Миновав ее (дверь низкая, мне приходилось наклоняться, а Джон Коффи и вовсе согнулся в три погибели), человек попадал на небольшую площадку и по трем бетонным ступеням спускался на деревянный пол. Отопление отсутствовало, а от неба комнатуху отделяла все та же металлическая крыша. Поэтому зимой изо рта шел пар, а летом здесь царила жуткая жара, от которой при казни Элмера Манфреда, то ли в июле, то ли в августе тридцатого года, девять свидетелей лишились чувств.

На левой стороне кладовой (опять левой!) властвовала жизнь. Инструменты в специальных шкафах, запертых на амбарные замки (словно хранились в них винтовки, а не лопаты и мотыги), мука, крупы, другие непортящиеся продукты, мешки с семенами для весенних посадок на тюремном огороде, коробки с туалетной бумагой, стопки бланков для тюремной канцелярии... даже белый порошок для разметки футбольного и бейсбольного полей. Имелась в тюрьме площадка, именуемая Лугом, на которой заключенные осенью играли в эти игры.

Справа же царствовала смерть. Там, вознесенная на деревянный постамент в юго-восточном углу кладовой, стояла Старая Замыкалка. С мощными дубовыми ножками, широкими дубовыми подлокотниками, впитавшими пот ужаса десятков людей, сочащийся из всех пор в последние минуты их жизни. Металлический колпак свешивался со спинки, словно шлем в книжке комиксов о рыцарях короля Артура. От колпака отходил шнур, исчезая в кольцевом изоляторе-уплотнении, встроенном в стену из шлакоблоков. У

одной из ножек Старой Замыкалки стояло ведро из оцинкованной жести. В нем лежал кусок губчатого материала, вырезанный по контуру металлического колпака. Перед казнью губка пропитывалась соляным раствором для обеспечения надлежащего контакта между металлом и черепной коробкой, чтобы постоянный электрический ток, поступающий по проводу, беспрепятственно проникал через губку в мозг приговоренного к смерти.

Глава 2

1932-й стал годом Джона Коффи. Подробности вы найдете в газетах, если у кого еще возникнет такое желание... Для этого требуется чуть больше сил, чем осталось у немощного старика, доживающего свой век в доме престарелых в штате Джорджия. Той осенью, помнится, стояла ужасная жара. Октябрь практически ничем не отличался от августа, и жена начальника тюрьмы, Мелинда, попала в больницу с приступом какого-то хронического заболевания. В ту осень и я подхватил тяжелую урологическую инфекцию. В больницу не лег, жутко мучился всякий раз, когда приходилось сходить по малой нужде. То была осень Делакруа, низкорослого лысого француза с мышью, который прибыл в блок Е летом и придумал тот хитрый трюк с катушкой. Но главным образом запомнилась та осень появлением Джона Коффи, приговоренного к смерти за изнасилование и убийство девочек-близнецов Деттериков.

Каждую смену в блоке Е дежурили четыре или пять надзирателей, хотя далеко не все служили у нас постоянно. Дин Стэнтон, Гарри Тервиллигер и Брут Хоуэлл (парни дали ему прозвище Зверюга, разумеется, в шутку, так как без необходимости он и мухи бы

не обидел, несмотря на внушительные габариты) уже умерли, как и Перси Уэтмор, вот уж кто действительно был зверем... да еще и глупцом. Перси совершенно не подходил для работы в блоке Е, где люди с таким поганим характером не просто бесполезны, но даже опасны, однако он состоял в родстве с женой губернатора, поэтому вопрос о его увольнении даже не поднимался.

Именно Перси Уэтмор привел Коффи в блок смертников, предваряя его появление ставшими у него традиционными криками: «Идет мертвец! Сюда идет мертвец!»

Жара по-прежнему не спадала, хотя на дворе стоял октябрь. Дверь в тюремный дворик распахнулась, в коридор хлынул поток яркого света, а следом вошел гигант, каких я не видел никогда, разве что нынче, во время трансляций баскетбольных матчей по телевизору, что стоит в комнате отдыха в этом доме для старых доходяг, среди которых мне суждено умереть. Гигант был закован в цепи, в наручниках и в ножных кандалах. При каждом шаге по покрытому линолеумом полу железо звенело, словно рассыпанная пригоршня монет. Справа от него шел Уэтмор, слева — тощий маленький Гарри Тервиллигер. Выглядели они словно дети, шагающие рядом с дрессированным медведем. Даже Брут Хоуэлл в сравнении с Коффи смотрелся мальчиком-подростком, а Брут вытянулся за шесть футов, выделялся шириной плеч и неплохо играл в защитной линии футбольной команды школы. Его даже пригласили выступать за университет, но там он не прижился и вернулся в родные пенаты.

Черный, как и большинство временных постояльцев блока Е, которые оставались на нашем попечении, прежде чем умереть в объятиях Старой Замыкалки, ростом шесть футов и восемь дюймов, в остальном Джон Коффи ничем не напоминал гибких баскетболистов с телеэкрана. Его отличали широченные грудь

и плечи, бугрящиеся могучими мускулами. Его одели в тюремную униформу самого большого размера, какой только имелся на складе, однако брюки заканчивались на середине голени, над кандалами. Куртка не застегивалась на груди, а рукава едва скрывали локти. Шапку Коффи держал в здоровенной лапище. Оно, наверное, и к лучшему. На его огромной лысой голове она смотрелась бы как на обезьянке шарманщика, разнясь только цветом: синяя, а не красная. Казалось, что для Коффи разорвать цепи — все равно что ребенку развязать ленты рождественского подарка, но, взглянув ему в лицо, я сразу понял, что таких мыслей у Джона нет. И читалась на этом лице не тупость, как полагал Перси, который вскорости прозвал Коффи Дурнем, а потерянность. Гигант оглядывался и оглядывался, словно не понимая, где он. Может, он даже не понимал, кто он. Увидев его, я сразу подумал, что передо мной черный Самсон... аккуратно после того, как Далила своими маленькими ручками обрила его наголо и лишила куража.

— Мертвец идет! — гремел Перси и тянул за наручник этого медведя в человеческом облике, словно искренне верил, будто может заставить Коффи сдвинуться с места, если тот вдруг решит, что дальше ему идти не хочется. Гарри ничего не сказал, но чувствовалось, что ему эти вопли не по душе. — Мертвец...

— Достаточно, — оборвал я Уэтмора.

Я сидел на койке в камере, приготовленной для Коффи. Мы, разумеется, знали о его прибытии и готовились к встрече, но я и представить не мог, какой он гигант, пока не увидел Коффи собственными глазами. Перси бросил на меня красноречивый взгляд: мол, все знают, что ты козел (кроме, разумеется, этого дуболома, который знал только одно: как насиловать и убивать маленьких девочек), но промолчал.

Вся троица остановилась у открытой двери в камеру.

— Вы уверены, что хотите остаться с ним, босс? — нервно спросил Гарри Тервиллигер.

Я кивнул. Нечасто мне доводилось видеть нервничающего Гарри Тервиллигера. А он стоял рядом со мной во время мятежа шесть или семь лет тому назад и не дрогнул, когда пошли разговоры о том, что у заключенных есть оружие. Сейчас же он заметно нервничал.

— Надеюсь, мы поладим с тобой, здоровяк? — Я опустился на койку, стараясь, чтобы ни голос, ни внешний облик не выдали меня, не показали, насколько замучила меня урологическая инфекция, о которой я уже упоминал. Потом, правда, мне пришлось еще хуже, но и этот день не слишком меня радовал.

Коффи медленно покачал головой. Она двинулась направо, потом сместилась налево, затем застыла посередине. Как только его взгляд остановился на мне, он уже не отрывал от меня глаз.

Гарри держал в одной руке папку с сопроводительными документами Коффи.

— Передай папку ему, — попросил я. — Сунь в руку.

Гарри исполнил приказ. Коффи взял папку, словно лунатик.

— А теперь, здоровяк, давай ее сюда, — обратился я к нему, и Коффи, гремя цепями, принес папку мне. Ему пришлось наклонить голову, чтобы войти в камеру.

Я смерил его взглядом, еще раз убеждаясь, что он действительно так высок. Все точно, никак не меньше шести футов и восьми дюймов. Но вот вес его, двести восемьдесят фунтов, уж точно указали на глазок. Он весил триста сорок, а может, и все триста пятьдесят. В графе «Шрамы и особые приметы» значилось одно слово, напечатанное Магнуссоном, ветераном регистрационного бюро, — «много».

Я оторвался от бумаг. Коффи чуть сдвинулся в сторону, и теперь я видел Гарри, стоявшего в коридоре перед камерой Делакура, который до прибытия Коффи был нашим единственным постояльцем. С лица

невысокого лысоватого Дела никогда не сходило выражение тревоги. Чем-то он напоминал бухгалтера, знающего, что его манипуляции с цифрами вот-вот всплывут наружу. На плече у Делакруа сидел ручной мышонок.

Перси Уэтмор привалился к двери камеры, в которой только что поселили Джона Коффи. Дубинку он уже достал из чехла и постукивал ею по ладони левой руки с таким видом, словно хотел пустить ее в дело. Вот тут я понял, что больше не могу его выносить. Может, причиной стала невероятная жара, может, досаждающая мне урологическая инфекция, может, злость на судью, приславшего на казнь черного идиота, по спине которого Перси явно хотел пройти дубинкой. Возможно, сработали все факторы сразу. В результате я решил проигнорировать политические связи Уэтмора.

— Перси, лазарет переезжает.

— Этим занимается Билл Додж.

— Я знаю. Пойди и помоги ему.

— Это не моя работа. Моя работа — вот этот дылдон.

Словом «дылдон», обозначавшим нечто среднее между дылдой и болваном, Перси называл крупногабаритных заключенных. Их Перси не любил. Сам он был маленького росточка и не такой худой, как Гарри Тервиллигер. Из тех петушков, которых хлебом не корми, а дай затеять ссору, особенно если преимущество в силе на их стороне. И еще он очень трепетно относился к своей шевелюре. Каждую минуту то расчесывал, то приглаживал волосы.

— Здесь твоя работа закончена, — отрезал я. — Ступай в лазарет.

Перси выпятил нижнюю губу. Билл Додж и его люди переносили ящики с лекарствами, простыни, матрацы, кровати. Лазарет переезжал в новое здание, построенное в западной части тюрьмы. Работа тяжелая

и потная, особенно в такую жару. Перси Уэтмору не хотелось принимать в ней участие.

— Народу у Билла достаточно.

— Все равно иди туда. Будешь его заместителем. — Я возвысил голос и, поймав укоризненный взгляд Гарри, предпочел сделать вид, будто ничего не заметил. Если б губернатор заставил начальника тюрьмы Мурса уволить меня за то, что я не слишком любезно обошелся с его родственничком, кого бы Хол Мурс поставил на мое место? Перси? Это вряд ли. — Мне без разницы, чем ты займешься, Перси, лишь бы ты убрался отсюда.

На мгновение я подумал, что он заартачится и устроит скандал. Коффи же все это время стоял столбом, словно самые большие в мире остановившиеся часы. Но Перси кинул дубинку в чехол и ретировался в коридор. Я не помню, кто из надзирателей сидел за столом дежурного, наверное, один из временно прикрепленных к блоку Е, но Перси не понравилась его физиономия, потому что, проходя мимо, он прошипел:

— Сотри дебильную ухмылку со своей сраной рожи, а не то этим займусь я.

Загремели ключи, волна горячего воздуха захлестнула коридор, и Перси Уэтмор на какое-то время избавил нас от своего присутствия. Мышонок Делакруа перебежал с одного его плеча на другое, воинственно топорща усики.

— Успокойся, Мистер Джинглес, — обратился к нему Делакруа, и зверек замер на его левом плече, словно понял. — Сядь и замри. — Делакруа говорил с акцентом, так что «замри» прозвучало как «шамри».

— Тебе бы прилечь, Дел, — бросил я. — Поспи. Наши дела не имеют к тебе никакого отношения.

Делакруа подчинился. Он изнасиловал молодую девушку, убил ее, потом принес тело к пансиону, в котором она жила, облил минеральным маслом и поджег, надеясь скрыть следы своего преступления.

Распространившись на здание, огонь сжег его дотла. При пожаре погибли еще шесть человек, из них двое детей. Других преступлений за Делакруа не числилось, и теперь он вновь стал мягким, сереньким человечком с озабоченным лицом, плешью и отросшими на затылке, длинными волосами. Ему предстояло посидеть на Старой Замыкалке, дабы она отправила его в мир иной... Однако нечто, сотворившее весь этот ужас, уже ушло, и теперь Делакруа лежал на тюремной койке, а его маленький дружок бегал у него по рукам. Пожалуй, в этом и заключалась самая большая трагедия: Старая Замыкалка никогда не сжигала то, что сидело у них внутри, как и нынче инъекции не отправляют это нечто в глубокий сон. Оно уходит, чтобы вселиться в кого-то еще, позволяя нам убить оболочку, которая по большому счету и так не живая.

Я вновь сосредоточился на гиганте.

— Если я разрешу Гарри снять с тебя цепи, ты будешь паинькой?

Он кивнул в той же манере, как и качал головой: вниз, вверх, вновь к середине. Станные его глаза все смотрели на меня. В них застыла умиротворенность, которой я, однако, боялся довериться. Рукой я дал сигнал Гарри, подошел, чтобы разомкнуть цепи. Теперь он не выказывал никаких признаков нервозности, даже когда опустился на колени между огромными ногами Коффи, чтобы снять ножные кандалы, и мне как-то полегчало. Гарри нервировало присутствие Перси, а интуиции Гарри я доверял. Собственно, я доверял интуиции всех постоянных сотрудников блока Е, за исключением Перси.

Перед всеми новоприбывшими я произношу короткую установочную речь, но в случае с Коффи я колебался. Мне казалось, что по умственному развитию он ближе к дебилу, чем к нормальному человеку.

Пока с Коффи снимали цепи, кандалы, наручники, он стоял не шевелясь, спокойный, как першерон*. Когда Гарри вышел из камеры, я вновь оглядел своего нового подопечного и постучал пальцем по папке.

— Ты можешь говорить, здоровяк?

— Да, сэр босс, я могу говорить. — Голос густой, грохочущий, вызывающий ассоциации с ревущим тракторным двигателем. Говорил Коффи без южного акцента, но фразы строил как южанин. С одной стороны, он жил на Юге, с другой — не стал его частью. Вроде бы я не мог назвать его безграмотным, но и образования он явно не получил. В речи его, как и во многом другом, присутствовала какая-то тайна. А более всего меня тревожили его глаза, полные отстраненной умиротворенности, словно мыслями он был далеко, очень-очень далеко.

— Тебя зовут Джон Коффи.

— Да, сэр босс, совсем как напиток, только буквы другие.

— Так ты можешь произносить слова по буквам? Читать и писать?

— Только свою фамилию, босс, — искренне ответил он.

Я вздохнул, а потом произнес установочную речь в сокращенном варианте. Я уже понял, что лишних хлопот Коффи нам не доставит. Но в своем предположении оказался прав и не прав одновременно.

— Меня зовут Пол Эджкомб. Я старший надзиратель блока Е, здешний начальник. Если тебе что-то надо, обращай ко мне по имени. Если меня нет, зови этого человека. Его зовут Гарри Тервиллигер. Можешь звать также мистера Стэнтон или мистера Хоуэлла. Ты это понимаешь?

Коффи кивнул.

— Само собой, ты можешь получать только то, что мы сочтем нужным для тебя. У нас не отель. Тебе это понятно?

* порода лошадей-тяжеловозов.

Вновь он кивнул.

— Местечко здесь тихое, здоровяк. Не то что остальная тюрьма. Ты да Делакруа — вот и все наши постояльцы. Работать тебе не придется, сиди себе на койке. У тебя будет время все обдумать (слишком много времени для большинства из них, но этого я им никогда не говорил). Иногда мы включаем радио, если вы ведете себя примерно. Ты любишь радио?

Он кивнул, но с некоторым сомнением, словно не очень-то знал, что такое радио. Позднее я выяснил, что в принципе так оно и было: Коффи узнавал то, с чем сталкивался раньше, но в промежутках забывал, что это такое. Он мог назвать персонажей передачи «Наше веселое воскресенье», но даже о предыдущем выпуске у него сохранялись самые смутные воспоминания.

— Будешь вести себя как полагается, тебя будут все время кормить и ты никогда не увидишь одиночную камеру в конце коридора. Не наденут на тебя и брезентовую смирительную рубашку с пуговицами на спине. Два часа в день, с четырех до шести, ты будешь гулять во дворе. Исключение составляют субботы, в этот день заключенные других блоков играют в футбол. Свидания тебе разрешены по воскресеньям, если кто-то захочет тебя повидать. Есть такие?

Коффи покачал головой.

— Нет, босс.

— А твой адвокат?

— Кажется, я его больше не увижу. Адвоката назначил мне суд. Не верю, что он сумеет найти сюда дорогу.

Я пристально всмотрелся в его лицо, стараясь понять, шутит он или нет. Вроде бы не шутил. Другого я, собственно, и не ожидал. Кассационные жалобы не для таких, как Коффи. Они предстают перед судом, а потом мир забывает о них до того момента, как в газете появляется короткое сообщение о казни некоего

гражданина на электрическом стуле. Легче, конечно, держать в узде человека, который с нетерпением ожидает воскресенья, когда к нему могут прийти жена, дети, друзья. Если есть необходимость держать его в узде. В случае с Коффи таковая отсутствовала, и это не могло не радовать. Очень уж здоровенный достался нам осужденный.

Я попытался усесться поудобнее, понял, что кое-каким частям моего тела станет лучше, если я встану. И встал. Коффи подался назад, освобождая мне место.

— Относиться к тебе тут могут как хорошо, так и плохо. Все зависит только от тебя, здоровяк. Должен сказать, что и ты можешь сильно облегчить нам жизнь, тем более что конец все равно один и тот же. Что ты заслужил, то и получишь. Есть вопросы?

— Вы не гасите свет после отбоя? — без запинки спросил Коффи, словно только этого и ждал.

Я вытаращился на него. От новичков блока Е мне доводилось слышать самые странные вопросы (однажды меня спросили размер груди моей жены), но такого мне еще не задавали ни разу.

Коффи застенчиво улыбнулся, словно хотел сказать: понимаю, что вы принимаете меня за придурка, но не могу не спросить.

— Дело в том, что я иногда боюсь темноты. Особенно если оказываюсь в незнакомом месте.

Я посмотрел на него (бояться при его-то габаритах), чувствуя, что слова Коффи не оставляют меня равнодушным, и мысленно облегченно вздохнул: если видишь в осужденных что-то человеческое, значит, они не предстанут перед тобой в своей темной ипостаси, не дадут вырваться демонам, что прячутся у них в душе.

— По ночам тут довольно светло, — ответил я. — Половина ламп на Миле горит с девяти вечера до пяти утра. — Тут я понял, что он понятия не имеет, о чем я

вещаю. Ему все одно, что Зеленая миля, что Миссисипи. — В коридоре, — уточнил я.

Коффи удовлетворенно кивнул. Возможно, он не знал и что такое коридор, но мог видеть двухсотваттные лампы, забранные решетчатыми колпаками.

А потом я сделал то, чего раньше никогда не бывало: протянул Коффи руку. Даже сейчас не могу объяснить, почему я так поступил. Может, из-за его вопроса о лампах. Тервиллигера, к вашему сведению, аж перекосило. А Коффи аккуратно пожал мою руку, она просто исчезла в его лапище, и на том наша первая беседа окончилась. В мою ловушку угодил еще один мотылек.

Я вышел из камеры. Гарри задвинул дверь и запер ее на оба замка. Коффи постоял мгновение-другое, словно не зная, что делать дальше, и сел на койку, зажав руки между колен и наклонив голову, как человек, который о чем-то скорбит или молится. А потом своим громовым голосом произнес две фразы. Услышал я их совершенно отчетливо и, хотя тогда я еще знал не слишком много о его проступке (в этом в принципе нет необходимости, если тебе надлежит только кормить человека да приглядывать за ним до того момента, когда ему придется расплачиваться за содеянное), по моей спине пробежал холодок.

— Я ничего не смог с этим поделать, босс. Пытался загнать это обратно, но было уже слишком поздно.

Глава 3

-С Перси ты наживешь себе неприятности, — заметил Гарри, когда мы шли по коридору к моему кабинету. Дин Стэнтон, мой второй заместитель (до появления Перси в такой градации необходимости не было), сидел за столом, приводя документацию в

соответствие с текущим моментом, до чего у меня никогда не доходили руки. Он коротко взглянул на нас, поправил очки и вернулся к прерванному занятию.

— С тех пор как появился этот козел, у меня сплошные неприятности. — Я чуть приспустил брюки в надежде что жжение в паху поутихнет. — Ты слышал, что он кричал, когда привел этого гиганта?

— Лучше б мне не слышать, — ответил Гарри. — Но пришлось. Не затыкать же уши.

— Я сидел в сортире и то слышал, — внес свою лепту Дин. Взяв лист бумаги, он увидел кофейное пятно и бросил испорченный лист в корзинку для мусора. — «Мертвец идет». Должно быть, вычитал эту фразу в одном из своих журнальчиков.

Дин наверняка попал в десятку. Перси Уэтмор обожал «Фрегат», «Кавалер», «Мужское приключение». Тюремная библиотека выписывала все эти журналы, и Перси прочитывал каждый номер от корки до корки, словно прилежный студент рекомендованный профессором учебник. Скорее всего он не знал, как себя вести в новой обстановке, и надеялся найти ответы в этих журналах. Уэтмор появился у нас вскоре после того, как, сидя на Старой Замыкалке, расстался с жизнью Энтони Рэй, убийца, орудовавший топором. Перси еще не принимал участия в казнях, хотя и наблюдал за одной из щитовой.

— У него есть связи, — заметил Гарри. — Уэтмор может кое-кому шепнуть на ухо пару слов, и тебе придется отвечать за то, что ты выгнал его из блока. За это могут строго спросить. С другой стороны, не жди, что ему можно доверить серьезную работу.

— Я и не жду. — Я действительно не ждал... но надеялся. Билл Додж не из тех, кто будет просто смотреть на сачкующего напарника. — Меня больше интересует этот здоровяк. Возникнут у нас с ним проблемы?

Гарри решительно покачал головой.

— На суде в округе Трейпинг он больше всего напоминал барашка. — Дин снял очки и потер стекла о жилетку. Разумеется, его всего обвешали цепями, но при желании он мог бы разорвать их, как нитки. В этом я не сомневаюсь.

— Знаю, — кивнул я, хотя услышал об этом впервые. Просто не мог допустить, чтобы Дин Стэнтон хоть в чем-то оказался более осведомлен, чем я.

— Этот Коффи — довольно крупный парень, — продолжал Дин.

— Да уж, — согласился я. — Гора, а не человек.

— Не развалится Старая Замыкалка под его задницей?

— За Старую Замыкалку не беспокойся, — рассеянно ответил я. — Она выдержит и не такого.

Дин потер переносицу там, где краснели два пятна от очков, и кивнул.

— Пожалуй, в этом ты прав.

— Ты знаешь, где он обретался до того, как появился в... Тефлоне? Городок называется Тефлон, так ведь?

— Да, — кивнул Дин. — Тефлон, округ Трейпинг. Никто вроде бы не знает, откуда этот парень туда пришел и что делал раньше. Я думаю, бродяжничал. Если тебя это интересует, поройся в газетах тюремной библиотеки. Библиотека вроде бы переезжает только на следующей неделе. — Он улыбнулся. — Заодно и послушаешь, как пыхтит и стонет наверху твой маленький приятель.

— Пожалуй, загляну туда, — ответил я и заглянул во второй половине дня.

Тюремная библиотека располагалась в здании, которому предстояло стать тюремным авторемонтным цехом, по крайней мере так планировалось. Я сразу понял, что цель этой перепланировки одна — кому-то хотелось положить в карман кругленькую сумму. Но Великая депрессия продолжалась, поэтому я предпочитал держать эти мысли при себе. По этой же при-

чине мне не следовало цепляться к Перси, но иной раз очень трудно удержать рот на замке. Рот может причинить человеку гораздо больше неприятностей, чем его краник. С авторемонтным цехом, кстати, ничего не вышло. Более того, следующей весной вся тюрьма перебралась на шестьдесят миль ближе к Брайтону. Полагаю, опять кто-то кому-то дал на лапу. И отхватил солидный куш. Впрочем, не мое это дело.

Администрация тюрьмы уже переехала в новый корпус в восточном секторе. Лазарет как раз переезжал (интересно, кому могла прийти в голову мысль разместить его на втором этаже). Часть книжного фонда библиотеки тоже вывезли. Остальное ждало своей очереди. Старое здание с облупившейся штукатуркой с двух сторон зажимали блоки А и В. Причем окна их туалетов выходили сюда, так что административный корпус постоянно окутывал запах мочи. Наверное, это обстоятельство и могло служить единственной веской причиной переезда. Библиотека занимала L-образную комнату размерами ненамного больше моего кабинета. Я поискал глазами вентилятор, но его уже увезли. Температура в библиотеке зашкалила за сто четыре градуса*. У меня снова жгло в паху. Ощущение такое, как если бы болел зуб. Я понимаю, сравнение абсурдное, учитывая орган тела, о котором идет речь, но другого подобрать не могу. И мне становилось гораздо хуже, когда я справлял малую нужду и сразу после этого. А я посетил туалет, перед тем как идти в библиотеку.

В библиотеке я парился не в одиночку: компанию мне составлял старик Гиббонс, с надвинутой на глаза шляпой дремлющий в углу над вестерном. Жара ему не досаждала, так же как и звуки передвигаемой мебели, охи и редкие ругательства, доносящиеся сверху из лазарета (температура там была градусов на де-

* по шкале Фаренгейта, или 40 градусов по шкале Цельсия.

сять повыше, и я надеялся, что Перси Уэтмор просто счастлив). Я тоже не стал беспокоить Гиббонса и пошел к полкам с газетами. К счастью, их не вывезли вместе с вентиляторами. Экземпляры с историей близнецов Деттериков я нашел без труда: она занимала первые полосы газет с момента совершения преступления в июне до суда в конце августа и начале сентября.

Скоро я позабыл про жару, шум наверху и всхрипывания старика Гиббонса. Все мое внимание сосредоточилось на девятилетних девчушках со светлыми волосами и обаятельными улыбками и громадном черном, как эбеновое дерево, Коффи. Учитывая его габариты, не составляло труда представить себе, как он цокирует их, словно великан из сказки. Но он сотворил с ними нечто худшее, и ему просто повезло, что его не линчевали прямо на берегу реки. Если, конечно, считать везением прогулку по Зеленой миле и последующие объятия Старой Замыкалки.

Глава 4

На Юге король Хлопок слетел с престола за семьдесят лет до описываемых событий, и вновь королем он уже не стал, хотя в тридцатые годы производство хлопка чуть оживилось. Прежние хлопковые плантации канули в Лету, но в южной части нашего штата процветали сорок или пятьдесят ферм, на которых выращивался хлопок. Одна из них принадлежала Клаусу Деттерику. По стандартам пятидесятых годов на социальной лестнице он бы встал разве что на ступень выше голодранцев, но в тридцатые по праву считался зажиточным гражданином, поскольку в конце каждого месяца оплачивал наличными счет в магазине и мог смело смотреть в

глаза президенту банка, встречаясь с ним на улице. Помимо хлопка, его благополучие зиждилось на курах и коровах. Дружная семья Деттериков состояла из Клауса, его жены и троих детей: сына Говарда, лет двенадцати, и девочек-близняшек, Кору и Кэти.

В ту теплую июньскую ночь девочки попросили разрешения лечь спать на крытой веранде с окнами, забранными сеткой для защиты от насекомых, которая занимала всю боковую стену дома. Им разрешили, чему девочки очень обрадовались. В девять вечера мать, поцеловав девочек, пожелала им доброй ночи. В следующий раз она увидела их только в гробиках, после того как в похоронном бюро сделали все возможное, чтобы привести близняшек в божеский вид.

В те дни на фермах ложились спать рано (как говорила моя мать, едва темнело под столом) и спали крепко. Для Клауса, Маджори и Говарда Деттериков не стала исключением и та ночь, когда похитили девочек. Клаус, несомненно, проснулся бы, если б гавкнул Боузер, их колли, но Боузер не лаял. Ни в ту ночь, ни потом.

Клаус поднялся на рассвете, чтобы подоить коров. Относительно веранды коровник находился по другую сторону дома, так что у Клауса не возникло и мысли посмотреть, на месте ли девочки. Не беспокоило его и отсутствие Боузера. Пес презирал коров и кур и обычно не вылезал из конуры за коровником, пока не заканчивалась дойка. Если, конечно, его не звали... причем приказным тоном.

Маджори спустилась вниз через пятнадцать минут после того, как ее муж натянул сапоги и потопал в коровник. Она поставила на плиту воду для кофе, потом начала жарить бекон. Привлеченный запахами готовки, на кухне появился и Гови, но не близняшки. Маджори послала его за ними на веранду, уже разбивая яйца над сковородой. После завтрака девочкам предстояло собрать в курятнике свежие яйца.

Только в то утро в доме Деттериков так и не позавтракали. Гови вернулся с веранды белый как полотно, с круглыми от ужаса глазами.

— Их нет, — выдохнул он.

Маджори пошла на веранду скорее раздраженная, чем обеспокоенная. По ее словам, сначала она подумала, что девочки на заре отправились собирать полевые цветы. В их возрасте такое возможно. Но Маджори хватило одного взгляда, чтобы понять, почему так побелел Гови.

Она закричала... нет, пронзительно завопила, зовя Клауса, и тот сломя голову примчался из коровника в белых сапогах, опрокинув на них ведро с молоком. От увиденного у него ослабли колени. Да и едва ли кто из родителей в такой ситуации смог бы устоять на ногах. Одежда, под которыми девочки прятались от ночной прохлады, были отброшены в угол. Забранная сеткой дверь сорвана с верхней петли. На досках пола и на ступенях капли крови.

Маджори умоляла мужа не искать девочек в одиночку или хотя бы не брать с собой сына, если уж он пойдет на розыски, но она лишь впустую сотрясала воздух. Дробовик хранился в комнате, где Деттерики держали рабочую одежду, в отдельном ящике под самым потолком, где до него не могли добраться дети. Гови Клаус вручил револьвер двадцать второго калибра, который родители хотели подарить мальчику на день рождения в июле. Отец с сыном вышли из дома, не обращая внимания на истеричные крики Маджори, желающей знать, что они будут делать, если наткнутся на банду бродяг или ниггеров, которые сбежали с фермы у Ладуса, куда их определили на исправительные работы. Я, кстати, думаю, что мужчины поступили правильно. Кровь еще не запеклась, цвет ее из алого еще не превратился в бурый, значит, с момента похищения не могло пройти много времени. Клаус,

должно быть, понял, что у него еще есть шанс спасти девочек, и он решил им воспользоваться.

Но ни Клаус, ни тем более Гови не умели идти по следу: фермеры не охотники, привыкшие выслеживать по лесам лося или оленя. Отец с сыном обошли коровник и сразу поняли, почему Боузер не лаял. Он лежал, наполовину высунувшись из конуры, сработанной из обрезков досок, оставшихся после постройки коровника (фасад конуры украшала аккуратная надпись «БОУЗЕР» — я видел фотоснимок в одной из газет), со свернутой на сто восемьдесят градусов головой. Только человек невероятной силы мог сотворить такое с довольно-таки крупной собакой. Эти слова произнес прокурор перед присяжными на процессе Коффи... и многозначительно посмотрел на гиганта-подсудимого, который, низко опустив голову, сидел за столиком защиты в новеньких, купленных штатом широких штанах и куртке. Рядом с собакой Клаус и Гови нашли кусок сосиски. По версии обвинения, которая мне представляется более чем логичной, Коффи сначала прикормил собаку, а потом, когда Боузер начал есть последний кусок, протянул руки и одним движением свернул псу шею.

За коровником начинался северный луг Деттериков, но в тот день коровы на нем не паслись. Траву покрывала утренняя роса, и на ней четко выделялась идущая по диагонали на северо-запад цепочка следов.

Даже находясь на грани истерики, Клаус Деттерик заколебался. Не потому, что испугался мужчину или мужчин, похитивших его дочерей, а из страха, что похититель пришел по этой тропе, уйдя совсем в другую сторону. Клаус боялся, что он потеряет драгоценные секунды, не приближаясь, а удаляясь от похитителя.

Эту дилемму разрешил Гови, заметив на кусте клочок желтой материи. Клаусу показали этот клочок, когда он сидел в кресле для свидетелей, и он заплакал,

потому что его дочь Кэти спала в пижамке из той самой материи. Через двадцать ярдов на можжевельнике они нашли зеленый клочок. От ночной рубашки, в которой Кора подходила вечером к маме и папе, чтобы пожелать им спокойной ночи.

Деттерики, отец и сын, чуть ли не побежали по цепочке следов, выставив оружие перед собой, словно солдаты, идущие в атаку под сильным огнем противника. Просто чудо, что мальчик, отчаянно пытающийся не отстать от отца, не упал и не выстрелил Клаусу в спину, случайно нажав на спусковой крючок.

На ферме был телефон, еще одно свидетельство процветания Деттериков в те печальные времена, и Маджори воспользовалась им, чтобы обзвонить соседей и сообщить об обрушившемся на них словно гром с ясного неба несчастье. Она знала, что после каждого звонка известие об этом будет распространяться дальше, как круги по воде. Последний раз сняв трубку, она произнесла фразу, традиционную для тех времен, во всяком случае на сельском Юге: «Алле, центральная, вы на связи?»

Центральная была на связи, но телефонистка от ужаса на какие-то мгновения лишилась дара речи. В конце концов она сумела ответить:

— Да, мэм, миссис Деттерик, святой Боже, я молюсь, чтобы с вашими маленькими девочками ничего не...

— Спасибо, — оборвала ее Маджори, — но вас не затруднит подождать с молитвой и соединить меня с управлением шерифа в Тефлоне?

В округе Трейпинг шерифом служил красноносый старикан с огромным животом и седыми, коротко стриженными волосами. Я хорошо его знал. Он не раз появлялся в «Холодной горе», чтобы проводить, как он говорил, «своих мальчиков» в мир иной. Свидетели казни сидели на складных стульях, какие вы могли видеть на похоронах, церковных ужинах или концертах (мы занимали наши у баптистской церк-

ви), и всякий раз, когда шериф Гомер Криб опускался на стул, я ожидал треска с последующим грохотом падения шерифа на пол. Но конфуза так и не случилось. А вскоре, где-то на следующее лето после похищения девочек Деттериков, шериф умер в своем кабинете от сердечного приступа, трахая семнадцатилетнюю негритянку Дафну Шуртлефф. О его любовных похождениях говорили много и с удовольствием, хотя перед каждым выборами Гомер Криб с гордостью представлял избирателям свою жену и шестерых детей. Но лицемер людям всегда по душе, знаете ли, в нем они признают своего. У многих поднимается настроение, когда кого-то другого прихватывают со спущенными штанами и настроенным инструментом.

Мало что лицемер, шериф еще отличался вопиющей некомпетентностью, относясь к той категории начальников, которые с удовольствием сфотографируются с кошечкой какой-нибудь старушки, когда кто-то другой, к примеру помощник шерифа Роб Макги, рискуя сломать себе руку, карабкался на дерево, чтобы снять с вершины и вернуть затем кошку хозяйке.

Макги выслушивал несвязное бормотание Маджори Деттерик не больше двух минут, затем оборвал ее четырьмя или пятью вопросами, короткими и точными, словно удары боксера-профессионала, которые вроде бы незаметны, но так сильны, что кровь выступает до того, как появляется ощущение боли. Выслушав ответы, он бросил в трубку: «Я немедленно звоню Бобо Марчанту. У него есть собаки. Вы оставайтесь в доме, миссис Деттерик. Если ваши муж и сын вернутся, пусть тоже останутся. Постарайтесь их убедить».

Ее муж и сын тем временем шли по следу похитителя в трех милях к северо-западу и потеряли его, когда поля сменились сосновым лесом. Фермеры, а не охотники, как я уже говорил, они знали только одно: уходил от них зверь — не человек. По пути они на-

шли желтенькую пижамку Кэти и еще клочок ночной рубашки Кори, пропитанные кровью. Ни Клаус, ни Гови уже не спешили, как в самом начале погони. С каждой минутой им становилось все яснее и яснее, что живыми девочек они не увидят.

Отец с сыном зашли в лес, но не обнаружили признаков того, что похититель побывал там до них. Они вышли на опушку, зашли вновь, чуть в стороне, с тем же результатом, в третий раз повторили маневр и наконец наткнулись на кровавое пятно, чуть более вытянутое в одном направлении. По нему они и пошли, потом вновь начали кружить по лесу в поисках новых следов похитителя. Около девяти утра до них донеслись крики людей и лай собак: Роб Макги организовал разыскную команду. К этому времени шериф Криб заканчивал завтрак чашкой кофе, щедро сдобренного коньяком. Пятнадцать минут спустя Макги и его люди наткнулись на Клауса и Гови Деттериков, вышедших на опушку. Вскоре разыскная команда двинулась дальше, возглавляемая Бобо и его собаками. Макги позволил Клаусу и Гови идти с ними (запрету они бы не подчинились), но заставил их разрядить оружие. Ружья у всех не заряжены, заявил им Макги, так безопаснее. Однако отдать ему патроны помощник шерифа попросил только Деттериков. Вне себя от горя, жаждущие только одного: скорее бы закончился этот кошмар — они подчинились. Заставив Деттериков разрядить оружие и отдать ему патроны, Роб Макги, возможно, спас жизнь Джону Коффи, во всяком случае продлил ее на несколько месяцев.

Лающие, рвущиеся с поводка собаки две мили тащили их по лесу, держа курс на северо-запад. Наконец они вышли на берег Трейпинг-ривер, в этом месте довольно-таки широкой, неспешно несущей свои воды на юго-восток, к невысоким, поросшим лесом холмам, где жили семьи с фамилиями Кроу, Робинетт, Дюплесси, которые все еще сами мастерили мандалины и вып-

левывали прогнившие зубы прямо на пашню. В жуткую глухомань, где воскресным утром мужчины демонстрировали умение брать змей в руки, а тем же вечером укладывались в постель с собственными дочерями. Я знал эти семьи. Время от времени их представителей скармливали Старой Замыкалке. На другой стороне реки в лучах июньского солнца блестели рельсы ответвления Великой южной дороги. Справа от них, в миле вниз по течению, реку пересекал мост, и железная дорога уходила к угольным шахтам Уэст-Грина.

Здесь преследователи нашли участок примятой травы, сплошь залитый кровью. От этого жуткого зрелища многих мужчин бросило обратно в лес, где они и оставили свои завтраки. Там же валялась ночная рубашка Кору, и Гови, до того державшийся молодцом, привалился к отцу и чуть не лишился чувств.

На этом месте первый и единственный раз мнение собак Бобо Марчанта разделилось. Их было шесть, две ищейки, две гончие и два терьера, с какими в тех краях охотились на енотов. Терьеры рвались на северо-запад, вверх по течению Трейпинг-ривер, остальные — в противоположном направлении, на юго-восток. Поводки перепутались, и, хотя в газетах об этом ничего не написали, я могу себе представить, как Бобо кроет их проклятиями и руками и ногами наставляет на путь истинный. Я знал нескольких охотников, державших свору, и должен отметить, что люди это совершенно особые, похожие друг на друга как две капли воды.

Бобо удалось распутать поводки, потом он сунул собакам в морды ночнушку Кору Деттерик, дабы напомнить им, зачем они мотаются по лесам в столь жаркий день, окруженные тучами комаров. Терьеры хорошенько принюхались, признали свою неправоту, и вся свора с оглушительным лаем устремилась вниз по течению.

Не прошло и десяти минут, как мужчины остановились, осознав, что слышат не только собачий лай. Его перекрывал вой, который не мог вырваться из пасти собаки. Такого звука они никогда еще не слышали, но инстинктивно поняли, что исходит он от человека. Так они говорили, и я им верю. Наверное, я тоже узнал бы этот вой. Думаю, я слышал людей, которые кричат точно так же, когда их ведут к электрическому стулу. Кричат немногие, большинство держат себя в руках, даже шутят, но такое случается. Обычно кричат те, кто верит, что ад действительно существует, и знает, что именно он ждет их за Зеленой милей.

Бобо взял собак на короткий поводок. Они стоили немалых денег, и он не хотел, чтобы какой-то психопат, а кто еще мог так быть, свернул им головы. От этого воя мужчин бросило в холод, а пот, выступивший под мышками и на спинах, разом стал ледяным. Когда такое случается, мужчинам необходим лидер, который поведет их за собой, и роль эту взял на себя помощник шерифа Макги. Он выступил вперед и решительно зашагал (готов поспорить, что на душе у него кошки скребли) к ольховой роще. Остальные затрусили следом, держась в пяти шагах позади. Остановился Макги лишь раз: знаком дал команду Сэму Холлису, самому крупному мужчине из всех, держаться рядом с Клаусом Деттериком.

По другую сторону ольховника вновь продолжался луг, справа упиравшийся в лес, а слева полого сбегавший к воде. Миновав ольховник, все застыли словно пораженные громом. Я думаю, они дорого бы дали, чтобы никогда такого не видеть, так как картину, что возникла перед ними, никто из них не сможет забыть до конца жизни. Кошмар, что открылся их глазам, находился за пределами мира, к которому они привыкли: мира церковных ужинов, степенных прогулок по улицам, честной работы, любовных объятий в супру-

жеской постели. В тот день эти люди увидели звериный оскал смерти.

На берегу реки в вылинявшей, запачканной кровью безрукавке, сидел мужчина невероятных габаритов — Джон Коффи. Огромные босые ноги, красная бандана на голове. Черное облако слепней у самого лица. А в каждой руке тело обнаженной девочки. Их светлые волосы, когда-то кудрявые и легкие как пух, прилипли к голове и покраснели от крови. Мужчина, держащий их в руках, был, уставившись в небо, словно полуденный волк, по коричневым щекам катились слезы, лицо перекосила гримаса боли. Вой обрывался, мужчина набирал полную грудь воздуха и вновь начинал выть. Мы часто читаем в газетах: «Убийца не проявлял никаких признаков раскаяния», но к Коффи это не относилось. Джон Коффи убивался из-за содеянного... но остался в живых. А девчушки — нет. Он не просто отправил их на тот свет, но и надругался над ними.

Никто потом не мог вспомнить, сколько они стояли, глядя на воющего гиганта, который сидел, обратившись лицом к реке. На другом берегу загрохотал поезд, мчащийся к мосту. А черный человек качался взад-вперед, и вместе с ним качались Кора и Кэти, куклы в руках великана. Вымазанные в крови мышцы гигантских рук напрягались и расслаблялись, напрягались и расслаблялись.

Первым очнулся Клаус Деттерик. С громким воплем он бросился на монстра, который изнасиловал и убил его дочерей. Сэм Холлис попытался перехватить Клауса, но не сумел. Ростом на шесть дюймов выше Клауса, весом больше его на семьдесят фунтов, он обхватил Деттерика руками, чтобы тут же как пушинка отлететь в сторону. Клаус в мгновение ока преодолел расстояние, отделявшее его от Коффи, и с ходу ударил его ногой по голове. Сапог угодил точно в левый висок Коффи, но тот словно и не почувствовал удара.

Так и сидел, качаясь взад-вперед и не отрывая глаз от реки. Эдакий персонаж проповеди на Троицын день, верный слуга Христа, вышедший из сосновых лесов и выискивающий взглядом Святую землю... Если б не трупы.

Понадобились усилия четырех человек, чтобы оттащить обезумевшего фермера от Джона Коффи, но прежде чем им это удалось, Клаус нанес Коффи несчетное количество ударов. Коффи их не заметил, как и первый. Все качался и смотрел за реку, качался и смотрел. И выл, выл, выл. Что же касается Клауса, то он сник, как только мужчины оторвали его от Коффи, словно Деттерика подпитывал поток энергии, бьющий из черного гиганта (вы уж меня извините, что я часто использую в сравнениях электрическую тему: сила привычки). Но контакт разорвался, источник энергии отсоединили, и Деттерик обмяк, словно после удара настоящим электрическим током. Он упал на колени, закрыл лицо руками и зарыдал. Гови присоединился к нему, и они плакали, обняв друг друга.

Двое мужчин приглядывали за ними, остальные же с ружьями наперевес взяли в кольцо раскачивающегося, воющего черного человека. Тот все еще не понимал, что он уже не один. Макги шагнул к нему и несколько раз переступил с ноги на ногу, прежде чем решился заговорить.

— Мистер, — тихонько произнес он, и вой разом прекратился. Макги заглянул в покрасневшие от слез глаза и увидел в них завесу, словно кто-то внутри не хотел, чтобы его видели. Эти глаза плакали... оставаясь отстраненными. Разговаривая с Джоном, я понял, что мне еще не доводилось встречать таких глаз. То же самое почувствовал и Макги. «Как глаза зверя, который никогда не видел человека», — перед самым судом объяснял он репортеру по фамилии Хаммерсмит.

— Мистер, ты меня слышишь? — спросил Макги.

Коффи медленно кивнул. Руки его все еще сжимали уже неговорящих кукол, их подбородки прижались к груди, так что стоящие вокруг не могли разглядеть их лиц: Господь в милосердии своем оберег их от этого зрелища.

— У тебя есть имя?

— Джон Коффи. — Голос подрагивал от рыданий. — Фамилия совсем как напиток, но пишется иначе.

Макги кивнул, потом указал на оттопыренный нагрудный карман безрукавки Коффи. Макги решил, что там револьвер, хотя Коффи мог уложить кого угодно и без оружия.

— Что там, Джон Коффи? «Пушка»? Револьвер?

— Нет, сэр, — ответил Коффи, и эти странные глаза, плачущие снаружи и отсутствующие, отгородившиеся изнутри, как будто настоящий Джон Коффи находился где-то далеко-далеко и видел перед собой совсем другое, уж во всяком случае не мертвых девочек, не отрывались от помощника шерифа Роба Макги. — Там всего лишь мой ленч.

— Всего лишь ленч? — переспросил Макги.

Коффи кивнул и ответил:

— Да, сэр. — А слезы все так же капали и капали.

— И что ты собрался съесть на ленч, Джон Коффи?

Макги заставлял себя сохранять спокойствие, хотя до него уже доносился идущий от девочек запах, он видел, как мухи летают и садятся на кровь. А волосы девочек... ничего страшнее он не видел, потом говорил Макги. В газеты это не попало. Редакторы сочли, что такое не для семейного чтения. Нет, все это я узнал непосредственно от репортера, автора статьи, мистера Хаммерсмита. Я разыскал его, потому что Джон Коффи обернулся для меня идеей-фикс: я хотел докопаться до сути. Макги сказал Хаммерсмит, что белокурые волосы девочек побурели. Кровь с них потекла, как краска для волос, запеклась на щеках, и не

требовалось иметь врачебный диплом, чтобы определить, что черепа девочек раздавлены могучими руками Коффи, словно грецкие орехи. Может, они плакали. Может, он хотел, чтобы они замолчали. Если девочкам повезло, случилось это до того, как он их изнасиловал.

Видя все это, человек с трудом подчинялся разуму, даже такой человек, как помощник шерифа Макги, специалист своего дела. А неразумные действия могли привести к ошибкам, даже кровопролитию. Поэтому Макги глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться.

— Ну, сэр, точно не помню, честное слово. — Голос Коффи по-прежнему перехватывало от рыданий. — Кажется, сэндвичи и маринованный огурчик.

— Если ты не возражаешь, я взгляну. — Макги приблизился к Коффи еще на шаг. — Не двигайся, Джон Коффи. Даже не шевелись, потому что на тебя направлено достаточно ружей, чтобы превратить твою грудь в решето.

Коффи смотрел на другой берег реки и не шевелился, пока Макги доставал из кармана что-то завернутое в газету и перевязанное бечевкой. Макги сдернул бечевку и развернул газету, уверенный, что найдет там именно то, о чем говорил Коффи: его ленч. Сэндвич с помидорами, огурчик в отдельной бумажке. Соиски отсутствовали, они достались Боузеру.

Макги передал сверток одному из мужчин, не отрывая глаз от Джона Коффи. В итоге ленч, вновь завернутый в газету и перевязанный бечевкой, оказался в рюкзаке Бобо Марчанта, рядом с едой для собак (и, как мне представляется, приманкой для рыб). Ленч не стал вещественным доказательством, представленным в суде. Правосудие в тех краях вершилось быстро, но не столь быстро, чтобы сэндвич с помидорами и беконом не успел протухнуть. Однако его фотографии присяжные увидели.

— Что здесь произошло, Джон Коффи? — хрипло спросил Макги. — Ты хочешь сказать мне, что здесь произошло?

И Коффи сказал Макги и остальным практически то же самое, что услышал от него я. Именно этими словами на суде закончил свою речь прокурор.

— Я ничего не смог с этим поделать. — Джон Коффи продолжал сжимать в руках обнаженные тела девочек. — Пытался загнать это обратно, но было уже слишком поздно.

— Парень, ты арестован за убийство, — объявил Макги и плюнул в физиономию Джона Коффи.

Присяжные совещались сорок пять минут. Этого времени вполне хватило бы на ленч. Только не знаю, смогли бы они что-нибудь съесть.

Глава 5

Я думаю, вы понимаете, что я не мог так много выяснить за несколько часов жаркого октябрьского дня, проведенных в тюремной библиотеке. Но и того, что я узнал, хватило, чтобы ночью я не смог заснуть. А когда моя жена, проснувшись в два часа ночи, нашла меня на кухне, где я пил молоко и курил самокрутку, и спросила, что случилось, я ей солгал. Такое за нашу долгую совместную жизнь я позволял себе лишь несколько раз. Я сказал, что у меня опять произошла стычка с Перси Уэтмором. Так оно, собственно, и было, но не из-за Перси я зашел на кухню. Его я выкидывал из головы, как только затворял за собой дверь блока Е.

— Забудь про это гнилое яблоко и возвращайся в постель, — улыбнулась жена. — У меня есть средство, которое поможет тебе заснуть, и ты можешь принять его в любом количестве.

— Идея мне по душе, но я думаю, что лучше повременить, — ответил я. — У меня нелады с водопроводным краником, не хотелось бы, чтобы это перешло и к тебе.

Она изогнула бровь.

— Водопроводным, значит, краником? Полагаю, ты просто снял не ту шлюху, когда в последний раз ездил в Батон-Руж.

Я никогда не был в Батон-Руже и никогда не пользовался услугами проституток. И мы оба это знали.

— У меня обычная урологическая инфекция, — ответил я. — Моя мама, бывало, говорила, что мальчики подхватывают ее, если писают на северном ветру.

— Твоя мама также весь день не выходила из дома, если просыпала соль. Доктор Сэдлер...

— Нет, нет. — Я поднял руку, останавливая ее. — Он пропишет мне сульфамидные таблетки, от которых к концу недели меня будет рвать на каждом углу. Все пройдет само по себе, но пока, я думаю, нам лучше воздерживаться от наших игр.

Она поцеловала меня в лоб над левой бровью, отчего у меня по коже, как всегда, побежали мурашки... о чем Джейнис прекрасно знала.

— Бедняжка. Мало тебе этого ужасного Перси Уэтмора. Скоренько приходи в постель.

Я пришел, но лишь после того, как облегчился с крыльца черного хода (предварительно послушав палец и определившись с направлением ветра: что бы ни говорили нам в детстве родители, игнорировать их советы не следует, какими бы глупыми они ни казались). Писать на улице — одна из радостей деревенской жизни, которой поэты не уделили достаточно внимания, но в ту ночь сей процесс удовольствия мне не доставил, так как из меня вытекала не чуть теплая жидкость, а горячее минеральное масло. Однако я подумал, что днем ощущения вроде бы были похуже, а два или три дня назад — определенно хуже. Надежда

на то, что воспаление пошло на спад, только окрепла. Как оказалось, эта надежда была напрасной. Никто же не говорил мне о таких особенностях урологических инфекций: возникать словно из ничего, потом за타иться на день-другой, чтобы ударить с новой силой. Мне пришлось все узнавать на собственном опыте. К сожалению, это происходило за пятнадцать или двадцать лет до того, как появились препараты, вылечивающие эти инфекции за рекордно короткое время. Пусть они вызывали легкое расстройство, но уже не заставляли блевать, как сульфамидные таблетки доктора Сэдлера. Однако в тридцать втором году не оставалось ничего другого, как соглашаться на них или ждать, что все пройдет само по себе. Не обращая внимания на то, что кто-то налил тебе в мочево́й пузырь минерального масла, а когда оно начало вытекать, поднес к ручейку спичку.

Я докурил самокрутку, поднялся в спальню и все-таки уснул. Мне снились девочки с кроткими улыбками и запекшейся в волосах кровью.

Глава 6

На следующее утро на мой стол лег розовый бланк служебной записки с просьбой как можно скорее заглянуть в кабинет начальника тюрьмы. Я знал, что сие означает. В тюрьме, как и в любом учреждении, жизнь определялась очень важными неписаными правилами, которые днем раньше я позволил себе нарушить. А потому визит к начальнику тюрьмы я оттягивал сколько мог. Прямо как посещение врача насчет моего водопроводного краника. В данном вопросе я становился твердым сторонником принципа — никогда не делай сегодня то, что можно отложить на завтра.

Короче, получив записку, я не поспешил в кабинет Мурса. Наоборот, снял форменный китель, повесил его на спинку стула и включил стоящий в углу вентилятор: день вновь выдался жарким. Потом сел, просмотрел рапорт Брута Хоуэлла о минувшей ночи. Ничего тревожного я в нем не отметил. Делакруа немного поплакал, прежде чем заснуть. Такое случалось едва ли не каждый вечер, и я уверен, что жалел он себя, а не тех, кого поджарил. Потом Делакруа вытащил из сигарной коробки Мистера Джинглеса, сразу успокоился и остаток ночи проспал как младенец. Мистер Джинглес скорее всего все это время просидел на животе Делакруа, свернув хвост колечком. Складывалось ощущение, что Господь решил определить Делакруа ангела-хранителя. В мудрости своей Он рассудил, что для такой крысы, как этот убийца из Луизианы, таковым может быть только мышь. Разумеется, подобные рассуждения в рапорте Зверюги отсутствовали, но я отдежурил достаточно много ночей, чтобы научиться читать между строк. О Коффи Хоуэлл написал следующее: «Лежал без сна, тихо, иногда плакал. Я попытался его разговорить, но Коффи лишь что-то бурчал в ответ на мои вопросы, поэтому беседы не получилось. Может, Полу или Гарри повезет больше».

Попытаться разговорить — вот что составляло основу нашей работы. Тогда я этого не понимал, но теперь, прожив столько лет и оглядываясь назад, осознаю совершенно четко. Понятно также, почему в те годы до меня это не доходило: естественное не замечается. Вот мы дышим и не берем в голову, что это основа нашего существования. Если говорить о надзирателях, временно приписанных к блоку Е, то их умение разговорить осужденного значения не имело. Но умение это становилось жизненно важным, когда речь заходила обо мне, Гарри, Зверюге, Дине... Именно поэтому появление Перси воспринималось нами как катастрофа. Его ненавидели осужденные, его ненавиде-

ли надзиратели, его ненавидели все... за исключением его политических покровителей, самого Перси и, возможно (только возможно), его матери. Перси ассоциировался у меня с щепоткой белого мышьяка, брошенного в свадебный пирог. Думаю, я с самого начала знал, что с его появлением беды не избежать. Я видел в нем мину с включенным часовым механизмом, которая могла взорваться в любой момент. Что же касается остальных надзирателей блока Е, то мы, наверное, только рассмеялись бы, скажи кто-нибудь нам, будто мы прежде всего психоаналитики приговоренных к смерти, а уж потом их охранники. Мне и сейчас трудно полностью согласиться с этим утверждением. Но мы знали, как начать разговор... А без таких разговоров у людей, ждущих встречи со Старой Замыкалкой, появилась бы дурная привычка сходить с ума.

На рапорте Зверюги я сделал пометку: «Поговорить с Коффи» — и перешел к бумаге, поступившей от Кертиса Андерсона, первого заместителя начальника тюрьмы. В ней Андерсон сообщал, что ожидает назначения ДК для Эдуарда Делакура на самое ближайшее время. ДК — дата казни, и, как следовало из записки Кертиса Андерсона, из очень надежного источника ему стало известно, что Делакура пройдет Зеленую милю до Дня всех святых*. Кертис предполагал, что случится это 27 октября, а его предположения более чем часто подтверждались. Но еще до казни Делакура нам предстояло принять нового клиента, которого звали Уильям Уэртон. «Он из тех, кого ты любишь называть проблемными детьми, — писал Кертис своим аккуратным, ровным почерком. — Отличается дикой необузданностью, чем и гордится. Терроризировал штат с год или около того, а в последний раз устроил себе праздник. При ограблении убил трех человек, в том числе беременную женщину, а убегая пристрелил четвертого. Патрульного. Так что до полного счастья

* У протестантов и католиков — 31 октября.

не хватает только слепого и монахини. — Тут я позволил себе улыбнуться. — Уэртону девятнадцать лет. На левом предплечье татуировка «Крошка Билли». Я уверен, что пару раз вам придется дать ему в нос, но будьте при этом предельно осторожны. Ему на все наплевать. — Эту фразу Андерсон подчеркнул дважды и закончил свою записку так: — Кстати, не исключено, что он задержится у вас надолго. Строчит апелляции и, опять же, еще несовершеннолетний»**.

Сумасшедший, строчит апелляции, может задержаться у нас надолго. Хорош подарочек. Внезапно и без того жаркий день показался мне еще жарче, и я решил более не оттягивать встречу с начальником тюрьмы Мурсом.

В «Холодной горе» мне довелось работать под руководством трех начальников. Хол Мурс был последним и, пожалуй, наилучшим из всех. Говорю это без всякой корысти. Честный, прямой, лишенный даже зачатков чувства юмора, свойственных Кертису Андерсону, но обладающий достаточным политическим весом, чтобы сохранять свой пост все эти мрачные годы... и развитым чувством самосохранения, не позволяющим совершать резкие телодвижения. Мурс знал, что выше ему уже не подняться, и такое положение вполне его устраивало. До шестидесяти ему оставался год или два, и его изрезанное глубокими морщинами лицо, чем-то напоминающее ищейку, наверняка понравилось бы Бобо Марчанту. Волосы Мурса поседели, руки чуть дрожали, но силенок у него еще хватало. Годом раньше, когда во дворе заключенный бросился на него с самодельным ножом, изготовленным из обруча бочки, Мурс не отступил ни на шаг, перехватил руку заключенного, которая сжимала нож, и вывернул ее с такой силой, что ломающиеся

* По законодательству, действовавшему в тридцатые годы, совершеннолетними считались граждане, достигшие двадцати одного года.

кости затрещали, словно сухие ветки в костре. Заключенный, позабыв о всех обидах, повалился в пыль и начал звать свою мать.

— Я не она, — молвил Мурс с безупречным южным выговором. — А на ее месте задрал бы юбки и обоссал тебя из той самой дыры, откуда ты появился на свет божий.

Когда я вошел в кабинет Мурса, он начал подниматься из-за стола, но я взмахом руки остановил его, сел на стул и начал расспрашивать о его жене... расспрашивать, как принято только в этой части света.

— Как твоя прелестница? — спросил я, словно Мелинде было только семнадцать, а не шестьдесят два или шестьдесят три. В моем голосе звучала искренняя озабоченность: я сам мог бы полюбить Мелинду и жениться на ней, если бы наши жизненные пути в свое время пересеклись. Опять же не хотелось сразу переходить к делу.

Мурс тяжело вздохнул.

— Неважно, Пол. Можно сказать, дело плохо.

— Опять головные боли?

— На этой неделе только один приступ, но ужасный. Позавчера уложил ее в постель на целый день. А теперь еще появилась слабость в правой руке... — Он поднял свою правую руку, всю в почечных бляшках.

Пару-тройку секунд мы наблюдали, как она дрожит над столом, потом он опустил ее. Я видел, Хол отдал бы многое, лишь бы не говорить мне то, что сказал, а я бы отдал не меньше, чтобы всего этого не слышать. Головные боли начались у Мелинды весной, и все лето доктор твердил ей, что это «мигрень, вызванная нервным напряжением». Возможной причиной стресса назывался приближающийся уход Хола на пенсию. Да только они оба с нетерпением ждали, когда же Мурс сможет уйти на заслуженный отдых. К тому же моя жена сказала мне, что мигрень — болезнь молодых, а не стариков. В возрасте Мелинды

Мурс те, кто страдал мигренью в молодости, обычно излечиваются. А слабость в руке? Тут скорее удар*, чем нервное напряжение.

— Доктор Харвестром хочет, чтобы она легла на обследование в больницу Индианола, — продолжал Мурс. — Там ей могут сделать рентген головы и еще Бог знает что. Мелинда испугана до смерти. — Он помолчал. — По правде говоря, я тоже.

— Да, но тебе надо уговорить ее. И не тяни. Если они увидят что-то на рентгеновском снимке, то, возможно, смогут ей помочь.

— Да, — согласился он, и тут на мгновение (в первый и последний раз за эту встречу) наши взгляды встретились. Мы поняли друг друга без слов. Да, слабость в руке мог вызвать удар. Но в ее мозгу могла расти и опухоль, а в этом случае шансы Мелинды получить помощь от врачей Индианола приближались к нулю. Помните, шел тридцать второй год, когда человеку, подхватившему обычную урологическую инфекцию, предоставлялся выбор: глотать сульфамидные таблетки и плевать или страдать в ожидании того, что «все само рассосется».

— Благодарю тебя за заботу, Пол. А теперь давай поговорим о Перси Уэтморе.

Я застонал и прикрыл глаза рукой.

— Сегодня утром мне позвонили из столицы штата. — Начальник тюрьмы тяжело вздохнул. — Голос на том конце провода звучал сердито. Полагаю, ты меня понимаешь. Пол, губернатор прислушивается к голосу своей жены. А у брата жены есть единственный ребенок. И зовут этого ребенка Перси Уэтмор. Вчера вечером Перси позвонил папочке, а папочка тут же перезвонил тетушке Перси. Нужно ли мне продолжать?

— Нет. Перси наябедничал. В школе такие вот маменькины сынки точно так же говорят учительнице, что Джек и Джилл обжимались в раздевалке.

* то есть insult.

— Да, ты прав, — кивнул Мурс.

— Знаешь, что произошло между Перси и Делакура, когда последнего привезли к нам? Перси отметил его своей паршивой дубинкой.

— Да, но...

— И нет у него большей радости, чем провести дубинкой по прутьям решетки. Он злобен, он глуп, и я не знаю, сколько еще смогу его терпеть. Говорю как на духу.

Мы проработали бок о бок пять лет. Достаточное время для двух мужчин, чтобы притереться друг к другу, если работа у них особая: отбирать у людей жизнь, выдавая взамен смерть. Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы у вас не оставалось никаких сомнений: он прекрасно меня понял. Подать заявление об уходе я не мог: за стенами тюрьмы, как опасный преступник, кружила Великая депрессия, и ее в отличие от наших подопечных никак не удавалось загнать в клетку. Конечно, я мог считать себя счастливчиком. Дети выросли, за дом мы расплатились два года назад, после чего с моих плеч словно свалилась двухсотфунтовая глыба. Но человек должен есть, как должна есть и его жена. Опять же мы посылали нашей дочери и ее мужу по двадцать баксов, когда могли себе это позволить (иной раз посылали и когда не могли, если письма Джейн кричали отчаянием). Муж Джейн был безработным учителем, и говорить о том, что он найдет другое место, не приходилось. Поэтому с такой работы, как у меня, гарантирующей еженедельный чек, не уходили... во всяком случае по здравом размышлении... Но мог ли я размышлять здраво? Жара стояла несусветная, изнутри меня еще подогревала урологическая инфекция. Когда человек в таком состоянии, его кулаки могут действовать по собственной воле. А если хоть раз ударить человека со связями, такого как Перси, можно спокойно бить его и дальше, потому что пути назад нет: семь бед — один ответ.

— Потерпи еще немного. — Мурс внимательно разглядывал свой стол. — Я вызвал тебя, чтобы попросить об этом. Один человек, который звонил сегодня утром, дал мне знать, что Перси подал заявление в Брейр. И его скорее всего туда возьмут.

— Брейр, — кивнул я. Брейр-Ридж, одна из двух больниц, финансируемых штатом. — И что он намеревается там делать? Патрулировать окрестную территорию?

— Ему предложат административную работу. Жалованье больше, опять же перекладывать бумажки приятнее, чем таскать в такую жару кровати. — Он усмехнулся. — Знаешь, Пол, ты бы уже мог избавиться от него, если бы не поставил его в щитовую к ван Хэю, когда уходил Вождь.

Поначалу я не понял, к чему он клонит. А может, просто не хотел понимать.

— А куда еще можно было его поставить? — спросил я. — Господи, да он просто не понимает, что происходит вокруг него. Если задействовать Уэймора непосредственно в экзекуции... — Я не закончил предложения. Не смог закончить. Перечень ошибок, которые он мог совершить, уходил в бесконечность.

— Тем не менее с Делакруа тебе придется его задействовать. Если, конечно, ты хочешь от него избавиться.

Я смотрел на Мурса с отвисшей челюстью. Наконец-то я понял, куда он вел разговор.

— Ты хочешь сказать, что Перси жаждет оказаться рядом с осужденным, чтобы унюхать, как пахнут поджаривающиеся мозги?

Мурс пожал плечами. Глаза его, в которых было столько нежности, когда он говорил о жене, теперь превратились в два кремня.

— Мозги Делакруа все равно поджарятся, будет Уэтмор в команде или нет. Так?

— Да, но он может напортачить. Более того, Хол, он наверняка напортачит. В присутствии тридцати свидетелей... репортеров со всей Луизианы...

— Ты и Брут Хоуэлл проследите, чтобы все прошло как надо. А если Уэймор и напортачит, то эта информация попадет в его досье. А уж оно-то сохранится и после того, как оборвутся связи Уэймора со столицей штата. Ты понимаешь?

Я понимал, и у меня к горлу подкатила тошнота.

— Уэймор, возможно, пожелает остаться до экзекуции Коффи, но если нам повезет, он получит все, что ему хочется, от Делакруа. Ты только позаботься о том, чтобы на этот раз поставить его поближе к электрическому стулу.

Я-то намеревался вновь загнать Перси в щитовую, а потом в тоннель, чтобы он отвез труп Делакруа к катафалку, ожидающему по другую сторону проходящей мимо тюрьмы дороги, но теперь разом отказался от прежних планов и кивнул. Я, конечно, понимал, что иду на риск, но меня это особо не волновало. Я бы согласился и на многое другое, только бы избавиться от Перси. Пусть принимает участие в казни, нахлобучивает колпак на голову Делакруа, приказывает ван Хэю перевести рубильник во вторую позицию. Пусть смотрит, как маленького француза пронзает молния, которую он, Перси, выпустил, словно джигна из бутылки. Пусть получит удовольствие, если уж санкционированное законом убийство так возбуждает его. Ничего не жалко ради того, чтобы Уэймор убрался в Брейр-Ридж, где у него будет свой кабинет и вентилятор в углу. А если мужа его тетюшки не переизберут на следующий срок и ему придется узнать на собственной шкуре, каково найти работу в этом жестоким мире, где далеко не все плохие люди сидят за решеткой, оно и к лучшему.

— Хорошо. — Я встал. — В казни Делакруа он сыграет заметную роль. А пока я оставляю его в покое.

— Вот и славненько. — Мурс тоже поднялся. — Между прочим, как у тебя с этим? — Он бросил быстрый взгляд на мой пах.

— Чуть получше.

— Рад это слышать. — Он проводил меня к двери. — Что ты скажешь насчет Коффи? Могут возникнуть сложности?

— Думаю, что нет. Пока он тише воды, ниже травы. Разве что глаза у него очень странные... но спокойные. Мы будем приглядывать за ним. Можешь об этом не волноваться. Ты, разумеется, знаешь, что он сделал?

— Конечно.

Мурс вышел со мной в приемную, где мисс Ханнах барабанила на своем «ундервуде». Этим она, похоже, занималась еще со времен ледникового периода. Уходил я в отличном настроении. В конце концов, легко отделался. Плохо ли узнать, что у меня появился шанс пережить Перси.

— Передай Мелинде мои наилучшие пожелания. — Я пожал Мурсу руку. — И не волнуйся понапрасну. Скорее всего выяснится, что у нее обычная мигрень.

— Очень на это надеюсь. — Губы его улыбались, но глаза оставались грустными. Малоприятное сочетание, доложу я вам.

Я вернулся в блок Е. И все покатилося своим чередом. Чтение и написание бумаг, мытье полов, раздача пищи, составление графика дежурств на следующую неделю, сотни маленьких дел, ни одним из которых я не мог пренебречь. А главное из них заключалось в ожидании. Вот уж чего в тюрьме хватало, как бы человек ни старался занять себя. Вот я и ждал, когда Эдуард Делакруа пройдет по Зеленой миле, когда прибудет Уильям Уэртон с его кривящимися губами и татуировкой «Крошка Билли», когда Перси Уэмор уйдет из моей жизни.

Глава 7

Мышонок Делакура так и остался для меня загадкой природы. В блоке Е я больше мышей не видел, ни до этого лета, ни после осени, когда Делакура покинул нашу компанию душной октябрьской ночью, ушел от нас столь жутко, что я через силу заставляю себя вспоминать об этом. Делакура похвалялся, что именно он выдрессировал мышонка, который начал жить среди нас под именем Пароход Уилли, но я полагаю, что все было наоборот. В этом со мной соглашались и Дин Стэнтон, и Зверюга. Именно они дежурили в тот вечер, когда мышонок впервые предстал перед нами, и я готов подписаться под словами Зверюги: «Эта божья тварь уже ручная и в два раза умнее французика, который думает, что она принадлежит ему».

Мы с Дином сидели в моем кабинете, перебирая прошлогоднюю документацию, составляя список свидетелей, присутствовавших на пяти казнях в прошлом году и шести, состоявшихся в двадцать девятом и тридцатом годах. Всем этим свидетелям мы писали письма, которые, по существу, сводились к одному вопросу: довольны ли они нашей работой? Я понимаю, звучит это довольно странно, но для нас были важны ответы этих людей. В свидетелях мы видели не просто налогоплательщиков, из кармана которых оплачивались наши услуги. Женщина или мужчина, готовые прийти в тюрьму глубокой ночью, дабы наблюдать за смертью другого человека, должны иметь на то особую, убедительную причину. Испытываемая потребность лицезреть казнь наверняка должна была смениться чувством глубокого удовлетворения, если экзекуция проводилась должным образом. Возможно, они мучились кошмарами. Цель ночного мероприятия — показать им,

что кошмар окончен. Может быть, наша работа приносила облегчение кому-то из них.

— Эй! — слышался из-за двери голос Зверюги, сидевшего за столом в конце коридора. — Эй, вы двое! Идите сюда!

Мы с Динем тревожно переглянулись, подумав: что-то стряслось. То ли с индейцем из Оклахомы (звали его Арлен Биттербак, но у нас он проходил как Вождь... или, в интерпретации Гарри Тервиллигера, — Вождь Козий Сыр, поскольку Гарри заявлял, что от Биттербака исходит запах этого сыра), то ли с другим нашим поселенцем, которого мы прозвали Президент. Но потом Зверюга расхохотался, и мы поспешили к нему, чтобы узнать, что так развеселило его. Смех в блоке Е казался столь же неуместным, как и в церкви.

Старик Два Зуба, который в те дни катал по тюрьме тележку с едой, побывал в блоке Е чуть раньше, поэтому Зверюга запасся на всю ночь: три сандвича, два мешочка попкорна, пара кусков яблочного пирога. А также порция картофельного салата, который Два Зуба, несомненно, умыкнул с тюремной кухни, несмотря на категорический запрет. Перед Зверюгой лежала раскрытая регистрационная книга, и оставалось только удивляться, как это он еще ничего на нее не вывалил. Разумеется, Зверюга уже принялся за еду.

— Что? — спросил Дин. — Что такое?

— Законодательное собрание штата наконец-то раскошенилось еще на одного надзирателя. — Зверюга все смеялся. — Смотрите сами.

Мы проследили за направлением его пальца и увидели мышь. Тут начал смеяться и я. Дин последовал моему примеру. Иначе и быть не могло: мышь вела себя так же, как мы при обходе, повторяемом каждые четверть часа. Крошечный пушистый надзиратель обегал камеры, дабы удостовериться, что никто не собирается совершить побег или покончить с собой. Мышь семенила по Зеленой миле, останавливалась, поворачи-

чивая головку из стороны в сторону, и, убедившись, что в камерах все в порядке, следовала дальше, до новой остановки. Наши постояльцы на крики и смех не реагировали, продолжая храпеть, отчего ситуация выглядела еще более комичной.

Обычная, знаете ли, серая мышка, только она вроде бы проверяла камеры. Даже заглянула в одну или две, с легкостью проскользнув между прутьями решетки. Могу представить себе, как бы позавидовали ей заключенные, и прошлые, и нынешние. Правда, заключенные мечтали о том, чтобы выскользнуть наружу.

Мышь не заходила в занятые камеры, только в пустующие. И наконец добралась до стола. Я ожидал, что она повернет назад, но нет. Никакого страха перед нами мышь не выказывала.

— Вроде бы у мышей не принято так близко подходить к человеку, — нервно заметил Дин. — Может, она бешеная.

— О Господи. — Зверюга откусил здоровый кусок сандвича. — Тоже мне великий мышинный эксперт. Маусмэн*. Ты видишь пену на ее пасти, Маусмэн?

— Я даже не вижу ее пасти, — ответил Дин, вызвав у нас новый приступ хохота.

Пасти я, кстати, тоже не видел, зато в черных бусинках глаз нашей мышки я не обнаружил ни бешенства, ни безумия. Они светились любопытством и умом. Я отправлял на смерть людей вроде бы с бессмертной душой, которые выглядели куда как более тупыми в сравнении с этой мышью.

Нас разделяли ровно три фута и стол... обычный такой стол, за какими сидят учителя в местных школах, когда мышь села на задние лапки и свернула хвост колечком. Все это она проделала аккуратно и степенно, словно старая дама, управляющая юбки.

Я разом перестал смеяться, почувствовав, как по коже побежали мурашки. Хотелось сказать, что не

* Mouse Man — мышинный человек (англ.).

знаю, отчего они побежали, никому не нравится выставить себя в нелепом виде, но, разумеется, причину я знал, и если уж правдиво рассказывать об остальном, можно и тут не уклоняться от истины. На мгновение я представил себе, что эта мышь — я, но совсем не надзиратель, а еще один осужденный преступник на Зеленой миле, признанный виновным и приговоренный к смерти, которому, однако, достает мужества смотреть на стол высотой с гору (таким же большим, несомненно, покажется нам и трон Господний, когда Он призовет нас к Себе) и громкоголосых, одетых в синее гигантов, сидящих за ним. Гигантов, которые расстреливали мышей из дробовиков, убивали их ударами щетки или ставили им ловушки, ломающие хребты, когда они осторожно ползли по слову «Победитель», чтобы съесть кусочек сыра, дожидаящийся их на маленькой медной тарелочке.

Щетка по соседству со столом отсутствовала, а вот швабра была в ведре с водой. Я в соответствии с графиком протер зеленый линолеум коридора и все камеры, прежде чем заняться с Дином письмами. Я видел, что Дин потянулся к швабре, но перехватил его руку, когда она уже коснулась деревянной рукоятки.

— Оставь.

Дин пожал плечами и опустил руку. Как мне показалось, особого желания пришибить мышь он не испытывал.

Зверюга оторвал кусочек сэндвича с солониной и подержал его над краем стола, зажав между двумя пальцами. Мышь с большим интересом смотрела на сэндвич, словно знала, что это такое. Скорее всего знала. Я видел, как шевелятся ее усики.

— Нет, Зверюга, только не это! — воскликнул Дин и посмотрел на меня. — Не разрешай ему, Пол! Если он начнет прикармливать эту мышь, тюрьму заполонят четвероногие.

— Я просто хочу посмотреть, что она сделает, — оправдывался Зверюга. — В интересах науки.

Он повернулся ко мне. Босс есть босс, чего бы это ни касалось. Я подумал и пожал плечами, как бы говоря, что, корми не корми мышь, особой разницы нет. Но на самом-то деле мне хотелось увидеть, как поведет себя мышь.

Что ж, мясо мышь, естественно, съела. Времена-то были сами знаете какие — Великая депрессия. Но как съела! Она приблизилась к кусочку сэндвича, обнюхала его, села перед ним, взяла в лапки и отделила мясо от хлеба. Прodelала она это очень аккуратно и со знанием дела, напомнив мне какого-нибудь завсегдатая ресторана, отрезающего кусок бифштекса. Никогда я не видел, чтобы животное так ело, даже вымуштрованные домашние собаки. Пока мышь управлялась с мясом, ее взгляд ни на мгновение не отрывался от нас.

— То ли очень умная мышка, то ли очень голодная, — слышался новый голос. Биттербак проснулся и теперь стоял у решетки в одних трусах. Его заметно тронутые сединой волосы, заплетенные в две косички, лежали на плечах, когда-то мускулистых, а теперь ставших дряблыми.

— А что говорит индейская мудрость о мышах, Вождь? — спросил Зверюга, наблюдая, как мышь расправляется с мясом. Мы все поражались, с какой аккуратностью она лопает солонину, держа кусок в передних лапах и оглядывая его, прежде чем поднести к пасти.

— Ничего. Знавал я одного смельчака, который утверждал, будто перчатки у него из мышиной кожи, но я этому не верю. — Вождь рассмеялся, словно только что отменно пошутил, и отошел от решетки. И тут же заскрипела койка, Вождь вновь улегся.

Мышь расценила это как сигнал к уходу. Она доела мясо, понюхала то, что осталось от сэндвича (хлеб,

пропитанный горчицей), посмотрела на нас, словно хотела запомнить наши лица на случай новой встречи. Затем повернулась и отправилась в обратный путь, более не заглядывая в камеры. Поспешность, с которой покинула нас мышь, навела меня на мысль о Белом Кролике из «Алисы в Стране чудес», и я улыбнулся. Не задержалась мышь и перед дверью в изолятор, шмыгнула под нее и исчезла. Изолятор с обитыми мягким материалом стенами предназначался для тех, у кого разжижились мозги. Когда он не использовался по назначению, мы держали там всякую всячину, включая несколько книг (вестерны Кларенса Малфорда плюс одна богато иллюстрированная книга сказок). Хранились там и восковые мелки, которым потом нашел применение Делакруа. Тогда он еще не прибыл в блок Е, речь идет о более ранних событиях. Нашлось в изоляторе место и смирительной рубашке, которую никто не хотел надевать по собственному желанию. Рубашка эта была сшита из прочного белого брезента, пуговицы и завязки располагались на спине. Мы все умели надевать рубашку на проблемного ребенка. Наши постояльцы не так уж часто становились агрессивными, однако если такое случалось, мы не ждали, пока они успокоятся.

Зверюга выдвинул средний ящик стола и достал большую в кожаном переплете регистрационную книгу с вытисненным золотом словом: «ПОСЕТИТЕЛИ». Обычно эта книга не покидала ящика. Когда к заключенному кто-то приходил, за исключением священника или адвоката, его отводили в специальное помещение рядом со столовой, предназначенное именно для этой цели. Мы называли его Аркадой. Почему — не знаю.

— И что это ты придумал? — Дин Стэнтон поверх очков таращился на Зверюгу.

А тот открыл книгу и пролистнул страницы, зафиксировавшие тех, кто приходил к уже умершим людям.

— Выполняю инструкцию номер девятнадцать. — Зверюга нашел нужную страницу, достал карандаш, полизал его (никак он не мог отучиться от этой дурной привычки) и приготовился писать.

Инструкция номер девятнадцать гласила: «Каждый посетитель блока Е должен показать желтый пропуск, выданный администрацией, и быть зарегистрирован без исключений».

— Да он чокнулся, — обратился Дин ко мне.

— Пропуска она не показала, но на этот раз я ее, так уж и быть, прощу. — Зверюга еще раз лизнул карандаш и написал «9:49 p.m.»* в графе «ВРЕМЯ ПРИВЫТИЯ В БЛОК».

— Конечно, почему нет, большие боссы могут сделать исключение для мышей, — усмехнулся я.

— Разумеется, могут. Карманов-то у мышей нет. — Зверюга повернулся, чтобы бросить взгляд на часы, висевшие за его спиной, затем написал «10:01» в графе «ВРЕМЯ УБЫТИЯ ИЗ БЛОКА». Между заполненными графами находилась еще одна, размером побольше, озаглавленная «ИМЯ ПОСЕТИТЕЛЯ». После короткого раздумья, скорее для того, чтобы вспомнить, из каких букв складываются слова, которые он хотел написать, потому что с именем, я в этом уверен, он определился раньше, Брут Хоуэлл тщательно вывел: «ПАРОХОД УИЛЛИ». В те дни большинство людей называли так знаменитого мышонка, теперь известного всем как Микки Маус. А все из-за первого говорящего мультфильма, где он закатывал глаза, крутил бедрами и дергал за веревку клапана подачи пара в гудок в рубке парохода. Так мышь обрела не только имя, но и пол.

— Готово. — Зверюга захлопнул регистрационную книгу и убрал ее в ящик. — Инструкции мы соблюдаем неукоснительно.

* Р.М. (post meridiem) — после полудня (лат.).

Я рассмеялся, а Дин, относящийся ко всему, что касалось работы, более чем серьезно, недовольно хмурился и яростно полировал стекла очков.

— У вас будут неприятности, если кто-то это увидит, — заявил он и, помявшись, добавил: — Увидит тот, кому не следует. — Вновь пауза. — К примеру, этот жополиз Перси Уэтмор.

— Ха! — отмахнулся Зверюга. — В тот день, когда Перси Уэтмор усядется своей тощей задницей за этот стол, я уволюсь по собственному желанию.

— Тебе не придется дожидаться этого дня, — возразил Дин. — Тебя уволят за то, что ты используешь регистрационную книгу не по назначению, если Перси шепнет пару слов в нужное ухо. А он может. Сам знаешь, что может.

Зверюга насупился, но ничего не ответил. Я догадался, что он решил стереть запись ближе к утру. Если б не стер он, за ластик пришлось бы браться мне.

Следующим вечером, когда мы вернулись к себе, сводив сначала Вождя, а потом Президента в блок Д, где они помылись после того, как для обычных заключенных прозвучала команда «отбой», Зверюга спросил, не следует ли нам взглянуть, что подделывает Пароход Уилли в изоляторе.

— Пожалуй, следует, — согласился я.

Днем раньше мы вволю посмеялись над мышонком, но я понимал: найди мы его в изоляторе, особенно если обнаружатся признаки того, что он начал строить гнездо, нам придется его убить. Потому что лучше уничтожить разведчика, пусть и очень забавного, чем потом жить в многочисленной компании ему подобных. Опять же мне нет нужды говорить вам, что убийство мышонка не вызвало бы у нас угрызений совести. Штат платил нам и за то, чтобы мы не допускали грызунов во вверенное нам помещение.

Но в тот вечер мы не нашли Парохода Уилли, позднее ставшего Мистером Джинглесом, и не обнару-

жили гнезда ни в мягком материале стен, ни за хламом, который мы натаскали в изолятор. А хлама там хватало, я даже не ожидал, что его так много. И все потому, что изолятор с давних времен не использовался нами по назначению. С появлением Уильяма Уэтмора все изменилось, но тогда мы об этом даже не подозревали. С этим нам повезло.

— Куда же он забрался? — Зверюга вытер вспотевшую шею синей банданой. — Ни дыры, ни щели... Может, тут... да нет. — Он наклонился над сливным отверстием. Его закрывала металлическая сетка с таким маленьким «очком», что сквозь него не пролезла бы и муха. — Как он попал сюда? Как выбрался?

— Не знаю. — Я пожал плечами.

— Но он же попал, не так ли? Я хочу сказать, мы трое его видели.

— Да, пролез под дверь. С трудом, но пролез.

— Господи, как хорошо, что заключенные не могут уменьшаться в размерах.

— Это точно. — Я еще раз внимательно осмотрел затянутые парусиной стены в надежде углядеть дырку, щель. Не углядел. — Ладно, пошли отсюда.

Пароход Уилли появился вновь через три вечера, когда за столом сидел Гарри Тервиллигер. Вместе с ним дежурил Перси, который погнался за мышонком по Зеленой миле со шваброй в руках, той самой, за которую было взят Дин. Грызун легко ускользнул от Перси и вновь нырнул под дверь изолятора. Ругаясь во весь голос, Перси отомкнул дверь и выволок из изолятора все скопившееся там барахло. С одной стороны, говорил Гарри, он вызывал смех, с другой — ужас. Перси клялся и божился, что доберется до этой гребаной твари и оторвет ей башку. Но не добрался. Вспотевший, растрепанный, с вылезшей из брюк форменной рубашкой, полчаса спустя он вернулся к столу дежурного, откинул со лба волосы и заявил Гарри (тот все это время спокойно читал), что залепит щель изо-

ляционной лентой, решив тем самым все мышинье проблемы.

— Поступай как считаешь нужным, Перси, — ответил Гарри, переворачивая страницу книги и подумав при этом, что Перси наверняка забудет перекрыть щель под дверью. Гарри не ошибся.

Глава 8

В конце зимы, когда все эти события остались в далеком прошлом, в один из вечеров Зверюга подошел ко мне. Блок Е временно пустовал, поэтому дежурили мы вдвоем. Перси уже перебрался в Брейр-Ридж.

— Пойдем со мной. — Необычные нотки в голосе Зверюги заставили меня насторожиться. Я только что вошел с улицы (а ночь выдалась холодная и дождливая) и стряхивал с шинели капли дождя перед тем, как повесить ее в шкаф.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, — покачал он головой, — но я нашел место, где проживал Мистер Джинглес. Когда он только появился здесь, до того как Делакура взял его к себе. Хочешь посмотреть?

Разумеется, я хотел и последовал за ним по Зеленой миле в изолятор. Все вещи Зверюга вытащил в коридор, решил воспользоваться затишьем и провести в изоляторе генеральную уборку. Дверь он оставил открытой, внутри стояло ведро со шваброй. Пол, застеленный все тем же зеленым линолеумом, подсыхал. А посреди изолятора высилась стремянка, которая обычно хранилась в кладовой, выполнявшей и другую роль: там заканчивался земной путь приговоренных к смертной казни. К стремянке у верхней ступени крепилась полочка, на которую электрик мог

положить инструмент, а маляр — поставить ведро с краской. Сейчас на полочке лежал фонарь. Зверюга протянул его мне.

— Поднимайся по лесенке. Ты ниже меня, поэтому тебе придется встать чуть ли не на верхнюю ступеньку. Не волнуйся, я подержу твои ноги.

— Я боюсь щекотки, — предупредил я. — Особенно под коленками.

— Учту.

— Обязательно учти. Потому что сломанная нога — слишком дорогая цена за лицезрение мышиного жилища.

— Что?

— Не обращай внимания. — Моя голова уже находилась на уровне лампочки, подвешенной под самым потолком и забранной решеткой. Я чувствовал, как шатается подо мной стремянка. Снаружи доносились завывания зимнего ветра. — Лучше покрепче меня держи.

— Держу, не беспокойся. — Он сжал мои икры, и я поднялся еще на ступеньку. Теперь от потолка меня отделял какой-то фут. Я повел фонариком, но не увидел ничего, кроме паутины.

— Не туда смотришь, Пол, — раздался снизу голос Зверюги. — Посмотри налево, туда, где сходятся две балки. Одна чуть сдвинута в сторону.

— Вижу.

— А теперь направь луч на место их соединения. Я направил и сразу понял, куда надо смотреть. Балки соединялись шестью штифтами, один из которых вылетел, оставив черную круглую дыру диаметром с четвертак*. Я посмотрел на дыру, потом с сомнением на Зверюгу.

— Мистер Джинглес был маленький, но чтобы такой маленький? Вряд ли.

* Имеется в виду монета в двадцать пять центов. Ее диаметр — 25 мм.

— Тем не менее ушел он через эту дыру. Я в этом абсолютно уверен.

— Не может быть.

— А ты постарайся подлезть поближе и приймись, не волнуйся, я тебя удержу.

Я подчинился, упершись одной рукой в потолочную балку, отчего уверенности у меня сразу прибавилось. Вновь завыл ветер, воздух вырвался из дыры, на меня пахнуло ночным холодом... и чем-то еще.

Мятой!

«Не давайте в обиду Мистера Джинглеса», — прошепелестел у меня над ухом дрожащий голос Делакура. Я услышал этот голос и ощутил тепло Мистера Джинглеса, когда француз передал его мне, обычного мышонка, может, умнее многих других ему подобных, но тем не менее мышонка. «Не позволяйте никому причинять вред моей мышке», — попросил он, и я пообещал. Как обещал всем и все, когда им действительно предстояло пройти Зеленую милю. Отправьте письмо моему брату, которого я не видел двадцать лет? Я обещаю. Произнесете пятнадцать раз молитву «Аве Мария» за упокой моей души? Я обещаю. Позвольте мне умереть под моим истинным именем и выбьете его на моем могильном камне? Я обещаю. Только так можно заставить их пройти последний путь и посадить в конце на Старую Замыкалку без потери рассудка. Обычно я сразу забываю про обещание, но данное Делакура сдержал. Что же касается француза, то ему пришлось заплатить высокую цену. Перси об этом позаботился. Да, я знаю, его было за что приговаривать к смертной казни, но никто не заслуживает тех мучений, что выпали на долю Эдуарда Делакура, когда он угодил в объятия Старой Замыкалки.

Запах мяты.

И что-то еще. Что-то внутри дыры.

Правой рукой я достал ручку из нагрудного кармана, левой опираясь о балку, забыв о том, что Зверю-

га щекочет мне кожу под коленями. Пошебуршав ручкой в дыре, я вытащил щепочку, выкрашенную в желтый цвет, и вновь услышал голос Делакруа так ясно и отчетливо, словно его дух вошел вместе с нами в этот изолятор, в котором Уильям Уэртон находился большую часть времени, проведенного в блоке Е.

«Эй, идите сюда! — произнес голос, веселый и радостный голос человека, забывшего, пусть ненадолго, где он находится и что его ждет. — Идите сюда и посмотрите, что может делать Мистер Джинглес!»

— Господи, — прошептал я, почувствовав, как у меня перехватило дух.

— Нашел еще одну? — спросил Зверюга. — Я вытащил три или четыре.

Я спустился вниз и посмотрел на его большую ладонь. На ней лежало несколько щепочек, эдаких шпаг для эльфов. Две желтые, как и моя, одна зеленая, одна красная. Выкрашенные не краской, а восковыми мелками.

— Господи. — Мой голос дрожал. — Щепки от катушки? Но почему? Почему там?

— В детстве я был совсем не таким, как сейчас. Вытянулся между пятнадцатью и семнадцатью годами. А до того дышал в пупок многим сверстникам. Когда я первый раз пошел в школу, мне казалось, что я такой маленький... совсем как мышка. Я перепугался до смерти. И знаешь, что я сделал?

Я покачал головой. За стеной по-прежнему завывал ветер, под балками дрожала паутина, компанию нам составляли духи умерших, а мы смотрели на щепки от катушки, которая причинила нам столько хлопот. И тут моя голова начала понимать то, что сердце мое знало уже давно, с того дня как Джон Коффи прошел Зеленую милю: здесь мне больше не рабо-

тать. Депрессия или нет, я не смогу и дальше наблюдать, как люди проходят через мой кабинет навстречу смерти. Любой из них может стать каплей, которая переполнит чашу.

— Я попросил у матери один из ее носовых платков, — ответил Зверюга на свой же вопрос. — И когда мне хотелось плакать, я доставал его, нюхал, и мне сразу становилось легче.

— Ты думаешь... что Мистер Джинглес отгрыз эти щепки от раскрашенной катушки, чтобы они напоминали ему о Делакруа? Чтомышь...

Зверюга поднял голову к потолку. На мгновение мне показалось, что в его глазах блеснули слезы, но, возможно, я ошибся.

— Я ничего не думаю, Пол. Но я нашел их там и учуял запах мяты. Как и ты. И я больше не могу этого выносить. И не хочу. Я боюсь, что сорвусь, если увижу на электрическом стуле еще одного человека. В понедельник подам заявление с просьбой перевести меня в исправительный подростковый центр. Если это произойдет до следующей казни — отлично. Если нет — брошу эту работу и вернусь на ферму.

— Что у тебя вырастет на ферме, кроме камней?

— Неважно.

— Я знаю, что неважно. Думаю, заявления мы подадим вместе.

Зверюга пристально посмотрел на меня, чтобы убедиться, что я не разыгрываю его, а потом кивнул, подтверждая, что дело это решенное. От очередного очень уж сильного порыва ветра закрипели балки. Мы в тревоге огляделись. Никого, только обитые мягким материалом стены. А я уж было подумал, что сейчас в дверях возникнет Уильям Уэртон, не Крошка Билл,

нет, Дикий Билл, каким он предстал перед нами в день своего появления в блоке Е, вопящий, заливающийся диким хохотом, уверяющий нас, что мы будем счастливы, избавившись от него, и что забыть его нам не удастся. В этом он оказался прав.

Что же касается нашего уговора со Зверюгой, то мы от него не отступили. Словно дали клятву верности над теми раскрашенными щепками. Ни один из нас не принял более участия в экзекуции. Джон Коффи стал последним, кого мы усадили на Старую Замыкалку.

Часть Вторая

мышь НА МИЛЕ

Глава 1

Дом престарелых, где я навожу последний лоск на свою рукопись, называется Джорджия Пайнс. Расположен он в шестидесяти милях от Атланты и находится в паре сотен световых лет от жизни, каковой живут большинство людей, во всяком случае тех, кому еще нет восьмидесяти. Тем, кто сейчас читает написанное мною, следует заранее позаботиться о том, чтобы в будущем не попасть в такое заведение. С одной стороны, местечко неплохое: кабельное телевидение, хорошая еда (правда, жевать практически нечего), а вот с другой — такая же беспросветность, как и в блоке Е «Холодной горы».

Тут даже есть человек, чем-то напоминающий мне Перси Уэтмора, который получил работу на Зеленой миле, потому что приходился родственником губернатору штата. Я сомневаюсь, что этот господин состоит в родстве с кем-либо из ОВП*, хотя ведет он себя так, словно иначе и быть не может. Зовут его Брэд Доулен. Он постоянно причесывается, как и Перси, а в заднем кармане всегда носит какое-нибудь чтиво. Перси отдавал предпочтение журналам, будь то «Фре-

* особо важная персона.

гат» или «Мужское приключение», Брэду больше нравятся сборники анекдотов. Он всегда спрашивает людей, почему француз переходит улицу, или сколько нужно поляков, чтобы вернуть лампочку, или сколько человек должны нести гроб на похоронах в Гарлеме. Как и Перси, Брэд из тех недоумков, которые уверены, что ежели в анекдоте (шутке) нет отголосков жизни, то он и не смешон.

На днях, правда, Брэд сказал нечто умное, но я не склонен думать, будто для него это обычное дело. Даже поговорка такая есть: и сломанные часы дважды в сутки показывают точное время. Сказал же он следующее: «Тебе повезло, Поли, что у тебя нет болезни Альцгеймера». Я терпеть не могу, когда меня называют Поли, но он все равно именно так произносит мое имя. Мне уже надоело поправлять его. Есть и другие высказывания, не поговорки, которые очень подходят к Брэду Доулену. К примеру: «Привести лошадь к водопою можно, заставить напиться — нет». Или «Одеться он оденется, а вот из дома не выйдет». В своем упрямстве Брэд тоже ничем не уступает Перси.

По Альцгеймеру он прошелся в тот самый момент, когда протирал шваброй пол закрытой веранды, где я просматривал написанные страницы. Их накопилась уже толстая пачка, а написать предстояло, по моим расчетам, еще больше.

— Этот Альцгеймер, ты знаешь, что это такое?

— Нет, — качнул я головой, — но я уверен, Брэд, что ты мне скажешь.

— Это СПИД для стариков, — заявил он и расхохотался: ха-ха-ха-хак, как обычно смеется над своими идиотскими шутками.

Я-то не рассмеялся, поскольку его слова задели меня. Не потому, что я подхватил эту болезнь. В Джорджия Пайнс ею болеют многие, у меня же разве что обычные проблемы с памятью. Что было, я в общем-то помню, а вот когда... Проглядывая написанное, я от-

метил, что события тридцать второго года изложены правильно, а вот насчет их последовательности такой уверенности у меня нет. Значит, надо поднапрячься, чтобы четко выстроить их одно за другим.

Джон Коффи появился в блоке Е и на Зеленой миле в октябре тридцать второго года, приговоренный к смерти за убийство девятилетних девочек-близнецов Деттериков. Это моя основная точка отсчета, и, отталкиваясь от нее, я смогу разобраться со всем остальным. Уильям (Дикий Билл) Уэртон прибыл после Коффи. Делакруа — до. Как и мышонок, которого Брут Хоуэлл, Зверюга для его друзей, прозвал Пароход Уилли, а Делакруа переименовал в Мистера Джинглеса.

Как бы его ни звали, мышонок объявился в блоке Е первым, даже до Дела. Произошло это летом, когда в камерах сидели двое других смертников, Вождь, Арлен Биттербак, и През, Артур Фландерс.

Этот мышонок. Чертов мышонок. Делакруа любил его, а вот Перси наверняка нет.

Перси сразу же возненавидел его.

Глава 2

Мышонок вернулся вновь через три дня после того, как Перси погнался за ним по Зеленой миле. Дин Стэнтон и Билл Додж говорили о политике... В те дни сие означало, что разговор шел о Рузвельте* и Гувере, Герберте**, не Джоне Эдгаре***. Они ели крекеры из коробки, которую Дин купил у

* Рузвельт Франклин Делано (1882—1945), 32-й президент США (с 1933 г.) от Демократической партии.

** Гувер Герберт Кларк (1874—1964) 31-й президент США (1929—1933) от Республиканской партии.

*** Гувер Джон Эдгар (1895—1972), с 1924 г. и практически до конца жизни директор ФБР.

старика Два Зуба час назад. Перси стоял в дверном проеме кабинета, играя с дубинкой, которую он так любил, и прислушиваясь к разговору. Он вытаскивал ее из нелепого чехла, одному Богу известно, где он такой взял, наносил воображаемый удар (вернее пытался нанести, потому что дубинка зачастую вырывалась у него из пальцев и падала бы на пол, если б не кожаная петля, удерживающая ее на запястье), потом вновь убирал в чехол. У меня в тот день был выходной, но следующим вечером я получил обстоятельный отчет Дина.

Появился мышонок на Зеленой миле точно так же, как и прежде, из-под двери карцера, и побежал, останавливаясь перед пустыми камерами, словно инспектировал их. Не найдя ничего интересного в одной, он перебежал к другой, похоже, никуда не торопясь и настроившись на долгую прогулку.

Президент на этот раз бодрствовал и стоял у решетки, отделявшей его камеру от коридора. Даже в синей тюремной униформе ему удавалось выглядеть респектабельным. Уже по его виду мы знали, что на Старую Замыкалку он не попадет, и оказались правы: не прошло и недели после второй стычки Перси с мышонком, как смертный приговор Презу заменили пожизненным заключением и он покинул блок Е.

— Эй! — воскликнул Президент. — Да у вас тут мышь! Ну и порядочки в вашем заведении! — Он вроде бы смеялся, но Дин отметил, что в голосе его слышалось и раздражение: даже смертный приговор не заставил его забыть о своем недалеком прошлом. Он возглавлял местное отделение Ассоциации риэлтеров Среднего Юга и полагал себя достаточно умным, чтобы выйти сухим из воды, выбросив престарелого отца из окна третьего этажа, дабы получить страховую премию. В этом он, однако, ошибся.

— Заткнись, дылдон, — автоматически бросил Перси. Он не отрывал глаз от мышонка. Дубинку он за-

сунул было в чехол и уже достал один из своих журналов, но теперь бросил его на стол и, вновь выхватив дубинку, начал постукивать ею по костяшкам пальцев левой руки.

— Каков наглец. — Билл Додж смотрел на мышонка. — Никогда не видел тут мышей.

— А по-моему, милый зверек, — высказал свое мнение Дин. — И совсем нас не боится.

— Откуда ты знаешь?

— Он сюда уже приходил. Перси тоже его видел. Зверюга называет его Пароход Уилли.

Перси пренебрежительно фыркнул, но промолчал. А дубинка его стучала все чаще, правда, теперь уже по ладони.

— Смотри внимательно. В прошлый раз он дошел до самого стола. Интересно, дойдет ли сейчас.

Дошел, широким полукругом обогнув камеру Президента, словно зверьку не нравился идущий от него запах. По пути мышонок заглянул в две камеры, обнюхал пустые, без матрацев, койки и опять вернулся на Зеленую милю. А Перси все стоял, постукивая дубинкой по руке, не произнося ни слова, выжидая удобного момента. Очень ему хотелось проучить мышонка.

— Как хорошо, парни, что вам не придется усаживать его на Старую Замыкалку, — нарушил тишину Билл. — Вот бы вы попотели, привязывая лапки к ножкам и надевая на голову колпак.

Перси по-прежнему молчал, но уже перехватил дубинку и теперь держал ее так, как держат хорошую сигару.

Мышонок остановился там же, где и в прошлый раз, в трех футах от стола, и уставился на Дина. На мгновение глянул на Билла, но затем вновь сосредоточил свое внимание на Дине. Перси он словно и не замечал.

— А он у нас смельчак, надо признать, — молвил Билл и чуть повысил голос: — Эй! Эй! Пароход Уилли!

Мышонок чуть повел ушками, но не убежал, даже не сдвинулся с места.

— А теперь смотри. — Дин вспомнил, как Зверюга кормил мышонка крошками сандвича. — Не знаю, какое у него сегодня настроение, но...

Он отломил кусочек крекера и бросил на пол перед мышонком. Маленькие черненькие глазки секунду или две смотрели на желтый кусочек, шевелились усики, потом мышонок приблизился к кусочку крекера, взял его в лапки, сел и начал есть.

— Будь я проклят! — воскликнул Билл. — Ест-то как аккуратно, словно пастор за ужином в субботний вечер!

— Скорее, как ниггер, жрущий арбуз, — прокомментировал Перси, но охранники не обратили на него внимания. Как и Вождь, и През. Мышонок слопал крекер, но продолжал сидеть, уютно устроившись на свернутом в кольцо хвостике и разглядывая гигантов в синем.

— Дай-ка я. — Билл отломил кусочек крекера и, перегнувшись через стол, бросил его на пол. Мышонок понюхал крекер, но не прикоснулся к нему.

— Ха, — вырвалось у Билла. — Наверное, наелся.

— Не, — возразил Дин. — Он знает, что ты тут человек временный, только и всего.

— Это я-то временный? Очень мне это нравится! Я здесь столько же, сколько и Гарри Тервиллигер! Может, даже дольше!

— Успокойся, старина, успокойся, — заулыбался Дин. — Смотри сам и убедишься, что я прав. — И он бросил на пол кусочек крекера. Действительно, мышонок взял его в лапки и начал есть, по-прежнему игнорируя подачку Билла Доджа. Но не успел мышонок и дважды поднести крекер к пасти, как Перси, словно дротик, метнул в него дубинку.

Мышонок, конечно, цель крошечная, но надо отдать должное Перси: бросок удался. Дубинка снесла бы голову Пароходу Уилли, если б не его великолепные рефлексy. Мышонок наклонил голову точно так же, как делает это человек, и выронил кусочек крекера. Тяжелая дубинка пролетела практически вприценку с его головой и позвоночником, так близко, что взъерошила шерстку (так, во всяком случае, утверждал Дин, и я не стал его поправлять, хотя не могу сказать, что полностью ему поверил), потом стукнулась о зеленый линолеум и забарабанила по решетке пустой камеры. Мышонок не стал дожидаться, пока ему скажут, что произошла ошибка. Похоже, он вспомнил, что у него есть неотложные дела в другом месте, повернулся и понесся по коридору к изолятору.

Перси аж взвыл от расстройства, он-то знал, что едва не уложил грызуна, и бросился следом. Билл Додж схватил его за руку, вероятно, автоматически, но Перси вырвался. Потом, однако, Дин доказывал всем, что именно эта задержка и спасла жизнь Пароходу Уилли, но скорее всего мышенок уцелел благодаря собственному проворству. Перси хотел не просто убить мышонка, он жаждал размазать его по линолеуму, поэтому мчался вперед огромными прыжками, словно олень, с силой вдавливая в пол ноги в тяжелых ботинках. Дважды мышенок едва увернулся от них, резко меняя направление движения, но в конце концов добрался до двери. Махнул своим длинным, ну очень уж длинным, розовым хвостиком и исчез.

— Черт! — Перси ударил кулаком по двери. Затем начал перебирать ключи, чтобы открыть дверь изолятора и настигнуть грызуна там.

Дин направился к нему. Шел он не спеша, чтобы успеть взять себя в руки. Потом он сказал мне, что, с одной стороны, ему хотелось посмеяться над Перси, а с другой — так и подмывало схватить этого идиота, заломить ему руки за спину да со всего размаху швыр-

нуть в дверь изолятора, чтобы на пару минут вышибить из него дух. Причину следовало искать во внезапности случившегося. Наша работа в блоке Е состоит в том, чтобы максимально избегать суеты, а Перси Уэтмор словно ставил целью добиваться обратного. Ни у кого не возникало желания заступать с ним в одну смену. Да и кому охота разряжать мину, если за спиной стоит человек и бьет в литавры. Дин сказал, что увидел печаль в глазах Арлена Биттербака... даже Президент вроде бы расстроился, хотя обычно этого джентльмена и танком не прошибешь.

А кроме того, Дин уже начал воспринимать мышонка как своего приятеля, ну если не приятеля, то как неотъемлемую часть жизни в блоке Е. И потому Дин не мог одобрить того, что уже сделал и еще пытался сделать Перси. Разумеется, речь шла не о том, что Перси хотел убить мышонка. Просто Перси в очередной раз продемонстрировал неспособность понять, что хорошо, а что плохо, тем самым вновь доказав непригодность для работы, за которую взялся.

Дойдя до конца коридора, Дин уже совладал с собой и понял, как ему надо себя вести. Чего Перси не мог снести, так это предстать перед всеми дураком, и мы это знали.

— Опять мимо, — усмехнулся Дин.

Перси грозно глянул на него и отбросил волосы со лба.

— Прикуси язык, Четырехглазый. Я в бешенстве. Не выводите меня из себя.

— Значит, снова будем двигать мебель, так? — Дин не рассмеялся... но смеялись его глаза. — Что ж, после того как ты все вынесешь в этот раз, тебя не затруднит протереть пол?

Перси посмотрел на дверь. На ключи. Подумал, как он будет вновь искать мышонка, а остальные — стоять вокруг и смотреть на него... даже Вождь и През.

— Будь я проклят, но никак не пойму, что здесь смешного, — вырвалось у Перси. — Не нужна нам мышь... у нас и так полно паразитов.

— Как скажешь, Перси. — Дин поднял руки.

Как сказал мне Дин следующим вечером, в тот момент он подумал, что Перси сейчас бросится на него.

Но подошел Билл Додж и разрядил обстановку.

— Кажется, ты это уронил. — Он протянул Перси дубинку. — Дюймом ниже, и ты сломал бы бедняге позвоночник.

Перси раздулся от гордости.

— Да, неплохой бросок. — Он аккуратно засунул дубинку в чехол. — В средней школе я был подающим*. И неплохо играл.

— Это чувствуется. Рука у тебя по-прежнему твердая. — Говорилось все это уважительным тоном, но стоило Перси отвернуться, как Билл подмигнул Дину.

— Да, — кивнул Перси. — Особенно мне удалась игра в Кноксвилле. Задали мы этим городским перцу. И выиграли бы, если б не судья, дылдон паршивый.

Дин мог бы поставить на этом точку, но в служебной иерархии он стоял выше Перси, а обязанность начальников — учить уму-разуму подчиненных. В тот момент, до появления Коффи, до появления Делакруа, он еще думал, что Перси может чему-то научиться. Поэтому он протянул руку и сжал запястье Перси.

— Надо бы тебе подумать о том, что ты сейчас делаешь.

Потом Дин говорил, что старался придать своему голосу серьезность, чтобы в нем не слышалось упрека.

Перси, однако, услышал. Он не хотел, да и не мог чему-либо учиться... в отличие от нас.

— Слушай, Четырехглазый, я отлично знаю, что делаю. Пытаюсь избавиться от этой мыши! Или ты ослеп?

* Речь идет о бейсболе.

— Ты также напугал Билла, напугал меня, даже этих двоих. — Дин указал на Биттербака и Фландерса.

— И что? — Перси расправил плечи. — Они не в яслях, если ты этого еще не заметил. Хотя вы, парни, относитесь к ним так, будто они груднички.

— Я вот тоже не люблю, когда меня пугают, — пробурчал Билл, — и я работаю здесь, Уэтмор, если ты этого еще не заметил. Опять же я не из твоих дылонов.

Перси смотрел на Билла, хищно прищурившись.

— И нам незачем пугать их без нужды, потому что они и так живут в постоянном напряжении, — говорил Дин тихим, ровным голосом. — А мужчины под таким напряжением могут сломаться. Причинить вред себе. Другим. Иногда доставить таким, как мы, массу неприятностей.

У Перси дернулся рот. В неприятностях он разбирался. Доставить их кому-либо другому — одно удовольствие. Навлечь на себя — это ни к чему.

— Наша работа — говорить, а не кричать, — продолжал Дин. — На заключенных может кричать только человек, потерявший над собой контроль.

Перси знал, что автор этой заповеди я. Босс. Теплых чувств Перси Уэтмор и Пол Эджкомб друг к другу не питали, но напомним, что речь идет о летних событиях, случившихся задолго до того, как разгорелся весь сыр-бор.

— Тебе же будет лучше, — гнул свое Дин, — если ты представишь себе, что находишься не в тюрьме, а в палате интенсивной терапии. И чем меньше ты будешь поднимать...

— По мне это место — ведро с мочой, в котором надо топить крыс, — оборвал его Перси. — А теперь отпусти меня.

Он вырвал руку, протиснулся между Дином и Биллом и зашагал по коридору, опустив голову. Перси прошел чуть ли не вплотную к камере Президента,

достаточно близко, чтобы Фландерс мог протянуть руку, схватить его, может, даже ударить по голове, будь Фландерс из драчунов. Но он никоим образом не подпадал под эту категорию, в отличие, скажем, от Вождя. Вождь, представься ему такая возможность, не преминул бы вздуть Перси, чтобы преподать ему наглядный урок. Рассказывая обо всем этом следующим вечером, Дин произнес несколько фраз, которые намертво впечатались в мою память, потому что оказались пророческими. «Уэтмор не понимает, что власти над ними у него нет. Ничего он им сделать не может, на электрический стул садятся только раз. Пока до него это не дойдет, он останется опасным как для себя самого, так и для окружающих».

Перси прошел в мой кабинет и захлопнул за собой дверь.

— Ну и ну, — покачал головой Билл Додж. — Похоже, у него воспалилось и сильно раздулось левое яйцо.

— Скорее оба, — возразил Дин.

— Будем оптимистами, — возразил Билл. Он всегда предлагал бодро смотреть на жизнь. И каждый раз, когда он упоминал про оптимизм, мне очень хотелось двинуть ему в челюсть. — Хитрый мышонок спасся.

— Да, но мы его больше не увидим, — вздохнул Дин. — Как я понимаю, на этот раз чертов Перси Уэтмор как следует напугал его.

Глава 3

Логичное предположение Дина, однако, не выдержало проверки жизнью. Мышонок объявился на следующий же вечер, первый из двух выходных Перси Уэтмора, после чего тот переходил в другую смену.

Пароход Уилли показался в коридоре около семи. При мне, Дине и Гарри Тервиллиgere. Гарри сидел за столом. Мое рабочее время закончилось, но я задержался, чтобы провести лишний час с Вождем, которому осталось совсем немного до казни. Биттербак стойчески ждал смерти, в полном соответствии с традициями своего племени, но я видел, как копится в его душе страх. Поэтому мы разговаривали. С приговоренными к высшей мере можно говорить и днем, но толку в этом немного. Мешают крики, обрывки разговоров, а то и шум потасовки, доносящиеся с тюремного двора, грохотание штамповочных прессов, работающих в мастерских, команды охранников, требующих, чтобы кто-то активнее махал лопатой, взял кирку, а то и просто убрался с дороги. После четырех наружный шум заметно стихал, а после шести вообще сходил на нет. Поэтому оптимальным для бесед я считал промежуток от шести до восьми вечера. Потом же осужденные погружались в свои невеселые мысли (это легко читалось по туманящимся глазам), и дальнейшие разговоры смысла не имели. Они вроде бы тебя слушали, но уже ничего не понимали. После восьми они уже опасались, а не окажется ли **эта ночь** последней, представляли себе, что будут **ощущать**, когда на голову наденут металлический колпак, как будет пахнуть воздух в мешке, который натянут на потное лицо.

Но я разговорил Вождя в удачный момент. Он рассказал мне о своей первой жене, о том, как они вдвоем построили дом в Монтане. То были самые счастливые дни в его жизни, признался Вождь. Они пили воду, такую чистую и холодную, что от каждого глотка ломало зубы.

— Как вы думаете, мистер Эджкомб, — спросил он меня, — если человек искренне раскаивается в содеянном, может ли он вернуться в то время, когда чув-

ствовал себя на вершине счастья, и жить в нем вечно? Может, это и есть рай?

— Именно так я его себе и представляю, — солгал я, нисколько об этом не сожалея. Ответы на вопросы, касающиеся вечности, я получил, сидя на коленях матери, и верил тому, что обещала убийцам Хорошая книга*: никакой вечной жизни. Я до сих пор думаю, что они прямоком отправляются в ад, где будут гореть в огне, пока Господь не кивнет Гавриилу, дабы тот, поднеся трубу ко рту, возвестил о приходе Судного дня. Когда же это произойдет, они вздохнут... и, возможно, с радостью пойдут туда, куда их пошлют. Но этими мыслями я не делился ни с Биттербаком, ни с другими. Я думаю, что в глубине души они и сами все знали. Где брат твой, кровь которого вопиет ко мне с земли, спросил Господь у Каина, и я сомневаюсь, чтобы слова эти могли удивить Биттербака. Готов поставить последний доллар, что он слышал кровь Авеля, взывающую к нему с земли при каждом шаге.

Вождь улыбался, когда я уходил, возможно, думая о доме в Монтане и своей жене, лежащей с обнаженной грудью у огня. Я же нисколько не сомневался в том, что вскорости его ждал другой, более жаркий огонь.

В коридоре меня остановил Дин и рассказал о стычке с Перси прошлым вечером. Я думаю, он специально дожидался удобного момента, поэтому выслушал его очень внимательно. Впрочем, я всегда слушал внимательно, когда речь шла о Перси, потому что соглашался с Дином на все сто процентов: Перси относился к тем людям, которые могли доставить массу хлопот как окружающим, так и себе.

Дин уже заканчивал рассказ, когда появился старик Два Зуба со своей исписанной цитатами из Библии красной тележкой с едой (♦ Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от

* Библия.

змея»*, «Потому что конец закона Христос, к праведности всякого верующего»** и так далее), и продал нам сандвичи и пакетики с воздушной кукурузой. Дин рылся в карманах в поисках мелочи, говоря о том, что больше мы Парохода Уилли не увидим, так как этот чертов Перси Уэтмор до смерти перепугал его, но старик Два Зуба оборвал его монолог вопросом:

— А это кто?

Мы посмотрели и увидели мышонка, деловито бегущего по Зеленой миле. Он остановился, поглядел на нас (глазки такие яркие, блестящие) и двинулся дальше.

— Эй, мышь! — воскликнул Вождь.

Мышонок замер и уставился на него, подергивая усиками. Клянусь вам, эта крошечная тварь знала, что зовут именно ее.

— Как насчет того, чтобы подкрепиться?

И он бросил мышонку кусочек сыра. Сыр упал на линолеум перед самой его мордочкой, но Пароход Уилли лишь мельком глянул на подачку и проследовал дальше, по пути инспектируя пустые камеры.

— Босс Эджкомб! — подал голос Президент. — Как по-вашему, этот маленький чертенок знает, что Уэтмора здесь нет? Клянусь Богом, мне кажется, знает.

Я думал о том же... но не собирался озвучивать свои мысли.

Гарри вышел в коридор, подтягивая штаны (так он делал всегда, проведя несколько минут в сортире), и застыл, широко раскрыв глаза. Глазел на мышонка и старик Два Зуба, а губы его беззубого рта изогнулись в улыбке.

Пароход Уилли остановился на своем излюбленном месте, свернул хвост колечком вокруг задних лапок и посмотрел на нас. Опять мне вспомнилась картина, изображающая судей, выносящих приговор

* 1-е Коринфянам, 10:9.

** К Римлянам, 9:4.

заключенным... однако... мне еще не доводилось видеть такого маленького и не выдающего ни малейших признаков страха заключенного. Да и какой, в конце концов, он заключенный: Пароход Уилли мог приходить и уходить когда ему заблагорассудится. Тем не менее мысль эта не выходила у меня из головы, и вновь подумалось, что большинство из нас почувствуют себя такими же маленькими, когда по завершении жизни в этом мире мы придем на суд Божий, но мало кто сможет вот так побороть страх.

— Как вам это нравится? — покачал головой старик Два Зуба. — Расселся, как у себя дома.

— Ты еще многого не видел, Два Зуба, — встрял Гарри. — Смотри.

Он сунул руку в нагрудный карман, достал ломтик сушеного яблока, завернутый в вощеную бумагу, оторвал кусочек и бросил на пол. Я думал, он стукнется о линолеум и отлетит в сторону, но мышонок протянул лапку и прижал его к полу. Мы все в восхищении расхохотались. Вроде бы раскаты нашего хохота не могли не испугать Пароход Уилли, однако мышонок лишь дернул усиками, но не сдвинулся с места. Потом он поднял кусочек яблока, куснул его раздрузгой, выронил на линолеум и вновь поднял на нас глаза, как бы говоря: неплохо, конечно, но нет ли у вас чего-нибудь еще?

Два Зуба поднял крышку своей тележки, достал сандвич, развернул его, вытащил кружочек болонской колбасы и оторвал чуток.

— Не переводи продукт, — предупредил его Дин.

— Ты это о чем? — спросил Два Зуба. — Я еще не видел ни одной мыши, которая отказалась бы от болонской колбасы. Ты просто псих.

Но я знал, Дин прав, а по лицу Гарри видел, что и он согласен со мной. Временные — они не такие, как постоянные. И Пароход Уилли эту разницу чувствовал. Как — не знаю, но чувствовал.

Старик Два Зуба бросил колбасу на пол, но мышонок, естественно, есть ее не стал. Только понюхал, а потом отступил назад.

— Чтоб мне лопнуть! — По голосу старика чувствовалось, что он обижен.

Я протянул руку:

— Дай его мне.

— Что? Этот сандвич?

— Вот-вот. Я за него заплачу.

Два Зуба протянул мне сандвич. Я поднял верхний кусок хлеба, взял другой кружок колбасы, оторвал треть и бросил на пол перед столом. Мышонок тут же подбежал, схватил его в лапки и начал есть. Не успели мы и глазом моргнуть, как от болонской колбасы не осталось и следа.

— Будь я проклят! — воскликнул Два Зуба. — Кровавый ад! Где ж это видано!

Он схватил сандвич, вытащил целый кружок колбасы и бросил так близко от мышонка, что кружок едва не накрыл его, словно шляпа. Пароход Уилли отпрянул, потом принюхался к колбасе (несомненно, во время Великой депрессии ни одной мыши не перепадал такой царский подарок) и снизу вверх посмотрел на нас.

— Давай, давай, ешь! — старик Два Зуба совсем уж разобиделся. — Что тебе не нравится?

Сандвич перекочевал к Дину, теперь он бросил на линолеум кружок колбасы... Такая вот пошла борьба за клиента. Мышонок тут же схватил его и слопал. Затем повернулся и засеменил обратно к карцеру, останавливаясь по пути, чтобы заглянуть в две пустые камеры и прогуляться по третьей. Опять же мне подумалось, что он кого-то ищет, но я снова отогнал от себя эту мысль.

— Я никому не буду об этом рассказывать. — Вроде бы Гарри шутил, а вроде бы и нет. — Во-первых,

всем это до лампочки. А во-вторых, никто мне не поверит.

— Он же ест только из ваших рук, парни. — Два Зуба покачал головой, словно тоже не мог поверить тому, что видел собственными глазами, затем с трудом наклонился, подобрал то, от чего отказался мышонок, и сунул кусок колбасы в беззубый рот. — Почему он это делает?

— У меня есть вопросик получше, — усмехнулся Гарри. — Как он узнал, что у Перси сегодня выходной?

— Ничего он не узнал, — ответил я. — Это просто совпадение. Пароход Уилли все равно появился бы здесь сегодня вечером.

Только верить в это с каждым днем становилось все труднее и труднее, потому что мышонок показывался только по выходным Перси и в те дни, когда он работал в другую смену или в других блоках. Мы, Гарри, Дин, Зверюга и я, решили, что он отличает голос Перси или реагирует на его запах. Мы старались поменьше говорить о мышонке, так как дискуссия (мы, похоже, пришли в этом вопросе к молчаливому согласию) могла порушить что-то странное... и удивительное, чего мы еще не могли выразить словами. В конце концов, Уилли выбрал нас, хотя я даже сейчас не могу сказать почему. Может, Гарри наиболее близко подошел к истине, сказав, что другим говорить об этом нет нужды. Не потому, что они не поверят, просто им все это без разницы.

Глава 4

А тут и подошло время экзекуции Арлена Биттербака, который был не вождем, а первым старейшиной своего племени в резервации Уашита и членом Совета чероки. Он убил человека по пьянке,

собственно, напились они оба. Вождь разможил ему голову бетонным блоком. Спор же возник из-за пары сапог. И совет моих старейшин назначил казнь на семнадцатое июля.

Для подавляющего большинства заключенных «Холодной горы» свидания случаются нечасто и жестко ограничены во времени, а вот мои подопечные из блока Е в этом получают значительные послабления. Шестнадцатого июля Биттербаку разрешили пройти в большую комнату, примыкающую к столовой и называемую Аркадой. Стена из сетки с вплетенными в нее рядами колючей проволоки делила Аркаду пополам. Здесь Вождю предстояло повидаться со второй женой и теми из его детей, кто пожелал приехать в тюрьму. Повидаться и попрощаться.

Его увели Билл Додж и двое временных надзирателей. Мы же приступили к отработке элементов экзекуции. За час предстояло сделать два прогона. При удаче — три.

Перси особо не протестовал, когда его определили в щитовую в компании с Джеком ван Хэем, в силу своей неопытности он еще не знал, где хорошее место, а где плохое. В итоге за экзекуцией Перси смог наблюдать через небольшое, забранное решеткой окно, если б ему доставило удовольствие лицезрение спинки стула. Зато от спинки его отделяло совсем маленькое расстояние, и он мог увидеть искры, которые летели из-под колпака после подачи электрического тока.

У окошка на стене висел черный телефонный аппарат без диска. Связь он обеспечивал одностороннюю и только из одного места: кабинета губернатора. За свою жизнь я повидал немало фильмов о тюрьме, когда этот телефон звонил аккуратно перед поворотом рубильника, но за годы службы в блоке Е наш телефон не зазвонил ни разу. В кино спасения достичь легко. Как и подтвердить свою невиновность. Ты платишь четверть доллара за билет, вот и получаешь прав-

ды ровно на эту сумму. В настоящей жизни все дороже и на те же вопросы даются совсем другие ответы.

На репетиции вместо трупа мы отвозили к катафалку манекен, а все остальное отрабатывали на старике Два Зуба. За долгие годы он вошел в эту роль и отлично с ней справлялся. В тюрьме его любили, особенно всем нравился его акцент, скорее канадский, чем французский, который приобрел своеобразное звучание после долгих лет проживания на Юге. Даже Зверюге он нравился. А вот мне — нет. Я видел в нем одряхлевшую копию Перси Уэтмора, человека, который не станет мараться, чтобы убить какую-то живность и самому приготовить еду, однако будет стоять у костра и наслаждаться запахом жарящегося мяса.

На репетиции мы отрабатывали те роли, которые нам предстояло сыграть в ходе экзекуции. Брут Хоуэлл был у нас, как мы говорили, выпускающим. То есть надевал металлический колпак, дежурил у телефона губернатора, подзывал врача, если возникала такая необходимость, и давал команду повернуть рубильник, когда наступал решающий момент. Если все проходило без сучка без задоринки, похвалы мы не слышали. Если возникали осложнения, свидетели вили во всем Зверюгу, а начальник тюрьмы — меня. Никто из нас не жаловался — бесполезно. Планета вращается, знаете ли. Можно вращаться вместе с ней, а можно зацепиться за что-то и протестовать, но тогда тебя свалит с ног.

Дин, Гарри Тервиллигер и я подошли к камере Вождя через три минуты после того, как Билл и еще два надзирателя увели Биттербака в Аркаду. Дверь в камеру они оставили распахнутой, старик Два Зуба с растрепанными седыми волосами уже сидел на койке.

— На простыне пятна от спермы. — Два Зуба хохотнул. — Наверное, он постарается избавиться от них, прежде чем вы, парни, выведете его отсюда.

— Заткнись, Два Зуба, — бросил Дин. — Обойдемся без шуточек. Мы заняты важным делом.

— Хорошо, хорошо. — Лицо старика сразу стало серьезным. Лишь в глазах по-прежнему сверкали веселые искорки. Когда репетировалась казнь, жизнь в старике так и бурлила.

Я выступил вперед.

— Арлен Биттербак, как сотрудник суда и страж закона предъявляю вам ордер, извещающий о том, что ваша смертная казнь состоится сегодня в означенный в нем час. Выходите из камеры.

Два Зуба поднялся с койки.

— Я выхожу, я выхожу, я выхожу, я выхожу.

— Повернитесь, — приказал Дин.

Когда старик повернулся, Дин внимательно осмотрел его плешивую, в перхоти, макушку. Мы знали, что макушку Вождя к завтрашнему вечеру чисто выбреют, но в обязанности Дина входила проверка работы цирюльника. Щетина ухудшала контакт, что могло привести к нежелательным осложнениям. А мы для того и репетировали, чтобы их избежать.

— Хорошо, Арлен, пошли, — приказал я старику Два Зуба, и мы пошли.

— Я шагаю по коридору, я шагаю по коридору, я шагаю по коридору, — повторял Два Зуба.

Я шел от него справа, Дин — слева, Гарри — сзади. На развилке мы повернули направо, подальше от жизни, что продолжалась на тюремном дворе, и навстречу смерти, которая ждала в кладовой. Мы зашли в мой кабинет, и Два Зуба без напоминания упал на колени. Сценарий он запомнил наизусть, возможно, лучше нас. Бог тому свидетель, в тюрьме он появился раньше, чем мы.

— Я молюсь, я молюсь, я молюсь. — Два Зуба воздел к небу узловатые руки. Выглядели они совсем как на знаменитой гравюре, вы понимаете, о чем я говорю. «Господь — мой пастырь», и так далее.

— Какой Биттербак веры? — спросил Гарри. — Надеюсь, нам не придется приглашать этого шамана-чероки, который будет прыгать по кабинету, тряся концом?

— Вообще-то...

— Все еще молюсь, все еще молюсь, все еще устремляюсь помыслами к Христу, — перебил меня Два Зуба.

— Заткнись, старый козел, — бросил Дин.

— Я молюсь!

— Так молись про себя!

— Чего вы так запаздываете? — заорал из кладовой Зверюга. В связи с экзекуцией ее освободили от хлама. Мы приближались к зоне смерти. Это чувствовалось даже по запаху.

— Не дергайся! — огрызнулся Гарри. — Что это ты такой нетерпеливый?

— Молюсь. — Губы старика изогнулись в неприятной улыбке. — Молюсь о терпимости, всего лишь о терпимости друг к другу.

— Вообще-то Биттербак — христианин. Так он говорит, — докончил я прерванную фразу. — И его вполне устроит баптистский священник из Тиллман-Кларка. Его фамилия Шустер. Мне он тоже нравится. Шустрый такой, не дает им совсем уж расклеиться. Вставай, Два Зуба, на сегодня ты уже достаточно помолился.

— Шагаю. — Старик поднялся. — Снова шагаю, снова шагаю, снова шагаю по Зеленой миле.

Даже ему, при его невысоком росте, пришлось пригнуться, чтобы не задеть головой дверь в дальней стене моего кабинета. Мы же просто согнулись. В ситуации с настоящим заключенным это был наиболее опасный момент, поэтому я удовлетворенно кивнул, взглянув на возвышение со Старой Замыкалкой и увидев Зверюгу с револьвером наизготовку. Так и надо.

Два Зуба спустился по ступеням и остановился. Складные стулья, числом сорок, уже стояли на поло-

женных местах. Биттербака повели бы к возвышению по дуге, подальше от сидящих. Во избежание эксцессов при казни число надзирателей увеличивалось на полдюжины. Командовал ими Билл Додж. У нас еще ни разу приговоренный к смерти не нападал на присутствующих при казни... и мне хотелось, чтобы так продолжалось и дальше.

— Готовы, парни? — спросил Два Зуба, когда у ступеней мы все вновь выстроились в прежнем порядке. Я кивнул, и мы зашагали к возвышению. Я часто думал, что мы более всего напоминаем конвой знаменосца, забывшего захватить с собой знамя.

— А что должен делать я? — полюбопытствовал Перси из щитовой, прикинув к оконной решетке.

— Наблюдай и учись, — ответил я.

— И не лапай рубильник, — пробормотал Гарри.

Два Зуба его, однако, услышал и хохотнул.

Мы подвели старика к возвышению, и он сам, без напоминания, повернулся спиной к Старой Замыкалке: всезнающий ветеран, не допускающий отклонений от заведенного порядка.

— Сажусь, сажусь, сажусь, бросаюсь в лоно Старой Замыкалки.

Я опустил на правое колено у его правой ноги. Дин — на левое у левой. В этот момент уязвимыми оказывались мы. Если приговоренный внезапно обезумеет... такое время от времени случалось. Мы оба чуть развернулись, чтобы колено защищало промежность. Прижали подбородок к груди, чтобы обезопасить шею. А затем, разумеется, с максимальной быстротой, дабы ограничить во времени нависшую над нами опасность, проскочили следующий этап: закрепление ног. Вождю на свой последний променад предстояло выйти в шлепанцах, ведь словами «могло быть и хуже» не утешить надзирателя с разорванной гортанью. И невелика радость корчиться на полу с раздутой, как воздушный шарик, мошонкой в присутствии сорока

зрителей, главным образом журналистов, восседающих на складных стульях.

Мы закрепили ноги старика. У Дина замок был размером побольше, из-за емкости с жидкостью. Завтра Биттербак должен сесть на Старую Замыкалку с выбритой левой голенью. У индейцев волосистой покров на теле практически нулевой, но лишнего риска нам не надо.

Пока мы занимались ногами старика, Зверюга закреплял его правую руку. А тут и Гарри мягко подошел слева и проделал то же самое с левой. Покончив с этим, кивнул Зверюге, который крикнул ван Хэю:

— Позиция один!

Я слышал, как Перси спросил ван Хэя, что это значит (мне с трудом верилось, что он так мало знает, столь немногому научился за время пребывания в блоке Е). Ван Хэй тихим голосом объяснил. Сегодня «позиция один» ничего не значила, но завтра, услышав команду Зверюги, ван Хэй повернет рубильник, подключая тюремный генератор к блоку Е. Свидетели услышат низкое гудение, а лампы по всей тюрьме засветятся ярче. В других блоках заключенные, видя эти яркие фонари, думали, что экзекуция закончена, хотя на самом деле она только начиналась.

Зверюга встал перед Старой Замыкалкой.

— Арлен Биттербак, вы приговорены к смерти на электрическом стуле, приговор вынесен присяжными и утвержден судьей. Господи, спаси народ нашего штата. Вы хотите что-нибудь сказать перед тем как приговор будет приведен в исполнение?

— Да. — Глаза старика блеснули, он радостно улыбнулся беззубым ртом. — Я хочу съесть на обед жареного цыпленка, я хочу посрать в твою шляпу, я хочу, чтобы Мэй Уэст села мне на физиономию, потому что охоч я до женских «кисок».

Зверюга пытался сдержаться, но безуспешно. Откинув назад голову, он расхохотался. Дин согнулся в

три погибели, сотрясаемый приступами хохота. Не отставал от него и стоящий у стены Гарри. Рассмеялся даже ван Хэй, у которого начисто отсутствовало чувство юмора. Я тоже позволил себе смешок-другой, но не больше. Все-таки завтра на том месте, где сидел сейчас Два Зуба, умрет человек.

— Хватит, Зверюга, — прекратил я веселье. — И ты, Гарри. Придержи язык, старик. Если еще раз скажешь что-нибудь подобное, я на самом деле прикажу ван Хэю перевести рубильник в «позицию два».

Два Зуба радостно улыбнулся, как бы говоря: «Но ведь хорошая шутка, босс Эджкомб, хорошая шутка». Но улыбка сразу поблекла, когда он увидел мою суровую физиономию.

— Что-то не так? — спросил он.

— Смешного тут ничего нет. Негоже смеяться, когда речь идет о смерти. Если ты этого не понимаешь, не раскрывай пасть.

Только шутка действительно получилась хорошей, наверное, это меня и разозлило.

Я огляделся. Зверюга смотрел на меня, все еще улыбаясь.

— Черт, — вырвалось у меня, — наверное, староват становлюсь для этой работы.

— Нет, — покачал головой Зверюга. — Ты-то в самом соку, Пол.

Насчет меня он, конечно, ошибся. Из него тоже весь сок уже вышел, и мы оба это знали. Однако приступ смеха прошел. Теперь оставалось только надеяться, что завтра никто не вспомнит шутку старика и не начнет смеяться вновь. Вы скажете, что такое невозможно, не может смеяться надзиратель, подводя к электрическому стулу приговоренного к смерти, однако когда человек в напряжении, случиться может всякое. А потом вспоминать об этом будут еще двадцать лет.

— Угомонишься ты наконец, Два Зуба? — спросил я.

— Да. — На лице старика застыла обида.

Я кивнул Зверюге, показывая, что мы можем продолжить. Он снял маску с медного крюка на задней стороне спинки стула и натянул ее на голову старика. Макушка осталась открытой. Затем Зверюга наклонился, одной рукой достал из ведра губку, надавил на нее указательным пальцем другой руки, лизнул кончик пальца, после чего вновь бросил губку в ведро. Завтра он вложит губку в металлический колпак. Не сегодня. Незачем лишний раз мочить старика голову.

К колпаку, сработанному из стали, с двух сторон крепился ремешок, так что чем-то колпак напоминал и каску пехотинца. Зверюга надел колпак на голову старика Два Зуба, покрыв им ту часть головы, которую не закрыла маска.

— Мне надевают колпак, мне надевают колпак, мне надевают колпак, — пробубнил из-под маски Два Зуба. Ремешок, заведенный под подбородок, не позволял шевелить челюстями, и я подумал, что Зверюга затянул его сильнее, чем того требовала репетиция. Он отступил назад и повернулся к пустым стульям.

— Арлен Биттербак, электрический ток будет проходить по вашему телу, пока вы не умрете, в соответствии с законами этого штата. Да помилует Господь вашу душу.

Зверюга повернулся к забранному решеткой прямоугольнику:

— Позиция два!

Старик Два Зуба, возможно решив, что одной шутки мало, начал дергаться и извиваться, чего практически никогда не случалось с настоящими клиентами Старой Замыкалки.

— Меня поджаривают! — кричал он. — Поджаривают! Поджа-а-а-аривают! О-о-о-о-о! Индейка уже готова!

Но тут я заметил, что Гарри и Дин даже не смотрят на него. Они отвернулись от Старой Замыкалки и не сводили глаз с двери, ведущей в мой кабинет.

— Будь я проклят! — вырвалось у Гарри. — Один из свидетелей явился на день раньше.

С порога, свернув хвост колечком, поблескивая черными бусинками глаз, за нами наблюдал мышонок.

Глава 5

Экзекуция прошла хорошо... если, конечно, можно рассматривать казнь в контексте понятий «хорошо» и «плохо», в чем лично я сомневаюсь. Но если можно, то экзекуция Арлена Биттербака, старейшины племени чероки из Уашиты, прошла хорошо. Он никак не мог заплести косички, слишком сильно дрожали руки, и его старшей дочери, женщине лет тридцати с небольшим, разрешили взять на себя этот труд. Она хотела вплести в кончики перышки ястреба, но получила отказ. Перышки могли загореться от случайной искры. Этого я ей объяснить не стал, но сказал, что инструкцией это запрещено. Она не протестовала, просто наклонила голову и прижала руки к вискам, выказывая свое неудовольствие. Эта женщина держалась с достоинством, и такое поведение служило гарантией того, что и ее отец не уронит своей чести.

Вождь покинул камеру без воплей, не пытаясь схватиться за прутья решетки. Иногда приходится отрывать их пальцы от решетки. Я лично сломал один или два и до сих пор не могу забыть этот приглушенный хруст. Но Вождь, слава Богу, не относился к тем, кто цепляется за последнюю соломинку. Уверенным шагом он прошел Зеленую милю, упал на колени в моем кабинете, чтобы помолиться с братом Шусте-

ром, который приехал на своей колыхаге из баптистской церкви Небесного света. Шустер прочитал Вождю несколько псалмов. Слушая один, в котором упоминалась вода, Вождь даже всплакнул. К счастью, безо всякой истерики, так что слезы эти только пошли ему на пользу. Я думаю, он вспомнил первую жену и холодную чистую воду, от каждого глотка которой лопило зубы.

Откровенно говоря, мне нравится, когда они плачут. Неприятностей надо ждать в тех случаях, когда слез нет.

Многие в аналогичной ситуации не могут подняться с колен без посторонней помощи, а Вождь встал сам. Его тут же качнуло, поэтому Дин протянул руку, чтобы он не упал, но Вождь уже вернул себе контроль над ногами, и мы двинулись дальше.

Свободные стулья я мог бы пересчитать на пальцах одной руки. Люди тихонько переговаривались, словно дожидаясь, когда начнется свадебная церемония или похоронная служба. Вот тут Биттербак в первый и единственный раз дрогнул. Не знаю, то ли он увидел особо неприятного ему человека, то ли его смутило такое количество людей, но в груди у него что-то заклокотало, а рука, которую я держал, напряглась. Уголкем глаза я заметил, как Гарри Тервиллигер надвинулся сзади, чтобы отрезать Вождю путь к бегству, если тот вдруг решит метнуться обратно в дверь.

Я сжал локоть Вождя и едва слышно прошептал, не шевеля губами:

— Возьмите себя в руки, Вождь. Эти люди смогут запомнить только одно: как вы будете держаться. Покажите им, что чероки смерти не боятся.

Он искоса глянул на меня и кивнул. Затем поднес к губам одну из косичек, заплетенных дочерью, и поцеловал ее. Я посмотрел на Зверюгу в парадной униформе с начищенными пуговицами и в шляпе, стоявшего навтыжку за электрическим стулом, и коротко

ему кивнул. Зверюга выскочил из-за стула, чтобы помочь Биттербаку подняться на возвышение, если б тот не сумел сделать это сам. Помощь не потребовалась.

Прошло меньше минуты с того момента, как Биттербак опустился на электрический стул, до команды Зверюги: «Позиция два!» Огни чуть померкли. Кто-то мог этого и не заметить. Сие означало, что ван Хэй повернул рубильник, который какой-то шутник прозвал феном старушки Мабел. Из колпака донеслось низкое гудение, Биттербака бросило вперед, натянулись удерживающие его ремни на руках и груди. Стоящий у стены тюремный доктор не отрывал от него глаз, его и так тонкогубый рот превратился в щелочку. Биттербак не трепыхался, как Два Зуба на репетиции. Мощная волна постоянного тока прижала его к ремням. Синяя рубашка на груди натянулась, открывая островки кожи между пуговицами.

Появился запах. Может, сам по себе не такой уж плохой, но вызывающий неприятные ассоциации. Потом я так и не смог заставить себя спуститься в подвал дома моей внучки, где ее сын устроил себе игровую комнату, хотя он и очень хотел показать ее горячо любимому прадедусшке. Я ничего не имею против игрушечных электрических железных дорог, а вот трансформаторы терпеть не могу. Их гудение. И их запах после того, как они хорошенько разогреются. Даже по прошествии стольких лет запах этот напоминает мне о «Холодной горе».

Ван Хэй выждал тридцать секунд, потом отключил ток. Доктор тут же подошел к Биттербаку, послушал его стетоскопом. Теперь все свидетели сидели тихо. Доктор выпрямился, посмотрел на зарешеченное окно.

— Аритмия.

Он крутанул рукой, показывая, что рубильник надо еще раз перевести во вторую позицию. Скорее всего доктор услышал несколько случайных сердцебиений,

в чем-то похожих на судороги курицы, у которой отрубили голову, но счел, что рисковать незачем. Действительно, кому охота, чтобы в тоннеле казненный неожиданно сел на каталке и заорал, что у него внутри все горит.

Ван Хэй включил ток, и Вождя вновь бросило вперед. Выслушав его стетоскопом во второй раз, врач удовлетворенно кивнул. Все закончилось. Мы в очередной раз уничтожили то, что создавалось не нами. Некоторые из свидетелей вновь заговорили на низких тонах. Большинство же просто сидели, наклонив головы и вперившись в пол. Словно пораженные громом. Или стыдом.

Гарри и Дин притащили носилки. В этой операции полагалось участвовать Перси, но он этого не знал, а мы как-то не удосужились сказать ему. Вождя, все еще в черной шелковой маске, мы со Зверюгой уложили на носилки и вчетвером унесли через дверь, ведущую в тоннель. Унесли быстро, чуть ли не бегом. Из-под маски вился дымок, воняло гадостно.

— Что это за мерзкий запах? — спросил появившийся Перси.

— Отойди в сторону и не лезь не в свое дело! — рявкнул Зверюга, протискиваясь мимо него к стене, где стоял огнетушитель. Дин тем временем стащил маску. Все оказалось не так уж и плохо, тлела лишь левая коса Биттербака.

— Обойдемся без огнетушителя, — остановил я Зверюгу. Кому охота счищать пену с покойника. А с пеной его в катафалк не положишь. Я начал похлопывать ладонью по голове Вождя (Перси так и стоял, вылупившись на меня), пока от дыма не остались одни воспоминания. Потом по двенадцати деревянным ступеням мы спустили тело в тоннель. Холодный и мрачный, как подземелье. Откуда-то даже доносился звук падающих капель. Лампы под потолком освещали тридцать футов кирпичной трубы, проходящей под

дорогой. Потолок влажно блестел. Каждый раз, попадая в тоннель, я казался себе персонажем из рассказа Эдгара Аллана По.

Тележка уже стояла наготове. Мы переложили на нее Биттербака, и я еще раз убедился, что косичка больше не тлеет. К сожалению, от нее мало что осталось, да и макушка совсем обуглилась.

Перси звонко шлепнул мертвеца по щеке. Мы все аж подпрыгнули от неожиданности. А Перси самодовольно оглядел нас, глаза его ярко блестели. Потом он вновь взглянул на Биттербака.

— Адью, Вождь. Надеюсь, в аду тебе покажется жарко.

— Не трогай его, — сквозь зубы процедил Зверюга. — Он за все заплатил сполна. С законом он в расчете. Так что держи руки подальше.

— Да брось ты, — отмахнулся Перси, но отступил назад, когда Зверюга двинулся на него.

Однако Зверюга, вместо того чтобы врезать Перси, взялся за тележку и покатил ее к дальнему концу тоннеля, откуда Вождю предстояло отправиться в последнюю поездку. Дин и Гарри взялись за простыню и накрыли ею лицо Вождя, по которому уже разливалась восковая бледность, свойственная лицам всех покойников, были ли эти люди казнены или умерли естественной смертью.

Глава 6

Мне только-только исполнилось восемнадцать лет, когда мой дядя Пол (меня называли в его честь) умер от сердечного приступа. Отец и мать взяли меня с собой в Чикаго на похороны и повидаться с родственниками по отцовской линии, которых я до того не видел. С одной стороны, такая поездка не

могла не радовать, с другой — сильно меня огорчила. Потому что я как раз влюбился в девушку, ставшую моей женой через две недели после того, как я отпраздновал девятнадцатый день рождения. Как-то вечером, когда сжигавшая меня страсть вышла из-под контроля, я написал ей длинное-преддлинное письмо, излив все, что переполняло мое сердце. Я даже не перечитывал написанное, потому что боялся остановиться. Так и дописал до самого конца, а потом тихий голос в моей голове предупредил, что отправлять такое письмо нельзя, ведь этим письмом я просто положу ей на ладонь свое сердце. Голос этот я в юношеской запальчивости проигнорировал. А потом не раз задавался вопросом, сохранила ли Джейнис мое письмо, но так и не решился спросить ее об этом. Одно я знаю наверняка: после похорон этого письма в ее вещах я не нашел. Я не спрашивал о нем по одной причине: боялся узнать, что для нее этот крик души значил гораздо меньше, чем для меня.

Письмо заняло четыре страницы, я думал, что никогда в жизни не смогу написать больше, а теперь сами видите, что получается. Уже столько написано, а конца еще не видно. Если б я знал, что история получится такой длинной, то не брался бы за это дело. Поначалу я и представить себе не мог, сколько дверей открывает сам процесс переноса информации на бумагу. Откуда мне было знать, что старая перьевая ручка моего отца совсем и не ручка, а универсальная отмычка. Мышонок, наверное, лучший пример того, о чем я толкую: Пароход Уилли, Мистер Джинглес, мышонок на миле. До того момента как я начал писать, я не понимал, какую важную он (да, он) сыграл роль. Как он начал искать Делакура до того, как тот появился в блоке Е... Мне ведь и в голову это не приходило, во всяком случае на уровне сознания, до того как я начал писать и вспоминать.

Наверное, мне нужно сказать о том, что я понятия не имел, сколь далеко мне придется вернуться, чтобы рассказать вам о Джоне Коффи, и как надолго оставить его в камере, мужчину с такими длинными ногами, что они не просто свешивались с койки, но доставали до пола. Я ведь не хочу, чтобы вы забыли его, не так ли? Мне хочется, чтобы вы видели его, уставившегося в потолок камеры, плачущего молчаливыми слезами или закрывающего лицо руками. Хочется, чтобы вы слышали его вздохи, дрожащие от рыданий, его редкие стоны. Они ничем не напоминали свидетельства агонии и сожаления, что часто доносились до наших ушей в блоке Е, или крики, в которых звучали нотки раскаяния. Как и вечно мокрые глаза Коффи, эти звуки существовали как бы отдельно от той душевной боли, с которой нам приходилось иметь дело. В определенном смысле (я понимаю, какой галиматьей все это может показаться, разумеется, понимаю, но нет смысла браться за столь большой труд, а рассказ мой получается долгим, если не высказать то, что велит сердце) складывалось впечатление, будто он жалует весь мир, и чувство это столь велико, что полностью облегчить душу просто невозможно. Иногда я сидел, говорил с ним, как говорил бы с любым другим (разговоры эти — важнейшая часть нашей работы, кажется, я уже упоминал об этом), и пытался успокоить. Не уверен, что мне это удавалось, но меня радовало уже то, что он страдает. Я чувствовал, что он достоин страдания. Я даже подумывал о том, чтобы позвонить губернатору (или попросить Перси позвонить ему... черт, губернатор приходился родственником ему — не мне) и попросить отсрочить казнь. «Не след нам так быстро сажать его на электрический стул, — сказал бы я. — Боль его еще слишком велика, она вгрызается в него острыми зубами, лишая покой. Дайте ему еще девяносто дней, ваше превосход-

дительство, сэр. Пусть он поможет себе тем, в чем мы бессильны».

Вот я и хочу, чтобы вы не забывали про Джона Коффи, пока я познакомлю вас с предысторией случившегося. Джона Коффи, лежащего на койке, Джона Коффи, боящегося темноты, похоже, не без причины. Ибо не в темноте ли дожидались бы его две фигурки со светлыми кудряшками: на этот раз не маленькие девочки, а жаждущие мести гарпии? Джона Коффи, из глаз которого всегда текли слезы, словно кровь из незаживающей раны.

Глава 7

Итак, Вождя казнили, а Президент потопал своими ножками в блок С, где присоединился к ста пятидесяти заключенным, получившим пожизненный срок. Для Президента он обернулся двенадцатью годами. Его утопили в тюремной прачечной в 1944 году. Не в прачечной «Холодной горы», поскольку «Холодную гору» закрыли в 1933-м. Я думаю, для заключенных это особого значения не имело: стены есть стены, как они говорят, но вот для Старой Замыкалки решение властей стало смертным приговором, потому что на новое место из кладовой «Холодной горы» электрический стул так и не перенесли.

Что же касается Президента, то кто-то сунул его лицом в чан с концентрированным раствором стирального порошка, и подержал там. Когда надзиратели вытащили труп, от лица уже ничего не осталось. Идентифицировали Президента только по отпечаткам пальцев. Так что, может, смерть на Старой Замыкалке показалась бы ему предпочтительнее... но тогда он не получил бы лишних двенадцати лет, не так ли? Я, прав-

да, сомневаюсь, что он думал о них в последние минуты своей жизни, когда его легкие учились дышать «хекслайтом» или аналогичным моющим средством.

Того, кто это сделал, так и не поймали. К тому времени я уже не работал в пенитенциарной системе, но мне написал об этом Гарри Тервиллигер. «Его убили главным образом потому, что он был белым, — писал Гарри, — но он получил то, что заслуживал. Казнь ему отсрочили на долгое время, но приговор не отменили».

После того как Президент нас покинул, в блоке Е воцарились тишина и покой. Гарри и Дина временно перевели в другие подразделения, а на Зеленой миле остались только я, Зверюга да Перси Уэтмор. Сие означало, что остались я и Зверюга, поскольку Перси держался сам по себе. Этот молодой человек, доложу я вам, умел уклоняться от работы. И очень часто (однако только в отсутствие Перси) другие парни заглядывали к нам поболтать и выпить пивка. Обычно компанию нам составлял и мышонок. Мы его кормили, а он сидел и ел, важный как Соломон, поглядывая на нас черными бусинками глаз.

Так прошло несколько недель, которых не могли омрачить даже непрекращающиеся выходки Перси. Но все хорошее рано или поздно заканчивается. И в дождливый понедельник в конце июля (я ведь уже упоминал о том, каким дождливым выдалось то лето?) я сидел на койке открытой камеры и ждал Эдуарда Делакруа.

Его появление запомнилось мне надолго. Дверь, ведущая в тюремный двор, распахнулась, в блок Е хлынул дневной свет, послышались звяканье цепей и испуганный голос, произносящий вперемешку английские и французские слова. И тут же все перекрыли крики Зверюги:

— Эй! Прекрати! Ради Бога, Перси, уймись!

Я было задремал на койке, которую предстояло занять Делакруа, но от криков вскочил как ошпаренный, сердце чуть не выскочило у меня из груди. До того как Перси поступил к нам на работу, ничего подобного в блоке Е не случалось. Он принес с собой ненужное напряжение, сопровождавшее его, словно плохой запах.

— Шевелись, гребаный французский педик! — ревел Перси, не обращая внимания на Зверюгу.

Наконец я увидел его. Одной рукой он тащил низкорослого худого мужчину, во второй держал дубинку. Губы его разошлись в злобном оскале, лицо заливала краска. И при этом чувствовалось, что Перси счастлив. Делакруа пытался поспеть за ним, но ножные кандалы не позволяли набрать ход, поэтому, при всех его усилиях, он не успевал за Перси. Я выскочил из камеры в тот момент, когда Делакруа начал валиться на землю. Я удержал его на ногах: так мы и познакомились.

Перси вскинул дубинку, а я одной рукой пытался удержать его. К нам уже спешил Зверюга, потрясенный и возмущенный увиденным. Я, кстати, испытывал те же чувства.

— Не позволяйте ему больше бить меня, m'sieu*, — верещал Делакруа. — S'il vous plait, s'il vous plait!**

— Пустите меня, пустите! — Перси рванулся вперед и начал охаживать плечи Делакруа дубинкой.

Делакруа крича поднял руки, а дубинка гуляла по рукам его синей робы. В тот вечер я увидел его без нее, всего в синяках. Мне даже стало нехорошо. Конечно, в блок Е он попал не за красивые глаза, суд приговорил его к смерти за убийство, но так у нас с заключенными не обращались, во всяком случае до прихода Перси.

* Месье (фр.).

** Пожалуйста, пожалуйста! (фр.)

— Хватит! Хватит! — заорал я. — Прекрати! Что ты себе позволяешь?

Я попытался втиснуться между Делакруа и Перси, но толку из этого не вышло. Дубинка Перси продолжала охаживать Делакруа с боков, в обход меня. Рано или поздно это привело бы к тому, что какой-нибудь удар пришелся по мне, а потом началась бы драка. Я бы точно забыл, чей он там родственник, да и Зверюга составил бы мне компанию. И знаете, я даже сожалею о том, что драка не началась. Мы бы крепко отмузузили Перси, и в итоге могло бы не случиться всего того, что произошло потом.

— Гребаный педик! Я научу тебя не совать руки куда не надо, засранный французишка!

Хряп! Хряп! Хряп! Из одного уха Делакруа текла кровь, он продолжал кричать. Я прекратил попытки защитить его, схватил за плечо и швырнул в камеру. Перси успел изогнуться и со всего размаха врезать ему дубинкой по заднице, можно сказать, для ускорения. И тут Зверюга добрался до него (я говорю про Перси) и отпихнул в сторону.

Я же захлопнул дверь камеры, а потом повернулся к Перси. Шок и недоумение сменились холодной яростью. Перси пробыл в блоке Е уже несколько месяцев, достаточно времени для того, чтобы мы все решили, что он нам не нравится, но тут я впервые понял, что он совершенно не способен держать себя в руках.

Перси стоял, не спуская с меня глаз, в которых среди прочего читался и страх (в том, что он трус, я нисколько не сомневался), уверенный, однако, что его связи обеспечат ему надежную защиту. И в этом он был прав. Я подозреваю, что найдутся люди, которые не поймут, как такое могло быть, даже прочитав все то, что я напишу, но это те, кто знаком со словами «Великая депрессия» только по учебникам истории. Если б вы жили в то время, эти слова воспринимались совсем по-другому, а если б у вас еще была и работа,

вы бы сделали все возможное и невозможное, лишь бы ее не потерять.

Мало-помалу лицо Перси приняло обычный цвет, хотя на щеках остались пятна румянца, а волосы, обычно уложенные и блестящие от бриллиантина, растрепались и падали на лоб.

— Что все это значит? — спросил я. — Никогда... никогда раньше в моем блоке заключенного не били!

— Этот маленький педик пытался облапать меня, когда я вытаскивал его из фургона, — ответил Перси. — Он получил по заслугам. А если попробует еще раз, я ему добавлю.

Я смотрел на него, потеряв на мгновение дар речи. Потому что не мог даже представить себе гомосексуалиста, проделывающего то, о чем сейчас говорил Перси. Водворение в камеру на Зеленой миле еще никого не приводило в сексуальное настроение.

Я посмотрел на Делакура, скорчившегося на койке и все еще прикрывающего лицо руками. Наручники на запястьях, цепь, соединяющая металлические кольца на лодыжках. Вновь повернулся к Перси.

— Убирайся отсюда. Я поговорю с тобой позже.

— Вы намерены подать рапорт? — нагло спросил он. — Потому что я могу подать свой рапорт.

— Инцидент исчерпан, — ответил я, заметил осуждающий взгляд Зверюги, но предпочел проигнорировать его. — Живо выметайся отсюда. Иди в административный корпус и скажи им, что тебя послали читать письма и помогать в каптерке.

— Конечно. — Самообладание уже вернулось к нему или, скорее, он укрылся за маской наглости, которая так редко сползала с его лица. Перси откинул волосы со лба маленькой мягкой белой ручкой, какими бывают ручки девочек-подростков, а затем повернулся к камере. Увидев его, Делакура сжался в комок,

с языка его слетали несвязные английские и французские слова.

— Я еще не рассчитался с тобой, Пьер, — угрюмо бросил Перси и тут же подпрыгнул от неожиданности: на его плечо легла тяжелая рука Зверюги.

— Уже рассчитался. А теперь уходи. Дуй отсюда.

— Вам меня не испугать, знаете ли, — огрызнулся Перси и бросил на меня быстрый взгляд. — Не боюсь я вас. Ни одного, ни другого.

Но мы видели, что он боится. Страх ясно читался в его глазах, отчего Перси только становился опаснее. Потому что такие, как Перси, и сами не знали, что они сделают через минуту или через час.

Он повернулся и зашагал по коридору к выходу. Нагло и уверенно. Он как бы показывал миру, что произойдет, если какой-то французишка попытается ухватить его за конец. Клянусь Богом, он уходил как победитель.

Я же произнес перед Делакура установочную речь, упомянул про радио со всеми развлекательными программами, про то, что мы будем относиться к нему как к человеку и того же ждем от него. Уж не знаю, как Делакура воспринял мой монолог. Он все время плакал, приткнувшись в изножье койки, как можно дальше от меня. При каждом моем движении он сжимался, словно в ожидании удара, и не думаю, чтобы он услышал больше одного слова из шести произнесенных мною. Скорее, и того меньше. Так что речь моя скорее всего пользы не принесла.

Пятнадцать минут спустя я вернулся к столу, за которым сидел потрясенный Брут Хоуэлл и лизал грифель карандаша, который мы держали в регистрационной книге.

— Может, прекратишь, пока не отравился? — одернул его я.

— Святой Боже. — Он вытащил карандаш изо рта. — Я не хочу, чтобы кого-то еще из заключенных ждала такая же встреча.

— Мой папаша, бывало, говорил, что Бог троицу любит.

— Что ж, надеюсь, в этом вопросе твой папаша был профаном, — ответил Зверюга, но, как показало время, папаша отвечал за свои слова.

Еще одной стычкой закончилось появление Джона Коффи, а уж Дикий Билл просто устроил жуткую драку. Так что три — действительно любимое число Господа. О нашем знакомстве с Диким Биллом, о его появлении на Зеленой миле, едва не приведшем к убийству, я расскажу чуть ниже. Пока лишь упомяну об этом.

— Как мог Делакура ухватить его за конец? — любопытствовал я.

Зверюга фыркнул:

— Он же был в кандалах, а старина Перси слишком быстро выковыривал его из перевозки, вот и все. Делакура споткнулся и начал падать. Вскинул руки, чтобы удержать равновесие (это же естественная реакция), и одной задел штаны Перси. Чистая случайность.

— Как по-твоему, Перси это знал? — спросил я. — Не воспользовался ли он случившимся как предлогом для того, чтобы дать Делакура наглядный урок? Показать ему, кто тут хозяин.

Зверюга медленно кивнул.

— Да, я думаю, все так.

— Тебе придется приглядывать за ним. — Я пробежался рукой по волосам. Как будто у нас без Перси не хватало забот. — Господи, как я это ненавижу. Как я ненавижу его.

— Я тоже. И вот что я тебе скажу, Пол. Я его не понимаю. У него есть связи, это мне понятно, но почему он использовал их, чтобы получить работу на гребаной Зеленой миле? Да и вообще в тюрьме. Почему не стал клерком в сенате штата или в администрации губернатора? Организовывал бы встречи одного

из его заместителей. Уж конечно, его родственнички смогли бы подобрать ему что-нибудь получше, если б он попросил их. Почему он полез именно сюда?

Я покачал головой. Ответа на этот вопрос я не знал. Вообще тогда я еще многого не знал. И причину, полагаю, следовало искать в моей наивности.

Глава 8

Потом, однако, жизнь вернулась в привычное русло... на какое-то время. В административном центре округа прокуратура готовила судебный процесс Джона Коффи, хотя Гомер Криб, шериф округа Трейпинг, проталкивал идею суда Линча, который мог значительно ускорить процесс наказания виновного. Все это не имело к нам ни малейшего отношения: в блоке Е не обращали особого внимания на события, происходившие за стенами тюрьмы. Жизнь на Зеленой миле напоминала жизнь в комнате со звуконепроницаемыми стенами. Время от времени снаружи доносятся какие-то приглушенные звуки, может, даже и взрывы, но не более того. С Джоном Коффи обвинение не торопилось, прокурор застраховывался от всякого рода случайностей, которые могли помешать вынесению обвинительного приговора.

Пару раз Перси поцапался с Делакруа. Во втором случае терпение у меня лопнуло, и я пригласил Перси в свой кабинет. Не впервые мне пришлось говорить с Перси о его поведении, не последним оказался и этот разговор, но именно тогда я окончательно уяснил для себя, с кем имею дело. В его груди билось сердце жестокого мальчишки, который приходит в зоопарк не для того, чтобы изучать животных и их повадки, а чтобы кидаться в них камнями.

— Держись от него подальше, ты меня понял? — накинулся я на Перси. — Если только я не дам тебе особого приказа, держись от него подальше!

Перси зачесал волосы назад, затем пригладил их своими маленькими ручонками. Очень уж ему нравилось прикасаться к своим волосам.

— Я ничего такого и не делал. — Он смотрел на меня круглыми невинными глазами. — Разве что спросил, каково жить на свете, зная, что ты сжег полдюжины человек.

— Вот и прекрати спрашивать об этом, иначе дело дойдет до рапорта.

Он рассмеялся.

— Пишите сколько угодно рапортов. Но учтите, что рапорт могу написать и я. Я уже говорил об этом, когда этот гад только появился у нас. И мы посмотрим, чей рапорт окажется лучше.

Я наклонился вперед, оперевшись руками в стол, и заговорил, как я надеялся, доверительным тоном.

— Брут Хоуэлл недолюбливает тебя. А если Брут кого-то не любит, он подает свой рапорт. Только в писании он не силен, а карандашом пользуется лишь для того, чтобы лизать грифель. Поэтому рапортует он кулаками. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду.

Самодовольная улыбка Перси поблекла.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я ничего не хочу. Я уже сказал. А если ты сообщишь своим... друзьям... о нашей беседе, я поклянусь, что ты все выдумал. — Тут наши взгляды встретились. — Я пытаюсь быть тебе другом, Перси. Для мудрого достаточно и слова. Ты же знаешь эту поговорку. И чего ты вообще прицепился к Делакруа? Он этого не достоин.

Это сработало. Наступил мир. Я даже смог посылать Перси с Дином или Гарри, чтобы сопровождать Делакруа в душ. По вечерам мы все слушали радио,

Делакруа начал постепенно расслабляться, обживаясь в блоке Е.

А как-то вечером я услышал его смех.

Гарри Тервиллигер, который сидел за столом, тоже начал смеяться. Я вышел из кабинета и направился к камере Делакруа, чтобы посмотреть, что же его рас- смешило.

— Смотрите, капитан! — воскликнул он, увидев меня. — Я приручил мышонка!

Вот тут я и заметил Пароход Уилли. Сидел он не на полу, а на плече Делакруа и сквозь прутья решетки спокойно взирал на нас своими черными глазками-бусинками, свернув хвост колечком, очень довольный жизнью. Что же касается Делакруа, просто не верилось, что передо мной человек, еще неделю назад дрожавший мелкой дрожью на краешке койки. Выглядел он таким же счастливым, как моя дочь, когда в рождественское утро она спускалась в гостиную и ви- дела подарки.

— Внимание! — воскликнул Делакруа.

Мышонок сидел на его правом плече. Делакруа вытянул левую руку. Мышонок взбежал ему на голову, цепляясь за волосы, благо на затылке их хватало, затем спустился на левое плечо. Тут Делакруа захихикал: хвост мышонка пощекотал ему шею. А мышонок пробежал по вытянутой руке до запястья, развернулся и проделал обратный путь на правое плечо.

— Будь я проклят! — воскликнул Гарри.

— Я его этому научил, — гордо заявил Делакруа.

Я же подумал: черта с два, ничему ты его научить не мог, но промолчал.

— Его зовут Мистер Джинглес, — доверительно сообщил нам Делакруа.

— Нет, — добродушно возразил Гарри. — Его зовут Пароход Уилли, по названию мультлика.

— Это Мистер Джинглес, — отрезал Делакруа. Если речь заходила о чем-то другом, он соглашался назвать

утюг валенком, если вы этого хотели, но с именем мышонка на компромиссы не шел. — Он шепнул мне об этом на ухо. Капитан, могу я завести для него ящичек? Могу я поставить в камере ящичек для моего мышонка, в котором он будет спать? — В голосе Делакруа уже слышались плаксивые нотки, так хорошо мне знакомые. — Я поставлю его под койку, и он никому не будет мешать.

— Твой английский значительно улучшается, когда ты чего-то хочешь. — Я откровенно тянул время.

— Ага. — Гарри подтолкнул меня в бок. — А вот и наш приятель. Теперь жди неприятностей.

Но мне показалось, что Перси в хорошем расположении духа, так что неприятности нам не грозили. Он не приглаживал руками волосы и не играл дубинкой. Более того, даже расстегнул верхние пуговицы кителя, чего раньше я за ним не замечал. А более всего меня поразило выражение его лица. Удивительное по нему разлилось спокойствие, спокойствие человека, осознавшего, что надо лишь немного подождать, чтобы получить желаемое. Изменения в нем произошли разительные. Миновало всего несколько дней с нашей памятной беседы, когда я угрожал ему кулаками Брута Хоуэлла.

Делакруа, однако, этих перемен не заметил. Он буквально влип в дальнюю стену, прижав колени к груди. Глаза его округлялись до тех пор, пока не стали в пол-лица. А мышонки забрались на лысину своего приятеля и устроились там. Не знаю, помнил ли он, что у него есть причины недолюбливать Перси, но, судя по тому, как встопорщились его усики, помнил. А может, он учуял запах страха француза и отреагировал соответственно.

— Ну-ну, — проворковал Перси, — похоже, ты завел себе дружка, Эдди.

Делакруа попытался ответить (мне подумалось, он хотел сказать, что случится с Перси, если тот причи-

нит вред его новому приятелю), но ни звука не вырвалось из его рта. Лишь задрожала нижняя губа. А вот сидящий у него на макушке Мистер Джинглес не дрожал. Сидел спокойненько, держась задними лапками за волосы, а передними упираясь в лысину Делакруа, и смотрел на Перси оценивающим взглядом. Таким взглядом обычно одаривают давнего врага.

Перси повернулся ко мне.

— Тот самый мышонок, за которым я гонялся? Который живет в изоляторе?

Я кивнул. Вроде бы Перси не видел Мистера Джинглеса с того самого момента, когда пытался размазать его по полу дубинкой, но сейчас он не выказывал желания повторить попытку.

— Да, тот самый. Только Делакруа называет его Мистер Джинглес, а не Пароход Уилли. Говорит, что мышонок шепнул ему на ухо свое имя.

— Неужели? — усмехнулся Перси. — Чудеса не кончаются.

Я было подумал, что сейчас он достанет дубинку и начнет постукивать ею по прутьям решетки, чтобы показать Делакруа, кто в доме хозяин, но он просто стоял, уперев руки в бока, и смотрел в камеру.

А потом я нарушил затянувшуюся тишину, уж и не знаю, что побудило меня к этому.

— Делакруа просит какой-нибудь ящичек, Перси. Он думает, что мышонок будет в нем спать. То есть он хочет оставить мышонка у себя как домашнюю зверушку. — В голосе моем слышался скепсис. Я заметил, как таращится на меня Гарри. — Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что ночью мышь насрет ему на нос и убежит, — ровным голосом ответил Перси. — Но, с другой стороны, это проблемы француза. Намедни я видел подходящую коробку из-под сигар у старика Два Зуба. Не знаю, правда, согласится ли он с ней

расстаться. Наверняка запросит за нее центов десять, а то и все пятнадцать.

Тут я рискнул взглянуть на Гарри и увидел, что у того отвалилась челюсть. Он и представить себе не мог, что когда-нибудь услышит такое от Перси.

А Перси наклонился к Делакруа, всунувшись между прутьями решетки. Делакруа подался назад. Будь его воля, он бы влип в стену, лишь бы увеличить расстояние между собой и Перси.

— У тебя есть десять или пятнадцать центов, чтобы заплатить за коробку из-под сигар? — спросил Перси.

— У меня только четыре цента, — ответил Делакруа. — Я отдам их за коробку, только хорошую.

— Вот что я тебе скажу, — продолжал Перси. — Если этот старый беззубый альфонс продаст тебе коробку из-под сигар за четыре цента, я принесу вату из лазарета, которую мы положим внутрь. Превратим коробку в мышиный «Хилтон». — Он повернулся ко мне. — Я должен написать отчет о моих действиях в щитовой во время казни Биттербака. В вашем кабинете есть ручка, Пол?

— Да, конечно. И бланки. В левом верхнем ящике.

— Вот и славненько. — И Перси продефилировал в кабинет.

Мы с Гарри переглянулись.

— Ты думаешь, он заболел? — спросил Гарри. — Может, сходил к врачу и выяснил, что жить ему осталось два понедельника?

Я ответил, что понятия не имею, чем вызваны такие перемены. Тогда я говорил правду, но со временем узнал истинную причину. Случилось это спустя несколько лет, за ужином с Холлом Мурсом. Мы уже могли говорить свободно, поскольку Мурс вышел на пенсию, а я перевелся в исправительный подростковый центр. Выпили мы много, съели мало, вот языки у нас немного и развязались. Холл рассказал, что Перси явился к нему жаловаться на меня, в частности, и

на порядки на Миле вообще. Случилось это как раз после того, как Делакруа занял отведенную ему камеру, а мы со Зверюгой едва не избили Перси. Но больше всего его обидел мой приказ убираться из блока Е. Перси полагал, что негоже так обращаться с родственником губернатора.

По словам Мурса, он поначалу пытался успокоить Перси, а когда понял, что тот по-прежнему хочет использовать свои связи, чтобы наказать меня или хотя бы перевести в другой блок, пообещал, что в казни Делакруа Перси будет отведена самая заметная роль. Что он будет стоять за электрическим стулом. Руководил бы казнью, разумеется, я, но для свидетелей сие, как всегда, осталось бы незамеченным. Они все время видели бы перед собой Перси Уэтмора, а потому решили бы, что парадом командует он. Мурс не пообещал больше того, о чем уже успел договориться со мной, но Перси-то этого не знал. Он согласился более не требовать моего перевода, и атмосфера в блоке Е разрядилась. Перси даже согласился оставить Делакруа мышонка, который доставил ему столько неприятных минут. Просто удивительно, как меняются люди, если найти к ним подход. К Перси начальник тюрьмы такой подход нашел: предложил ему казнить лысоватого француза.

Глава 9

Два Зуба решил, что четыре цента — слишком малая цена за роскошную коробку из-под сигар «Корона». Возможно, в этом он был прав: коробки из-под сигар в тюрьме ценились. Заключение хранили в них всякую всячину, опять же коробки приятно пахли и напоминали нашим подопечным, каково жить на воле. Потому что сигареты в тюрьме курить разрешали, а вот сигары — нет.

Дин Стэнтон, к тому времени вернувшийся в блок Е, добавил цент, я последовал его примеру. Два Зуба, однако, упирался, тогда за дело взялся Зверюга. Сначала пристыдил его за скупердяйство, а потом пообещал, что он, Брут Хоуэлл, лично вернет старику коробку из-под сигар на следующий день после казни Делакруа.

— Шесть центов, возможно, и недостаточно, если речь идет о продаже коробки, — вещал Зверюга, — хотя тут есть о чем поспорить, но ты должен признать, что это более чем разумная цена за ее аренду. Делакруа пройдет по Миле через месяц, максимум через шесть недель. А потом коробка вновь вернется к тебе.

— Он может найти мягкосердечного судью и зацепится тут, — упорствовал Два Зуба, хотя он не хуже нас знал, что такому не бывать. Старик давно уже возил по «Холодной горе» тележку с цитатами из Библии, так что источников информации у него было хоть отбавляй... Пожалуй, он получал ее раньше нас. И уж конечно, знал, что дороги Делакруа и мягкосердечных судей разошлись. Вся надежда оставалась на губернатора, а тот, как правило, не миловал осужденного, сжегшего заживо шестерых его избирателей.

— Даже если ему не заменят смертную казнь, мышь будет гадить в коробку до октября, а то и до Дня благодарения. — Два Зуба все еще спорил, но Зверюга видел, что старик начинает сдавать позиции. — Кто захочет купить коробку из-под сигар, которую мышь использовала вместо сортира?

— Да перестань, — отмахнулся Зверюга. — Такой глупости я от тебя не ожидал, Два Зуба. Во-первых, Делакруа будет держать коробку в чистоте. Он так любит мышонка, что вылизет коробку дочиста, если она запачкается.

— Ну, не знаю. — Старик сморщил нос.

— А во-вторых, мышиный помет не такое большое дело. Маленькие катышки, совсем как мелкая дробь. Вытрясти их из коробки — суший пустяк.

Старик Два Зуба уже понял, что пора давать задний ход. Жил он достаточно долго, чтобы отличить ветер, под которым можно идти под всеми парусами, от урагана, с которым и в открытом море шутки плохи. До урагана дело еще не дошло, но нам, надзирателям, мышонок нравился, мы благосклонно восприняли желание Делакруа завести себе ручного зверька, так что ветер, считай, усилился до штормового. В итоге Делакруа получил коробку из-под сигар, а Перси, верный своему слову, два дня спустя прогулялся в лазарет и вернулся с ватой. Когда он протягивал вату сквозь прутья решетки, в глазах Делакруа вспыхнул страх. Он боялся, что Перси схватит его за руку, протянутую за ватой, и переломает пальцы. У меня тоже возникли такие опасения, но они оказались абсолютно беспочвенными. В тот момент я даже проникся к Перси теплыми чувствами, однако подумал, что он скорее всего просто играет с Делакруа как кошка с мышкой, зная, что на его улице обязательно будет праздник. Делакруа думал, что зверушку приобрел только он. Но на самом деле появилась она и у Перси. Делакруа мог восторгаться мышонок и заботиться о нем. Перси же терпеливо (хоть терпения ему как раз и не хватало) дожидался, пока ему позволят сжечь своего зверька живьем.

— Мышиный «Хилтон» объявляется открытым, — воскликнул Гарри. — Вопрос в том, захочет ли этот маленький поганец жить в нем.

Ответ мы получили, как только Делакруа посадил Мистера Джинглеса на руку и осторожно опустил в коробку. Мышонок тут же разлегся на мягкой белой вате, словно на широкой перине, и коробка стала его домом до тех пор, пока... в должное время вы узнаете, чем закончилась история Мистера Джинглеса.

А вот насчет того, что мышь загадит ему коробку из-под сигар, Два Зуба волновался напрасно. Я никогда не видел в коробке ни одного катышка, и Делакруа говорил, что не видел... не только в коробке, но и во всей камере. Гораздо позже, когда Зверюга показал мне дыру в балке, я отодвинул стул, что стоял в восточном углу изолятора, и нашел там горку мышиного дерьма. Похоже, Пароход Уилли всегда справлял большую нужду в одном месте, подальше от нас. И еще я никогда не видел, как он писал, хотя обычно мышиный краник не закрывается дольше чем на две минуты, особенно во время еды. Как я вам и говорил, не мышь, а чудо природы.

Спустя неделю после того, как Мистер Джинглес поселился в коробке из-под сигар, Делакруа подозревал меня и Зверюгу к своей камере. Это случилось так часто, что уже начало раздражать. Он призывал нас, даже если Мистер Джинглес ложился на спину и начинал молотить лапками воздух, но на этот раз нас ждало действительно занятное зрелище.

После вынесения приговора мир забыл о Делакруа, но у него оставалась одна родственница, если не ошибаюсь, старая тетка, все еще ходившая в девушках, которая раз в неделю писала племяннику. Она также прислала Делакруа огромный мешок с мятными леденцами, какие в те годы продавались под названием «Канада минтс». Большие такие розовые таблетки. Естественно, весь мешок Делакруа не отдали. Он тянул на пять фунтов, а Делакруа стал бы сосать леденцы без перерыва и в итоге оказался бы в лазарете с болями в желудке. Как и все убийцы, с которыми нам доводилось иметь дело на Миле, он ни в чем не мог ограничить себя. Мы давали ему штук пять-шесть леденцов, да и то лишь когда он нас просил.

Когда мы подошли к камере, Мистер Джинглес сидел на койке рядом с Делакруа, держал в передних лапках леденец и удовлетворенно лизал его. Дела-

руа прямо-таки сиял от счастья — ну вылитый знаменитый пианист, наблюдающий, как его пятилетний сын играет гаммы. И правда, выглядело все это очень забавно. Леденец размером в половину Мистера Джинглеса и его пушистый белый живот, уже раздувшийся от съеденного.

— Отбери у него леденец, Эдди, — в притворном ужасе воскликнул Зверюга. — Святой Боже, он же будет есть, пока не лопнет. Я отсюда чувствую запах мяты. Сколько он уже съел?

— Это второй. — Делакруа бросил тревожный взгляд на животик Мистера Джинглеса. — Вы думаете, он... вы понимаете... лопнет?

— Вполне возможно, — заверил его Зверюга.

Довод показался Делакруа убедительным. Он протянул руку к наполовину съеденному леденцу. Я ожидал, что мышонкок тяпнет Делакруа за палец, но Мистер Джинглес послушно отдал леденец, вернее то, что от него осталось. Я посмотрел на Зверюгу, но тот покачал головой, как бы говоря, что и он не может верить тому, что видит. А Мистер Джинглес тем временем спрыгнул в коробку и улегся на бок с таким видом, будто совершенно выдохся после тяжелых трудов. Мы, естественно, расхохотались. Потом мы еще не раз видели мышонка, важно сидящего рядом с Делакруа и посасывающего леденец, ну вылитая старая дама за чашкой чая. Их обоих окутывал сладковато-горький запах мяты. Тот же запах шел и из дыры в балке.

Хочу рассказать вам еще одну историю, связанную с Мистером Джинглесом, прежде чем перейти к рассказу о прибытии Уильяма Уэртона, который ворвался в блок Е, словно циклон, и едва не развалил его. Прошла еще неделя после того, как мы впервые лицезрели мышонка, лопающего леденец, и предупредили француза, что он может закормить зверька до смерти, когда Делакруа в очередной раз подозревал меня. В блоке Е я был один, Зверюга отправился по каким-то

делам, а в таких случаях инструкция запрещает подходить к заключенному. Но я мог без труда уложить Делакруа одной рукой, поэтому решил пренебречь установленными правилами и выяснить, чего он от меня хочет.

— Смотрите, мистер Эджкомб. Сейчас я покажу вам, что может делать Мистер Джинглес!

Делакруа сунул руку за коробку из-под сигар и достал маленькую деревянную катушку.

— Где ты это взял? — осведомился я, хотя заранее знал ответ. Катушку он мог взять только у одного человека.

— У старика Два Зуба, — ответил Делакруа. — Смотрите.

Я уже смотрел, а потому видел, что Мистер Джинглес поднялся на задние лапки, положив передние на борт коробки, и не отрывал взгляда черных глазок от катушки, которую Делакруа держал большим и указательным пальцами правой руки. Я никогда не видел, чтобы какая-нибудь мышь столь пристально смотрела на определенный предмет да еще таким осмысленным, разумным взглядом. Я, откровенно говоря, не верю, что в образе Мистера Джинглеса нам явилось некое сверхъестественное существо, поэтому прошу меня извинить, если под влиянием моего рассказа у вас могли возникнуть такие мысли, но я и не сомневался, что среди мышей он проходит по разряду гениев.

Делакруа нагнулся и бросил катушку на пол. Покатилась она легко, как пара колес, соединенных осью. Мышонок молнией выскочил из коробки и помчался за катушкой, словно собака за палкой. Я изумленно вскрикнул, а Делакруа заулыбался во весь рот.

Катушка ударилась в стену и чуть откатилась от нее. Мистер Джинглес обежал ее и покатил обратно к койке, переходя от одного «колеса» к другому, дабы катушка не сбилась с курса. Катил он катушку до тех

пор, пока она не уперлась в ногу Делакруа. Потом мышонок поднял головку и посмотрел на Делакруа. Видать, хотел убедиться, что на текущий момент новых заданий для него нет (к примеру, решить парутройку арифметических примеров или почитать латынь). Убедившись, что у него есть свободное время, Мистер Джинглес вернулся в сигарную коробку, где и улегся на вату.

— Ты его этому научил? — спросил я.

— Да, сэр босс Эджкомб. — Делакруа улыбался и улыбался. — Он прикатывает ее всякий раз. Чертовски умен, правда?

— А катушка? — спросил я. — Как ты догадался добыть для него катушку, Эдди?

— Он шепнул мне на ухо, что хочет ее, — искренне ответил Делакруа. — Точно так же, как прошептал мне свое имя.

Делакруа показывал фокус с катушкой всем надзирателям... кроме Перси. К нему отношение Делакруа не изменилось, пусть Перси и предложил купить коробку из-под сигар и принес для нее вату. В этом Делакруа напоминал некоторых собак: пни их хоть раз ногой, и больше они доверять тебе не будут, как бы хорошо ты к ним ни относился.

Мне кажется, что я до сих пор слышу крики Делакруа: «Эй, парни! Идите сюда, посмотрите, что выделяет Мистер Джинглес!» И парни в синей униформе тянулись к камере: Зверюга, Гарри, Дин, даже Билл Додж. И смотрели как замороженные, потрясенные не меньше моего.

Через три дня после того как Мистер Джинглес начал катать катушку, Гарри Тервиллигер порылся среди барахла, которое мы хранили в изоляторе, нашел цветные мелки и со смущенной улыбкой принес Делакруа.

— Я подумал, что ты можешь раскрасить катушку. И тогда твой приятель будет выглядеть точь-в-точь как цирковая мышь.

— Цирковая мышь! — просиял Делакруа. Я думаю, в этот момент он впервые в жизни познал, что такое счастье. — Так оно и есть! Цирковая мышь! Когда я выйду отсюда, он сделает меня богатым, я же смогу выступать с ним в цирке. Вот увидите, сделает!

Перси Уэтмор, несомненно, тут же напомнил бы Делакруа, что «Холодную гору» он покинет исключительно в катафалке, но Гарри, естественно, такого сказать не мог. Он лишь попросил Делакруа раскрасить катушку как можно ярче и не тянуть с этим, потому что он заберет мелки после обеда.

Делакруа постарался. Одно «колесо» выкрасил в желтый цвет, второе — в зеленый, «ось» стала ярко-красной. И вскоре он уже гордо объявлял на ломаном французском: «Внимание, дамы и господа! Представляю вам удивительную цирковую мышь. Смотрите и изумляйтесь!» После чего бросал катушку. Мистер Джинглес тут же устремлялся за ней и прикатывал ее назад носиком или лапками. За это, думаю, в цирке действительно могли бы и заплатить. Делакруа, его мышонки и мышьяная катушка были нашими главными развлечениями к тому моменту, как Джона Коффи вверили нашим заботам. Какое-то время жизнь наша протекала без изменений, а потом вновь обострилась мучившая меня, но на какое-то время затихшая урологическая инфекция, в блок Е прибыл Уильям Уэртон, и разверзся ад.

Глава 10

Даты обычно ускользают из моей памяти. Наверное, я мог бы попросить мою внучку, Дэниэль, покопаться в подшивках газет, но есть ли в этом смысл? Самые важные даты, к примеру: день, когда мы подошли к камере Делакруа и увидели мышонка, си-

девшего у него на плече, или тот, когда Уильям Уэртон появился на Зеленой миле и едва не убил Дина Стэнтона, в газетах не значатся. Так что, может, мне и дальше обходиться без дат. В конце концов, не так уж они и важны, если человек может вспомнить все, что видел, и расставить события в хронологической последовательности.

Когда из канцелярии Кертиса Андерсона наконец-то прибыли документы Делакруа, меня еще удивило, что дата встречи маленького француза со Старой Замыкалкой не совпадает с ожидаемой нами. Такого обычно не бывало, хотя в те годы не требовалось особых усилий, чтобы отправить человека на тот свет, и конкретный день значения не имел. Речь, правда, шла всего о двух днях: с двадцать седьмого октября казнь перенесли на двадцать пятое. Опять же за точность дат я не ручаюсь, но если и ошибаюсь, то ненамного. Помнится, я тогда еще подумал, что Два Зуба получит свою коробку из-под сигар пораньше.

А вот Уэртон прибыл к нам позже, чем мы ожидали. Во-первых, судили его несколько дольше, чем полагали обычно надежные источники информации в окружении Андерсона (когда дело касалось Дикого Билли, вообще не приходилось говорить о надежности, нас подвели даже проверенные временем и вроде бы безупречные методы контроля заключенных). А потом, после того как его признали виновным, Уэртон отправили на экспертизу в Центральную больницу Индианолы. По ходу суда он не раз изображал припадки, дважды валился на пол, извивался всем телом и дрыгал ногами. Назначенный судом адвокат Уэртон заявил, что его подзащитный страдает эпилепсией, а потому совершал преступления в периоды помрачения сознания. Присяжные же решили, что Уэртон — симулянт. Судья вроде бы с ними согласился, но после вынесения приговора постановил провес-

ти психиатрическую экспертизу. Одному Господу Богу известно, почему. Наверное, из чистого любопытства.

И уж совсем непонятно, почему Уэртон не сбежал из больницы (по иронии судьбы одновременно с ним в той же больнице лежала и Мелинда Мурс, жена начальника тюрьмы). Однако не сбежал. Разумеется, его охраняли, но ведь не так, как в тюрьме. Возможно, Уэртон надеялся, что все спишут на эпилепсию, признав его не несущим ответственности за свои действия.

Не признали. Врачи не нашли у него никаких психических заболеваний, и Крошку Билли Уэртона направили-таки в «Холодную гору». Если мне не изменяет память, Уэртон прибыл через две недели после Джона Коффи и за неделю или десять дней до того, как Делакура прошел по Зеленой миле.

День, когда этот психопат попал в нашу компанию, начался для меня с пренеприятного события. Я проснулся в четыре утра от жжения в паху. В пенис мой словно вставили затычку, отчего он, казалось, раздулся и грозил лопнуть. Еще не перекинув ноги через край кровати, я знал, что урологическая инфекция сама не пройдет, хотя мне бы очень этого хотелось. На какой-то период наступило облегчение, но этот период, судя по моим ощущениям, закончился.

Я вышел из дома (ватерклозет мы установили лишь спустя три года), но до туалета дойти не сумел, у поленицы на углу терпеть стало невмочь. Я едва успел стянуть пижамные штаны, как хлынул поток мочи. И поток этот вызвал острейшую боль, какой я не испытывал никогда в жизни. В 1956 году у меня выходил камень. Люди говорят, будто более сильных болевых ощущений не бывает, но по сравнению с тем, что мне пришлось пережить в то утро, выход камня был похож на легкую изжогу.

Мои ноги подогнулись, и я тяжело упал на колени, разорвав пижаму в промежности, потому что развел колени как можно шире, чтобы не угодить физионо-

мией в лужу своей же мочи. Но скорее всего угодил бы, если б не успел схватиться левой рукой за поленницу. Впрочем, в тот момент меня абсолютно не волновало, выкупаюсь я в моче или нет. Боль разрывала меня пополам, выворачивала наизнанку. Нижняя часть живота горела огнем, а пенис, орган, о котором я вспоминал, лишь когда предстояло получить самое большее наслаждение в жизни, словно жарился на сковороде. Я посмотрел вниз, ожидая увидеть хлещущую из него кровь. Но нет — текла обычная моча.

Держась одной рукой за поленницу, вторую я поднес ко рту, чтобы удержать рвущийся из груди крик: я не хотел пугать жену. Казалось, моча будет литься вечно, но наконец ее поток иссяк. К тому времени боль пробралась в живот и в мошонку и рвала их, как колючая проволока. Долго еще, не меньше минуты, я не мог подняться с колен, совершенно обессиленный. Но боль все-таки отступила, и я с трудом встал. Посмотрел на мочу, уже впитавшуюся в землю, и подумал, что же побудило Господа Бога сотворить мир, в котором столь малый объем жидкости мог вызывать такую ужасную боль?

Пожалуй, решил я, пора мне сказать больным и отправиться на прием к доктору Сэдлеру. Конечно, не хотелось принимать горькие, вызывающие тошноту таблетки, но это все же лучше, чем стоять на коленях у поленницы, стараясь не закричать от боли, потому что пенис сигналил мозгу, что его пропитали машинным маслом и подожгли.

Потом, глотая аспирин на кухне и прислушиваясь к посапыванию Джейнис, доносящемуся из спальни, я вспомнил, что как раз сегодня к нам должны доставить Уильяма Уэртона, а Зверюги на месте не будет: начальник тюрьмы забрал его у меня, чтобы он помог перенести часть библиотечных книг и медикаментов из лазарета в новое здание. А чего мне не хотелось, с болью или без оной, так это оставлять Уэртона на Дина

и Гарри. Парни они были хорошие, но Кертис Андерсон особо предупреждал, что Уэртон тот еще тип. «Этому человеку на все наплевать», — написал он в сопроводилровке. И подчеркнул фразу двумя чертами.

Боль уже поутихла, так что ко мне вернулась способность соображать. Лучше всего, решил я, поехать на работу пораньше. Я хотел подъехать к шести, именно в этот час Мурс обычно появляется в своем кабинете. Он мог бы вернуть Брута Хоуэлла в блок Е, а я отправился бы к доктору.

Двадцать пять миль я проехал с двумя остановками: возникало нестерпимое желание помочиться. Оба раза я едва успевал свернуть на обочину и расстегнуть ширинку (к счастью, в такой час сельские дороги пустуют). Боль меня прихватывала, но не так сильно, как у пленницы, во всяком случае не сшибала с ног. Однако мне приходилось держаться за ручку дверцы моего маленького «форда», и меня прошибал пот. Я клял себя за то, что так долго тянул с визитом к врачу.

В тюрьму я въехал через южные ворота, поставил автомобиль на привычное место и сразу пошел к начальнику. Появился я в приемной в начале седьмого. Мисс Ханнах, естественно, отсутствовала (она не приходила раньше семи), но в кабинете Мурса горел свет, я видел это через матовое стекло. Я постучал и открыл дверь. Мурс вскинул голову, и брови его удивленно взлетели вверх. Он не ожидал увидеть меня в столь ранний час. Впрочем, и я немало удивился, впервые увидев его в таком состоянии: растрепанные, торчащие в разные стороны волосы, красные глаза, опухшие веки.

— Хол, извини, я найду позже... — промямлил я.

— Нет. Пожалуйста, Пол, заходи. И закрой за собой дверь. Мне нужно с кем-то поговорить, нужно, как никогда в жизни. Заходи и закрой за собой дверь.

Я подчинился, начисто забыв о боли, которая разбудила меня и больше не давала покоя.

— Опухоль мозга, — продолжал Мурс. — Они сделали рентген. Остались очень довольны снимками. Один из них сказал мне, что лучших снимков не может сделать никто, они собираются опубликовать их в каком-то ведущем медицинском журнале в Новой Англии. Опухоль размером с лимон, сказали они, глубоко внутри, откуда вырезать ее невозможно. Они говорят, что она умрет до Рождества. Я ей еще ничего не сказал. Не знаю как. Не могу представить себе, как я буду без нее жить.

И он расплакался, куда там — разрыдался, повергнув меня в тихий ужас, пусть я и жалел его всем сердцем. Страшно, знаете ли, наблюдать, как человек, всегда державший себя в руках, полностью теряет контроль над собой. Я постоял у двери, потом подошел к нему и обнял за плечи. Он схватился за меня обеими руками, как утопающий за брошенный спасательный круг, и, по-прежнему рыдая, уткнулся мне в живот. Потом, совладав с нервами, Мурс извинился. Он не решился встретиться со мной взглядом, стыдясь, что позволил себе распуститься до такой степени. Не любят люди, когда их видят в таком состоянии. Могут даже возненавидеть того, кто стал невольным свидетелем столь открытого проявления чувств. Я, правда, подумал, что Мурс выше этого, и конечно, у меня отпало всякое желание заикаться о деле, ради которого я пришел к начальнику тюрьмы. А потому, покинув кабинет Мурса, я зашагал к блоку Е, а не к своему автомобилю. Аспирин, похоже, действовал, приглушив боль. Я решил, что уж день как-нибудь протяну, определю Уэртона в камеру, а во второй половине еще раз загляну к Мурсу и отпрошусь на завтра. Худшее, думал я, позади, даже не подозревая, что худшее еще и не начиналось.

Глава 11

Мы думали, он еще находится под действием лекарств, которые ему давали в ходе экспертизы, — говорил потом Дин. Не говорил — хрипел, а на его щеке чернели синяки. Я видел, что говорить ему больно, даже хотел предложить перенести разговор на другой день, но иной раз еще больше молчать. Я рассудил, что у нас тот самый случай, и оставил свои предложения при себе. — Мы все думали, что на него еще действуют лекарства, так ведь?

Гарри Тервиллигер кивнул. Как и Перси, сидящий в одиночестве чуть в стороне.

Зверюга глянул на меня, на мгновение наши взгляды встретились. Думали мы об одном и том же. Идешь вот по жизни, делаешь что положено, а потом одна ошибка — и все летит в тартарары. Они вот думали, что Уэртон находится под действием лекарств, вполне логичное предположение, но никто не удосужился спросить, давали ему лекарства или нет. И мне показалось, что я уловил в глазах Зверюги еще одну мысль: Гарри и Дин извлекают уроки из сегодняшней ошибки. Особенно Дин, который вполне мог отправиться домой покойником. А вот Перси — нет. Перси ничему не мог научиться. Его хватало лишь на то, чтобы сидеть в углу и дуться, потому что он в очередной раз оказался по уши в дерьме.

За Диким Биллом Уэртоном в Индианолу отправились семеро: Гарри, Дин, Перси, два надзирателя в кузове (фамилии их я забыл, но тогда знал наверняка) плюс еще двое в кабине. Ехали они на тюремной перевозке — грузовике фирмы «Форд» с обитым металлом кузовом и вроде бы пуленепробиваемыми стеклами. Это нечто среднее между молочным фургоном и броневиком.

Руководил группой Тервиллигер. Он передал соответствующие документы окружному шерифу (не Го-

меру Крибу, а другому, ничем от него не отличающемуся народному избраннику), который, в свою очередь, вверил их заботам мистера Уильяма Уэртона, буяна *extraordinaire**, как охарактеризовал бы его Делакура. Тюремную униформу «Холодной горы» мы послали в больницу заранее, но шериф и его люди так и не удосужились переодеть Уэртона, оставив это на наших парней. Когда они поднялись в палату на втором этаже, Уэртон стоял у окна в пижамных штанах и шлепанцах. Это был костлявый блондин с узким прыщавым лицом. Сначала, правда, они увидели не лицо, а прыщавую спину и гриву длинных, спутанных волос, потому что Уэртон смотрел в окно и не повернулся на звук открываемой двери. Не менял он позы — так же стоял, ухватившись рукой за занавески и уставившись на больничный двор, — пока Гарри честил шерифа за то, что Уэртона не переодели до их приезда. На что окружной шериф прочитал ему целую лекцию (по-моему, так поступил бы на его месте любой чиновник), популярно объяснив, что входит в круг его обязанностей, а что — нет.

Когда же Гарри надоело слушать шерифа (сомневаюсь, чтобы его терпения хватило надолго), он приказал Уэртону повернуться. Выглядел тот, рассказывал нам Дин, все так же хрипя, как и тысячи других осужденных преступников, которые попадали в «Холодную гору» из маленьких, Богом забытых городков. Злобные, не признающие авторитетов, привыкшие решать любую проблему ударом кулака. Прижатые к стене, некоторые из них праздновали труса, но в большинстве своем они предпочитали сражаться до последнего. Встречаются люди, которые отыскивают что-то благородное в таких, как Билли Уэртон, но я к их числу не принадлежу. Крыса, загнанная в угол, тоже не сдается. По словам Дина, лицо Уэртона рассказало им о его характере не больше, чем прыщавая спина.

* исключительный, чрезвычайный (фр.).

Подбородок слабый, глаза пустые. Опять же плечи покатые, болтающиеся, как плети, руки. Вот они и решились, что он накачан морфином. Все внешние признаки совпадали.

— Надень вот это. — Гарри указал на униформу, лежащую на кровати.

Ее вынули из бумажного мешка, в котором она прибыла в больницу, но даже не развернули. Поэтому униформа оставалась в том виде, в каком поступила из тюремной прачечной: белые трусы торчали из одного рукава куртки, белые носки — из другого.

Уэртон вроде бы и хотел одеться, но без посторонней помощи ему это не удалось. С трусами он справился, а вот когда дело дошло до брюк, он все норовил всунуть обе ноги в одну штанину. Наконец Дин ему помог, сначала сунул ноги куда положено, а затем подтянул брюки, застегнул ширинку, защелкнул пряжку ремня. Уэртон же застыл, как только увидел, что с брюками управятся и без него. Он тупо смотрел прямо перед собой, руки все так же висели по бокам, и никому из надзирателей в голову не пришло, что все это ловкая симуляция. На самом деле Уэртон терпеливо выжидал. Нет, шансов на побег у него не было (по крайней мере я так думаю). Надеялся он на другое: застать всех врасплох и воздать по максимуму.

Гарри Тервиллигер и шериф подписали все необходимые бумаги. Уильям Уэртон, после ареста ставший объектом собственности округа, перешел в собственность штата. Надзиратели, взяв Уэртона в плотное кольцо, вывели его по лестнице черного хода и через кухню. Когда шапка первый раз упала с головы Уэртона, Дин водрузил ее на место. После второго раза засунул ее в задний карман своих брюк.

Уэртон имел возможность устроить заварушку в кузове перевозки, когда на него надевали наручники, цепи, ножные кандалы, но не устроил. Возможно, он подумал (даже теперь я не уверен, что ему было чем

думать), что места маловато, а надзирателей слишком много, чтобы потасовка доставила ему удовольствие. Так что одна цепь соединила ножные кандалы, а вторая, как выяснилось, слишком длинная, — наручники.

До «Холодной горы» они ехали час. Уэртон, наклонив голову, сидел на левой лавке у самой кабины, его руки свободно болтались между колен. Гарри говорил, что изредка Уэртон что-то бурчал себе под нос, а Перси со своего места видел, как с его нижней губы капала слюна. Словно у собаки с языка в жаркий день. К концу поездки между ног Уэртона образовалась лужа.

Въехав на территорию тюрьмы через южные ворота, они, как я полагаю, проследовали мимо моего автомобиля. Охранник открыл ворота, отделяющие двор от стоянки, и перевозка покатила к блоку Е. Двор в это время пустовал, большинство заключенных трудились в огороде. Машина остановилась у блока Е. Водитель открыл дверцу, сказал, что отгонит перевозку в гараж поменять масло. Дополнительная охрана уехала вместе с ним. Двое даже не вылезли из кузова, сидели и жевали яблоки.

У блока Е остались три надзирателя — Дин, Гарри и Перси — и закованный в цепи заключенный. И он ничего не смог бы поделать, если б не убаюкал их бдительность. В Уэртоне они видели худосочного недоумка, не очень-то соображающего, что с ним происходит. Опять же стоящего в цепях, ножных кандалах, наручниках. Короче, никаких сюрпризов они от него не ждали. Двенадцать шагов до дверей блока они прошли в том же порядке, в каком мы ведем осужденных на казнь по Зеленой миле: Гарри — слева, Дин — справа, Перси, с дубинкой в руке, — сзади. Никто мне этого не говорил, но я готов поспорить на последний цент, что дубинку он достал из чехла, как только они вылезли из перевозки, наверняка не мог отказать себе в удовольствии позабавиться любимой игрушкой. Что

же касается меня, то я сидел в камере, которой предстояло стать домом Уэртона до его встречи со Старой Замыкалкой: первой направо, если идти по коридору к изолятору. В руках я держал папку для бумаг и думал только о том, как бы побыстрее произнести приветственную речь и смыться из тюрьмы. Боль в паху вновь усилилась, поэтому мне хотелось вернуться в кабинет и подождать, пока она отпустит меня.

Дин выступил вперед, чтобы открыть дверь. Выбрал нужный ключ из связки, висевшей на кольце, и вставил его в замок. Уэртон ожил в тот самый момент, когда Дин повернул ключ и потянул за ручку. Резкий, пронзительный вопль сорвался с его губ, вопль, от которого Гарри на мгновение остолбенел, а Перси Уэтмор вышел из строя до конца игры. Я услышал этот вопль через приоткрывшуюся дверь и поначалу не связал его с человеком. Я подумал, что во двор каким-то образом попала собака и ей крепко досталось: может, кто-то из пребывающих в дурном настроении заключенных ударил ее мотыгой.

Уэртон поднял руки, развел их в стороны, накинул цепь Дину на шею и начал его душить. Дин сдавленно вскрикнул и рванулся вперед, под электрический свет нашего маленького мирка. Уэртона это вполне устроило, он даже дал Дину пинка, чтобы тот двигался побыстрее. При этом он орал что-то нечленораздельное и хохотал. Не забывал он и про цепь, натянул ее как можно сильнее и возил взад-вперед, словно ножовку.

Гарри подскочил к Уэртону, схватил его за волосы и со всей силы ударил кулаком в челюсть. У него были и дубинка, и револьвер, но от волнения он про них забыл. У нас и раньше возникали проблемы с заключенными, но никому не удавалось заставить нас врасплох. Кроме Уэртона. Парень заманил нас в западню. Таких артистов я не встречал. Ни до, ни после.

И силой его природа не обидела. Куда только подевались вялость и обреченность. Гарри потом говорил, что у Уэртона не мышцы, а стальные канаты. Они уже находились у стола дежурного. Уэртон метнулся влево, и Гарри слетел с его спины, ударился о стол и распластался на полу.

— Ну что, парни? — гоготал Уэртон. — Веселенькая заварушка, да? Все как надо?

С воплями и хохотом он продолжал душить Дина. Почему нет? Уэртон не хуже нас знал, что на тот свет мы можем отправить его только один раз.

— Врежь ему, Перси, врежь! — крикнул Гарри, пытаясь подняться. Но Перси лишь стоял с дубинкой в руках, вытаращив глаза. Ему выпал шанс, которого он ждал, представилась возможность использовать свою любимицу по прямому назначению, но он перетрусил и, наверное, вообще позабыл о дубинке. Да уж, это тебе не запуганный маленький француз и не черныи гигант, едва понимающий, какаа в нем силища. Сейчас перед Перси был сам дьявол во плоти.

Я выскочил из камеры Уэртона, отбросив папку и вытаскивая револьвер тридцать восьмого калибра. Второй раз за день я забыл про свою болезнь. Я не сомневаюсь, что другие, глядя на Уэртона, видели тупое лицо и пустые глаза, но передо мной предстал другой Уэртон. Я видел не лицо, а звериную морду. И на морде этой нельзя было прочесть ничего разумного, лишь хитрость... безжалостность... и радость. Да. Он делал то, ради чего появился на свет. Место и обстоятельства значения не имели. А еще я увидел побагровевшее, раздувшееся лицо Дина. Уэртон углядел револьвер и развернул Дина так, чтобы он оказался между нами. Поэтому, выстрелив, я мог попасть скорее в надзирателя, чем в заключенного. А из-за плеча Дина сверкающий синий глаз Уэртона вопрошал, рискну я нажать на спусковой крючок или не посмею.

Часть третья

РУКИ КОФФИ

Глава 1

Проглядывая уже написанное, я обнаруживаю, что назвал Джорджия Пайнс, место, где я теперь проживаю, домом престарелых. У владельцев этого заведения мой приговор не вызвал бы восторга. Согласно буклетам, что лежат в приемной и рассылаются перспективным клиентам, Джорджия Пайнс — «многофункциональный комплекс, в котором обеспечены все условия для проживания пожилых людей». Имеется даже, если верить буклету, Центр развлечений. Люди, которые здесь живут (буклет нигде не называет нас обитателями, а вот со мной такое иной раз случается), знают, что это всего лишь комната с телевизором.

Многие думают, что я заносчив, потому что редко захожу в эту комнату, но причина в том, что меня тошнит не от людей, которые сидят вокруг телевизора, а от передач, которые по нему показывают. Опра, Рики Лейк, Кэрни Уилсон, Роланда*... Мир рушится на наших глазах, а тут сплошные разговоры о том, как бы потрахаться, которые ведут женщины в коротких юбках и мужчины в расстегнутых рубашках. Да ладно, не судите, да не судимы будете, как учит нас Библия,

* герои телесериалов.

вот и мне хватит ворчать. И потом, если б я хотел проводить время в ином обществе, то всегда мог бы переселиться в мотель «Счастливые колеса», куда каждую пятницу и субботу по вечерам мчатся патрульные машины с включенными сиренами и мигалками. Моя близкая подруга Элейн Коннолли полностью со мной согласна. Элейн восемьдесят, она высока и стройна, спина прямая, глаза ясные. Утонченная, интеллигентная женщина. Ходит она очень медленно, плохо гнутся пальцы, артрит, знаете ли, но зато у нее прекрасная длинная шея, лебединая шея, и роскошные волосы, которые красиво падают на плечи, если она их распускает.

А главное, она не считает меня заносчивым. Мы проводим вместе много времени, Элейн и я. Если б не дожил до столь преклонного возраста, я бы, наверное, мог сказать, что она моя дама. Однако иметь близкую подругу, и только подругу, совсем неплохо, а иной раз очень даже хорошо. Множество проблем, которые возникают у дам с кавалерами, для нас просто не существуют. И хотя я знаю, что никто моложе, скажем, пятидесяти мне не поверит, берусь утверждать, что иногда угли лучше костра. Странно, конечно, но все-таки верно.

Короче, днем телевизор я не смотрю. Гуляю, читаю, а последний месяц или чуть больше в основном пишу мемуары среди горшков с цветами на веранде. Я думаю, там больше кислорода, а он способствует воспоминаниям.

Когда же я не могу уснуть, то спускаюсь вниз и включаю телевизор. «Домашнего театра» или чего-то такого в Джорджия Пайнс нет, полагаю, это развлечение слишком дорого для нашего Центра развлечений, но к наиболее распространенным кабельным каналам мы подключены. Сие означает, что у нас есть «Канал американского фильма». Тот самый (объясняя тем, кто к нему не подключен), по которому filmy показывают в основном черно-белые, а женщины

в них никогда не раздеваются. Для такого старого пердуна, как я, оно, может, и к лучшему, потому что фильмы эти меня успокаивают. Не раз и не два я засыпал на этой ужасной зеленой софе перед телевизором, когда на экране Френсис Говорящий Мул вновь вытаскивал стилет Дональда О'Коннора из огня, или Джон Уэйн очищал Додж от бандитов, или Джимми Кэгни* называл кого-то грязной крысой, чтобы тут же выхватить револьвер. Какие-то из этих фильмов я смотрел со своей женой, Джейнис (не только моей дамой, но и лучшей подругой), и они тоже меня успокаивают. Одежда, которую носят актеры, их походка, манера разговора, даже просто музыка — все меня успокаивает. Они напоминают мне (полагаю, дело именно в этом) о тех временах, когда я, мужчина, твердым шагом ходил по земле и еще не превратился в побитого молью реликта, доживающего свой век вместе со стариками, для многих из которых подгузники и резиновые трусы — необходимый атрибут одежды.

А вот в том, что я увидел этим утром, не было ничего успокаивающего. Абсолютно ничего.

Элейн иной раз присоединяется ко мне, чтобы посмотреть программу «Для ранних пташек», начинающуюся по КАФ в четыре утра. Она не говорит почему, но я и сам знаю, что у нее жуткие боли, вызванные артритом, а лекарства, которые ей дают, уже не помогают.

В то утро, вплыв в телевизионную комнату в белом махровом халате, Элейн застала меня на просиженной софе. Я наклонился над высохшими палками, в которые превратились мои ноги, и, обхватив руками колени, пытался утихомирить сотрясающую меня дрожь. Все тело пробирал холод, лишь одно место осталось теплым — пах, словно вновь вернулась урологическая инфекция, так докучавшая мне осенью 1932

* Дональд О'Коннор, Джон Уэйн, Джимми Кэгни — известные голливудские актеры.

года — осенью Джона Коффи, Перси Уэтмора и Мистера Джинглеса, дрессированного мышонка.

Опять же осенью Уильяма Уэртона.

— Пол! — воскликнула Элейн и поспешила ко мне, поспешила, насколько позволяли пораженные артритом суставы. — Пол, что с тобой?

— Все будет хорошо. — Едва ли мои слова, сопровождаемые перестуком зубов, звучали убедительно. — Дай мне пару минут, и все придет в норму.

Она села рядом, обняла меня рукой за плечи.

— Я в этом уверена. Но что случилось? Господи, Пол, на тебя больно смотреть. Ты словно увидел призрак.

— Я и увидел, — подумал я, но широко раскрывшиеся глаза Элейн подсказали, что я озвучил свою мысль. — Не совсем призрак. — Я похлопал ее по руке (осторожно, очень осторожно). — Еще минута, Элейн, и все... Господи!

— Призрак из тех времен, когда ты служил надзирателем в тюрьме? — спросила она. — Из тех времен, о которых ты пишешь на веранде?

Я кивнул.

— Я работал в коридоре смертников...

— Я знаю.

— Только мы называли его Зеленой милей. Из-за линолеума на полу. Осенью тридцать второго года к нам доставили этого парня... сумасшедшего... звали его Уильям Уэртон. Ему же нравилось называть себя Крошка Билли, он даже вытатуировал эти слова на руке. Молодой парень, но опасный. Я до сих пор помню, что написал о нем Кертис Андерсон, тогдашний заместитель начальника тюрьмы: «Отличается дикой необузданностью, чем и гордится... Уэртону девятнадцать лет... Ему на все наплевать». Последнюю фразу он подчеркнул дважды.

Рука, что обнимала мои плечи, теперь поглаживала спину. Я начал отходить. В этот момент я любил Элейн Коннолли всем сердцем и мог бы зацеловать

ее, о чем и сказал. Может, и следовало зацеловать. В любом возрасте одиночество и испуг не в радость, но особенно они ужасны в старости. Но думал я о другом — моих незавершенных мемуарах.

— Ты права... я как раз писал о появлении Уэртона в блоке Е, о том, как он, еще не войдя в блок, едва не убил Дина Стэнтон, одного из парней, которые со мной работали.

— Как ему это удалось? — спросила Элейн.

— Причин две: целеустремленность и легкомыслие, — мрачно ответил я. — Целеустремленность со стороны Уэртона и легкомыслие со стороны надзирателей, которые привезли его. Главная ошибка — слишком длинная цепь, соединявшая наручники Уэртона. Когда Дин открывал дверь блока Е, Уэртон находился у него за спиной. Еще два надзирателя стояли по бокам, но Андерсон оказался прав: Дикий Билл плевать хотел на такие мелочи. Он перебросил цепь через голову Дина и начал его душить.

Элейн содрогнулась.

— Я все думал об этом, не мог заснуть, поэтому и спустился сюда. Включил КАФ, решил, что покажут фильм, который меня успокоит, или ты придешь на свидание и порадуешь меня своим присутствием...

Она рассмеялась и поцеловала меня в лоб над самой бровью. Когда это проделывала Джейнис, у меня по всему телу бежали мурашки. Побежали они и сейчас, после поцелуя Элейн. Выходит, с возрастом не все меняется.

— А показывали гангстерский фильм сороковых годов «Поцелуй смерти».

Я почувствовал, что меня вновь начинает прошибать дрожь, но сумел подавить ее.

— С Ричардом Уидмарком. Я думаю, в этом фильме он впервые получил большую роль. Мы с Джейнис его не смотрели, мы обычно не ходили на фильмы про полицейских и гангстеров, но я где-то читал, что Уид-

марк блестяще исполнил роль преступника. Могу это подтвердить. Исполнил блестяще. Бледный такой... не идет, а крадется... всегда называет людей «парня-ми»... говорит о нытиках... о том, как он ненавидит нытиков.

Я вновь задрожал, хотя изо всех сил пытался унять дрожь. Не вышло.

— Светлые волосы, — шептал я. — Длинные светлые волосы. Я смотрел до того момента, когда он спускает старуху в инвалидном кресле с лестницы, потом выключил телевизор.

— Он напомнил тебе об Уэртоне?

— Он и был Уэртоном. Только в жизни.

— Пол... — Она замолчала, посмотрела на потухший экран телевизора, кабельную приставку с горящей цифрой 10, порядковый номер КАФа, и повернулась ко мне.

— Что? — спросил я. — Что, Элейн?

Я подумал, что сейчас услышу от нее: «Ты должен прекратить писать об этом. Должен порвать все, что уже написал, и обо всем забыть».

— Этот фильм не должен остановить тебя на полпути.

У меня отвисла челюсть.

— Закрой рот, Пол. Слопаешь муху.

— Извини. Просто... я...

— Ты уже решил, что я скажу тебе прямо противоположное, не так ли?

— Да.

Она взяла мои руки в свои (нежно, очень нежно... такие длинные, прекрасные пальцы и раздувшиеся, уродливые костяшки) и наклонилась вперед, не отрывая карих глаз, один из которых уже затуманила катаракта, от моих синих.

— Я, возможно, слишком стара, чтобы жить, но вот думать еще способна. Для стариков несколько бессонных ночей — проблема не из великих. Что из того,

что ты увидел на экране телевизора призрак? Или ты хочешь мне сказать, что других видеть тебе не доводилось?

Я подумал о начальнике тюрьмы Мурсе, Гарри Тервиллигере, Бруте Хоуэлле... Я подумал о моей матери и о моей жене Джейнис, которая умерла в Алабаме. Призраки для меня не в диковинку, это точно.

— Нет, это не первый призрак, который я увидел. Но меня это потрясло, Элейн. Потому что я увидел именно Уэртона.

Она опять поцеловала меня и поднялась, скривившись от боли, очень осторожно, упираясь руками в бедра, словно боялась, что кости прорвут кожу, если их не сжимать.

— Я думаю, телевизор можно посмотреть и в другой раз. А сегодня приму лишнюю таблетку, которую я храню на черный день... или ночь. Приму ее и лягу в постель. Может, и тебе последовать моему примеру?

— Да, пожалуй. — На мгновение я подумал, а не предложить ли ей лечь в одну постель, но увидел ноющую боль в ее глазах и отказался от этой мысли. Потому что она могла бы согласиться, и согласиться только ради меня. А в этом хорошего мало.

Телевизионную комнату (у меня язык не поворачивается называть ее иначе даже иронически) мы покинули бок о бок, я замедлял шаг, чтобы не обогнать ее, она же с трудом передвигала ноги. В доме царил тишина, прерываемая редкими стонами из-за закрытых дверей: кому-то снился кошмар.

— Думаешь, ты сможешь уснуть? — спросила Элейн.

— Да, полагаю, что да, — уверенно ответил я, но, разумеется, не смог. Пролежал на кровати до восхода солнца, думая о «Поцелуе смерти». Я видел Ричарда Уидмарка, который, хихикая как безумец, привязывал старушку к инвалидному креслу, чтобы потом скатить с лестницы... «Вот что мы делаем с нытиками, —

сказал он ей, а потом его лицо слилось с лицом Уильяма Уэртона, каким оно было в день его появления в блоке Е и на Зеленой миле... Уэртон, хихикающий, как Уидмарк, Уэртон, кричащий: «Веселенькая заварушка, да? Все как надо?»

На завтрак я, конечно, не пошел. После такой ночи не до завтрака. Прямым ходом отправился на веранду и начал писать.

Призраки, ну и что?

О призраках я знаю больше многих.

Глава 2

- Ну что, парни? — гоготал Уэртон. — Веселенькая заварушка, да? Все как надо?

С воплями и хохотом он продолжал душить Дина. Почему нет? Уэртон не хуже нас знал, что на тот свет мы можем отправить его только один раз.

— Врежь ему, Перси, врежь! — крикнул Гарри, пытаясь подняться. Но Перси лишь стоял с дубинкой в руках, вытаращив глаза. Ему выпал шанс, которого он ждал, представилась возможность использовать свою любимицу по прямому назначению, но он перетрусил и, наверное, вообще позабыл о дубинке. Да уж, это тебе не запуганный маленький француз и не черный гигант, едва понимающий, какая в нем силища. Сейчас перед Перси был сам дьявол во плоти.

Я выскочил из камеры Уэртона, отбросив папку и вытаскивая револьвер тридцать восьмого калибра. Второй раз за день я забыл про свою болезнь. Я не сомневаюсь, что другие, глядя на Уэртона, видели тупое лицо и пустые глаза, но передо мной предстал другой Уэртон. Я видел не лицо, а звериную морду. И на морде этой нельзя было прочесть ничего разумного, лишь хитрость... безжалостность... и радость. Да. Он

делал то, ради чего появился на свет. Место и обстоятельства значения не имели. А еще я увидел побагровевшее, раздувшееся лицо Дина. Уэртон углядел револьвер и развернул Дина так, чтобы он оказался между нами. Поэтому, выстрелив, я мог попасть скорее в надзирателя, чем в заключенного. А из-за плеча Дина сверкающий синий глаз Уэртона вопрошал, рискну я нажать на спусковой крючок или не посмею. Второй глаз Уэртона прятался за волосами Дина. А позади я видел застывшего в ступоре Перси с приподнятой дубинкой. И тут произошло чудо: на пороге возник Брут Хоуэлл. С перевозкой лазарета они управились, и он зашел к нам, чтобы спросить, не хочет ли кто выпить с ним кофе.

Вот уж кто действовал без промедления. Отшвырнул Перси в сторону, выхватил собственную дубинку и со всей силы обрушил ее на затылок Уэртона. Послышался глухой удар, будто бил Зверюга по пустой полости, и цепь, охватывающая шею Дина, ослабла. Уэртон рухнул на пол, словно куль с зерном, а Дин с вылезшими из орбит глазами, хрипя, отполз в сторону, одной рукой потирая шею.

Я опустился рядом с ним на колени. Он потряхнул головой.

— Все нормально. Разберитесь... с ним! — он указал на Уэртона. — Под замок его! В камеру!

Я-то, грешным делом, подумал, что после такого удара камера Уэртону не понадобится. Решил, что ему хватит и гроба. К сожалению, нам не повезло. Уэртон отключился, но не умер. Он лежал на боку, вытянув руку, касаясь кончиками пальцев линолеума на Зеленой миле, с закрытыми глазами, дышал редко, но регулярно. Губы его изогнулись в легкой улыбке, словно он заснул под свою любимую колыбельную. Тонюсенький ручеек крови стекал с волос за воротник новой арестантской куртки. И все.

— Перси! — отрывисто бросил я. — Помогите мне!

Перси не шевельнулся, так и стоял, прижавшись к стене, с широко раскрытыми, остановившимися глазами. Я не уверен, что он понимал, где находится.

— Перси, черт побери, помоги мне оттащить его!

Тут он сдвинулся с места, к нам присоединился и Гарри. Втроем ты отволокли лежащего без сознания мистера Уэртона в его камеру, а Зверюга тем временем помог Дину подняться и осторожно, словно мать, поддерживал его, пока тот пытался отдышаться.

Наш новый проблемный ребенок не подавал признаков жизни три часа, а когда очухался, не выказал ни единого симптома, обусловленного жестоким ударом Зверюги. Стремительность его движений осталась прежней. Только что он лежал на койке, не подавая признаков жизни, а мгновением позже уже стоял у решетки (двигался он бесшумно, как кошка) и смотрел на меня. Я сидел за столом дежурного, писал рапорт о случившемся. Почувствовав чей-то взгляд, я поднял голову и аж подпрыгнул от изумления, увидев, как он щерит в ухмылке почерневшие, сгнившие зубы, которых у него во рту осталось не так уж и много. Я попытался не выказать изумления, но он, несомненно, прочитал мои мысли.

— Эй, халдей. В следующий раз придет твоя очередь. И уж тут я не дам маху.

— Привет, Уэртон. — Мне с трудом удалось не повысить голос. — Учитывая известные обстоятельства, мы обойдемся без приветственной речи, не так ли?

Его улыбка чуть увяла. Наверное, он ожидал другой реакции, да и я, возможно, в иной ситуации отреагировал бы не так. Но, пока Уэртон лежал без сознания, случилось нечто удивительное. Пожалуй, одно из главных событий, о которых я хотел бы рассказать вам на этих страницах. А теперь посмотрим, поверите ли вы мне.

Глава 3

После того как все закончилось, Перси раскрыл рот лишь однажды: чтобы наорать на Делакруа. По причине перенесенного потрясения, но никак не из тактичности. С этим у Перси было плохо. Нас это более чем устраивало. Если б он начал жаловаться на то, что Зверюга слишком сильно толкнул его, или удивляться, почему никто ему не сказал, что иной раз в блоке Е появляются столь малоприятные личности, как Дикий Билли, думаю, мы бы его убили. После чего могли пройти Зеленую милю уже в новом качестве. Забавная, знаете ли, идея, если задумываешься об этом. Но Перси не предоставил мне шанса сыграть ту роль, что блистательно исполнил Джеймс Кэгни в «Белой жаре».

Короче, убедившись, что Дин может дышать и не рухнет без чувств на зеленый линолеум, Гарри и Зверюга повели его в лазарет. Делакруа во время потасовки сидел тихо как мышь (в тюрьме он пробыл достаточно долго и знал, когда следует молчать, а когда можно подать голос). Но стоило Гарри и Зверюге повести Дина к выходу, как Делакруа пожелал узнать, что тут происходит. Да еще таким тоном, будто кто-то нарушил его конституционные права.

— Заткнись, гребаный педик! — рявкнул Перси с такой яростью, что на шее у него вздулись вены. Я положил руку ему на плечо и через рубашку почувствовал, как он весь дрожит. Частично от испуга (снова и снова мне приходилось напоминать себе, что одна из причин его неадекватного поведения — возраст. Двадцать один год, чуть старше Уэртона), но в основном от ярости. Он ненавидел Делакруа. Почему — я не знал, но ненавидел.

— Сходи в административный корпус и посмотри, на месте ли начальник тюрьмы Мурс, — приказал я

Перси. — Если да, подробно доложи о случившемся. Скажи ему, что мой рапорт он получит завтра утром, если я успею его написать.

Перси аж раздулся от гордости. Еще бы, такое ответственное поручение. Я даже подумал, что он отдаст мне честь.

— Да, сэр. Доложу.

— Начни с того, что ситуация в блоке Е нормализована. Учти, что донесение не рассказ. Начальник тюрьмы не погладит по головке, если ты будешь отходить от фактов.

— Не буду.

— Вот и хорошо. Иди.

Он двинулся к двери, потом повернулся ко мне. Пожалуй, другого от него ждать и не следовало. Перси всегда все делал наоборот. Я хотел, чтобы он ушел как можно быстрее, пах у меня горел огнем, а он как нарочно тянул время.

— С вами все в порядке, Пол? Может, заболели? Подхватили грипп? У вас лицо в поту.

— Может, я чего-то и подхватил, но в целом все в порядке. Иди, Перси, доложись начальнику тюрьмы.

Он кивнул и на этот раз ушел: благодарю тебя, Господи, за маленькие благодеяния. Как только за ним закрылась дверь, я рванул в свой кабинет. Согласно инструкции за столом дежурного обязательно должен кто-то сидеть, но в тот момент мне было не до инструкций. Чувствовал я себя совсем скверно — как утром.

Я сумел добраться до туалета и вытащить свое хозяйство из брюк до того, как полилась моча, но запас времени не превысил двух секунд. Мне пришлось прижать одну руку ко рту, чтобы заглушить рвущийся крик, а другой схватиться за раковину. Это дома я мог упасть на колени и налить лужу у поленницы. Здесь, упавши на колени, моча разлилась бы по полу.

Так что я устоял на ногах и не закричал, хотя далось мне и первое, и второе с превеликим трудом. Казалось, мочу наполняли мелкие осколки битого стекла. Из унитаза поднимался неприятный, болотистый запах, а сама моча была мутная, наверное, от гноя.

Я сдернул с вешалки полотенце и вытер лицо. Перси не ошибся, пот катился градом. Я повернулся к металлическому зеркалу. На меня глянула красная физиономия температурающего человека. Сто три? Сто четыре*? Я повесил полотенце, спустил воду и медленно зашагал через кабинет к двери, ведущей в блок. Я боялся, что Билл Додж или кто-то еще может войти и увидеть трех заключенных и полное отсутствие надзирателей, но мои опасения оказались напрасными. Уэртон лежал без сознания на койке, Делакура сидел молча, а Джон Коффи (меня словно пронзило молнией) вообще не подавал признаков жизни. Дурной знак.

Я двинулся вдоль Мили и в тревоге заглянул в камеру Коффи: вдруг он покончил с собой одним из распространенных в коридорах смерти способом: то ли повесился на штанах, то ли перегрыз себе вены. К счастью, мои мрачные предположения не подтвердились. Коффи сидел на дальнем конце койки, положив руки на колени, самый большой человек, каких мне только доводилось видеть, и смотрел на меня странными, мокрыми от слез глазами.

— Командир?

— Что такое, здоровяк?

— Я должен вас увидеть.

— Разве ты не смотришь на меня, Джон Коффи?

Он промолчал, продолжая сверлить меня странным, влажным взглядом.

Я вздохнул.

— Одну секунду, здоровяк.

Я повернулся к Делакура, который стоял у решетки, отделяющей его камеру от коридора. Мистер Джин-

* соответственно 39,5 и 40 градусов по шкале Цельсия.

глес, его ручной мышонок (Делакруа говорил всем, что это он научил Мистера Джинглеса разным фокусам, но мы, работавшие на Зеленой миле, сошлись во мнении, что Мистер Джинглес до всего дошел сам), без усталости перебегал с одной вытянутой руки Делакруа на другую, как цирковой акробат летает между трапециями, подвешенными над ареной. Глазки его широко раскрылись, ушки он прижал к головке. Я не сомневался, что мышонок чутко отзывается на нервное состояние Делакруа. На моих глазах Мистер Джинглес сбежал по штанине Делакруа на пол, помчался к дальней стене, где лежала ярко раскрашенная катушка из-под ниток, прикатил ее к ноге Делакруа и поднял головку, стараясь привлечь его внимание, но маленький француз на какое-то время забыл о существовании своего дружка.

— Что случилось, босс? — спросил он. — Кому досталось?

— Сейчас все нормально, — ответил я. — Наш новый постоялец ворвался сюда как лев, но теперь больше напоминает барашка. Хорошо то, что хорошо кончается.

— Ничего не кончено, босс. — Делакруа посмотрел на камеру, в которую мы определили Уэртон. — *L'homme mauvais, c'est vrai**.

— Не стоит тебе волноваться из-за этого, Дел. Никто не собирается заставлять тебя прыгать с ним через скакалку.

За моей спиной что-то закрипело: Джон Коффи поднялся с койки.

— Босс Эджкомб! — позвал он. — Мне надо поговорить с вами!

Я повернулся к нему, думая, почему нет, конечно, разговоры с осужденными — наша прямая обязанность. При этом я изо всех сил старался не дрожать, потому что из жара меня бросило в холод. Всего, за

* Это злой человек, очень злой (фр.).

исключением паха. Там меня словно разрезали, насовали внутрь раскаленных углей и зашили снова.

— Так говори, Джон Коффи! — ответил я, надеясь, что мой голос звучит легко и непринужденно.

Мне показалось, что впервые после появления в блоке Е Джон Коффи действительно оказался среди нас. Слезы, вечно сочащиеся из уголков его глаз, высохли, и я знал, что он видит перед собой того, на кого смотрит: мистера Пола Эджкомба, суперинтенданта, или старшего надзирателя «Блока Е», а не какое-то только ему ведомое место, куда он хотел возвратиться, дабы предотвратить им же содеянное.

— Нет, вы должны войти сюда.

— Ты же знаешь, что я не имею права этого делать. — Я все старался сохранить непринужденный тон. — Во всяком случае сейчас. Я в блоке один, а ты тяжелее меня на полтонны. Одна заварушка сегодня у нас уже была, так что хорошо бы обойтись без второй. Мы можем поговорить через решетку, если ты не возражаешь, и...

— Пожалуйста! — Он так крепко сжимал прутья, что побелели не только костяшки пальцев, но и ногти. Лицо его вытянулось от напряжения, по выражению его странных глаз чувствовалось, что ему это очень нужно. Почему — я не понимал. Наверное, понял бы, если бы не жжение в паху, понял бы, что он хочет показать мне, каким образом я могу ему помочь. Узнав, чего хочет человек, ты узнаешь человека. Эту истину опровергнуть мне еще не удалось. — Пожалуйста, босс Эджкомб! Вы должны войти!

Идиотизм какой-то, подумал я и тут же понял, что намерен совершить еще более идиотский поступок: подчиниться. Я снял с пояса кольцо с ключами и начал искать те, что открывали камеру Коффи. Он мог бы переломить меня об колено, словно палку, даже когда я пребывал в отличной физической форме, а в тот день я был совсем плох. Тем не менее я собирал-

ся войти в его камеру. По собственной воле, через полчаса после наглядной демонстрации того, куда могут завести тебя глупость и небрежность, если имеешь дело с приговоренными к смертной казни. Я собирался отпереть дверь, войти в камеру гиганта и посидеть с ним. Если б меня застали в его камере, я бы вылетел с работы, даже если б он ничего со мной и не сделал, но я все равно собирался войти к нему.

Остановись, сказал я себе, ты должен остановиться, Пол. Не остановился. Одним ключом открыл верхний замок, вторым — нижний, потом откатил дверь в сторону.

— Знаете, босс, это, возможно, не самая лучшая идея. — В голосе Делакруа слышалось такое волнение, что в иной ситуации я бы, наверное, расхохотался.

— Ты занимайся своими делами и не лезь в мои, — ответил я, не оборачиваясь. Я не мог оторвать взгляда от глаз Коффи. Впился в них, словно загнипнотизированный. Собственный голос звучал в моих ушах, словно эхо из далекой долины. Черт, а может, он действительно загнипнотизировал меня. Ложись на койку и отдыхай.

— Господи, да тут какой-то сумасшедший дом. — Голос Делакруа дрожал от волнения. — Мистер Джинглес, я просто мечтаю о том, чтобы они побыстрее поджарили меня, лишь бы не видеть этого безумия.

Я вошел в камеру Коффи. С каждым моим шагом он отступал, пока не добрался до койки. Она ударила его по икрам (такой уж он был высокий), Коффи сел и похлопал рукой по матрасу, по-прежнему глядя мне в глаза. Я опустился рядом, он обнял меня за плечи одной рукой, словно мы сидели в кинотеатре, а я стал его подружкой.

— Что ты хочешь, Джон Коффи? — Я все смотрел ему в глаза... такие грустные, проникающие в глубины моего сознания.

— Всего лишь помочь.

Он вздохнул как человек, которому предстояло выполнить не самую желанную для него работу, потом положил руку мне на лобок, костяную площадку на фут ниже пупка.

— Эй! — воскликнул я. — Убери свою чертову руку...

И тут меня пробил заряд энергии. Мощный, но безболезненный. Он заставил меня дернуться и изогнуть спину. Мне тут же вспомнился старик Два Зуба, кричащий, что он поджаривается, поджаривается, поджаривается, что индейка уже готова. Тепла я не почувствовал, не было и ощущения электрического удара, но на мгновение пропали все цвета и мир словно сжался, надвинувшись на меня. Я мог видеть каждую пору на лице Коффи, каждый налитый кровью сосудик в его печальных глазах, даже крошечную заживающую царапину на его подбородке. Пальцы мои судорожно хватались за воздух, а ноги барабанили по полу камеры Коффи.

И тут же все закончилось. Исчезло вместе с моей урологической инфекцией. Ушла жгущая боль в паху, захватив с собой лихорадку. Я еще чувствовал пот, выступивший на коже, ощущал его запах, но причины, породившей его, более не существовало.

— Что тут происходит? — вопил Делакруа. Его голос доносился издалека, но, когда Джон Коффи наклонился вперед, разорвав невидимую нить, связавшую наши глаза, я услышал его совершенно отчетливо. Будто кто-то вытащил затычки из ушей. — Что он с вами делает?

Я не ответил. Коффи сидел, наклонившись вперед, по его щекам ходили желваки, вены на шее вздулись, а глаза просто вылезли из орбит. Он напоминал человека, в горле которого застряла рыба кость.

— Джон! — позвал я и хлопнул его по спине. А что еще я мог сделать? — Джон, что с тобой?

Он отпрянул от моей руки, затем послышался неприятный звук, словно он чем-то давился, пытаясь вызвать рвоту. Рот Коффи открылся, так иной раз открывают пасть лошади, с явной неохотой, оттягивая назад губы, обнажая зубы в усмешке. Потом он выдохнул рой крошечных черных насекомых, то ли мошек, то ли moskitov. Они закружились меж его колен, стали белыми и исчезли.

И тут же силы покинули меня. Мышцы словно превратились в воск. Спиной меня бросило на каменную стену за койкой Коффи. Я помню, как повторял про себя имя Спасителя: Иисусе, Иисусе, Иисусе; помню, как подумал о том, что впадаю в забытие от высокой температуры. И все.

А потом до меня донесся голос Делакруа, зовущий на помощь. Он извещал мир, что Джон Коффи убил меня, орал во всю глотку. Коффи действительно наклонился надо мной, но лишь затем, чтобы убедиться, что я порядке.

— Заткнись, Дел. — Я поднялся на ноги и застыл в ожидании, что боль разорвет мне пах, но она так и не появилась. И чувствовал я себя гораздо лучше. Лишь на мгновение закружилась голова, но приступ прошел даже до того, как я протянул руку, чтобы схватиться за решетку и устоять на ногах. — Ничего со мной не случилось.

— Вы должны выйти оттуда, — говорил Делакруа тоном старушки, убеждающей ребенка спрыгнуть с яблони. — Вы не имеете права находиться в камере, если в блоке больше никого нет.

Я уставился на Джона Коффи. Тот сидел на койке, положив громадные руки на колоды-колени. Джон Коффи посмотрел на меня. Для этого ему пришлось чуть приподнять голову.

— Что ты сделал, здоровяк? — шепотом спросил я. — Что ты мне сделал?

— Помог, — ответил он. — Я же помог, ведь так?

— Да, похоже на то. Но как? Как ты мне помог?

Он качнул головой: направо, налево, по центру. Он не знал, как ему удалось мне помочь (как он избавил меня от урологической инфекции), а его спокойное лицо говорило о том, что ему это без разницы. Действительно, важен достигнутый результат, а не процесс лечения. Я хотел спросить, как он узнал, что я болен, но тут же сообразил, что в ответ лишь увижу, как качнется его голова. Где-то я прочитал фразу, которая так и осталась у меня в памяти: «Загадка, окутанная тайной». Такую вот загадку и представлял собой Джон Коффи, и спокойно спать ночью он мог лишь потому, что даже не задумывался об этом. Он знал свою фамилию, знал, что пишется она не так, как напиток, а больше ничего знать не хотел.

Чтобы убедить меня в этом, Коффи еще раз качнул головой, а затем лег на койку лицом к стене, подложив обе руки, как подушку, под левую щеку. Ноги его свешивались с койки чуть ли не от колен, но его это не волновало. Куртка на спине задралась, и я видел шрамы, иссекающие кожу.

Я вышел из камеры, запер оба замка и повернулся к Делакруа, который, прикинув к прутьям решетки, озабоченно смотрел на меня. Может, и со страхом. Мистер Джинглес примостился у него на плече, его усики настороженно шевелились.

— Что этот черный человек делал с вами? — спросил Делакруа. — Колдовал? Наводил на вас чары?

— Не понимаю, о чем ты толкуешь, Дел.

— Как бы не так! Очень даже понимаете! Вы совсем переменялись! Даже ходите по-другому, босс!

Возможно, я действительно ходил по-другому. В паху у меня царили мир и покой, удивительное, знаете ли, чувство, прямо-таки экстаз. Тот, кто хоть раз мучился от невыносимой боли, а потом избавился от нее, поймет, что я имею в виду.

— Все в порядке, Дел, — гнул я свое. — Ничего не случилось. Джону Коффи приснился кошмарный сон, ничего больше.

— Он колдун! — с жаром воскликнул Делакура. На его верхней губе выступил пот. Он видел не все, но и увиденного хватило, чтобы напугать его до полу-смерти. — Колдун!

— С чего ты так решил?

Делакура снял мышонка с плеча и поднял к своему лицу. В его ладошке Мистер Джинглес устроился, как в гнездышке. Делакура вытащил из кармана розовый леденец и протянул мышонку, но тот леденец проигнорировал, потянувшись мордочкой к Делакура, внюхиваясь в его дыхание. Точно так же человек мог бы наслаждаться запахом букета. Маленькие глазки-бусинки превратились в щелочки: Мистер Джинглес млел от восторга. Делакура поцеловал мышонка в нос. Мышонок не возражал. Делакура еще с секунду смотрел на него, а потом повернулся ко мне. Тут я все понял.

— Тебе сказал Мистер Джинглес. Я прав?

— Oui.

— Точно так же, как шепнул тебе на ухо свое имя?

— Oui, он шепнул мне на ухо свое имя.

— Приляг, Дел, — посоветовал я. — Тебе надо отдохнуть. Это шептание изматывает тебя.

Он сказал что-то еще, наверное, упрекнул меня в том, что я ему не верю. Голос его вновь доносился откуда-то издалека. Когда же я возвращался к столу, я не шагал — летел, а может, даже не двигался, стоял на месте, а камеры проплывали мимо по обе стороны, словно киношные декорации на колесиках.

Я уже начал садиться, когда колени подогнулись и я плюхнулся на синюю подушку, которую Гарри принес годом раньше и положил на сиденье стула. Если б стула подо мной не оказалось, я бы точно впечатался задницей в пол.

Я сидел безо всяких ощущений в паху, где еще десять минут назад бушевал лесной пожар. «Я же помог, ведь так?» — прошелестели в ушах слова Джона Коффи. Насчет тела так оно и было. А вот насчет головы — нет. Тут он мне ничем не помог.

Мой взгляд упал на стопку бланков, которые мы держали на углу стола, придавив латунной пепельницей. Поверху шла надпись «РАПОРТ ПО БЛОКУ». Ниже еще одна — «ПРОИСШЕСТВИЯ». Под ней я хотел подробно описать запоминающееся прибытие Уильяма Уэртона. Но намеревался ли я писать о случившемся в камере Джона Коффи? Я увидел себя берущим карандаш, который так любил лизать Зверюга, и пишущим одно-единственное слово, зато большими буквами: «ЧУДО».

Смешная вроде бы сценка, но мне захотелось не улыбнуться, а заплакать. Я поднес руки к лицу, прижал ладони к губам, чтобы сдержать рыдания, — мне не хотелось еще больше пугать Дела, когда он только начал успокаиваться, — но ничего сдерживать не пришлось. Обошелся я и без слез. Поэтому несколько мгновений спустя я вновь положил руки на стол. Не знаю, что я при этом испытывал, но в голове у меня засела только одна мысль: хоть бы никто из надзирателей не вернулся в блок, пока я не приду в себя. Я боялся того, что они могли прочитать на моем лице.

Я пододвинул к себе бланк рапорта по блоку. Я мог подождать с описанием проделок нашего вновь прибывшего проблемного ребенка, который едва не удавил Дина Стэнтонa, и заполнить все остальные графы. Я думал, что у меня изменится почерк, будет дрожать рука, но нет, буквы выходили из-под карандаша такими же, как и всегда.

Пять минут спустя я положил карандаш и отправился облегчиться в туалет, примыкающий к моему кабинету. Особого желания у меня не было, но хотелось проверить, действительно ли я выздоровел. Встав

над унитазом, ожидая, когда в нем зажурчит моча, я приготовился к возвращению боли, к ощущениям того, что в моче полно осколков стекла. Тогда выходило, что Коффи лишь загипнотизировал меня, и у меня, несмотря на боль, с души свалился бы камень.

Да только боль не вернулась, а в унитаз полилась прозрачная жидкость безо всяких признаков гноя. Я застегнул ширинку, спустил воду, дернув за цепочку, и вернулся за стол дежурного.

Я знал, что произошло. Наверное, знал уже тогда, когда пытался убедить себя, что Коффи меня загипнотизировал. Я познал на себе, что есть исцеление, истинное деяние всемогущего Господа нашего. Еще ребенком, постоянно бывая вместе с матерью и ее сестрами в баптистских церквях, я слышал множество историй о чудесных исцелениях, которые Господь Бог в милосердии своем даровал своим верным слугам. Всем этим историям я, разумеется, не верил, но рассказы некоторых людей не вызывали у меня ни малейших сомнений. К таковым относился и Рой Делфайнс, проживавший с семьей в двух милях от нас. Мне тогда было лет шесть. Этот Делфайнс отрубил топором мизинец своему маленькому сыну. Произошло это случайно, когда отец обтесывал бревно. Рой Делфайнс утверждал, что осенью и зимой он практически протер ковер, истово молясь Господу, но к весне мизинец отрос вновь. Вместе с ногтем. Я поверил Рою Делфайнсу. Очень уж искренне говорил он, стоя перед всеми, глубоко засунув руки в карманы. Я просто не мог не поверить. «Палец очень чесался, когда начал расти, даже не давал сыну уснуть, — говорил Рой Делфайнс. — Но мальчик знал, что это дар Божий, и не жаловался». Восславим Иисуса, всемогущего Господа нашего.

История Роя Делфайнса стала одной из многих услышанных мною. Чудесные исцеления не изумляли меня, а лишь укрепляли в вере. Однако верили мы

и в силу колдовства: заговоренная вода, сводящая бородавки, положенный под подушку мох, облегчающий душевные муки отвергнутой любви, и, разумеется, заклинания... но я не верил, что Джон Коффи — колдун. Я же смотрел ему в глаза. Более того, чувствовал его прикосновение. Когда он касался меня, я ощущал, что нахожусь в руках странного, удивительного доктора.

Я же помог, ведь так?

Фраза эта не выходила у меня из головы, словно привязавшаяся строка модной песни, но эти слова никак не могли служить заклинанием.

Я же помог, ведь так?

Да только помог не он. Господь Бог. Джон Коффи воспользовался местоимением «я» скорее от невежества, чем из гордости, ибо из тех историй об исцелениях, что я слышал в церквях, столь любимых моей двадцатидвухлетней матерью и ее сестрами, я вынес главное: такое исцеление зависит не от желания или умения целителя или исцеляемого, а целиком от воли Божьей. Тот, кто помог страждущему, может воспринимать сие деяние как само собой разумеющееся, а вот исцеленный обязан спросить — почему? Поразмислить о воле Божьей, попытаться понять, почему Господь соблаговолил помочь именно тебе.

Так чего в данном случае хотел от меня Бог? Что же такое должен я совершить, если Он счел возможным влить целительную силу в руки детоубийцы? Хотел, чтобы я остался в блоке Е вместо того, чтобы валяться дома и плевать от сульфамидных таблеток? Может, я должен оставаться на посту, чтобы предотвратить очередную выходку Дикого Билла Уэртона и не дать Перси Уэтмору сморозить какую-нибудь глупость? Хорошо, пусть так и будет. Я стану смотреть во все глаза... а рот буду держать на замке, во всяком случае насчет чудесного исцеления.

Едва ли кто удивится, что мне полегчало. Я каждый день говорил об этом, даже сказал начальнику

тюрьмы Мурсу. Делакруа что-то видел, но я полагал, болтать он не станет. Хотя бы из опасения, что Коффи найдет на него какую-нибудь порчу. Что же касается самого Коффи, то он скорее всего уже все позабыл. Он не более чем проводник, а нет в мире кульверта*, который после окончания дождя помнит, как по нему текла вода. Так что я решил никому ничего не говорить. В тот момент я и представить себе не мог, как скоро расскажу эту историю от начала и до конца.

Коффи и раньше интересовал меня. А уж случившееся в его камере просто разожгло мое любопытство.

Глава 4

Перед тем как уйти в тот вечер домой, я предупредил Зверюгу, что завтра приду попозже, а утром поехал в Тефлон, городок в округе Трейпинг.

— Чего ты так волнуешься из-за этого Коффи? — заметила жена, протягивая мне сверток с сэндвичами (придорожным закусочным она не доверяла, считая, что там скорее отравишься, чем наешься). — На тебя это не похоже, Пол.

— Я из-за него не волнуюсь, — ответил я. — Мне просто любопытно, вот и все.

— По моему разумению, одно неизбежно ведет к другому, — пустила шпильку Джейнис и от всей души чмокнула меня в губы. — Во всяком случае, сегодня ты выглядишь лучше. А то я уже начала нервничать. С краником все в порядке?

— Стал как новенький. — И я отправился в путь, распевая «Посмотри-ка, Джозефина, вот она, моя машина» и «Мы нарыли кучу денег».

* водопропускная труба.

В Тефлоне я первым делом заглянул в редакцию «Тефлон интеллидженсер». Мне сказали, что Берт Хаммерсмит, которого я искал, скорее всего в окружном суде. В окружном суде выяснилось, что Берт Хаммерсмит действительно там побывал, но ушел, как только прорвавшаяся водопроводная труба остановила процесс вершения правосудия, в данном конкретном случае суд над насильником (на страницах «Интеллидженсера» это преступление именовалось «нападением на женщину». Собственно, и другие издания в те времена обходились без более крепких слов). В суде высказали предположение, что Хаммерсмит скорее всего отправился домой. Следуя полученным инструкциям, я добрался до улочки, по которой не решился ехать в «форде»: слишком много рытвин и грязи. Так что дальше пришлось идти на своих двоих. Фамилия Хаммерсмит стояла под всеми статьями о судебном процессе Коффи, помещенными в «Интеллидженсере», от него же я и узнал многие подробности охоты за Коффи. Подробности столь неудобоваримые, что «Интеллидженсер» предпочел их опустить, дабы не травмировать читателей.

Дверь мне открыла миссис Хаммерсмит, молодая женщина с усталым лицом и покрасневшими от вечной стирки руками. Она не стала спрашивать, что мне нужно, просто провела меня через маленький дом, благоухающий запахами выпечки, на заднюю веранду, выходящую во двор. Там и сидел ее муж, с бутылкой пива в руке и нераскрытым журналом «Свобода» на колене. В дальнем углу маленького двора двое детей со смехом и радостными криками качались на качелях. По одежде я не смог определить пол, но подумал, что это мальчик и девочка. Возможно, даже близнецы. Интересная подробность, учитывая, что их отец освещал суд над Коффи. Посреди двора, как остров среди моря вытоптанной земли, стояла конура. Соба-

ки я не увидел, день вновь выдался жарким, и я решил, что она дремлет внутри.

— Берт, к тебе гости, — объявила миссис Хаммерсмит.

— Хорошо. — Берт Хаммерсмит посмотрел на меня, на жену, вновь на детей, от лицемерия которых я отрывал его своим внезапным появлением. Что сразу бросалось в глаза, так это неестественная худоба мистера Хаммерсмита, худоба человека, с трудом оправляющегося от затяжной, тяжелой болезни. И волосы у него заметно поредели. Его жена положила ему на плечо красную, натруженную руку. Он не посмотрел на нее, не коснулся ее руки, и через мгновение она убрала ее. Мне подумалось, что они скорее похожи на брата и сестру, чем на мужа и жену: он получил от родителей ум, она — внешность, но некоторые родовые черты достались обоим. Потом, возвращаясь домой, я понял, что они совсем и непохожи. И отмеченное мною сходство — последствия пережитого потрясения и печаль, навсегда поселившаяся в их доме. Боль помечает наши лица, меняет внешность, превращая в близких родственников.

— Вы не хотели бы выпить чего-нибудь холодного, мистер...

— Эджкомб. Пол Эджкомб. Буду вам благодарен премного. В такой день грех отказываться от холодного напитка, мэм.

Она вернулась в дом. Я протянул руку Хаммерсмит, который быстро ее пожал вялой и холодной рукой. Он не отрывал взгляда от детей, копошившихся у качелей.

— Мистер Хаммерсмит, я старший надзиратель блока Е «Холодной горы». Это...

— Я знаю, о чем вы говорите. — В его глазах зажглись искорки интереса. — Значит, у меня в доме — сам хозяин Зеленой мили. Вы проехали пятьдесят

милль ради разговора с единственным репортером местной газетенки? Почему?

— Джон Коффи, — ответил я.

Думаю, я ожидал бурной реакции (дети, играющие во дворе, которых я принял за близняшек, опять же собачья конура: Джон Коффи убил и собаку Деттериков), но Хаммерсмит лишь изогнул бровь и отпил пива.

— Коффи теперь в вашем ведении, не так ли? — спросил он.

— Да, конечно, — кивнул я, — но я приехал не потому, что он доставляет нам какие-то хлопоты. Он боится темноты, много плачет, но сидит смирно, так что мы, надзиратели, им довольны. Попадаютися осужденные и похуже.

— Значит, много плачет? — переспросил Хаммерсмит. — Ему есть над чем поплакать. Учитывая, что он натворил. Так что вы хотите знать?

— Все, что вы сможете мне рассказать. Я прочитал ваши статьи, но, полагаю, меня интересует то, о чем вы не написали.

Он зыркнул на меня.

— Например, как выглядели маленькие девочки? И что он с ними проделал? Вас это интересует, мистер Эджкомб?

— Нет, — ответил я, не повышая голоса. — Девочки Деттериков меня не интересуют, сэр. Бедняжки умерли. А вот Коффи — еще нет. И мне любопытно побольше узнать о нем.

— Хорошо. Возьмите стул и присядьте, мистер Эджкомб. Простите меня за излишнюю резкость, но по роду моей деятельности я часто встречаюсь со стервятниками, охочими до падали. Черт, да меня не раз обвиняли в том, что я один из них. Я хотел удостовериться, что вы не имеете к ним никакого отношения.

— Удостоверились?

— Вполне.

История, которую он мне рассказал, немногим отличалась от изложенного в газетах: миссис Деттерик обнаружила, что на веранде никого нет, дверь сорвана с петли, одеяла отброшены в угол, на ступеньках кровь; ее муж и сын бросились в погоню за похитителем; разыскная группа с собаками сначала нашла их, а уж потом Джона Коффи; Джон Коффи сидел на берегу и выл, зажав в руках тельца двух девочек. Репортер в белой рубашке с отложным воротником и серых брюках говорил тихо, бесстрастно... но его глаза не отрывались от детей, по очереди раскачивающих друг друга на качелях. По ходу рассказа миссис Хаммерсмит принесла бутылку домашнего пива, холодного, крепкого, вкусного. Немного послушала, а потом позвала детей и велела им идти в дом, потому что она уже достает пирожки из духовки. «Мы идем, мама», — ответила ей маленькая девочка, и женщина скрылась в доме.

Закончив, Хаммерсмит вопросительно посмотрел на меня.

— Так почему вас все это заинтересовало? Ко мне еще никогда не приходил ни один тюремный надзиратель. Вы первый.

— Я уже сказал...

— Да, из любопытства. Я знаю, любопытство надо приветствовать, даже благодарить Господа, что Он даровал его людям. Иначе я остался бы без работы. Но пятьдесят миль — слишком долгий путь, чтобы проделать его лишь ради удовлетворения собственного любопытства, особенно если учесть качество здешних дорог. Почему вы не хотите сказать мне правду, Эджкомб? Я удовлетворил ваше любопытство, теперь очередь за вами.

Что ж, я мог бы сказать: «Меня замучила урологическая инфекция, а Джон Коффи излечил ее, коснувшись меня своими руками. Это сделал человек, изнасиловавший и убивший двух маленьких девочек. Вот

меня и заинтересовало, как такое могло случиться? И любого на моем месте это заинтересовало бы. Я даже подумал, а вдруг Гомер Криб и его помощник Роб Макги арестовали совсем не преступника. Несмотря на все улики. Потому что человека, руки которого обладают такой целительной силой, нелегко представить себе преступником, насилующим и убивающим детей».

Но с другой стороны, может, говорить этого и не следовало.

— У меня возникли некоторые вопросы. Во-первых, не делал ли он чего-то подобного раньше?

Хаммерсмит повернулся ко мне, его глаза внезапно зажглись, и я понял, что передо мной сидит очень умный человек, пусть и старающийся ничем себя не выдать.

— Почему? — спросил он. — Почему вы хотите это знать, Эджкомб? Что он вам сказал?

— Ничего. Но за человеком, сотворившим такое, обычно что-то замечалось и прежде. Они же входят во вкус.

— Да, — кивнул Хаммерсмит. — Входят. Несомненно, входят.

— Вот мне и подумалось, что достаточно просто проследить его путь и все это выяснить. Личность он примечательная, опять же негр, так что несложно узнать, как он попал в Тефлон.

— Рассуждаете вы вроде бы и правильно, но в случае с Коффи этот путь привел в тупик. Я знаю.

— Вы пытались?

— Да, и остался у разбитого корыта. Вроде бы два человека видели его на железнодорожной станции Кноксвилла за пару дней до убийства девочек Деттериков. В этом нет ничего удивительного, ведь Коффи повязали на берегу реки, совсем рядом с Великой южной дорогой, так что скорее всего он пришел сюда из Теннесси. Я получил письмо от одного человека, который сообщил, что весной нанимал большого лы-

сого негра ворочать для него ящики. Из Кентукки. Я послал ему фотографию Коффи, и человек этот его признал. Но больше-то ничего... — Хаммерсмит покачал головой и пожал плечами.

— Вам не показалось, что это довольно-таки странно?

— Более чем странно, мистер Эджкомб. Такое ощущение, что он свалился с неба. И он сам тут не помощник: не может вспомнить, что происходило с ним на прошлой неделе.

— Это точно, — согласился я. — Как вы можете это объяснить?

— У нас Великая депрессия, вот как я могу это объяснить. Множество людей ищут, где добыть пропитание. Оклахомцы хотят собирать персики в Калифорнии, бедные белые — строить автомобили в Детройте, черные из Миссисипи — работать на обувных и ткацких фабриках Новой Англии. Все, белые и черные, думают, что на новом месте им наконец-то улыбнется счастье. В Америке сейчас трудные времена. Даже такого гиганта, как Коффи, замечают далеко не везде... пока у него не возникает желание убить двух маленьких девочек. Маленьких белых девочек.

— Вы в это верите? — спросил я.

Он вскинул на меня глаза.

— Иной раз и верю.

Его жена высунулась из кухонного окна, как машинист из кабины паровоза.

— Дети! Пирожки готовы! — Она повернулась ко мне. — Не хотите попробовать, мистер Эджкомб?

— Я уверен, что они восхитительны на вкус, мэм, но позвольте мне отказаться.

— Хорошо. — Она скрылась на кухне.

— Вы видели, какие у него шрамы? — резко спросил Хаммерсмит. Он все смотрел на детей, которые никак не хотели оторваться от качелей.

— Да. — Меня, однако, удивило, что он знает о шрамах.

Моя реакция не осталась незамеченной, и Хаммерсмит рассмеялся.

— По ходу суда адвокату защиты удалось одержать лишь одну победу: он сумел добиться того, что Джон Коффи снял рубашку и показал спину присяжным. Прокурор, Джордж Пиретсон, сопротивлялся как мог, но судья все-таки разрешил Коффи раздеться. Да только старина Джордж надрывался напрасно. Присяжные в этих краях не воспринимают утверждения психиатров о том, что люди, которых третировали в детстве, в некоторых ситуациях ничего не могут с собой поделать. В целом я согласен с присяжными... но шрамы ужасные, это точно. Что вы можете о них сказать, Эджкомб?

Я видел Коффи в душе, поэтому понимал, о чем толкует Хаммерсмит.

— Они бесформенные. Как бы неравномерно выросли.

— Вы знаете, в чем причина?

— Кто-то нещадно выпорол его еще ребенком. До того, как он вырос.

— Но им не удалось изгнать из него дьявола, не так ли, Эджкомб? Следовало отложить плеть в сторону и утопить Коффи, как слепого котенка. Или вы так не думаете?

Наверное, мне следовало согласиться и откланяться, но я не смог заставить себя пойти самым легким путем. Я же видел Коффи. И чувствовал прикосновение его рук.

— Он... странный. Но вроде бы жажды насилия в нем не заложено. Я знаю, где и как его нашли, но это не вяжется с тем, что я вижу изо дня в день в своем блоке. Я повидал людей, у которых насилие в крови, мистер Хаммерсмит. — Думал я, конечно, об Уэртоне. Уэртоне, душащем Дина Стэнтонна цепью и кри-

чащем: «Ну что, парни? Веселенькая заварушка, да? Все как надо?»

Он пристально смотрел на меня и чуть улыбался одними губами.

— Вы же приехали сюда не для того, чтобы узнать, убил он или не убил какую-нибудь маленькую девочку где-то еще. Вы приехали, чтобы спросить, уверен ли я в том, что близняшек убил именно он. Так? Признавайтесь, Эджкомб.

Я допил пиво и поставил бутылку на маленький столик.

— Допустим. Вы уверены?

— Дети! — крикнул Хаммерсмит, наклонившись вперед. — Мама звала вас есть пирожки! — Потом он откинулся на спинку стула, и на его губах вновь заиграла легкая улыбка.

— Хочу вам кое-что сказать. Слушайте, пожалуйста, внимательно, потому что, возможно, ради этого вы и приехали.

— Я слушаю.

— У нас был пес, которого мы звали Сэр Галахад. — Он указал на конуру. — Хороший пес. Не чистокровный, но хороший. Спокойный. Всегда готовый лизнуть руку или принести палку. Таких дворян сколько угодно, сами знаете.

Я согласно кивнул.

— Во многих отношениях этот хороший дворовый пес очень напоминал вашего негра. Вы к нему привыкаете, потом начинаете его любить. Пользы от него вроде бы никакой, но вы держите его при себе, потому что думаете, что он любит вас. Если вам повезет, мистер Эджкомб, вы никогда не узнаете, что это не так. А вот нам, мне и Синтии, не повезло. — Он вздохнул — долгий, тяжелый вздох, словно ветер, шелестящий листьями, — и вновь указал на конуру. Я удивился самому себе, что не заметил раньше, как давно она пустует. — Я чистил за ним конуру, ремонтировал крышу,

чтобы она не текла во время дождя. И в этом смысле Сэр Галахад ничем не отличался от негров из южных штатов, которые не могли сделать это сами. Теперь я к этой конуре не подхожу, не подходил после того несчастного случая... если можно назвать то, что произошло, несчастным случаем. Тогда я подошел к конуре с ружьем и пристрелил пса, но больше не подхожу. Не могу заставить себя. Со временем это пройдет. Однажды я подойду и развалю конуру.

Дети подбежали к крыльцу, и я сразу понял, что лучше бы они продолжали играть. С девочкой все было в порядке, но вот мальчик...

Они взлетели по ступенькам, посмотрели на меня, захихикали и направились к двери на кухню.

— Калев, — позвал мальчика Хаммерсмит. — Подожди сюда. На минуту.

Маленькая девочка, несомненно его двойняшка (погодками они быть не могли), скрылась за кухонной дверью. Мальчик подошел к отцу, глядя себе под ноги. Он знал, что он урод. В свои четыре года (я предполагал, что он не старше) ребенок уже знал это. Его отец сунул два пальца под подбородок мальчика и попытался поднять его лицо. Поначалу ребенок сопротивлялся, но, услышав от отца ласковое и любящее: «Пожалуйста, сынок», — подчинился.

Огромный уродливый шрам, сбегаящий от волос через лоб и вытекший глаз к навсегда перекошенному рту. Одна щека гладкая, вторая — напоминающая кору дерева у корня. Я догадался, что там была дыра, которая со временем зажила.

— Один глаз у него остался. — Хаммерсмит ласково погладил искалеченную щечку. — Ему повезло, он не слепой. Мы часто встаем на колени и благодарим за это Господа. Да, Калев?

— Да, сэр, — застенчиво ответил мальчик, которого все годы учебы будут безжалостно избивать смеющиеся, издевающиеся одноклассники, которого не при-

гласят поиграть в бутылочку, который не познает женщину, предварительно не заплатив ей, который при каждом взгляде в зеркало будет думать: урод, урод, урод, урод.

— Иди и поешь пирожков. — Хаммерсмит наклонился и поцеловал сына в перекошенный рот.

— Да, сэр. — И мальчик убежал в дом.

Хаммерсмит достал носовой платок и вытер глаза. Как мне показалось, сухие, но он, наверное, привык к тому, что из них катятся слезы.

— Пес уже жил у нас, когда они родились. Я привел его в дом, чтобы он их обнюхал, когда Синтия вернулась с ними из больницы, и Сэр Галахад лизал им ручонки. — Он кивнул, как бы подтверждая, что ничего не придумал. — Пес играл с ними, лизал лицо Арден, пока она не начинала хихикать. Калев дергал его за уши, а когда учился ходить, иногда шагал по двору, держась за хвост Сэра Галахада. Пес никогда не рычал на них. Ни на одного.

Вот теперь потекли слезы. Хаммерсмит вытер их автоматически, заученным движением.

— Не было никакого повода. Калев не причинил ему боли, не кричал на него, ничего такого. Я знаю. Я при этом присутствовал. Если б не я, пес наверняка загрыз бы мальчика. А произошло следующее, мистер Эджкомб. Лицо мальчика оказалось перед мордой пса, когда нечто вселилось в разум Сэра Галахада (если у него есть разум), заставляя пса рвать и кусать. Загрызть, будь у него такая возможность. Перед ним был мальчик, вот пес и набросился на него. То же самое произошло и с Коффи. Он увидел девочек на веранде, схватил их, изнасиловал, убил. Вы вот спрашиваете, нет ли свидетельств того, что он проделывал что-то подобное и раньше, я понимаю, что вы имеете в виду, но, возможно, ничего такого за ним и не водилось. Мой пес раньше никого не кусал, но хватило и одного раза. Может, если Коффи отпустить, он уже никогда

не повторит содеянного. Может, и мой пес больше никого бы не укусил. Но я даже не стал об этом думать. Просто пошел за своим ружьем и снес псу голову.

Он тяжело дышал.

— Я человек просвещенный, мистер Эджкомб. Окончил колледж в Боулинг-Грин, изучал не только журналистику, но и историю, философию. Во всяком случае, я считал себя просвещенным. Не уверен, что северяне согласятся со мной, но такое уж у меня мнение о себе. Я не собираюсь возвращать на Юг рабство. Я думаю, что мы должны быть человеколюбивы и великодушны в наших усилиях по решению расовой проблемы. Но мы должны помнить, что ваш негр укусит, если ему представится такая возможность, точно так же, как укусит дворовый пес, если получит такой шанс и решит, что должен укусить. Вы хотите знать, он ли это сделал, ваш плачущий мистер Коффи со спиной, покрытой шрамами?

Я кивнул.

— Да. Он. Не сомневайтесь в этом, но и не отворачивайтесь от него. Он мог устоять перед искушением раз или сто раз... даже тысячу... но в конце концов... — Хаммерсмит поднял руку, а потом резко свел пальцы, превратив ее в кусающую пасть. — Вы понимаете?

Я вновь кивнул.

— Коффи их изнасиловал, он их убил, а потом пожалел... но эти маленькие девочки остались изнасилованными, они остались убитыми. Вы с ним разберетесь, Эджкомб, не так ли? Разберетесь через несколько недель, чтобы он уже никогда ничего такого не натворил. — Хаммерсмит встал, подошел к ограждению веранды и посмотрел на конуру, стоящую посреди двора. — Надеюсь, вы меня извините. Раз уж мне нет нужды сидеть весь день в суде, я бы хотел побыть с семьей. Дети очень быстро вырастают.

— Конечно, конечно. — Губы плохо меня слушались. — Извините, что отнял у вас время.

— Пустяки.

Сев за руль, я сразу поехал в тюрьму. Путь был неблизкий, но на этот раз я не пел веселых песен. На какое-то время я позабыл про песни. Перед моим мысленным взором стояли изувеченное лицо мальчика и рука Хаммерсмита, превращающаяся в кусающую пасть.

Глава 5

Дикий Билл Уэртон довольно быстро познакомился с нашим изолятором. Утро и вторую половину следующего дня он сидел смирный как овечка. Тогда мы еще не знали, что такое состояние для него нетипично, оно означает, что надо ждать каких-нибудь гадостей. А где-то в половине седьмого вечера Гарри почувствовал, как что-то теплое течет по его брюкам, которые он как раз в этот день получил из чистки. Моча. Уильям Уэртон стоял у решетки, скаля прогнившие зубы, и поливал брюки и ботинки Гарри Тервиллигера.

— Этот сукин сын, должно быть, терпел весь день, — возмущался потом Гарри вне себя от ярости.

Что ж, мы поняли — пришло время показать Уильяму Уэртону, кто хозяин в блоке Е. Гарри, Зверюга и я позвали Дина и Перси. Помните, в блоке находились трое осужденных на смерть, поэтому и надзирателей дежурила полная команда. Наша смена началась в семь вечера и должна была закончиться в три утра, именно в это время чаще всего что-то случалось. Остальную часть суток дежурили две другие смены, составленные из надзирателей других блоков. Одной из них руководил Билл Додж. Такой порядок меня впол-

не устраивал, разве что я искал способ перевести Перси в одну из дневных смен, чтобы стало совсем хорошо. Однако это мне так и не удалось. Иногда я задаюсь вопросом, а произошли бы события, о которых я вам еще расскажу, если б я смог убрать Перси.

Так или иначе, пожарный кран находился в кладовой, неподалеку от Старой Замыкалки, и Дин с Перси потянули туда брезентовый рукав. Подсоединили к крану и остались там ждать команды. Зверюга и я поспешили к камере Уэртона. Тот по-прежнему стоял у решетки и лыбился во весь рот, с болтающимся между ног прибором, который он не удосужился убрать в штаны. Прошлой ночью, перед тем как уйти домой, я достал из изолятора смирительную рубашку и бросил ее на полку в своем кабинете, словно предчувствуя, что скоро она нам понадобится. Теперь я держал ее в руке. Гарри присоединился к нам, нацелив на Уэртона медный наконечник шланга, протянувшегося по Зеленой миле через мой кабинет до кладовой.

— Эй, как вам это понравилось? — спросил Дикий Билл и громко, как ребенок на карнавале, расхохотался. Смеялся он долго, до слез. — Быстро же вы прискакали. А я как раз готовлю вам кекешки. Мягонькие такие. Завтра я вас ими попотчую...

Тут Уэртон увидел, что я отмыкаю замки, и хищно сощурился. Увидел он и Зверюгу с револьвером в одной руке и дубинкой в другой, и его глаза превратились в щелочки.

— Ты войдешь сюда на своих двоих, но обратно тебя вынесут. Крошка Билл это гарантирует. — Взгляд его переместился на меня. — А если ты думаешь, что сумеешь нацепить на меня эту хламиду, то я бы на твоём месте не стал и пытаться, старый козел.

— Ты не первый, кто так говорит или хорохорится, — ответил я. — Тебе бы следовало знать об этом,

но ты так глуп, что не понимаешь слов, поэтому придется преподать тебе наглядный урок.

Я открыл замки и откатил дверь в сторону. Уэртон отступил к койке, его конец по-прежнему торчал из штансов. Дикый Билл поднял руки, пальцы его призывно шевельнулись.

— Иди сюда, козел вонючий. Сейчас посмогрим, кто у нас будет учителем. — Он посмотрел на Зверюгу. — И ты подходи, громила. На этот раз тебе не удастся подкрасться сзади. И убери револьвер, все равно ты не выстрелишь. Вот мы и посмотрим, кто из нас лучше...

Зверюга вошел в камеру, но не двинулся на Уэртона, а взял влево. Глаза Дикого Билла широко раскрылись: он увидел направленный на него пожарный шланг.

— Нет, нет! — воскликнул он. — Нет, вы...

— Дин! — заорал я. — Открывай. На полную!

Уэртон прыгнул вперед, но Зверюга ловко ударил его дубинкой (я уверен, что Перси мечтал наносить такие удары) по лбу. Дубинка легла точно над бровями. Уэртон, который думал, что до его появления мы имели дело только с агнцами, упал на колени. Глаза его оставались открытыми, но он ничего не видел. И тут же хлынула вода. Гарри качнуло, но он восстановил равновесие и направил мощную струю в грудь Дикого Билла Уэртона. Струя сбила его с ног и закатаила под койку. Дальше по коридору в своей камере бесновался Делакура, пронзительно вскрикивал, честил Джона Коффи, требовал, чтобы тот рассказывал ему, что происходит, кто берет верх, как этот новый парень реагирует на китайскую баню. Джон молчал, стоя у решетки в коротких тюремных штанах и шлепанцах. Я лишь однажды глянул на него, но и этого хватило, чтобы отметить странное выражение его лица. Словно он уже видел все это раньше, причем не раз и не два, а многократно.

— Выключите воду! — обернувшись, проревел Зверюга, затем бросился к койке. Схватил ничего не соображающего Уэртона под мышки и вытащил из-под койки. Уэртон кашлял, в горле у него что-то булькало. Кровь заливала глаза, так как дубинка Зверюги разорвала кожу над бровями.

Процедуру обряджения проблемного мальчика в смирительную рубашку мы со Зверюгой отработали до автоматизма, так как репетировали ничуть не меньше, чем водевильные артисты, готовящие новый номер. И усилия, затраченные на длительные репетиции, окупались сторицей. В таких вот ситуациях, как с Уэртоном. Зверюга поднял Уэртона, повернул ко мне лицом, вытянул вперед его руки. Парень в этот момент более всего напоминал тряпичную куклу. Сознание только начало возвращаться к нему, он уже понимал, что сопротивляться надо прямо сейчас, потом будет поздно, но каналы связи между мозгом и мышцами еще не открылись и не успели открыться до того, как руки Уэртона оказались в рукавах смирительной рубашки, а Зверюга уже застегивал ее на спине. Я же завел рукава за спину и перевязал их. Теперь Уэртон обнимал себя руками, эдакий спеленутый младенец.

— Черт бы тебя побрал, дубина ты стоеросовая, — орал Делакруа на Коффи. — Кто побеждает?

Я слышал, как попискивает Мистер Джинглес. Ему тоже хотелось знать, что происходит в камере Уэртона.

Появился Перси в мокрой рубашке, прилипшей к телу, видать, его обдало из шланга, когда он отсоединял его от пожарного крана. Дин пришел следом с синяком-ожерельем на шее.

— А теперь пошли, Дикий Билл. — Я как следует встряхнул Уэртона. — Шевели ножками.

— Не смей меня так называть! — взвыл Уэртон, и мне показалось, что впервые он явил нам свои истинные чувства, а не маскировочный окрас умного зве-

ря. — Дикий Билл Хикок никогда не был лесником! И не выходил на медведя с ножом! Он был законопослушным идиотом. Да еще в кабаке сел спиной к двери и его убил какой-то пьянчужка!

— Господи, нам попался знаток истории! — Зверюга вытолкнул Уэртона из камеры. — Лучше б тебе знать, как следует вести себя в нашем обществе. Мы ведь жалуем только приличных людей. А тех, кто ведет себя неприлично, наказываем. И вот что я тебе скажу насчет истории. Скоро ты сам станешь историей, Дикий Билл. А пока марш по коридору. Мы приготовили для тебя комнатенку, где ты сможешь стравить пар и немного остыть.

Уэртон издал очередной вопль и бросился на Зверюгу, хотя его руки были связаны. Перси хотел вытащить дубинку — универсальное средство Уэтмора для решения всех проблем, но Дин остановил его руку. Перси удивленно глянул на Дина: после того, как обошелся с ним Уэртон, уж Дин-то не должен был возражать, чтобы по его обидчику лишний раз прошлись дубинкой.

Зверюга оттолкнул Уэртона. Он отлетел ко мне, а я переправил его Гарри. После тычка Гарри он понесся по Зеленой миле мимо хохочущего Делакруа и бесстрастного Коффи. Ему пришлось бежать, чтобы не пахать носом линолеум. Он и бежал, сыпя проклятиями. Мы загнали его в последнюю камеру справа по коридору. Дин, Гарри и Перси (на этот раз тот не жаловался на тяжелый труд) вытащили из изолятора все лишнее. А я тем временем провел с Уэртоном короткую беседу.

— Ты думаешь, что ты парень крепкий. Может, так оно и есть, сынок, да только тут это неважно. Для тебя праздник кончился. У нас не забалуешь. Будешь держать себя в руках — жизнь у тебя будет легкая. Начнешь выкобениваться — умрешь все равно, но до этого мы тебя обломаем.

— Вы будете счастливы, когда я умру, — прохрипел Уэртон. Он все пытался высвободиться из смиренной рубашки, хотя наверняка понимал, что это невозможно. От усилий его лицо стало красным, как помидор. — А пока я не ушел, жизнь ваша станет адом. — Вновь он обнажил в ухмылке зубы, как сердитый бабуин.

— Если у тебя нет другого желания, кроме как превратить нашу жизнь в ад, считай, что ты своего уже добился, — вмешался Зверюга. — Только учти, мы не станем возражать, если ты проведешь в изоляторе все время, отведенное тебе на Миле. Даже если у тебя начнется гангрена рук из-за недостаточной циркуляции крови. — Он помолчал. — Редко кто попадает в изолятор, знаешь ли. А если ты думаешь, что состояние твоего здоровья кого-то заботит, то ты ошибаешься. Для всего мира ты уже покойник, пусть разговор еще и не приведен в исполнение.

Уэртон впился в Зверюгу взглядом, краска схлынула с его лица.

— Развяжите меня. — В голосе слышались просительные нотки, да только верить ему не хотелось. — Я буду хорошим. Честное индейское.

В дверях камеры возник Гарри. Конец коридора напоминал свалку, но я знал, что уборка не займет много времени, не впервой.

— Все готово, — доложил Гарри.

Зверюга схватил Уэртона за правый локоть и рывком поставил на ноги.

— Пошли, Дикий Билл. И думай о том, что в одном тебе повезло. Следующие двадцать четыре часа никто не выстрелит тебе в спину, даже если ты сядешь спиной к двери.

— Развяжите меня. — Уэртон переводил взгляд со Зверюги на Гарри, с Гарри — на меня, лицо его вновь побагровело. — Я буду хорошим. Урок пошел мне на пользу. Я... я... а-а-а-а-а...

Неожиданно он повалился на пол, извиваясь всем телом и суча ногами.

— Святой Боже, да у него припадок, — прошептал Перси.

— Конечно, а моя сестра — вавилонская блудница, — усмехнулся Зверюга. — По субботам она танцует канкан для Моисея.

Он наклонился и сунул руку под мышку Уэртона. Я проделал то же самое с другой стороны. Уэртон бился, как вытщенная на берег рыба. Мы выволокли его из камеры. Рот Уэртона изрыгал проклятия, а задница — дурной газ. Удовольствие, доложу я вам, ниже среднего.

Я поднял голову и бросил быстрый взгляд на Коффи. Налитые кровью глаза, мокрые черные щеки. Он опять плакал. Мне вспомнились кусающие пальцы Хаммерсмита, и по спине пробежал холодок. А потом я полностью сосредоточился на Уэртоне.

Мы бросили его в изолятор, словно мешок, и посмотрели, как, упакованный в смирительную рубашку, он корчится на полу рядом со стоком, где мы искали мышонка, которому сначала дали имя Пароход Уилли.

— Мне без разницы, если он проглотит язык или что-то еще и сдохнет, — Дин еще хрипел, голос его не успел восстановиться, — но подумайте, сколько будет писанины! От нас же не отстанут.

— Писанина-то ладно, начнется судебное разбирательство, — мрачно добавил Гарри. — Мы можем потерять работу. Придется собирать персики в Миссисипи. Вы знаете, что означает Миссисипи? Индейцы так называют задницу.

— Он не умрет и не проглотит свой язык, — отрезал Зверюга. — Когда мы завтра откроем дверь, он будет в полном порядке. Поверьте мне на слово.

Так оно и вышло. Следующим вечером мы отвели в камеру тихого, спокойного, очистившегося от скверны человека. Он шагал с опущенной головой, ни

на кого не набросился, когда с него сняли смирительную рубашку, и тупо слушал мою короткую лекцию насчет того, что за малейший проступок он вновь окажется и в рубашке, и в изоляторе, поэтому он должен задаться вопросом, охота ли ему и дальше лить в штаны и есть кашу с ложечки.

— Я буду хорошим, босс. Урок пошел мне на пользу, — прошептал Уэртон.

Запирая его камеру, Зверюга посмотрел на меня и подмигнул.

На следующий день Уильям Уэртон, который называл себя Крошкой Билли, но не Диким Биллом Хикоком, купил у старика Два Зуба шоколадный батончик. Уэртону запрещалось что-либо покупать, ему четко и ясно сказали об этом, но дневная смена состояла из временных надзирателей, кажется, я уже упоминал об этом, так что сделка состоялась. Два Зуба, конечно, знал, что нарушает инструкции, но закрыл на это глаза, так как дорожил каждым заработанным центом: другого источника дохода, кроме торговли едой, у него не было.

Вечером, когда Зверюга обходил блок Е, Уэртон стоял у решетки, отделяющей его камеру от коридора. Он дождался, пока Зверюга посмотрит на него, а затем надул щеки и ударил по ним ребрами ладоней. Поток шоколадной слюны окатил Зверюгу. Уэртон, наверное, сжевал весь батончик, как табак, обратив его в жидкую массу и не проглотив ни кусочка.

После этого Дикый Билл повалился на койку, дрыгая ногами, давясь от хохота и тыча пальцем в Зверюгу.

— Что-то вы почернели, босс. Как вам удалось поменять цвет кожи? — Он гоготал, держась за живот. — Господи, как жалко, что это не дерьмо! Ужасно жалко! Если б...

— Сам ты дерьмо, — прорычал Зверюга. — И я надеюсь, что ты обделаешься по уши, потому что тотчас же отправишься в свой любимый туалет.

Вновь Уэртона облачили в смирительную рубашку и препроводили в изолятор. На этот раз на двое суток. Иногда мы слышали, как он буйствует за дверью, иногда он обещал вести себя как полагается, иногда требовал позвать ему доктора, потому что он умирает, но большую часть времени он молчал. Молчал он и когда мы вывели его из изолятора. Уэртон шел по коридору с опущенной головой, тупым взглядом и никак не отреагировал на слова Гарри: «Все зависит только от тебя». Действительно, какое-то время он сидел тихо, а потом вновь доставал нас. Впрочем, он не придумал ничего такого, с чем бы мы не сталкивались раньше (может, за исключением трюка с шоколадным батончиком, даже Зверюга признал его оригинальность). Поражала разве что та настойчивость, с которой Уэртон творил зло. Я опасался, что рано или поздно кто-то утратит бдительность, и тогда жди беды. Ситуация эта могла сохраняться довольно-таки долго, потому что у Уэртона был адвокат, который бомбардировал инстанции петициями, убеждая всех и вся, что не следует убивать такого молодого парня... тем более белого. Жаловаться не имело смысла, потому что работа адвоката Уэртона и состояла в том, чтобы отсрочить, а то и отменить вовсе встречу его клиента с электрическим стулом. Заботясь о его жизни, этот адвокат подвергал серьезному риску наши. Мы же нисколько не сомневались, что никакие адвокаты не спасут Уэртона от Старой Замыкалки.

Глава 6

Пришел день, когда Мелинда Мурс, жена начальника тюрьмы, вернулась из Индианолы. Врачи закончили обследования. Получили отличные рентгеновские снимки опухоли в мозгу. Подтвердили до-

кументально слабость в руке и парализующие боли, повторяющиеся теперь чуть ли не каждый день. И умыли руки. Дали ее мужу пригоршню таблеток с морфием и отправили Мелинду домой умирать. У Хола Мурса накопились дни, которые он мог брать по болезни (не много, в те годы с этим было строго), и он взял их, чтобы ухаживать за женой.

Через три дня после возвращения Мелинды мы с Джейнис поехали навестить ее. Я позвонил заранее, и Хол дал добро: у Мелинды выдался хороший день, и она будет рада нас видеть.

— Я терпеть не могу такие визиты, — честно признался я Джейнис, когда мы ехали к маленькому дому Мурсов, который они купили вскоре после свадьбы.

— Не только ты, дорогой. — Она похлопала меня по руке. — Но мы будем держаться стойко, как и она.

— Надеюсь на это.

Мелинду мы нашли в гостиной, залитой лучами яркого октябрьского солнца. Увиденное поразило меня в самое сердце. Казалось, Мелинда потеряла фунтов девяносто. Разумеется, это преувеличение; если б она похудела на девяносто фунтов, от нее бы просто ничего не осталось, но именно так отреагировал мой мозг, когда глаза доложили о том, что увидели. Пожелтевшая, как пергамент, кожа буквально прилипла к костям. Под глазами чернели мешки. И впервые на моей памяти Мелинда сидела в кресле без вышивания или вязания. Просто сидела. Как пассажир на вокзале в ожидании поезда.

— Мелинда, — радостно приветствовала ее моя жена. Я думаю, встреча с Мелиндой потрясла ее не меньше, чем меня, но она блестяще скрыла свои истинные чувства. В этом женщины большие мастера. Джейнис подошла к креслу, в котором сидела жена начальника тюрьмы, опустилась на колено и взяла ее за руку. При этом мой взгляд упал на синий коврик перед камином, и я подумал, что его следует перекра-

силь в цвет перезревших лаймов, поскольку комната эта — другой вариант Зеленой мили.

— Я принесла тебе цветочный чай, который сделала сама, — щебетала Джейнис. — Действует лучше любого снотворного. Я оставила его на кухне.

— Спасибо тебе, дорогая. — Старый, осипший голос.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — спросила моя жена.

— Лучше. — Голос этого не подтверждал. — Не то чтобы я готова пойти на танцы, но сегодня по крайней мере не болит голова. В больнице мне дали какие-то таблетки. Иногда они помогают.

— Так ведь это хорошо!

— Но пальцы не слушаются. Что-то случилось... с моей правой рукой. — Мелинда подняла правую руку, посмотрела на нее, словно никогда не видела раньше, и опустила. — Что-то случилось... со мной. — Она начала плакать, беззвучно, совсем как Коффи. И у меня в голове зазвучали, повторяясь снова и снова, его слова: «Я же помог, так ведь?»

Появился Хол. Обнял меня и сразу же увел с собой. Я нисколько не возражал. Мы прошли на кухню, он налил мне самогона, приготовленного кем-то из местных фермеров. Мы чокнулись и выпили. Самогон обжег горло, но по телу разлилось приятное тепло. Когда же Мурс поднял кувшин, молчаливо предлагая мне повторить, я покачал головой. Дикий Билл Уэртон сидел в камере без смирительной рубашки, поэтому не следовало ходить рядом с замутненной алкоголем головой, даже если нас разделяла решетка.

— Не знаю, сколько еще я смогу это выносить, Пол, — тихо заговорил Мурс. — По утрам приходит женщина, чтобы помочь мне, но врачи говорят, что Мелинда может потерять контроль над кишечником и... и... — Он замолчал, изо всех сил стараясь вновь не расплакаться передо мной.

— Делай все, что в твоих силах. — Я через стол пожал его руку в почечных бляшках. — Изо дня в день, а остальное предоставь Господу. Выше головы не прыгнуть, так ведь?

— Пожалуй, ты прав. Но это так тяжело, Пол. Молю Бога, чтобы тебе не довелось узнать, как это тяжело.

Не без труда, но ему удалось взять себя в руки.

— А теперь расскажи, какие у вас новости. Как вы управляетесь с Уильямом Уэртоном? Перси Уэтмор тебя больше не достает?

Мы поговорили о тюремных делах, а потом отбыли. По дороге домой моя жена молчала, сидя рядом со мной с влажными от слез щеками. А у меня в голове все вертелась, словно кружащий по камере Делакура Мистер Джинглес, фраза Джона Коффи: «Я же помог, так ведь?»

— Это ужасно, — вырвалось в какой-то момент у жены. — И нет никого, кто мог бы ей помочь.

Я согласно кивнул, но слова Коффи: «Я же помог, так ведь?» — утверждали прямо противоположное. Однако такие мысли пристали скорее безумцу, поэтому я постарался выкинуть их из головы.

Когда мы свернули в наш двор, Джейнис заговорила опять, но... на этот раз не о своей подруге Мелинде, а о моей урологической инфекции. Джейнис хотела знать, действительно ли она прошла.

— Действительно прошла, — заверил ее я.

— Так это же прекрасно. — И она поцеловала меня над бровью, отчего у меня, как обычно, по всему телу побежали мурашки. — Может, нам пора, ты понимаешь, кое-чем заняться. Если у тебя есть время и желание.

Второго хватало с лихвой, первого оставалось на пределе, поэтому я взял жену за руку, повел в спальню и раздел, пока она гладила одну часть моего тела, которая раздувалась, но больше не болела. И когда я погружал эту часть в ее сладостную влажность, мед-

ленно, как ей нравилось, как нравилось нам обоим, думал я о Джоне Коффи, о его «Я же помог, так ведь?», «Я же помог, так ведь?», «Я же помог, так ведь?» Не фраза, а строка популярной песенки, которая, привязавшись, никак не выходит из головы.

Потом, по дороге в тюрьму, я подумал о том, что пора репетировать экзекуцию Делакруа. И меня обдало холодом: сие означало, что Перси появится перед distinguished публикой. Я убеждал себя, что это необходимо, что одна эта экзекуция — и мы избавимся от Перси Уэтмора... но все равно по моему телу пробегала дрожь, словно инфекция, которая мучила меня, не исчезла, а лишь переместилась на другое место и, вместо того чтобы жечь пах, теперь морозила спину.

Глава 7

— На выход, — гаркнул следующим вечером Зверюга, подходя к камере Делакруа. — Пойдем на прогулку. Ты, я и Мистер Джинглес.

Делакруа подозрительно посмотрел на него, потом сунул руку в сигарную коробку, которая служила домиком мышонку. Обхватив мышонка пальцами, вновь взглянул на Зверюгу.

— Что это вы задумали?

— Сегодня у тебя будет шанс стать знаменитостью. У тебя и Мистера Джинглеса, — ответил Дин, вместе с Гарри подошедший к Зверюге. Синяки на его шее уже пожелтели, из голоса исчезло хрипение. Он повернулся к Зверюге. — Кандалы на него надевать, Брут?

Зверюга на мгновение задумался.

— Нет. Ты же будешь примерным мальчиком, Делакруа? Ты и твой мышонок. В конце концов, выступать сегодня ему.

Перси и я стояли у стола дежурного, наблюдая эту сцену. Перси сложил руки на груди, на его губах играла пренебрежительная улыбка. Потом он достал расческу и принялся за свои волосы. Наблюдал и Джон Коффи, застыв у решетки. Уэртон лежал на койке, уставившись в потолок и игнорируя происходящее вокруг. Он все еще «был хорошим», хотя состояние, которое он называл хорошим, врачи в Брейр-Ридж диагностировали бы как кататонию. Присутствовал и еще один человек. Он оставался в моем кабинете, но его тень через открытую дверь падала на Зеленую милю.

— Что вы такое напридумывали? — ворчал Дел, перебрасывая ноги через край койки. Зверюга тем временем отомкнул оба замка и откатил дверь. Взгляд француза так и бегал по лицам надзирателей.

— Что ж, я тебе скажу, — ответил Зверюга. — Мистер Мурс будет некоторое время отсутствовать. У него тяжело больна жена. Ты, наверное, слышал об этом. А замещает его мистер Андерсон, мистер Кертис Андерсон.

— Я знаю. Ну и какое мне до этого дело?

— Так вот, мистер Андерсон прослышал о твоём мышонке и хочет посмотреть, чему ты его научил. Он и еще шесть человек собрались в административном корпусе. Не просто надзиратели, а большие шишки. Один, насколько мне известно, политик из столицы штата.

Делакруа расцвел. Я видел, что слова Зверюги он воспринял как должное. Вполне естественно, что они захотели посмотреть на выступление Мистера Джингlesa. Кто откажет себе в таком удовольствии?

Он вновь слазил под кровать, затем под подушку: за ярко раскрашенной катушкой и розовым леденцом. Потом вопросительно посмотрел на Зверюгу. Тот согласно кивнул.

— Да, именно фокус с катушкой они и хотят увидеть. Да и леденцы Мистер Джинглес ест презабавно. И не забудь коробку из-под сигар. Тебе же надо его в чем-то нести, так?

Делакруа достал коробку, положил в нее леденец и катушку, но сам Мистер Джинглес предпочел остаться на плече своего хозяина. Француз вышел из камеры, выпятив грудь, и окинул взглядом Дина и Гарри.

— Вы тоже идете?

— Нет, — покачал головой Дин. — У нас есть другие дела. Но ты, Дел, задай им перцу. Покажи, на что способен простой парень из Луизианы, если уж он берется за дело.

— Покажу, можете не сомневаться. — И таким счастьем светилось его лицо, что я даже пожалел его, несмотря на то, что он натворил. В каком мире мы живем... как ужасен этот мир!

Делакруа повернулся к Джону Коффи, с которым у него завязались дружеские отношения, как это часто бывает среди смертников.

— Покажи им, на что он способен, Дел, — серьезным тоном произнес Коффи. — Покажи им все трюки.

Делакруа кивнул и поднес руку к плечу. Мистер Джинглес перебрался на нее, а Делакруа протянул руку к камере Коффи. Джон Коффи просунул сквозь решетку огромный указательный палец, и будь я проклят, если мышонок не вытянул шею и не лизнул кончик пальца, точно собака.

— Пошли, Дел, не тяни резину, — поторопил его Зверюга. — Эти люди опаздывают к обеду ради того, чтобы посмотреть, что вытворяет твой мышонок. — И тут Зверюга грешил против истины: Андерсон находился в тюрьме до восьми, а у надзирателей, которых

он пригласил на «шоу» Делакруа, смена заканчивалась в одиннадцать или в двенадцать. А политика из столицы скорее всего изображал вольнонаемный клерк, которому кто-то одолжил галстук. Но Делакруа знать об этом не мог.

— Я готов. — На наших глазах Делакруа превратился в знаменитость.

— В путь. — И Зверюга повел Делакруа по Зеленой миле.

Мистер Джинглес уже вернулся на его плечо.

— Mesdames et messieurs! — не пройдя и шага, возвестил Делакруа. — Bienvenue au cirque de mousie*!

Однако, пусть в эйфории, Делакруа обогнул Перси по широкой дуге и бросил на него настороженный взгляд.

Гарри и Дин встали у пустой камеры напротив той, где лежал Уэртон (наш дружок даже не шевельнулся). Они наблюдали, как Зверюга открыл дверь во двор, за которой его ждали два других надзирателя, и повел Делакруа в административный корпус. Как только за ним захлопнулась дверь, я повернулся к своему кабинету. Тень все лежала на полу, и я порадовался, что Делакруа ее не заметил, думая только о предстоящем выступлении.

— Выходи, — скомандовал я. — И стараемся все делать быстро. Я хочу провести два прогона, а времени у нас в обрез.

Старик Два Зуба, со сверкающим взглядом и всклоченными волосами, вышел из моего кабинета и прошествовал в камеру Делакруа со словами: «Я сажусь, я сажусь, я сажусь».

Вот где настоящий цирк, подумал я, закрывая газа. Настоящий цирк здесь, а мы — группа дрессированных мышей. Потом я выбросил из головы эту мысль, и мы приступили к репетиции.

* Месье и мадам! Добро пожаловать в мышиный цирк! (фр.)

Глава 8

Первая репетиция прошла хорошо, так же как и вторая. Перси превзошел все мои ожидания. Сие не означало, что все пройдет как по маслу, когда французу действительно придется пройти по Миле, но Перси сделал большой шаг в правильном направлении. Мне пришла в голову мысль о том, что ларчик открывается просто: причина в том, что Перси наконец-то добрался до дела, которое ему нравилось. Волна отвращения поднялась во мне, но я тут же подавил ненужные эмоции. Какая, собственно, разница? Перси наденет колпак на Делакруа, даст команду включить ток, а потом они оба нас покинут. Чем не счастливый конец? И, как резонно заметил Мурс, Делакруа все равно поджарят мозги, кто бы ни отдал команду.

При этом Перси чувствовал, что успешно справляется с новой ролью. Это поняли и остальные. Что касается меня, то я испытывал несказанное облегчение, и на какое-то время Перси перестал вызывать у меня активное неприятие. По всему выходило, что экзекуция должна пройти нормально. Еще больше я обрадовался, отметив, что Перси прислушивается к дельным советам, касающимся его действий на том или ином этапе. По крайней мере это уменьшало вероятность ошибки. Если вы хотите знать правду, мы прониклись оптимизмом... даже Дин, который ранее старался держаться подальше от Перси... как физически, так и духовно. Полагаю, ничего удивительного в этом не было, большинству людей льстит, что молодой человек обращает внимание на их советы, а мы в этом ничуть не отличались от остальных. В результате никто из нас не заметил, что Дикий Билл Уэртон более не смотрит в потолок. Включая и меня. Он смотрел на нас, стоящих кружком у стола дежурного и

дающих советы Перси. Мы давали ему советы! А он всем своим видом показывал, что прислушивается к ним! Смех да и только, учитывая, как все обернулось.

Звук поворачиваемого в замке ключа положил конец послерепетиционной дискуссии. Дин повернулся к Перси.

— Ни одного лишнего слова или взгляда. Мы не хотим, чтобы он знал, чем мы тут занимались. Незачем его расстраивать.

Перси кивнул и поднес палец к губам, как бы показывая, что он будет нем как рыба. Дверь во двор открылась, вошел Делакура, сопровождаемый Зверюгой, который нес коробку из-под сигар с раскрашенной катушкой, словно помощник мага, уносящий со сцены реквизит, которым босс пользовался по ходу представления. Мистер Джинглес сидел на плече Делакура. А сам Делакура... он сиял как медный таз, словно возвращался после выступления в Белом доме.

— Они восторгались Мистером Джинглесом! — объявил Делакура. — Они смеялись, кричали, хлопали в ладоши!

— Это прекрасно, — кивнул Перси. Тон его изменился. Теперь он чувствовал себя полноправным хозяином. — А теперь быстро в камеру, старина.

Делакура недоверчиво взглянул на него, и тут же Перси взялся за старое. Хищно усмехнувшись, он сделал вид, что сейчас схватит Делакура. Разумеется, Перси хотел лишь пошутить, в таком радостном настроении он бы не стал набрасываться на Делакура, но француз этого не знал. В страхе он попятился, споткнулся о ногу Зверюги и упал, сильно ударившись затылком о зеленый линолеум. Мистер Джинглес успел спрыгнуть с плеча Делакура и, попискивая, бросился в его камеру.

Делакура поднялся, бросил на посмеивающегося Перси полный ненависти взгляд и поплелся вслед за своим любимцем, потирая затылок. Зверюга, который

не знал, что репетиции Перси провел отменно, презрительно посмотрел на него и двинулся вслед за Делом, гремя ключами.

Я думаю, что происшедшему следом можно найти только одно объяснение: Перси действительно хотел извиниться. Я понимаю, в это трудно поверить, но уж в очень радужном он пребывал настроении. Если так, то я еще раз убедился в справедливости циничной, старой как мир заповеди: добро никогда не остается безнаказанным. Вспомните, я уже рассказывал вам, что Перси, безуспешно пробежавшись по Зеленой миле за мышонком, еще до появления Делакруа, возвращаясь, прошел слишком близко от камеры Президента. Приближаться к камерам осужденных на смерть опасно, вот почему Зеленая миля такая широкая. Если ты ходишь по центру, из камеры тебя не достать. Презничего Перси не сделал, но я еще подумал о том, что Арлен Биттербак, пройди Перси рядом с его камерой, врезал бы ему от души. Только для того, чтобы преподать ему наглядный урок.

Что ж, През и Вождь покинули нас, а их место занял Дикий Билл Уэртон. И он пристально наблюдал за происходящим, выжидая, когда же и он сможет активно вступить в разворачивающееся действо. Такой шанс ему представился, спасибо Перси Уэтмору.

— Эй, Дел! — весело воскликнул Перси, устремившись за Делакруа и Зверюгой. При этом, забывшись, он отклонился от середины Зеленой мили, взяв в сторону камеры Уэртона. — Эй, дубина ты стоеросовая, чего ты так надулся? Я же...

В мгновение ока Уэртон вскочил с койки и метнулся к решетке. Ни разу за все время службы надзирателем я не видел такой быстроты, а ведь потом, в исправительном центре, мы со Зверюгой имели дело с молодыми, активно занимающимися спортом парнями. Дикий Билл просунул руки сквозь прутья решетки и схватил Перси, сначала за плечи, потом, рывком

подтянув к себе, за горло. И через секунду вдавил его спиной в решетку. Перси верещал, как свинья на бойне, и по выражению его глаз я видел, что он уже прощается с жизнью.

— Сладенький ты мой, — проворковал Уэртон. Одна его рука оторвалась от горла Перси и взъерошила ему волосы. — Мягкие! — Уэртон хохотнул. — Как у девушки. Я бы скорее оттрахал твою задницу, нежели «киску» твоей сестры. — И он натурально поцеловал Перси в ухо.

Судя по всему, Перси (помните, он жестоко избил Делакруа за то, что тот случайно коснулся его брюк) прекрасно понимал, что происходит. Может, и не хотел, но понимал. Кровь отхлынула у него от лица, прыщи на щеках темнели, словно родинки. Глаза чуть не вылезли из орбит и повлажнели от слез. Из уголка перекошенного рта потекла струйка слюны. Все произошло очень быстро, с того момента, как Уэртон слетел с койки, прошло не больше десяти секунд.

Гарри и я шагнули к камере Уэртона, поднимая дубинки. Дин выхватил револьвер. Но прежде чем события получили дальнейшее развитие, Уэртон отпустил Перси и отступил назад, вскинув руки и широко улыбаясь:

— Я его отпустил, я просто пошутил, а теперь отпустил. Не тронул ни единого волоска на пушистой головке этого мальчика, так что вам не за что сажать меня в эту гребаную комнату с мягкими стенами.

Перси Уэтмор метнулся через Зеленую милю и прижался спиной к решетке пустой камеры на противоположной стороне. Дышал он тяжело, громко и часто. Из его груди вырывались то ли воздух, то ли рыдания. Теперь он наверняка понял, почему инструкция требует, чтобы надзиратель всегда держался середины Зеленой мили, не приближаясь к зубам, которые кусают, клешням, которые хватают. Мне подумалось, что урок этот запомнится Перси надолго, в

отличие от советов, которые ему надавали после репетиции. На его лице читался ужас, а волосы, впервые после его появления в нашем блоке, торчали в разные стороны. И более всего он напоминал жертву насильника, которой чудом, в самый последний момент, удалось избежать надругательства.

Последовала немая сцена, нарушаемая только рыдающим присвистом дыхания Перси. А затем раздался дикий, безумный хохот, от которого я аж подпрыгнул. Уэртон, подумал я, но ошибся. Хохотал Делакруа, стоявший в дверях своей камеры и тычущий пальцем в Перси. Мистер Джинглес уже сидел на плече француза.

— Посмотрите на него, он надул в штаны! — воскликнул Делакруа. — Посмотрите, что сделал этот великовозрастный ребенок. Он гораздо молотить других дубинкой, *mauvais homme*, но стоит кому-то схватить его за шкуру, как он дует в штаны совсем как младенец!

Он смеялся и тыкал пальцем в Перси, в смехе этом выплеснулись страх и ненависть, которые питал к нему Делакруа. Перси только смотрел на француза, не в силах ни заговорить, ни просто пошевелинуться. Уэртон вернулся к решетке, посмотрел на темное пятно, появившееся на брюках Перси, небольшое, но довольно заметное, не оставляющее никаких сомнений в причине его происхождения, и усмехнулся.

— Похоже, кому-то следовало купить нашему мальчику резиновые трусы. — И, давась смехом, он вернулся к койке.

Зверюга двинулся к камере Делакруа, но француз попятился и улегся на койку, прежде чем Зверюга оказался у решетки.

Я протянул руку, коснулся плеча Перси.

— Перси... — Больше я ничего сказать не успел, потому что Перси ожил, стряхнул мою руку. Потом

* дурной человек (*фр.*).

посмотрел вниз, увидел стремительно увеличивающееся в размерах пятно и покраснел до корней волос. Глянул на меня, затем на Гарри и Дина. Я возблагодарил Бога за то, что старик Два Зуба уже ушел. Останься он в блоке, эта история в тот же день облетела бы всю тюрьму. А учитывая высокопоставленных родственников Перси, думаю, что случившийся с ним казус незамедлительно стал бы достоянием широкой общественности. И пережевывали бы подробности не один год.

— Если вы скажете кому-то хоть слово, через неделю будете стоять в очередях на бирже труда, — прошипел он. В другой ситуации за такие слова у нас возникло бы желание как следует отметелить его, но тут я мог лишь пожалеть Перси. Я думаю, он это почувствовал, отчего еще больше разъярился. Оно и понятно.

— Происходящее здесь не выходит за пределы блока, — услышал я ровный голос Дина. — Об этом ты можешь не беспокоиться.

Перси посмотрел на камеру Делакруа. Зверюга заперел замки, а изнутри отчетливо доносился смех француза. Перси метнул в него злобный взгляд. В этой жизни ты пожинаешь то, что посеял, хотелось мне сказать ему, но потом я решил, что для нравоучений время, возможно, не самое удачное.

— Что же касается тебя... — Фразу Перси не закончил. Ушел, наклонив голову, в кладовую за сухими брюками.

— Какой же он сладенький, — томным голосом протянул Уэртон.

Гарри предложил ему заткнуться, пригрозив, что в противном случае его быстренько переправят в изолятор. Уэртон сложил руки на груди, закрыл глаза и притворился, что спит.

Глава 9

Ночь накануне казни Делакруа выдалась более жаркой и душной, чем предыдущие. Когда в шесть вечера я приехал в тюрьму, термометр на административном корпусе показывал восемьдесят один градус*. Подумать только, восемьдесят один градус в конце октября, а на западе еще и погромыхивало совсем как в июле. Днем в городе я встретился с одним из прихожан моей церкви, и тот на полном серьезе спросил, не считаю ли я, что столь необычная жара — предвестник конца света. Я ответил, что таких мыслей у меня нет в помине, но подумал, что для Эдуарда Делакруа конец света точно наступит. В этом я, естественно, ошибиться не мог.

Билл Додж стоял у двери блока Е, пил кофе и курил.

— Какие люди, — воскликнул он, увидев меня. — Сам Пол Эджкомб!

— Как прошел день, Билли?

— Все нормально.

— Делакруа?

— В полном здравии. Вроде бы понимает, что его ждет завтра, но с другой стороны, как бы и не понимает. Ты же знаешь, что с ними творится, когда до них доходит, что конец близок.

Я кивнул.

— Уэртон?

Билл рассмеялся.

— Такой шутник. Джек Бенни** рядом с ним просто квакер***. Сказал Ролфу Уэттермарку, что ел клубничный джем из «киски» его жены.

* чуть больше 27 градусов по шкале Цельсия.

** известный американский комик.

*** Квакеры — религиозная христианская община, члены которой отличаются серьезностью, не жалуют юмор и тем более сатиру.

— И что ответил Ролф?

— Что он не женат. И Уэртон, похоже, имел в виду собственную мамашу.

Я рассмеялся. Действительно, забавно. Пусть пошло, но забавно. А как приятно смеяться, зная, что при этом у тебя в паху не вспыхивает огонь. Билл посмеялся вместе со мной, потом вылил остатки кофе на землю. По двору в это время бродили лишь несколько вольнонаемных, работавших в тюрьме с незапамятных времен.

Полыхнули зарницы, издав далеко донеслись раскаты грома. Билл поежился, оборвав смех.

— Вот что я тебе скажу. Не нравится мне эта погода. Такое ощущение, будто что-то должно произойти. Что-то плохое.

Он как в воду глядел. Произошло. Без четверти десять. Именно в этот момент Перси убил Мистера Джинглеса.

Глава 10

Поначалу, однако, казалось, что ночь пройдет нормально, несмотря на жару. Джон Коффи, как обычно, полностью ушел в себя, Дикий Билл для разнообразия прикидывался Смирным Биллом, а Делакруа пребывал не в таком уж плохом настроении, учитывая, что до встречи со Старой Замыкалкой ему оставалось чуть больше двадцати четырех часов.

Он, конечно, понимал, что должно произойти, по крайней мере на уровне основных рефлексов. Заказал соус чили для своей последней трапезы и попросил меня дать поварам особые инструкции. «Скажите им, пусть польют соусом еще горячие сосиски. И перчики пусть берут действительно острые, зеленые, а не перезревшие. От такого соуса у меня, конечно, бу-

дет запор, но не думаю, что на этот раз меня должно это волновать, так?»

Большинство из них начинает волновать другое: перспективы, открывающиеся перед бессмертной душой, но Делакруа быстренько оборвал мои рассуждения на духовные темы. Если «этот Шустер» устроил Вождя, заявил Дел, он сойдет и для него. А вот что действительно заботило Дела — вы, наверное, об этом догадались сами, — так это будущее Мистера Джинглеса, отсчет которого начинался после кончины Делакруа. Я привык проводить с осужденными последнюю, перед прогулкой по Зеленой миле, ночь, но впервые я провел ее, обсуждая мышиную судьбу.

Дел рассматривал вариант за вариантом, терпеливо отыскивая наилучший. Рассуждал он вслух и одновременно раз за разом бросал раскрашенную катушку в стену. И всегда Мистер Джинглес бросался за катушкой, чтобы прикатить ее к ноге Делакруа. Наконец это мельтешение начало действовать мне на нервы: удар катушки о каменную стену, потом клцание мышинных коготков по полу. Любопытный трюк, но за девяносто минут может надоесть и не такое. А Мистер Джинглес не знал устали. Подкреплялся водой из блюдечка, что стояло для этой цели на полу, грыз розовый леденец и вновь бросался за катушкой. Несколько раз я порывался сказать Делакруа, что мышонку пора отдохнуть, но напоминал себе, что после завтрашней ночи все игры для Делакруа закончатся. Однако повторяющиеся удары и клцание достали-таки меня. Я уже открыл было рот, но тут что-то заставило меня оглянуться, посмотреть на камеру напротив. Джон Коффи стоял у решетки и мотал головой: направо, налево, вновь на середину. Словно он прочитал мои мысли и советовал еще раз хорошенько все обдумать.

Я предложил отвезти мышонка к незамужней тетушке, которая присылала Делакруа леденцы. Отвез-

ти вместе с раскрашенной катушкой и даже с «домиком». Со стариком Два Зуба, который мог потребовать коробку из-под сигар назад, мы бы договорились. Нет, после раздумья ответил Делакруа (за это время катушка пять раз слетала к стене, а Мистер Джинглес, клацкая коготками по полу, прикатывал ее обратно), не пойдет. Тетя Эрмина слишком стара, она не поймет, чего хочется Мистеру Джинглесу. А если Мистер Джинглес ее переживет? Что с ним тогда будет? Нет, нет, с тетей Эрминой ничего не выйдет.

А что если присматривать за ним будет кто-то из надзирателей, нашелся я. Мы сможем держать его в блоке Е. Нет, тут же последовал ответ, премного вам благодарен, но нет. Мистер Джинглес жаждет обрести свободу. Он, Эдуард Делакруа, это знает, потому что Мистер Джинглес (вы об этом уже догадались) шепнул ему пару слов на сей предмет.

— Хорошо, — вздохнул я, — один из нас возьмет его к себе домой. Может, Дин. У него маленький сын, который только обрадуется ручному зверьку.

Делакруа аж побелел от ужаса. Отдать мышонка-гения в лапы ребенка! Да разве сможет ребенок держать его в форме, учить новым трюкам? А если он потеряет интерес к мышонку и несколько дней не будет его кормить? Просто забудет о его существовании? И Делакруа, который сжег шестерых, чтобы замести следы своего преступления, задрожал от негодования. Разве можно допустить подобное издевательство над животным?

— Ладно, — вздохнул я, — возьму мышонка к себе (помните — обещай им что угодно, в их последние сорок восемь часов обещай что угодно). Как насчет этого?

— Нет, сэр босс Эджкомб, — с грустью ответил Дел. Бросил катушку. Удар, клацание, катушка вернулась к ноге Делакруа. — Премного вам благодарен, мерси беаусюр, но вы живете в лесу, а Мистер Джинглес,

он боится жить dans la forêt*. Мне это известно, потому что...

— Я могу догадаться, откуда тебе это известно, Дел, — оборвал его я.

Делакруа улыбаясь кивнул.

— Но мы что-нибудь придумаем, можете не сомневаться! — Он бросил катушку, Мистер Джинглес поспешил за ней, мне удалось промолчать и на этот раз.

Положение спас Зверюга. Все это время он сидел за столом, наблюдая, как Дин и Гарри играют в крибидж. Там же подпирал стену и Перси. Зверюга попытался завести с ним разговор, но получал в ответ одни междометия. Поэтому он прогулялся по коридору до камеры Делакруа, перед которой я сидел на стуле, остановился, скрестив руки на груди, и прислушался к нашей беседе.

— А как насчет Маусвилла? — нарушил он тишину, установившуюся после того, как Делакруа отверг мой населенный привидениями домик в лесу. Спросил как бы между прочим.

— Маусвилла? — Делакруа мгновенно заинтересовался. — А что это за Маусвилл?

— Аттракцион для туристов во Флориде, — ответил Зверюга. — Кажется, в Таллахасси. Я не ошибаюсь, Пол? В Таллахасси**?

— Да, — без малейшей запинки подтвердил я, возблагодарив Господа за то, что у нас есть Брут Хоуэлл. — В Таллахасси. Через дорогу от собачьего университета.

У Зверюги дернулся рот, я думал, он сейчас расхохочется, но нет, сдержался и кивнул. Потом я вроде бы слышал о собачьих университетах.

На этот раз Дел не бросил катушку, хотя Мистер Джинглес стоял на изготовку у его шлепанца, с не-

* в лесу (фр.)

** столица штата Флорида.

терпением ожидая старта. Француз посмотрел на Зверюгу, на меня, вновь на Зверюгу.

— И что они делают в Маусвилле?

— Как ты думаешь, они возьмут Мистера Джинглеса? — Зверюга обратился ко мне, намеренно игнорируя вопрос Дела. — Есть у него способности, Пол?

Я вроде бы задумался.

— Знаешь, чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что идея просто блестящая. — Уголом глаза я заметил, что Перси двинулся по Зеленой миле, огибая камеру Уэртона по широкой дуге. Остановился у пустой камеры и прислушался к нашему разговору, привалившись плечом к решетке с пренебрежительной улыбкой на губах.

— Что это за Маусвилл? — не унимался Делакруа. Зверюга крепко подцепил его на крючок.

— Я же тебе сказал, аттракцион для туристов. Мышиный город с сотней мышей. Так, Пол?

— Вроде бы их уже сто пятьдесят, — поправил его я. — Пользуется бешеным успехом. Насколько я понимаю, они хотят открыть такой же в Калифорнии. Собираются назвать его Западный Маусвилл. Процветающий бизнес. Дрессированные мыши, живущие в городе, словно люди. Ловко придумано.

Дел застыл с катушкой в руке, не отрывая от нас глаз. О своей судьбе он напрочь забыл.

— Они берут только самых умных мышей, — предупредил Зверюга. — Тех, что умеют показывать трюки. И не берут белых, потому что их держат в домах.

— Конечно, кому нужны домашние мыши! — яростно воскликнул Делакруа. — Я ненавижу этих белых мышей!

— У них там такой шатер, куда можно войти... — Зверюга импровизировал на ходу.

— Да, да, как цирк! Чтобы войти туда, надо заплатить?

— А ты как думал? Разумеется, надо заплатить. Десять центов со взрослого, два — с ребенка. А в шатре целый город из бакелитовых коробок и рулонов туалетной бумаги. Обнесенный стеной из плексигласа, поэтому зрители видят, что происходит внутри.

— Да! Да! — Делакруа не находил себе места от радости. Он повернулся ко мне. — А что такое плексиглас?

— Специальное небьющееся стекло.

— Да, конечно. Конечно, небьющееся! — Он протянул руку с катушкой к Зверюге, как бы призывая того продолжать. Мистер Джинглес привстал на задних лапках, его черные глаза-бусинки не отрывались от раскрашенной катушки. Зрелище они представляли презабавное. Перси подошел поближе, словно хотел получше их разглядеть. Я заметил, как хмурится на него Джон Коффи, но разыгравшаяся фантазия Зверюги слишком захватила меня, чтобы я смог обратить на это должное внимание. Все-таки не очень легко напрочь отвлечь приговоренного к смерти от мыслей о скорой казни. Так что выдумка Зверюги не могла не вызвать у меня восхищения.

— Конечно, им нравится весь город, но дети больше всего любят мышиный цирк, где мыши качаются на трапециях, перекатывают бочонки, складывают монеты...

— Да, это и нужно! Лучшего места для Мистера Джинглеса не найти! — Глаза Делакруа сверкали, щеки покраснелись. Будь моя воля, я бы произвел Зверюгу в святые. — Ты все-таки попадешь в цирк, Мистер Джинглес! Будешь жить в мышином городе во Флориде! С плексигласовыми стенами! Ур-ра!

Катушку он бросил слишком сильно. В стену она ударилась низко, отскочила и выкатилась между прутьев решетки на Зеленую милую. Мистер Джинглес бросился за ней, и Перси своего шанса не упустил.

— Нет! — взревел Зверюга, но Перси его словно и не слышал.

Как только Мистер Джинглес добрался до катушки, она полностью приковала к себе его внимание, и он начисто забыл про давнего врага. И тут Перси опустил на мышонка тяжелую подошву. Отчетливо хрустнул ломающийся позвоночник Мистера Джинглеса, кровь хлынула из его рта. Маленькие черные глазки вылезли из орбит с застывшим в них выражением агонии, совсем как у человека.

Делакруа заголосил от ужаса и боли, бросился на пол, протягивая руки к мышонку, вновь и вновь повторяя его имя.

Перси улыбаясь повернулся к Делакруа. К нам троим.

— Вот и все. Я знал, что доберусь до него. Рано или поздно. Как говорится, вопрос времени. — Он повернулся и не торопясь зашагал по Зеленой миле.

Мистер Джинглес остался лежать на линолеуме в луже собственной крови.

Часть четвертая

СКВЕРНАЯ СМЕРТЬ ЭДУАРДА ДЕЛАКРУА

Глава 1

Помимо мемуаров, я пишу дневник, который завел после того, как поселился в Джорджия Пайнс. Ничего особенного, пара абзацев каждый день, главным образом о погоде. Вчера вечером я его пролистал. Хотел посмотреть, сколько прошло времени с той поры, как мои внуки, Кристофер и Дэниэль, засадили меня в Джорджия Пайнс. «Для твоей же пользы, дед», — убеждали они меня. А что еще я мог от них услышать? Разве не эти слова обычно произносят люди, если хотят избавиться от ходячей и говорящей обузы?

Оказалось, чуть больше двух лет. Самое удивительное, что я не могу сказать, как я ощутил эти годы. Долго они тянулись или пролетели, словно миг. Мое чувство времени как бы размякло, будто слепленный детьми снеговик на мартовском солнце. Времени, к которому я привык (стандартное восточное, световое, рабочее), более не существует. Здесь только джорджи-пайнское время, оно же стариковское, старушечье, и время ссать в постель. Остальное... кануло в Лету.

Джорджия Пайнс — чертовски опасное место. Поначалу этого не понимаешь, поначалу думаешь, что место это скучное, а опасности здесь не больше, чем в

яслях в тихий час, но тут очень опасно — я знаю, о чем говорю. Со времени моего переезда сюда я повидал многих, постепенно впадавших в старческий ма-разм, а иной раз и не постепенно, а разом, словно подлодка, камнем идущая ко дну. В Джорджия Пайнс приезжали нормальные люди, пусть с затуманенным взглядом и опирающиеся на палку, но в остальном безо всяких отклонений... и что-то с ними случалось. Месяц спустя они уже сидели в телевизионной комнате, тупо глядя на Опру Уинфри, с отвисшей челюстью, забыв про стакан с апельсиновым соком, что трясся в руке. Еще через месяц им приходилось подсказывать имена детей, когда те их навещали. А уж на третий они забывали даже собственные имена. Что-то с ними происходило: так на них действовало джорджияпайнское время. Оно здесь как слабый раствор кислоты, который разъедает сначала память, а потом и желание жить.

Со временем надо бороться. Об этом я говорю Элейн Коннолли, моей закадычной подруге. Мне заметно полегчало, когда я начал писать о том, что случилось со мной в 1932 году, том самом, когда на Зеленой миле появился Джон Коффи. Некоторые из воспоминаний омерзительны, но они обостряют память точно так же, как нож затачивает карандаш, и поэтому боль, вызванную ими, можно и потерпеть. Писать и вспоминать, однако, недостаточно. У меня есть еще и тело, старое, дряблое, но другого нет и не будет, и поэтому я стараюсь держать его в тонусе. Первое время мне это давалось с трудом, старику не так-то легко уговорить себя на физические нагрузки, но теперь мне стало проще, ибо мои прогулки обрели цель.

На первую прогулку, чуть ли не каждый день, я выхожу из дома до завтрака, как только рассветает. В то утро шел дождь, от сырости ныли суставы, но я взял накидку с вешалки у кухонной двери и все равно отправился погулять. Когда у человека есть дело,

он должен его сделать, а если у него что-то болит, это его проблемы. Опять же, кроме минусов, есть и плюсы. Главный — причастность к реальному времени, столь отличному от местного, джорджияпайнесского. И я люблю дождь независимо от того, болит у меня что-то или нет. Особенно ранним утром, когда только начинается день, полный разнообразных возможностей даже для такого немоощного старика, как я.

Я миновал кухню, выпросив у еще сонного повара два гренка, и вышел из дома. Пересек крикетную площадку, потом зеленую лужайку и углубился в рощу. Узкая извилистая тропа вела к двум сараям, которые уже давно не использовались и медленно разрушались. Я шагал не спеша, прислушиваясь к шуму дождя, поливающего сосны, пережевывая кусочки гренка несколькими оставшимися зубами. Ноги болели, но я не обращал на это внимания: тупую боль можно и потерпеть. А в общем, я пребывал в приподнятом настроении и вдыхал напоенный влагой воздух полной грудью, словно хотел, чтобы он насытил меня.

А потом я добрался до второго из сараев, вошел и побыл внутри, занимаясь своими делами.

Двадцать минут спустя, возвращаясь к дому, я уже чувствовал, как червячок голода шевелится у меня в животе, и думал о том, что на завтрак мне потребуется нечто более существенное, чем гренки. Тарелка овсянки, может, даже яичница и сосиска. Я люблю сосиски, всегда любил, но теперь, если съедаю больше одной, у меня начинается изжога. А вот от одной — никаких неприятных ощущений. Потом, наполнив желудок и с мозгами, проветренным влажным воздухом (я на это надеялся), я намеревался пройти на закрытую веранду и приступить к описанию казни Эдуарда Делакура. С этим мне хотелось покончить как можно быстрее из опасения, что не хватит духу.

Пересекая крикетную площадку, я думал о Мистере Джинглесе, о том, как Перси Уэтмор раздавил его

башмаком, сломав позвоночник, о том, как отчаянно кричал Делакруа, увидев, что наделал его враг... и не замечал Брэда Доулена, стоящего у припаркованного там грузовичка, пока тот не протянул руку и не схватил меня за запястье.

— Решил прогуляться, Поли? — спросил он.

Я отпрыгнул от Доулена, вырвавшись из его цепких пальцев. Частично от неожиданности (любой дернется, если вдруг схватят за руку), но только частично. Помните, я думал о Перси Уэтморе, а именно его и напоминал мне Брэд. Напоминая своим пристрастием к чтиву, которое он таскал в заднем кармане брюк (только Перси отдавал предпочтение приключенческим журналам, а Брэд — анекдотам, которые могли показаться смешными только людям глупым и злым), а также своей наглостью и желанием причинить боль.

Он только что прибыл на работу, был еще в джинсах и ковбойке, не успев переодеться во все белое. В руке Доулен держал остатки крекера, который утащил с кухни. Стоял он под навесом, чтобы не промокнуть. Я нисколько не сомневался, что пришел он так рано только с одной целью: следить за мной. Я сразу понял, что с мистером Брэдом Доуленом надо держать ухо востро. Он меня недолюбливал. Не знаю в чем причина, но ведь я так и не понял, почему Перси Уэтмор недолюбливал Делакруа. Пожалуй, недолюбливал — слишком мягко сказано. Перси возненавидел Дела, как только тот появился на Зеленой миле.

— Где ты взял накидку, Поли? — спросил Доулен, коснувшись капюшона. — Она не твоя.

— В коридоре у кухни, — ответил я. Меня тошнит, когда он называет меня Поли, думаю, он это прекрасно знает, но я не собирался ему это показывать. — Их там много. И я ее не порвал. Они и предназначены для того, чтобы надевать их в дождь, не так?

— Они предназначены не для вас, Поли. В этом главное. Накидки для обслуживающего персонала, а не для проживающих здесь.

— Я все-таки не понимаю, что я сделал плохого. Он усмехнулся.

— Речь не о плохом или хорошем. Есть правила. Разве можно жить без правил? Поли, Поли, Поли. — Он покачал головой, словно говоря, что из-за таких, как я, ему просто не хочется жить. — Ты, наверное, думаешь, что такой старый пердун, как ты, более не обязан жить по правилам, но это не так, Поли.

Он мне улыбался. И недолюбливал меня. Может, даже ненавидел. Но за что? Не знаю. Иногда причин и не требуется. И это пугает.

— Что ж, я сожалею, что нарушил правила. — Голос мой сорвался на фальцет, я ругал себя за это, но я стар, а стариков часто подводят голосовые связки. И испугать старика очень легко.

Брэд кивнул.

— Извинения принимаются. А теперь пойдем, повесишь ее на место. И незачем тебе гулять в дождь. Особенно в лесу. Вдруг ты поскользнешься, упадешь и сломаешь бедро? А? Кто, по-твоему, будет тащить твои старые кости?

— Не знаю. — Очень уж мне хотелось покинуть его компанию. Чем дольше я слушал его, тем больше он напоминал мне Перси Уэтмора. Уильям Уэртон, безумец, попавший на Зеленую милю осенью 1932 года, однажды схватил Перси и напугал его так, что тот обмочил штаны. «Если вы скажете кому-то хоть слово, — пригрозил нам тогда Перси, — через неделю будете стоять в очередях на бирже труда». Теперь, по прошествии стольких лет, я буквально слышу, как Брэд Доулен произносит те же слова тем же тоном. Словно, излагая на бумаге события давно минувших дней, я приоткрыл некую невидимую дверцу, соединяющую прошлое и настоящее: Перси Уэтмора с Брэдом Доуленом, Джейнис Эджкомб с Элейн Коннолли, тюрьму «Холодная гора» с домом престарелых «Джорджия

Пайнс». Я сразу понял, что мысль эта не даст мне заснуть допоздна.

Я уже хотел пройти на кухню, но Брэд вновь схватил меня за запястье. О первом разе я ничего сказать не могу, не помню, но тут он сильно сжал пальцы, сознательно, чтобы причинить боль. Глаза его бегали из стороны в сторону, дабы убедиться, что вокруг никого нет, что никто не видит, как он обижает одного из стариков, о которых вроде бы должен заботиться.

— Почему ты ходишь по этой тропе? — спросил он. — Я знаю, ты ходишь туда не для того, чтобы гонять шкурку, для тебя это в далеком прошлом, но что ты там делаешь?

— Ничего, — ответил я ровным голосом, изо всех сил стараясь не показать, какую он причиняет мне боль, помня о том, что Доулен упомянул лишь тропу, то есть о сарае он не прознал. — Просто гуляю. Чтобы проветрить мозги.

— Слишком поздно, Поли, твои мозги уже никогда не проветрятся. — Он еще сильнее сжал стариковское запястье, хрупкие кости, сломать которые не составляло труда, а глаза его все бегали и бегали. Брэд не боялся нарушать правила. Опасность он видел в другом: как бы его не застукали за этим занятием. И в этом он тоже не отличался от Перси Уэтмора, который никому не позволял забыть, что он — племянник жены губернатора. — Ты так стар, что просто удивительно, как ты еще помнишь свое имя. Ты чудовищно стар. Даже для этого музея. У меня мурашки бегут по коже, когда я смотрю на тебя, Поли.

— Отпусти меня. — Я пытался не сорваться на фальцет. Не из гордости. Я боялся, что мой страх только распалит его, как распалает запах пота злобного пса: обычно он только рычит, а тут может и укусить. Тут я подумал о репортере, который освещал суд над Джоном Коффи. Ужасном человеке по фамилии Хам-

мерсмит. А самое ужасное состояло в том, что репортер этот знать не знал, сколь он ужасен.

Вместо того чтобы отпустить меня, пальцы Доулена сжались еще сильнее. Я застонал. Не хотел этого, но ничего не смог с собой поделать. Боль пронзила меня до щиколоток.

— Так что ты там делал, Поли? Скажи мне.

— Ничего! — Я не кричал, еще нет, но чувствовал, что вот-вот закричу, если Доулен и дальше будет мучить меня. — Ничего, просто гулял, я люблю гулять, отпусти меня!

Он отпустил, но только для того, чтобы схватить за другую руку. Сжатую в кулак.

— Расцепи пальцы. Дай папе посмотреть, что у тебя там.

Я расцепил, и Доулен разочарованно фыркнул, увидев остатки второго гренка, ничего больше. Я инстинктивно сжал правую руку в кулак, когда он терзал мое левое запястье, и теперь масло, вернее, маргарин (настоящего масла мы, естественно, в глаза не видели) размазался по пальцам.

— Иди в дом и помой руки. — Он отступил на шаг, откусил кусочек крекера. — Святой Боже.

Я поднялся по ступеням. Ноги у меня подгибались, сердце напоминало двигатель с текущими салниками и разболтанными цилиндрами. Когда я схватился за ручку, чтобы открыть дверь и укрыться в безопасности кухни, меня догнал голос Доулена:

— Если ты кому-нибудь скажешь, что я сжал твою руку, Поли, я скажу, что у тебя глюки. Признак старческого маразма. И они, знаешь ли, мне поверят. А если обнаружатся синяки, то начальство решит, что ты сам их себе поставил.

Да. Возможно, так и вышло бы. Такое вполне мог сказать Перси Уэтмор, Перси, оставшийся молодым и злобным, тогда как я совсем состарился.

— Я не собираюсь ничего говорить. Ничего и никому, — пробормотал я в ответ. — Нечего мне говорить.

— Это правильно, ты старичок понятливый. — Мерзкий насмешливый голос, голос дылдона (используя терминологию Перси, который думает, что навсегда останется молодым). — А я выясню, чем ты занимаешься в лесу. Приложу все силы. Слышишь меня?

Я услышал, естественно, но не удостоил его ответом. Прошел через кухню (там пахло жарившейся яичницей и варящимися сосисками, но аппетит у меня пропал) и повесил дождевую накидку на крючок. Потом поднялся в свою комнату, отдыхая на каждой ступеньке, чтобы сердце успокоилось, и взял бумагу.

Я спустился на закрытую веранду и уже садился за маленький столик у окна, когда раскрылась дверь и в щелку всунулась моя подруга Элейн. Выглядела она усталой и больной. Элейн уже расчесала волосы, но не передела халат. Здесь старики не придают особого значения одежде. Для них это непозволительная роскошь.

— Не буду тебя беспокоить. Вижу, ты собрался писать...

— Какие глупости. Времени у меня сколько хочешь. Заходи.

Она вошла, но осталась стоять у двери.

— Я не могла спать... опять... случайно выглянула в окно... и...

— Увидела, как я мило беседую с мистером Доуленом. — Я надеялся, что она только видела нас. Окна она не открывала, так что, возможно, мои крики до нее и не донеслись.

— Мне не показалось, что беседа милая или хотя бы дружелюбная, — возразила она. — Пол, этот мистер Доулен интересуется тобой. Задает вопросы. На прошлой неделе подходил ко мне. Я не придавала этому значения, у нас есть люди, которые любят совать

свой длинный нос в чужие дела, но теперь мне стало беспокойно.

— Спрашивает обо мне? — Я постарался не выдать тревоги. — И что его интересует?

— Во-первых, куда ты ходишь. А во-вторых, почему ты ходишь на прогулки.

Я выдавил из себя смешок.

— Этот человек не верит в пользу физических нагрузок, тут нет никаких сомнений.

— Он полагает, что у тебя есть какой-то секрет. Я того же мнения.

Я открыл было рот, чтобы сказать... уж не знаю, что бы я сказал, но Элейн подняла свою прекрасную, пусть и с раздувшимися костяшками пальцев, руку, останавливая меня.

— Если у тебя и есть секрет, я не хочу его знать, Пол. Твои дела не касаются никого другого. Лично меня этому учили с детства, но не все получили хорошее воспитание. Будь осторожен. Это все, что я хотела тебе сказать. А теперь оставляю тебя одного, чтобы не мешать твоей работе.

Она повернулась, чтобы уйти, но, прежде чем Элейн успела выйти за дверь, я позвал ее по имени. Она вопросительно посмотрела на меня.

— Когда я закончу то, что пишу... — Я замолчал, покачал головой и начал снова. — Если я закончу то, что пишу, ты это прочитаешь?

Элейн задумалась, а потом одарила меня улыбкой, одной из тех, за которые отдают полцарства.

— Почту за честь.

— Подожди, пока не прочтешь, а уж потом поговорим о чести. — Я сказал так потому, что думал о смерти Делакруа.

— Обязательно прочту. Каждое слово, обещаю. Но сначала тебе надо поставить последнюю точку.

Она ушла, но прошло много времени, прежде чем я написал хоть слово. С час я смотрел в окна, бараба-

ня ручкой по столу, наблюдая, как постепенно расходится серый день, думая о Брэде Доулене, который называет меня Поли и обожает пошлые анекдоты, а также о том, что сказала Элейн Коннелли: «Он полагает, что у тебя есть какой-то секрет. И я того же мнения».

Может, и есть. Да, может, и есть. А Брэд Доулен хочет его вызнать. Не потому, что секрет важный (если он и важный, то лишь для меня). Просто Доулен уверен, что у таких стариков, как я, вообще не должно быть секретов. Им нельзя брать дождевые накидки из коридора у кухни и нельзя иметь секреты. Он не понимает, что мы по-прежнему люди. Отказывает нам в этом. Точно так же воспринимал осужденных Перси.

Но постепенно мысли мои, замкнув круг, вернулись к тому месту, где их прервало появление Брэда Доулена, внезапно схватившего меня за руку. К Перси, злобному Перси, жестоко отомстившему человеку, который позволил себе посмеяться над ним. Делакура бросил раскрашенную катушку, которую прикатывал к его ноге Мистер Джинглес, бросил так сильно, что, отскочив от стены, катушка выкатилась в коридор. Тут все и произошло. Своего шанса Перси не упустил.

Глава 2

- Нет! — взревел Зверюга, но Перси его словно и не слышал.

Как только Мистер Джинглес добрался до катушки, она полностью приковала к себе его внимание, и он начисто забыл про давнего врага. В этот момент Перси опустил на мышонка тяжелую подошву. Отчетливо хрустнул ломающийся позвоночник Мистера Джинглеса, кровь хлынула изо рта. Маленькие

черные глазки вылезли из орбит, с застывшим в них выражением агонии, совсем как у человека.

Делакруа заголосил от ужаса и боли. Он бросился на пол, пытаясь дотянуться до мышонка, вновь и вновь повторяя его имя.

Перси улыбаясь повернулся к Делакруа. К нам троим.

— Вот и все. Я знал, что доберусь до него. Рано или поздно. Как говорится, вопрос времени. — И он не торопясь зашагал по Зеленой миле.

Мистер Джинглес остался лежать на линолеуме в луже собственной крови.

Дин вскочил из-за стола дежурного, свалив доску для криббиджа на пол, фишки выскочили из пазов и покатались в разные стороны. И Дин, и Гарри, которому до выигрыша оставался буквально шаг, разом забыли об игре.

— Что ты придумал на этот раз? — завопил Дин, сверля Перси взглядом. — Что ты натворил теперь, мудозвон?

Перси не отреагировал. Он молча проследовал мимо стола дежурного, приглаживая волосы. Затем прошел через мой кабинет и скрылся в кладовой. За него ответил Уильям Уэртон:

— Я думаю, босс Дин, он тут показал одному французику, что негоже смеяться над ним, — и заржал сам. С удовольствием, от всей души, весело и заразительно. В жизни мне встречались люди (жуткие люди, доложу я вам), которые казались нормальными, лишь когда смеялись. К ним относился и Дикий Билл Уэртон.

Я, словно громом пораженный, смотрел на мышонка. Он еще дышал. Но на усиках дрожали крохотные капельки крови, и пелена уже застилала всегда яркие бусинки-глаза. Зверюга поднял раскрашенную катушку, посмотрел на нее, потом на меня. Происшедшее потрясло и его. А за нашими спинами в горе и ужасе вопил Делакруа. Дело, конечно, было не в мышонке.

Перси пробил брешь, сквозь которую теперь широким потоком выливался страх, копившийся во время пребывания в блоке Е. Но скорбел Делакруа о Мистере Джинглесе, и его крики разрывали душу.

— О нет, — повторял он снова и снова. — О нет, нет, нет. Бедный Мистер Джинглес, бедный Мистер Джинглес. О нет, нет...

— Дайте его мне.

Я вскинул голову, поначалу не поняв, откуда исходит этот бас. Потом увидел Джона Коффи. Как и Делакруа, он просунул руки между прутьями решетки. Но в отличие от француза не тряс ими, а просто держал на весу ладонями вверх. Как бы показывая, что время не ждет, надо торопиться. И тон его говорил о том же, потому-то я сразу и не узнал голоса Коффи. Потерявший себя, заплаканный человек, который занимал его камеру несколько последних недель, исчез. Этот Коффи знал, что надо делать.

— Дайте его мне, мистер Эджкомб! Пока еще есть время!

Тут я вспомнил, что он сделал со мной, и все понял. Я решил, что мышонку навредить он уже не сможет, хотя не приходилось надеяться и на то, что поможет. Когда я поднял Мистера Джинглеса с пола, меня аж передернуло: во многих местах прощупывались раздробленные косточки, упирающиеся в кожу под шерсткой. Это тебе не урологическая инфекция. И все же...

— Что ты делаешь? — спросил Зверюга, когда я положил Мистера Джинглеса на правую ладонь Коффи. — Какого черта?

Рука Коффи осторожно уползла в камеру. Мышонок лежал на его ладони, хвост бессильно болтался между большим и указательным пальцами, лишь чуть подергивался кончик. Затем Коффи накрыл правую ладонь левой, и мы больше не видели тельца Мистера Джинглеса, только хвост, свисающий вниз, с подерги-

вающимся кончиком. Коффи же поднес сложенные раковинной ладони к лицу, раздвинув пальцы левой руки.

Зверюга шагнул ко мне, по-прежнему держа в руке раскрашенную катушку.

— Что он делает?

— Ш-ш-ш.

Делакруа перестал орать.

— Пожалуйста, Джон, — прошептал он. — О, Джонни, помоги ему, пожалуйста, помоги ему, о, *s'il vous plait*.

К нам присоединились Дин и Гарри.

— Что тут творится? — спросил Дин, но я только покачал головой. Меня словно вновь загнипнотизировали.

Коффи приставил рот к щели между двух пальцев и резко вдохнул. На мгновение все словно застыло. Потом он повернул голову, и мы увидели лицо человека, смертельно больного или страдающего от невыносимой боли. Глаза его горели огнем, верхние зубы впились в толстую нижнюю губу, лицо посерело и цветом напоминало золу, смешанную с грязью. Из груди вырывалось хрипение.

— Святой Боже, спаси и сохрани, — прошептал Зверюга. Глаза его буквально вылезли из орбит.

— Что такое? — рявкнул Гарри. — Что?

— Хвост! Разве вы не видите? Хвост!

Хвост Мистера Джинглеса больше не висел мертвым грузом, а весело мотался из стороны в сторону, словно у кота, решившего поохотиться на птичек. Затем из домика, образованного ладонями Коффи, доносилось такое знакомое попискивание.

Новый звук вырвался из груди Коффи.словно он отхаркнул мокроту и теперь, повернув голову, хотел ее выплюнуть. Но вместо мокроты изо рта и носа Коффи вылетел рой черных насекомых (мне показалось, что это насекомые, другие со мной согласились, но полной уверенности у меня нет и до сих пор). Они

облаком окутали голову Коффи, и в течение нескольких мгновений мы не могли различить черт его лица.

— Господи, да что же это такое? — В голосе Дина слышался испуг.

— Все нормально, — услышал я свой голос. — Не паникуй, все нормально, они сейчас исчезнут.

И действительно, как и в тот раз, когда Коффи излечил мою урологическую инфекцию, «насекомые» сменили черный цвет на белый, а потом растворились в воздухе.

— Святое дерьмо, — прошептал Гарри.

— Пол? — Голос Зверюги дрожал. — Пол?

А Коффи уже оправился, совсем как человек, которому удалось оторвать кусок мяса, перекрывший дыхательное горло. Он опустил руки к полу, посмотрел в щель между пальцами, затем развел ладони, явив нам Мистера Джинглеса, целого и невредимого, с ровненьким позвоночником, без единой косточки, упирающейся в кожу. Мышонок на мгновение застыл, а затем перемахнул Зеленую милую, держа курс на камеру Делакруа. Пока он бежал, я заметил капельки крови, оставшиеся на его усиках.

Делакруа встретил его, смеясь и плача одновременно, покрывая бесстыдными смачными поцелуями. Дин, Гарри и Зверюга наблюдали за происходящим в молчаливом изумлении. Потом Зверюга шагнул к камере и просунул сквозь прутья руку с раскрашенной катушкой. Делакруа поначалу этого не заметил, все его внимание сосредоточилось на Мистере Джинглесе. Он напоминал отца, сына которого вытащили из воды, не дав утонуть. Зверюга постучал катушкой французу по плечу. Делакруа повернулся, увидел катушку, взял ее и вновь занялся Мистером Джинглесом, поглаживая его по шерстке, пожирая его взглядом, снова и снова убеждаясь, что мышонок в полном порядке.

— Брось катушку, — попросил Зверюга. — Я хочу посмотреть, как он бежит.

— С ним все в порядке, босс Хоуэлл, все в порядке, слава тебе, Господи...

— Брось катушку, — повторил Зверюга. — И не спорь со мной, Дел.

Делакруа наклонился с явной неохотой. Не хотелось ему так скоро выпускать Мистера Джинглеса из рук. Затем осторожно бросил катушку. Она покати-лась к стене мимо коробки из-под сигар. Мистер Джин-глес помчался за ней, но не так проворно, как раньше. Он вроде бы хромотал на заднюю левую лапку, и хромота эта более всего убедила меня, что его действительно воскресили из мертвых.

До катушки он, однако, добрался, а потом с преж-ним энтузиазмом откатил ее к ноге Делакруа. Я по-вернулся к Джону Коффи. Тот стоял у решетки и улыбался. Усталой такой улыбкой и не слишком ра-достной. Нетерпение, которое читалось в его взгляде, когда он просил передать ему мышонка, ушло, как и гримаса боли, перед тем как он выплюнул насекомых, которые едва не перекрыли ему дыхательные пути. Передо мной стоял привычный нам Коффи, с отсут-ствующим лицом и странными, смотрящими в нику-да глазами.

— Ты ему помог, — напомнил я. — Правда, здо-ровяк?

— Совершенно верно. — Улыбка стала шире. Мгно-вение-другое он считал себя счастливым. — Я помог. Я помог мышке Дела. Я помог... — Чувствовалось, что он забыл, как зовут мышонка.

— Мистеру Джинглесу, — подсказал Дин. Он при-стально смотрел на Коффи, словно ожидал, что тот вспыхнет огнем или всплывет к потолку.

— Совершенно верно, — кивнул Коффи. — Мис-тер Джинглес. Цирковая мышь. Будет жить в плек-сигласовом доме.

— Именно. — Теперь так же смотрел на Коффи и Гарри. А за нашими спинами Делакруа улегся на койку, посадив Мистера Джинглеса себе на грудь. Дел что-то ему нашептывал, вроде бы пел французскую песню, очень похожую на колыбельную.

Коффи повернулся к столу дежурного, что стоял в конце Зеленой мили, и к двери, что вела в мой кабинет и в кладовую.

— Босс Перси плохой. Босс Перси злобный. Он наступил на мышку Дела. Он наступил на Мистера Джинглеса.

И прежде чем мы успели ему ответить, Джон Коффи направился к своей койке и лег лицом к стене.

Глава 3

Перси стоял к нам спиной, когда двадцать минут спустя мы со Зверюгой вошли в кладовую. Он нашел банку полировочной пасты на полке над ящиком, куда мы бросали грязную униформу (а иногда и цивильную одежду: тюремной прачечной все равно, что стирать), и полировал ножки и подлокотники электрического стула. Вам, наверное, покажется это странным, может, даже извращенным, но я и Зверюга восприняли его действия как само собой разумеющееся. Этим и следовало ему заниматься, вместо того чтобы топтать мышей. Назавтра Старая Замыкалка принимала публику, а Перси вроде бы руководил всем мероприятием.

— Перси, — тихим голосом позвал его я.

Перси повернулся, и при взгляде на нас мотивчик, который он насвистывал, застрял у него в горле. Я не увидел в его глазах страха, во всяком случае, в первое мгновение. Мне показалось, что Перси даже как-то повзрослел. И я подумал, что Джон Коффи прав. Пер-

си выглядел злобным. Злоба — что наркотик, уж я-то в этом разбираюсь, и Перси уже прочно сел «на иглу». Ему нравилось то, что он сделал с мышонком Делакура. А еще больше ему нравились полные отчаяния крики француза.

— Нечего меня учить, — резко ответил он. — Это всего лишь мышь. Ей вообще тут не место, вы это отлично знаете.

— С Мистером Джинглесом как раз все в порядке. — Сердце у меня чуть не выскакивало из груди, но я постарался, чтобы мой голос звучал предельно буднично. — Бегаёт, пищит и катаёт катушку. Ты ничего не можешь сделать как надо, даже убить мышь.

Перси недоверчиво смотрел на меня.

— И вы думаете, я вам поверю? Я размазал эту тварь по полу! Я слышал, как захрустели кости! Вы просто...

— Заткнись.

Его глаза широко раскрылись.

— Что? Вы это смеете говорить мне?

Я шагнул к нему. На лбу вздулись вены. Не припомню, когда в последний раз я так злился.

— Разве ты не рад, что Мистер Джинглес в добром здравии? Я думал, ты порадуешься, особенно в свете тех разговоров, что наша задача — успокаивать осужденных, тем более на пороге казни. Так что радуйся. Дел будет спокоен, когда выйдет на Милю.

Перси переводил взгляд с меня на Зверюгу.

— Что за игру вы затеяли? — В голосе его чувствовалась неуверенность.

— Никто ни во что не играет, — ответил Зверюга. — Это ты все воспринимаешь как игру... поэтому тебе ни в чем нельзя доверять. Хочешь знать правду? Я думаю, что ты очень мерзкий тип.

— Полегче, приятель. — Голос Перси дрогнул. В нем уже ощущался страх. Он боялся того, что мы можем потребовать от него, боялся наших планов на бу-

дущее. Меня это только порадовало. С испуганным человеком легче договориться. — Мои друзья очень влиятельны.

— Это ты уже говорил, но мы все знаем, что ты у нас большой выдумщик. — Казалось, Зверюга вот-вот рассмеется.

Перси бросил тряпку, которой он полировал Старую Замыкалку, на сиденье.

— Я убил эту тварь! — Голос все так же дрожал.

— Пойди и посмотри сам, — пожал плечами я. — Это свободная страна.

— И пойду, — огрызнулся Перси. — Пойду.

Он сдвинул брови, повертел расческу в маленьких ручонках (Уэртон не ошибся, отметив в Перси женственность), поднялся по ступеням и скрылся за дверью, ведущей в мой кабинет. Мы со Зверюгой остались у Старой Замыкалки, в молчании дожидаясь, когда он вернется. Не знаю, как Зверюга, а я не мог найти ни одной темы для разговора. Не хотелось даже думать, не то что говорить.

Прошло три минуты. Зверюга взял брошенную Перси тряпку и начал полировать спинку Старой Замыкалки. Закончил с одной панелью, принялся за другую, когда появился Перси. Спускаясь по ступеням, Перси споткнулся и чуть не упал. На лице его читалось одно: он все еще не верил тому, что увидел собственными глазами.

— Вы их поменяли, — взвизгнул он. — Не знаю как, но поменяли. Вы издеваетесь надо мной, но даю слово, вы об этом горько пожалеете! Если вы это не прекратите, то я отправлю вас на биржу труда! Да за кого вы себя принимаете?

От волнения у него перехватило дыхание, руки сжались в кулаки.

— Я тебе скажу, за кого мы себя принимаем, — ответил я. — За людей, с которыми ты работаешь, Перси... Слава Богу, работать тебе с ними осталось недо-

лго. — Я положил ему руки на плечи и чуть тряхнул. Не сильно, но тряхнул.

Перси попытался вырваться.

— Уберите...

Зверюга схватил его за правую руку. Маленькая, белокожая, мягкая, она исчезла в лапище Зверюги.

— Заткни пасть, сынок. Если хочешь знать, что для тебя благо, прочисти уши и слушай.

Я развернул Перси, поставил на возвышение, а потом толкнул. Ноги его, ударившись о Старую Замыкалку, согнулись, и он плюхнулся на сиденье электрического стула. От его спокойствия не осталось и следа, так же как от злобы и наглости. Электрический стул остается электрическим стулом, даже если рубильник и не включен, а Перси, помните, был еще очень молод. И я рассудил, что теперь он сможет воспринять то, что мы собирались ему сказать.

— Я хочу, чтобы ты дал нам слово.

— На предмет чего? — Он еще пытался петушиться, но глаза его переполнял ужас. Старая Замыкалка воздействовала на людей и без электричества, и Перси ощущал на себе это воздействие.

— Слово, что ты уедешь в Брейр-Ридж и освободишь нас от своего присутствия, если завтра мы дадим тебе покрасоваться перед публикой. — Такой ярости в голосе Зверюги мне слышать еще не доводилось. — Уедешь на следующий день после казни.

— А если я не уеду? Если позвоню кое-кому и пожалуюсь, что вы мне угрожаете? Запугиваете меня?

— Нас действительно могут выгнать с работы, если у тебя такие хорошие связи, хотя на самом деле все может обстоять иначе, — ответил я, — но уж мы позаботимся о том, Перси, чтобы и твоя кровь осталась на полу.

— Вы про эту тварь? Ха! Неужели вы думаете, что кто-то упрекнет меня в том, что я наступил на ручную мышь убийцы? За пределами этого дурдома?

— Нет, я не про мышь. Но три человека видели, как ты стоял разинув рот, когда Дикий Билл Уэртон душил цепью Дина Стэнтон. Вот за это могут и упрекнуть, Перси, будь уверен. От этого не отмахнется и твой дядюшка-губернатор.

Перси густо покраснел.

— Вы думаете, вам поверят? — Но голос его утратил былую уверенность. Он, конечно, понимал, что кто-то да поверит. А Перси не хотел наживать себе неприятности. Нарушать правила — нет проблем. Попадать на этом — ни в коем разе.

— Я, между прочим, сфотографировал шею Дина до того, как прошли синяки, — добавил Зверюга (я понятия не имел, говорит он правду или фантазирует на ходу, но аргумент прозвучал веско). — И знаешь, о чем говорят эти фотографии? Что Уэртон вволю натешился, прежде чем его оторвали от Дина, хотя ты стоял рядом, за спиной Уэртона. И тебе придется ответить на очень трудные вопросы. А история эта прилипнет к тебе как банный лист. Останется при тебе и после того, как твои родственнички покинут столицу штата и будут пить клубничный морс на веранде своего особняка. Личное дело — штука занятная, в него заглядывают многие.

Глаза Перси бегали из стороны в сторону. Левая рука поднялась, пригладила волосы. Он молчал, но я видел, что осталось совсем немного, чтобы дожать его.

— Ладно, покончим с этим. — Я взял инициативу на себя. — Мы хотим, чтобы духу твоего здесь не было. Но ведь и ты хочешь этого не меньше нашего, так?

— Я ненавижу эту клоаку! — взорвался он. — Я ненавижу ваше отношение ко мне. Ненавижу ваше нежелание предоставить мне хоть единый шанс.

Последнее не соответствовало действительности, но я решил, что сейчас не время для дискуссий.

— И я не люблю, когда меня шпыняют. Отец учил меня, что допускать этого нельзя, иначе шпынять тебя

будут до конца жизни. — Тут его глаза сверкнули. — И особенно мне не нравится, когда шпиныть меня начинают большие обезьяны вроде этого типа. — Он коротко глянул на моего близкого друга, хмыкнул. — Вот и прозвище ему дали соответствующее — Зверюга.

— Придется тебе кое-что разобъяснить, Перси. — Я тяжело вздохнул. — С нашей точки зрения, шпиныешь нас именно ты. Мы говорим тебе, как надо вести себя в этом заведении, но ты продолжаешь все делать по-своему, а напортачив, прячешься за спины своих родственников-политиков. Наступив на мышонка Делакура... — Тут я поймал взгляд Зверюги и быстро поправился: — Твоя попытка раздавить мышонка Делакура только подтверждает мои слова. Ты прешь, прешь, прешь напролом. В итоге мы даем отпор, только и всего. Но послушай, если ты умеришь свои амбиции, то выйдешь отсюда, благоухая как майская роза. Никто не узнает о нашем разговоре. Что ты на это скажешь? Стань наконец взрослым. Пообещай, что уйдешь отсюда после казни Дела.

Перси задумался. А через пару мгновений в глазах его появилось новое выражение, и я сразу понял, что ему пришла в голову хорошая идея. Меня это не порадовало. Что хорошо для Перси, для нас — трагедия.

— Если на тебя не действуют другие доводы, подумай хотя бы о том, что тебе больше не придется иметь дело с этим Уэртоном, — вставил Зверюга.

Перси кивнул, и я позволил ему подняться со Старой Замыкалки. Он поправил рубашку, глубже засунув ее в брюки, провел расческой по волосам, потом посмотрел на нас.

— Ладно, я согласен. Завтра я провожу казнь Дела, послезавтра отправляюсь в Брейр-Ридж. Считаем, что мы договорились. Так?

— Так, — кивнул я.

Выражение его глаз не менялось, но я не придавал этому особого значения. Чего обращать внимание на мелочи, когда достигнута главная цель.

Перси протянул руку.

— Заметано.

Я ее пожал. Последовал моему примеру и Зверюга. Дураки.

Глава 4

Следующий день ничем не отличался от предыдущих, но на нем оборвалась эта необычная октябрьская жара. Когда я приехал на работу, с запада доносились раскаты грома, там же громоздились черные облака. К ночи они надвинулись, и мы видели вылетающие из них бело-голубые трезубцы молний. Примерно в десять вечера над округом Терпинг пронесся смерч, убил четверых и сорвал крышу с конюшни в Тефлоне. Гроза и сильный ветер обрушились и на «Холодную гору». Потом мне подумалось, что даже небеса протестовали против скверной смерти Эдуарда Делакура.

А начиналось все очень даже хорошо. День у Дела прошел спокойно. Иногда он играл с Мистером Джинглесом, но в основном лежал, поглаживая его по шерстке. Уэртон пару раз пытался поднять бучу. Однажды начал орать Делу о мышбургерах, которыми они наедятся после того, как Счастливчик Пьер отправится исполнять тустеп* в ад, но маленький француз не отреагировал, и Уэртон, решив, что больше ему сказать нечего, заткнулся.

В четверть одиннадцатого прибыл брат Шустер и порадовал нас, заявив, что будет молиться с Делом на

* танец.

французском. Мы восприняли его слова как добрый знак. К сожалению, мы ошиблись.

К одиннадцати потянулись свидетели. Говорили они главным образом о погоде, некоторые высказывали опасения, не придется ли откладывать казнь из-за отключения электричества. Никто из них, похоже, не знал, что Старая Замыкалка работает от автономного генератора и помешать представлению может только прямое попадание молнии. На этот раз в щитовую отрядили Гарри, поэтому он, Билл Додж и Перси Уэтмор по совместительству стали капельдинерами, показывали приглашенным их место, вежливо спрашивали, не принести ли им стакан прохладительного напитка или воды. Присутствовали две женщины: сестра девушки, которую изнасиловал и убил Делакруа, и мать мужчины, погибшего в огне, — крупная, дебелая, решительно настроенная дама. Она надеется, заявила эта дама Гарри Тервиллигеру, что тот, кто должен сегодня умереть, дрожит от страха, зная, какая его ждет судьба, ибо костры ада разожжены и дьявол уже раскрыл ему свои объятия. А потом она внезапно разрыдалась и уткнулась в огромный, с наволочку, носовой платок.

Гром, раскаты которого не могла заглушить металлическая крыша, гремел все сильнее и ближе. Люди переглядывались, чувствуя себя не в своей тарелке. Мужчины, все при галстуках, не слишком уместных в столь поздний час, вытирали потные лица. Кладовая за день накалилась, как печь. И, разумеется, они старались не смотреть на Старую Замыкалку. Возможно, раньше они и отпускали на сей предмет шуточки, но к половине двенадцатого все это осталось в прошлом. Понятно, конечно, что приговоренным к смерти, которым предстоит сесть на этот дубовый стул, не до смеха, но не только у них сползает с лица улыбка, когда подходит время казни. Не очень-то легко смотреть на человека, сидящего на возвышении с привязанными к

стулу руками и ногами. Так что свидетели по большей части молчали, а когда грянул особенно громкий раскат грома, сестра жертвы Делакруа даже вскрикнула. Последним занял свое место Кертис Андерсон, замещавший начальника тюрьмы Мурса.

В половине двенадцатого я подошел в камере Делакруа в сопровождении Зверюги и Дина. Дел сидел на койке, Мистер Джинглес — у него на колене. Мышонек тянулся головой к лицу приговоренного, его маленькие глазки-бусинки смотрели в одну точку. Делакруа гладил головку Мистера Джинглеса между ушами. Крупные слезы катились по лицу Дела, и именно от них не отрывал взгляда Мистер Джинглес. Дел вскинул голову на звук наших шагов. Бледный как мел. Я скорее почувствовал, чем увидел, что Джон Коффи стоит у решетки своей камеры.

Дел скривился, когда ключи заскрежетали в одном, а потом и во втором замке, но сдержался, продолжая поглаживать головку Мистера Джинглеса. Отомкнув замки, я откатил дверь в сторону.

— Привет, босс Эджкомб, — поздоровался Дел. — Привет, парни. Скажи привет, Мистер Джинглес. Но Мистер Джинглес продолжал пристально вглядываться в лицо невысокого лысоватого мужчины, словно пытаясь понять, отчего по его щекам катятся слезы. Раскрашенная катушка лежала в коробке из-под сигар. Она положена туда в последний раз, подумал я, и у меня защемило сердце.

— Эдуард Делакруа, как сотрудник суда...

— Босс Эджкомб?

Я хотел было продолжить, но в последний момент передумал.

— Чего тебе, Дел?

Он протянул мне мышонка.

— Возьмите. Позаботьтесь о Мистере Джинглесе.

— Дел, не думаю, что он пойдет ко мне. Он...

— Mais oui*, он говорит, что пойдет. Он говорит, что все знает о вас, босс Эджкомб, и вы отвезете его в то место во Флориде, где мыши показывают разные трюки. Он говорит, что доверяет вам. — Делакруа еще выше поднял руку, и будь я проклят, если мышонкок не прыгнул с его ладони мне на плечо. Такой легонький, что его веса я не почувствовал. А вот жар его маленького тельца прошел сквозь ткань униформы. — Босс, не давайте его в обиду. Не позволяйте никому причинить вред моей мышке.

— Не волнуйся, Дел. Не позволю. — Но думал я о другом: что же мне сейчас делать с Мистером Джинглесом? Не мог же я ввести Делакруа в кладовую, где сидели десятки людей, с мышонком на плече.

— Я его подержу, босс, — пророкотал голос за моей спиной. Голос Джона Коффи. А раздался он сразу же после моего невысказанного вопроса, словно Коффи отвечал на него, прочитав мои мысли. — Пока. Если Дел не возражает.

Делакруа облегченно кивнул.

— Да, пусть он побудет у тебя, Джон, пока не закончится эта суета. А потом... — Его взгляд вернулся ко мне и Зверюге. — Вы отвезете его во Флориду. В этот Маусвилл.

— Да, скорее всего мы с Полом повезем его вместе. — Произнося эти слова, Зверюга наблюдал, как Мистер Джинглес перебирается с моего плеча на протянутую руку Джона Коффи. Прodelал он все это добровольно, не боясь, безо всякого принуждения, точно так же, как перешел с руки Делакруа на мое плечо. — Используем часть отпуска. Правда, Пол?

Я кивнул. Кивнул и Делакруа, его глаза блеснули, а по лицу пробежала тень улыбки.

— Люди будут платить по десятицентовику, чтобы посмотреть на него. Дети — по два цента. Так, босс Хоуэлл?

* Конечно (фр.).

— Совершенно верно, Дел.

— Вы хороший человек, босс Хоуэлл. Вы тоже, босс Эджкомб. Вы иногда на меня кричите, но лишь в случае крайней необходимости. Вы все хорошие люди, за исключением этого Перси. Жаль, что я не встретился с вами в другом месте. Не здесь и не сейчас.

— Я должен тебе кое-что сказать, — повернул я разговор в нужное русло. — Перед тем как мы выйдем из камеры. Ничего особенного, но это часть моей работы. Ты готов?

— Oui, monsieur. — Делакруа посмотрел на Мистера Джинглеса, устроившегося на широком плече Джона Коффи. — Au revour, mon ami. — Слезы показались еще быстрее. — Je t'aime, mon petit*. — И он послал мышке воздушный поцелуй. Нелепый, может, даже гротескный. В другой ситуации, возможно, но здесь вполне уместный. Я взглянул на Дина, но тут же отвел глаза. Дин смотрел в сторону изолятора и как-то странно улыбался. Я понял, что он вот-вот заплачет. Что же касается меня, то я пробубнил положенное (насчет сотрудника суда и прочего), после чего Делакруа в последний раз вышел из камеры.

— Одну секунду, босс, — остановил меня Зверюга и проинспектировал макушку Делакруа, после чего удовлетворенно кивнул и хлопнул Делакруа по плечу. — Все лишнее сбрили. В путь.

И Эдуард Делакруа в последний раз прошагал по Зеленой миле, с потеками пота и слез на щеках, под раскаты грома. Зверюга шел слева от осужденного, я — справа, Дин — сзади.

Шустер ждал в моем кабинете, тут же стояли надзиратели Рингголд и Бэттл. Шустер посмотрел на Дела, улыбнулся, затем обратился к нему по-французски. Мне показалось, что священник сильно коверкает слова, но родной язык подействовал магически. Дел улыбнулся в ответ, подошел к Шустеру, обнял, прижал к

* Да, месье. Прощай, дружок. Я люблю тебя, милый (фр.).

груди. Рингголд и Бэттл шагнули вперед, чтобы оторвать осужденного от священника, но я остановил их взмахом руки.

Шустер выслушал французский монолог Дела, перемежаемый всхлипываниями, кивнул, словно все понял, в свою очередь похлопал его по спине и взглянул на меня через его плечо.

— Я не понимаю и четверти того, что он говорит.

— Не думаю, что это имеет хоть какое-то значение, — буркнул Зверюга.

— Полностью с вами согласен, сын мой, — с улыбкой ответил Шустер.

Из всех священников, что перебивали в блоке Е, он был лучшим, и только сейчас до меня дошло, что я понятия не имею, как сложился его жизненный путь. Надеюсь, несмотря ни на что, он сохранил свою веру.

Шустер вместе с Делакруа опустился на колени, затем сложил руки перед собой. Делакруа последовал его примеру.

— *Not' Pere, que etes aux cieux**, — затянул Шустер, и Делакруа присоединился к нему в молитве. Они произнесли ее по-французски, закончив, как положено: *«Mais delivres du mal, ainsi soit-il»***. К тому времени слезы Дела высохли, он заметно успокоился. Затем последовало несколько строф по-английски, после чего Шустер хотел подняться, но Делакруа удержал его, что-то сказав по-французски. Шустер выслушал, нахмурился. Дел добавил еще пару фраз и с надеждой воззрился на священника.

Шустер повернулся ко мне.

— Он хочет произнести еще одну молитву, с которой я не могу ему помочь, не являясь католиком. Ничего?

Я взглянул на настенные часы. До полуночи еще семнадцать минут.

* Отче наш, иже еси на небеси (фр.).

** Освободи нас от зла, и да будет так (фр.).

— Хорошо, но пусть поторапливается. Нам нельзя выбиваться из графика, знаете ли.

— Не волнуйтесь.

Шустер повернулся к Делу, кивнул.

Дел закрыл глаза, но ни слова не сорвалось с его уст. Брови его сошлись у переносицы, и я понял, что он роется в памяти, силясь отыскать то, что хранилось там без дела много лет. Я вновь взглянул на часы, хотел уже сказать, что нам пора, но Зверюга дернул меня за рукав и покачал головой.

И тут Дел заговорил, быстро, напевно, и французский его звучал нежно и чувственно:

— Marie! Je vous salue, Marie, oui, pleine de grace; Le Seigneur est avec vous; vous etes benie toutes les femmes, et mon cher Jesus, le fruit de vos entrailles, est beni*. — Он снова плакал, но, думаю, не замечал этого. — Sainte Marie, O ma mere, Mere de Dieu, priez pour moi, priez pour nous, pauvres pecheurs, maintenant et a l'heure... L'heure de notre mort. L'heure de mon mort**. — Он глубоко вдохнул. — Ainsi soit-il*** Молния полыхнула в окно бело-голубым светом, когда Делакруа поднимался с колен. Все подпрыгнули или вздрогнули от неожиданности, за исключением Делакруа, все еще погруженного в древнюю молитву. Он вытянул перед собой руку, не глядя, не зная, к чему она прикоснется. Сделав шаг вперед, Зверюга пожал руку Делакруа. Тот посмотрел на него и чуть улыбнулся.

* Мария! Я обращаюсь к тебе, Мария наша милосердная, да пребудет Господь с тобою, ты, благословенная среди женщин, и мой дорогой Иисус, плод твоего благословенного чрева (фр.).

** Святая Мария, о мать моя, Мария, мать Бога моего, молись за меня, молись за нас, грешников, ныне и присно... и в час нашей смерти. И в час моей смерти (фр.).

*** Да будет так (фр.).

— Nous...* — начал он, замолчал и перешел на английский. — Теперь мы можем идти, босс Хоуэлл, босс Эджкомб. С Богом я договорился.

— Это хорошо, — отозвался я, гадая, что будет думать Делакруа о договоре с Богом через двадцать минут, после экзекуции. Мне оставалось лишь надеяться, что его последнюю молитву слышали, и Пресвятая Дева Мария молится за него всей душой и сердцем, потому что Эдуард Делакруа, насильник и убийца, мог рассчитывать только на Ее заступничество. А за окном вновь громыхнуло. — Пошли, Дел... Осталось немного.

— Хорошо, босс, это хорошо. Потому что я больше не боюсь. — Говорил он одно, да вот в глазах я читал другое: боялся он, и тут ему не могли помочь ни наш Создатель, ни Дева Мария. Они все боялись, когда подходили к краю зеленого ковра, чтобы нырнуть в низкую дверь.

— Остановись внизу, — шепотом предупредил я Дела, когда мы входили в кладовую, но мог бы этого не говорить. Он остановился, спустившись с последней ступени, просто остолбенел, увидев стоящего на возвышении Перси Уэтмора с ведром с губкой у одной ноги и телефонным аппаратом, напрямую соединенным с кабинетом губернатора, на уровне правого плеча.

— Нет! — в ужасе выдохнул Дел. — Нет, нет, только не он!

— Иди, — легонько подтолкнул его Зверюга. — Смотри только на меня и Пола. Забудь, что он здесь. — Но...

Люди уже начали оборачиваться на нас, но я чуть развернулся и ухватил Делакруа за левый локоть так, что этого никто не видел.

— Возьми себя в руки, — говорил я, не размыкая губ, так что слышали меня только Дел и, возможно, Зверюга. — Большинство этих людей запомнит толь-

* Мы... (фр.)

ко одно: как ты держался. Предстань перед ними в лучшем виде.

Тут гроыхнуло от души, так, что завибрировала металлическая крыша кладовой. Перси подпрыгнул, словно кто-то пощекотал его, а Дел пренебрежительно хохотнул.

— Грохнет чуть громче, так он опять надует в штаны. — Дел расправил плечи (было б что расправлять). — Пошли. Покончим с этим.

Мы направились к возвышению. Делакруа нервно поглядывал на свидетелей, их собралось человек двадцать пять. Мы, Зверюга, Дин и я, смотрели на Старую Замыкалку. Ничего необычного я не заметил. Бросил вопросительный взгляд на Перси, а тот скорчил гримасу, как бы говоря: «Вас интересует, все ли в порядке? Естественно, все».

Оставалось лишь надеяться, что так оно и есть.

Зверюга и я автоматически поддерживали Делакруа под локти, когда тот поднимался на возвышение. От пола оно отстояло всего на восемь дюймов, но многие из приговоренных, даже самые крепкие, бывало, не могли взять без посторонней помощи эту последнюю в их жизни высоту.

Дел, однако, взял. На мгновение замер перед стулом (Перси он полностью игнорировал), а потом говорил, словно представляясь: «*C'est moi*»*. Перси потянулся к нему, но Делакруа повернулся и сел сам. Я опустился на колено у его левой ноги, Зверюга — у правой. Принял предписанные инструкцией меры (я о них уже упоминал), дабы защитить промежность и шею, охватил хомутом ногу Дела. Вновь гроыхнуло, и теперь уже подпрыгнул я. Глаза заливало едким потом. Почему-то я думал о Маусвилле, куда взрослых пускают за десятицентовик, а детей — за два цента. Тех, кто хочет посмотреть на Мистера Джинглеса через плексигласовое стекло.

* Вот и я (фр.).

Хомут никак не застегивался. Воздух со свистом вырывался из легких Дела, которым через четыре минуты предстояло превратиться в два обугленных мешка. В этот момент как-то забылось, что он убил полдюжины человек.

Дин наклонился ко мне и прошептал:

— Что с тобой, Пол?

— Я не могу... — И тут замок защелкнулся, наверное, прищемив кожу на ноге Дела, потому что тот зашипел от боли. — Извини, — вырвалось у меня.

— Все нормально, босс, — ответил Дел. — Если и поболит, то недолго.

У Зверюги хомут был массивнее из-за встроенного в него электрода, времени на то, чтобы закрыть замок, всегда уходило больше, так что на этот раз мы поднялись практически синхронно. Дин закрепил левую руку Дела, Перси — правую. Я приготовился помочь Перси, но он справился с замком лучше моего. Я видел, что Дел дрожит всем телом, словно через него уже пропускают ток малой мощности. До моих ноздрей долетел и запах его пота. Сильный и резкий, такой иной раз идет от рассола.

Дин кивнул Перси. Тот обернулся через плечо, я увидел свежий порез от бритвы на его челюсти и тихо, но твердо произнес:

— Позиция один.

Послышалось гудение (точно так же гудит старый холодильник, если не срабатывает реле), и лампы в кладовой вспыхнули ярче. Дел дернулся. Руки его сжали края подлокотников с такой силой, что побелели костяшки пальцев, глаза бегали из стороны в сторону, дыхание участилось.

— Спокойно, — прошептал Зверюга. — Спокойно, Дел. Держись, пока все хорошо.

«Эй, парни! — звенело у меня в ушах. — Подойдите и посмотрите, что выделяет Мистер Джинглес». А над головой опять гроыхнуло.

Перси с важным видом выступил вперед. Свершилось, наконец-то он оказался в центре внимания, все взгляды сосредоточились на нем. Все, кроме одного. Делакруа, увидев, кто стоит перед ним, уставился на свои колени. Я мог бы поспорить на последний доллар, что Перси сойдет и не сможет сказать то, что полагается, но он произнес положенную речь без единой запинки на удивление ровным и спокойным голосом.

— Эдуард Делакруа, вы приговорены к смерти на электрическом стуле, приговор вынесен присяжными и утвержден судьей. Господи, спаси народ нашего штата. Вы хотите что-нибудь сказать перед тем, как приговор будет приведен в исполнение?

Дел попытался, но сначала с его губ слетали лишь бессвязные звуки. Перси презрительно усмехнулся, и я едва сдержался, так мне хотелось его пристрелить. Дел, однако, совладал с нервами и заговорил:

— Я сожалею о том, что сделал. Я отдал бы все, чтобы повернуть часы назад, но это невозможно. Так что теперь... — Гром над головой прогремел с такой силой, словно рядом взорвалась бочка пороха. Дел подпрыгнул, насколько позволяли хомуты, глаза его ярко блестели на мокром от слез лице. — Так что теперь я должен заплатить за содеянное. Да простит меня Бог. — Он облизнул губы и посмотрел на Зверюгу. — Не забудьте ваше обещание насчет Мистера Джингlesa, — шепотом, уже только для нас, добавил он.

— Не волнуйся, не забудем. — Я похлопал Дела по холодной как лед руке. — Он отправится в Маусвилл...

— Черта с два, — оборвал меня Перси. Он закреплял ремень на груди Делакруа и говорил уголком рта, не двигая губами. — Нет такого места. Это сказочка, придуманная для того, чтобы ты сидел тихо. Тебе следует знать об этом, гомик.

Страдание, застывшее в глазах Делакруа, подсказало мне, что он, конечно, догадывался об этом... но оставил бы эти мысли при себе, если б не Перси. Я яростно уставился на него, а он ответил мне холодным взглядом, как бы спрашивая, ну и что же я собираюсь делать. Перси, конечно, держал меня за горло. Ничего я не мог сделать. Во всяком случае, в этот момент, на глазах двадцати пяти свидетелей и с Делакруа, которому через несколько мгновений предстояло перейти в мир иной. Не оставалось ничего другого, как продолжать.

Перси взял с крюка мешок-маску и натянул на голову Дела, оставив одну выбритую макушку. Теперь следовало достать губку и уложить ее в колпак, и вот тут Перси впервые отступил от заведенного порядка: вместо того чтобы наклониться и достать из ведра губку, он взял колпак, висевший на спинке электрического стула, и наклонился уже с ним. Другими словами, вместо того чтобы поднести губку к колпаку, что выглядело более логичным, он поднес колпак к губке. Я слишком расстроился, чтобы обратить на это внимание и тут же понять: что-то не так. Пожалуй, то была единственная казнь, когда ситуация полностью вышла у меня из-под контроля. А Зверюга, так тот просто не желал смотреть на Перси. Наклонившись над ведром, Перси развернулся так, чтобы мы и не могли видеть, что он там творит, потом выпрямился с колпаком и торчащим из-под него краем губки. Зверюга теперь смотрел на черную материю, облегающую лицо Дела. Тот широко открыл рот, жадно хватая воздух. На лбу Зверюги, на висках выступили большие капли пота. Такого на экзекуции я за ним не замечал. И Дин стоял какой-то посеревший, словно его мутило и он думал только о том, как бы не расстаться с ужином. Теперь-то я знаю, в чем причина: мы все чувствовали — что-то не так. Да только не могли определить, что именно. Никто из нас не знал тогда о

вопросах, которые Перси задавал Джеку ван Хэю. Задавал он их много, я думаю, главным образом для того, чтобы среди них затерялись ключевые. А интересовало Перси, я в этом уверен на все сто процентов, только одно — губка. Предназначение губки. Почему ее замачивают в соляном растворе... и что произойдет, если ее не замочить.

Что произойдет, если губка останется сухой.

Перси нахлобучил колпак на голову Дела. Маленький француз подпрыгнул и громко застонал. Некоторые свидетели заерзали на стульях. Дин шагнул вперед, чтобы помочь с ремешком, но Перси коротким взглядом остановил его. Дин подчинился, и тут же прогремел очередной раскат грома. По крыше забарабанили первые капли дождя.словно кто-то начал швырять горсти камней и жестяной таз. Перси сам закрепил ремешок под подбородком Делакура.

Вы, разумеется, слышали, как люди, рассказывая о чем-то ужасном, случившемся на их глазах, говорят: «У меня кровь застыла в жилах». Естественно. Все мы слышали. Но лично со мной такое произошло лишь единожды, в ту самую октябрьскую грозовую ночь, примерно через десять секунд после полуночи. И вызвала это ощущение не торжествующая физиономия Перси, когда тот отходил от сжавшейся на Старой Замыкалке фигуры в маске, в колпаке, с привязанными руками и ногами. Причина заключалась в другом: я не заметил того, что следовало заметить. По щекам Дела из-под колпака не лилась вода. Вот тут я все понял.

— Эдуард Делакура, — вещал Перси, — электрический ток будет проходить через ваше тело, пока вы не умрете, согласно законам этого штата.

Я посмотрел на Зверюгу. Сердце мое схватило с такой силой, что боль, вызванная урологической инфекцией, я бы почел за счастье. ГУБКА СУХАЯ! Вроде бы я произнес эти слова, но он меня не услышал,

покачал головой, показывая, что не понимает, и вновь повернулся к Делакруа.

Я протянул руку, чтобы схватить Перси за локоть, но тот подался назад, одарив меня коротким взглядом. Очень коротким, но сказавшим мне все. Потом он лгал или говорил лишь часть правды, пусть и убедительно, во всяком случае, ответственные лица ему поверили, но я знал истину. Если Перси что-то интересовало, он становился отличным учеником, впитывая каждую крупицу знаний. И он слушал внимательно, когда Джек ван Хэй рассказывал, как пропитанная соляным раствором губка словно собирает электрический ток, направляя его в мозг на манер электрической пули. Да, Перси отдавал себе полный отчет в том, что делал. Пожалуй, я поверил ему, когда он сказал, что и представить себе не мог, как далеко все пойдет, но в том, что губку он не смочил сознательно, сомнений у меня нет. Однако что я мог поделать, кроме как крикнуть Джеку ван Хэю: «Не поворачивай рубильник!» В присутствии исполняющего обязанности начальника тюрьмы и двадцати пяти свидетелей. Я бы и крикнул, если бы Перси дал мне еще пять секунд, но Перси мне их не дал.

— Да помилует Бог вашу душу, — бросил он замершему от страха Делакруа и повернулся к забранному сеткой окну, за которым стояли Гарри и Джек. Последний положил руку на рубильник, называемый феном старушки Мабел. Доктор стоял справа от окна, уставившись на черный саквояж, лежащий у его ног. — Позиция два!

В первые мгновения не произошло ничего необычного: гудение стало громче, тело Дела прижало к ремням.

А потом все пошло наперекосяк.

Устойчивость гудения нарушилась, появились какие-то провалы. Добавился хруст, словно кто-то мял целлофан. Появился отвратительный запах. Я не по-

нял, не понял, что горят волосы и губка, пока не увидел синие струйки дыма, которые поползли из-под колпака. Шел дым и через дыру в верхней части колпака, где к нему присоединялся провод. Точно так же выходит дым из индейского вигвама.

На электрическом стуле Делакура начал извиваться и дергаться, его закрытое маской лицо моталось из стороны в сторону. Ноги поднимались и опускались, как поршни двигателя, вырываясь из хомутов. Над головой гремел гром, дождь все сильнее барабанил по крыше.

Я посмотрел на Дина Стэнтона, он ответил мне диким взглядом. Под колпаком что-то хлопнуло — так лопаются сосновые шишки, брошенные в разожженный костер, дым уже просачивался сквозь маску.

Я бросился вперед, к забранному сеткой окошку, которое отделяло нас от щитовой, но Брут Хоуэлл схватил меня за локоть и сжал пальцы с такой силой, что моя рука онемела. Лицо его побелело как полотно, но не от паники. Он-то как раз полностью сохранял самообладание.

— Не останавливай Джека, — шепнул Зверюга. — Делай что угодно, только не останавливай Джека. Поздно.

Когда Делакура начал кричать, свидетели поначалу не услышали его. Дождь отплясывал на крыше бешеный танец, непрерывно гремел гром. Но мы, стоявшие на платформе, слышали, слышали все вопли боли, доносящиеся из-под маски, крики животного, пойманного в огненную западню.

Гудение, идущее от колпака, то и дело обрывалось странными звуками, напоминающими радиопомехи. Делакура бился на стуле как рыба об лед, с такой силой наваливаясь на ремень, что тот едва не лопался. Все возвышение, на котором стоял электрический стул, ходило ходуном. И электрический ток, похоже, прошибал то одну часть его тела, то другую. Я услышал,

как хрястнула кость в его правом плече, словно по деревянному ящику ударили кувалдой. Промежность его штанов, пребывающая в непрерывном движении (ноги-то, как поршни, ходили взад-вперед), потемнела. Вот тут он завопил так, что его короткие пронзительные вопли перекрыли шум дождя и раскаты грома.

— Что с ним происходит? — воскликнул кто-то из свидетелей.

— А выдержат ли хомуты?

— Господи, ну и запах! Фу!

— Такое случается всегда? — поинтересовался женский голос.

Делакруа бросало вперед, откидывало назад, вновь кидало на ремень, и снова он отлетал на спинку электрического стула. Перси смотрел на него с отвисшей от ужаса челюстью. Он, разумеется, чего-то ждал, но только не такого.

Маска вспыхнула на лице Делакруа. К запаху горящих волос и губки присоединился запах горячей плоти. Зверюга схватил ведро, в котором лежала губка, естественно, пустое, и бросился к раковине в углу.

— Не выключить ли мне ток, Пол? — крикнул ван Хэй через сетку окна. Голос его дрожал. — Не следует...

— Нет! — оборвал его я. Зверюга сразу все понял, до меня дошло чуть позже: мы должны довести экзекуцию до конца. Как бы все это ни отразилось на дальнейшей жизни каждого из нас, от нас требовалось одно: покончить с Делакруа. — Не выключай ток! Ради Бога, не выключай!

Я повернулся к Зверюге, не обращая внимания на свидетелей. Кто-то из них поднялся, некоторые кричали.

— Прекрати! — проорал я ему. — Никакой воды! Никакой воды! Ты рехнулся?

Зверюга повернулся ко мне, и тут у него, видимо, прочистились мозги. Полить водой человека, находя-

щегося под током. Да уж. Превосходная идея. Зверюга огляделся, увидел химический огнетушитель, висевший на стене, и схватил его. Молодец!

Тем временем маска свалилась с Делакруа, открыв лицо, ставшее более черным, чем у Джона Коффи. Глаза, теперь бесформенные шары белого желе, выскочили из орбит и лежали на щеках. Брови и ресницы исчезли, начали гореть веки. Дым поднимался из открытого выреза рубашки. А электрический ток гудел и гудел, перемежаясь треском помех.

Дин двинулся к Старой Замыкалке, как мне показалось, чтобы руками сбить огонь с рубашки Дела. Я так дернул его, что едва не сшиб с ног: коснуться в такой момент Дела — все равно что взяться за оголенный провод.

Я не поворачивался, чтобы не видеть, что творится за нашими спинами, по доносящимся крикам чувствовалось, что там разверзся ад. Падали стулья, люди орали, женский голос визжал:

— Остановите это, остановите, разве вы не видите, что с него хватит?

Кертис Андерсон схватил меня за плечо, спрашивая, что происходит, что происходит, черт побери, почему я не даю команду отключить ток.

— Потому что не могу, — ответил я. — Мы зашли слишком далеко, чтобы останавливаться на полпути, неужели это не ясно? Все будет кончено через несколько секунд.

Но прошло две минуты, прежде чем все закончилось, две самые длинные минуты в моей жизни, большую часть которых, как мне показалось, Делакруа оставался в сознании. Он вопил и дергался. Дым вырывался из его рта и ноздрей, губы стали фиолетовыми, как зрелая слива. Дым поднимался с языка, как он поднимается с раскаленной сковородки, на которую налито масло. Все пуговицы на рубашке сгорели или оплавилась. Майка не загорелась, но обуглилась, и дым просачи-

вался сквозь нее: горели волосы на груди. За нашими спинами люди бросились к двери. Открыть ее они не смогли (все-таки это тюрьма), поэтому сгрудились возле нее, ожидая, пока Делакруа окончательно прожарится («Меня поджаривают! — кричал старик Два Зуба, когда мы репетировали казнь Арлена Биттербака. — Поджаривают! Индейка уже готова!»), а над кладовой яростно бушевала гроза, гремел гром, потоки дождя обрушивались на металлическую крышу.

В какой-то момент я вспомнил о докторе и поискал его взглядом. Нашел на том же месте, лежащим на полу около черного саквояжа. Он лишился чувств.

Подошел Зверюга и встал рядом со мной с огнетушителем в руках.

— Рано, — шепнул я.

— Знаю, — ответил он.

Мы поискали взглядом Перси и обнаружили его за Старой Замыкалкой, остолбеневшего, с огромными, как площадки, глазами и рукой, прижатой ко рту.

Наконец Делакруа тяжело осел, голова упала на плечо. Тело его еще подрагивало, но такое мы видели и раньше: эффект проходящего по нему тока. Колпак надвинулся на ставшее бесформенным лицо, а когда мы сняли его несколько минут спустя, он прихватил с собой скальп Делакруа с остатками волос: все это буквально приварилось к металлу.

Тридцать секунд подрагивало обуглившееся тело, прежде чем я крикнул Джеку:

— Выключи ток!

Гудение тут же прекратилось, и я кивнул Зверюге.

Он сунул огнетушитель в руки Перси, да с такой силой, что тот чуть не свалился с возвышения.

— Держи, — злобно бросил Зверюга. — Ведь это же ты у нас сегодня выводящий.

Негнушимися пальцами Перси подготовил огнетушитель к работе и направил струю белой пены на

человека на стуле. Я увидел, как один раз дернулась нога Дела, когда пена окутала его лицо, и подумал: «О нет, неужели придется вновь включать ток?» Но ноги больше не дергались.

Андерсон уже повернулся к запаниковавшим свидетелям и убеждал их, что все в порядке, ситуация под контролем, сбой произошел исключительно из-за воздействия атмосферного электричества, так что волноваться не о чем. Оставалось только сказать им, что накатывающийся на них запах — дьявольская смесь горящих волос, жарящегося мяса и варящегося дерьма — аромат «шанель номер пять».

— Принеси стетоскоп дока, — приказал я Дину, когда огнетушитель опустел и горьковатый запах пены заглушил идущую от тела вонь.

— Док... может...

— Дока не трогай, просто принеси стетоскоп, — оборвал его я. — Надо поскорее с этим покончить... убрать его отсюда.

Дин кивнул. Думал-то он о том же. Как бы поскорее закончить экзекуцию и выволочь тело Делакура. Дин наклонился над черным саквояжем, раскрыл его и сунул туда руку. Док начал подавать признаки жизни. Удар его не хватил, до инфаркта тоже дело не дошло. Я понял, что для доктора худшее позади. А вот взгляд Зверюги, брошенный на Перси, не сулил тому ничего хорошего.

— Иди в тоннель, — приказал я ему, — и жди у тележки.

Перси шумно сглотнул.

— Пол, послушайте. Я не знал...

— Заткнись. Иди в тоннель и жди у тележки. Вон отсюда.

Он вновь сглотнул слюну, скорчил гримасу, словно обиделся, повернулся и зашагал к двери, ведущей к лестнице и в тоннель. Пустой огнетушитель он прижимал к груди, как ребенка. Дин принес стетоскоп.

Мне приходилось пользоваться им в армии, поэтому я полагал, что справлюсь и на этот раз.

Я смахнул пену с груди Делакруа... и с трудом подавил приступ тошноты: кожа сошла вместе с пенью, легко отделившись от мышц, точно так же, как... вы знаете, отделяется кожа от запеченной в духовке индейки.

— О Боже! — раздался за спиной незнакомый мне, срывающийся на рыдания голос. — Неужели так бывает всегда? Почему меня никто не предупредил? Я бы ни за что не пришел!

Теперь уже поздно об этом сожалеть, подумал я.

— Выведите его отсюда, — приказал я Дину, или Зверюге, или кому-то еще, кто меня слышал, после того как совладал со своим организмом и убедился, что смогу говорить, не вывалив содержимое желудка на дымящиеся колени Делакруа. — Выведите их всех.

Потом, собрав волю в кулак, я приложил мембрану стетоскопа к ярко-красному пятну на груди Дела. Вслушался, моля Бога, чтобы ничего не услышать, и не услышал.

— Он мертв, — вынес я окончательный диагноз.

— Слава Богу, — выдохнул Зверюга.

— Да, слава Богу. Иди с Дином за носилками. А мы пока отцепим его. Надо его уносить, да побыстрее.

Глава 5

Мы снесли тело по двенадцати ступеням и положили на тележку. Я-то опасался, что мясо просто свалится с костей, в ушах все стояли слова старика Два Зуба о готовой индейке, но, разумеется, этого не произошло.

Кертис Андерсон все еще успокаивал наверху свидетелей, во всяком случае, пытался, и Зверюге в

этом смысле повезло, потому что Андерсон не увидел, как Зверюга шагнул к Перси и занес руку, чтобы врезать ему от всей души. Я перехватил эту руку, и тут повезло им обоим. Перси — потому что ударил бы Зверюга в полную силу, Зверюге — потому что за этот удар он мог вылететь с работы, а то и загреметь в тюрьму.

— Нет, — осадил его я.

— Что значит нет? — яростно воззрился он на меня. — Как ты можешь говорить нет? Ты видел, что он натворил! И что ты мне теперь говоришь? Неужели и тут его защитят связи? После того, что он сделал?

— Да.

Зверюга злобно смотрел на меня.

— Послушай меня, Брут. Если ты его сейчас прибьешь, нас всех скорее всего выгонят. Тебя, меня, Дина, Гарри, может, даже ван Хэя. Кто-то еще передвинется на ступеньку-другую вверх, начиная с Билла Доджа, администрация тюрьмы наймет в надзиратели трех-четыре безработных. Ты, возможно, это переживешь, а вот он... — Я указал на Дина, который смотрел в темный тоннель, в глубине которого капала вода. — Что будет с ним? У него двое детей, один в средней школе, другой только пошел учиться.

— Неужели мы ему это спустим? — не унимался Зверюга.

— Я не знал, что губку нужно намочить, — подал голос Перси. Эту отговорку он придумал заранее, не представляя себе, к каким последствиям приведет его желание чуть помучить Делакруа. — На репетиции ее не мочили.

— Ах ты подонок... — Кулак Зверюги снова начал подниматься, но я опять перехватил его руку. На лестнице слышались шаги. Я повернул голову, опасаясь, что увижу Кертиса Андерсона, но к нам спешил Гарри Тервиллигер. Бледный, с синюшными губами, словно ел чернику.

Я вновь сосредоточился на Зверюге.

— Ради Бога, Зверюга, Делакруа мертв, тут ничего не изменишь, а Перси просто недостойн того, чтобы ты марал об него руки.

Неужели уже тогда в моей голове зрел план, об осуществлении которого еще пойдет речь? Интересный вопрос, знаете ли. Много лет я пытался ответить на него, но без особого результата. Впрочем, так ли это важно? Многое вроде бы не имеет особого значения, но человек тем не менее часто задумывается о мелочах.

— Вы, парни, говорите обо мне так, словно я дубина стоеросовая, — вмешался Перси. Слова давались ему с трудом, словно кто-то врезал ему под дых и он только-только обрел способность дышать.

— Ты и есть дубина, Перси.

— Послушайте, вы не имеете права...

Теперь уже я с величайшим трудом подавил желание врезать ему. Вода все капала. Наши гигантские тени металась по стенам, словно в истории Эдгара По о большой обезьяне. Даже в тоннеле слышались, пусть и приглушенные, раскаты грома.

— От тебя, Перси, я хочу услышать только одно: подтверждение обещания завтра же уехать в Брейр-Ридж.

— Об этом можете не волноваться. — Он бросил взгляд на тело, укрытое простыней, и отвел глаза.

— Пожалуй, это наилучший вариант, — вступил в разговор Гарри. — Иначе тебе, возможно, придется поближе познакомиться с Диким Биллом Уэртоном. — Театральная пауза. — Уж мы об этом позаботимся.

Перси нас боялся (особенно боялся того, что мы с ним можем сделать, узнав о его разговоре с Джеком ван Хэем, о вопросах, касающихся предназначения губки и необходимости использования соляного раствора), но упоминание об Уэртоне просто повергло его в ужас. Он помнил, как Уэртон держал его за горло, ерошил волосы, целовал в ухо.

— Вы не посмеете, — прошептал Перси.

— Будь уверен, — возразил Гарри. — И знаешь, что я тебе скажу? Мне за это ничего не будет. Ведь все знают, что ты слишком неосторожен, когда дело касается заключенных. Опять же, ты неумеха.

Кулаки Перси сжались, щеки зарумянились.

— Я не...

— Именно неумеха, — присоединился к нам Дин. Мы взяли Перси в полукруг, отрезав даже от тоннеля: позади стояла тележка с дымящейся плотью, прикрытой простыней. — Ты только что заживо сжег Делакруа. Как же нам тебя называть?

Глаза Перси блеснули. Он-то рассчитывал прикрыться тем, что чего-то не знал, а угодил в яму, которую сам и вырыл. Ответа его мы не услышали, так как по лестнице сбежал Кертис Андерсон. Услышав его шаги, мы чуть раздвинулись, чтобы наша с Перси стычка осталась для Андерсона незамеченной.

— Что это все значит? — ревел Андерсон. — Святой Боже, весь пол в пене. А запах! Я велел Магнуссону и старику Два Зуба открыть обе двери, но запах не выветрится и за пять лет, готов поспорить на что угодно. А говнюк Уэртон знай себе поет! Я отсюда его слышу!

— Так по-вашему, у него музыкальный слух, мистер Андерсон? — спросил Зверюга.

Вы, наверное, знаете, что удачно брошенная реплика может разрядить накалившуюся обстановку. Так и случилось. На мгновение мы вытаращились на Зверюгу, а потом загоготали. Наши тени заматались по стенам. В конце концов к нам присоединился и Перси. Когда же смех стих, нам всем заметно полегчало. По крайней мере мы вновь обрели способность руководствоваться в своих действиях здравым смыслом.

— Ладно, парни. — Андерсон вытер платком выступившие от смеха слезы, не удержался и хохотнул напоследок. — Так что произошло?

— Имела место быть экзекуция, — ответил Зверюга. Думаю, его ровный тон удивил Андерсона. Но не меня. Я знал, что Зверюга особенно хорош в критические моменты. — Успешная экзекуция.

— Знаешь, дружище, с тем же успехом аборт можно назвать успешными родами. Да некоторые наши свидетели не уснут с месяц. А толстая старуха не сомкнет глаз целый год!

Зверюга указал на тело, лежащее под простыней на тележке.

— Он мертв, так ведь? Большинство же свидетелей уже сегодня вечером будут рассказывать друзьям о торжестве справедливости: Дел сжег заживо полдюжины людей, вот и мы сожгли его заживо. Только в их изложении наша роль будет заметно принижена. Они скажут, что реализовалась воля Божья, а мы были лишь простыми исполнителями. Может, в этом и есть доля истины. Но знаете, чем особенно хороша эта экзекуция? Вы не поверите. Большинство друзей этих свидетелей будут завидовать им черной завистью, потому что не увидели всего этого сами. — И он презрительно глянул на Перси.

— А если им и пришлось поволноваться, так это не беда, — поддакнул Гарри. — Они же сами вызвались в свидетели, их никто не принуждал.

— Я не знал, что губку следует смочить, — забубнил Перси. — На репетициях ее никогда не мочили.

Дин смерил его уничтожающим взглядом.

— Сколько лет ты писал на сиденье в туалете, прежде чем тебе сказали, что его надо поднимать?

Перси открыл рот, чтобы ответить, но я приказал ему заткнуться. К моему изумлению, он подчинился. А я повернулся к Андерсону:

— Перси напортачил, Кертис, вот что у нас произошло. — Я посмотрел на Перси, ожидая услышать его возражения, но он не посмел раскрыть рот. Возможно, потому, что ему открылась истина: будет луч-

ше, если Андерсон сочтет, что допущена ошибка, не-жели он поймет, что Перси все делал осознанно. А кроме того, все сказанное в тоннеле не имело ни ма-лейшего значения. А вот что имело, причем для всех перси уэтморов этого мира, так это услышанное или прочитанное в рапорте большими шишками, людьми, принимающими решение. И еще на одно обращали внимание перси этого мира: как содеянное ими будет преподнесено в газетах.

Андерсон неуверенно оглядел нас пятерых. Посмот-рел даже на Дела, но тот ничего ему сказать не мог.

— Наверное, могло быть и хуже, — подвел он итог.

— Совершенно верно, — кивнул я. — Приговорен-ный мог и не умереть.

Кертис мигнул — такой вариант он, похоже, не учи-тывал.

— Завтра утром у меня на столе должен лежать полный отчет. И никому из вас не надо говорить с начальником тюрьмы Мурсом, пока с ним не перего-ворю я. Это понятно?

Мы кивнули. Если Кертис Андерсон желал все рас-сказать Мурсу, почему нет?

— Если ни один из этих писак не тиснет...

— Не тиснут, — заверил его я. — Если попытают-ся, издатели их остановят. Слишком мрачно для се-мейного чтения. Но они не будут и пытаться. Присут-ствовали только профессионалы. В любом деле случаются накладки. Они понимают это не хуже на-шего.

Андерсон обдумал мои слова, потом повернулся к Перси. Взгляд его переполняло отвращение.

— Дерьмо ты собачье, терпеть тебя не могу, — про-изнес он и усмехнулся, когда Перси в изумлении вы-таращился на него. — Если ты пожелаешься своим родственничкам, я буду клясться до второго прише-ствия, что ничего такого не говорил, а эти люди меня поддержат. Так что ты попал в переплет, сынок.

Он повернулся и начал подниматься по лестнице.
— Кертис, — позвал я его, когда он поставил ногу на пятую ступеньку.

Андерсон обернулся, его брови вопросительно поднялись.

— О Перси можно не беспокоиться. Он вскоре переходит в Брейр-Ридж. Там ему будет где развернуться. Так, Перси?

— Как только подпишут все необходимые бумаги, — поддакнул Зверюга.

— А пока они подписываются, он каждый день будет сказываться больным, — внес свою лепту Дин.

Тут прорезался голос и у Перси, который слишком мало проработал в тюрьме, чтобы рассчитывать на оплату больничного.

— Видать, вам очень этого хочется, — прошипел он.

Глава 6

З блок мы вернулись в четверть второго или чуть позже (все, кроме Перси, которого оставили прибираться в кладовой). Я принялся за рапорт. Решил писать его за столом дежурного, боялся, что засну в более удобном кресле, которое стояло в кабинете. Возможно, мои слова покажутся вам странными, учитывая случившееся час с небольшим назад, но с одиннадцати вечера я прожил добрых три жизни, за которые ни разу не сомкнул глаз.

Джон Коффи стоял у решетки, слезы струились из его странных, устремленных в никуда глаз. Казалось, кровь течет из незаживающей, но почему-то не вызывающей боли раны. Уэртон сидел на койке, качаясь из стороны в сторону, и горланил песню собственного сочинения, написанную, надо отметить, на злобу дня.

Слова я, конечно, могу вспомнить очень приблизительно:

Жарим мясо! Я и ты!
Розовое, сладкое, хи-хи-хи!
Это не Билли и не крошка Филли!
Это не Микки и не наша Джилл!
Маленький огурчик, горячий огурчик,
Звали его Дел!

— Заткнись, подонок, — рявкнул я.

Уэртон улыбнулся, продемонстрировав полный рот гнилых зубов. Он-то ведь не умирал пока. Так что энергия была в нем ключом.

— А ты подойди сюда и заставь меня замолчать, — радостно воскликнул он и порадовал меня новым вариантом песни о жареном мясе.

В общем, он имел на это право.

Я подошел к Джону Коффи, вытиравшему слезы ладонями. Глаза его покраснели, мне показалось, что он тоже измотан. Причины я не находил. Он ведь гулял от силы два часа в сутки, а в остальное время валялся на койке. Но чувствовалось, что он едва стоит на ногах.

— Бедный Дел, — прохрипел он. — Бедный Дел.

— Да, — кивнул я, — бедный Дел. Джон, а с тобой все в порядке?

— Его тут нет. Дела уже нет. Так ведь?

— Ты прав. Ответь на мой вопрос, Джон. Ты в порядке?

— Дела нет, он счастливчик. Как бы то ни было, он счастливчик.

Я подумал, что Делакруа, возможно, не согласился бы с этим утверждением, но промолчал. Оглядел камеру Коффи.

— А где Мистер Джинглес?

— Убежал вон туда. — Он указал на дверь изолятора.

Я кивнул.

— Еще вернется.

Только он не вернулся. Пребывание Мистера Джинглеса на Зеленой миле завершилось. И лишь зимой Зверюга обнаружил его лаз: по щепкам от раскрашенной катушки и запаху мяты, идущему из дырки в балке.

Я уже собрался отойти, но не отошел. Стоял и смотрел на Джона Коффи, а он на меня, словно читал все мои мысли. Я убеждал себя, что пора возвращаться к столу и браться за отчет, но вместо этого произнес:

— Джон Коффи.

— Да, босс, — тут же отозвался он.

Иногда человек хочет незамедлительно получить ответ на мучающий его вопрос. Такое произошло и со мной. Я опустился на колени и начал расшнуровывать ботинок.

Глава 7

К тому времени как я добрался до дома, дождь прекратился и на севере завис тоненький серп луны. От сонливости не осталось и следа, теперь мне казалось, что я насквозь пропах запахом Делакруа. Я просто благоухал запахом жареного мяса.

Джейнис ждала меня, как и всегда в ночь казни. Я не собирался рассказывать ей о случившемся, слушать такое особой радости нет, но ей хватило одного взгляда, чтобы понять, что экзекуция прошла далеко не гладко, поэтому мне пришлось выкладывать все. Я сел за кухонный стол, взял ее теплые руки в свои холодные (печка в моем стареньком «форде» едва тянула, а погода после грозы резко изменилась) и рас-

сказал ей все, что она хотела услышать. Где-то на полпути я даже всплакнул, чего от себя не ожидал. Но особого стыда не почувствовал. Во-первых, говорил я с женой, которая никогда в жизни не стала бы меня за это укорять, а во-вторых, бывают ситуации, когда можно пустить слезу, во всяком случае, я так думал. Вообще мужчина с хорошей женой — счастливейшее из созданий Божьих, а без оной — самое разнесчастное. И спасает таких только одно: они просто не знают, чего лишены. Я плакал, а она прижимала мою голову к своей груди. Когда же внутренняя гроза миновала, я почувствовал себя значительно лучше. И поверите ли, именно тогда моя идея окончательно оформилась. Я не про ботинок. Речь о другом. Хотя и ботинок имел к этому отношение. В основу идеи легло одно наблюдение: у Джона Коффи и Мелинды Мурс, при всех их различиях — половых, в весе, росте, цвете кожи, — были абсолютно одинаковые глаза: подернутые болью, грустные, отстраненные. Умирающие глаза.

— Пойдем в постель, — нарушила тишину моя жена. — Пойдем в постель, Пол.

И мы пошли, слились воедино, а потом она заснула. Я же смотрел на лунный серп, вслушивался в тиканье часов и думал о Джоне Коффи, говорящем о том, что он помог. «Я помог мышке Дела. Я помог Мистеру Джинглесу. Он — цирковая мышь». Конечно, усмехнулся я. А может, мы все цирковые мыши, бегающие среди бакелитовых домов, а Господь Бог и прочие небожители наблюдают за нами через плексигласовое стекло.

Спал я в ту ночь мало, часа два или три, примерно столько же, сколько сплю теперь, в Джорджия Пайнс. И заснул с мыслями о церквях моего детства. Названия их менялись в зависимости от капризов моей матери и ее сестер, но в принципе одна ничем не отличалась от другой, потому что в любой из них славили Господа, везде говорили об искуплении грехов. Толь-

ко Бог мог простить грехи и прощал, омыв их кровью своего распятого Сына, но это не снимало с Его детей обязанности искупать свои грехи. Искупление греха обладало немалой силой, оно примиряло с прошлым, избавляло от угрызений совести за содеянное.

Вот я и заснул с мыслями об искуплении, об Эдуарде Делакура, поджаренном заживо, о Мелинде Мурс и о моем здоровяке с плачущими глазами. Мысли эти плавно переместились в мой сон. В нем Джон Коффи сидел на берегу реки и выл на синее летнее небо. На другой стороне товарный поезд мчался к ржавому мосту через Трейпинг-ривер. На сгибе обеих рук черного великана лежало по обнаженному белокурому детскому телу. Пальцы он сжал в кулаки, огромные коричневые кувалды. Вокруг стрекотали цикады, вилась мошкара. День выдался жарким. Во сне я подошел к нему, встал на колени и взял за руки. Его кулаки раскрылись. В одном он держал катушку, зелено-красно-желтую катушку. Во втором — ботинок тюремного надзирателя.

— Я не смог ничего с этим поделать, — пожаловался мне Джон Коффи. — Пытался загнать это обратно, но было уже слишком поздно.

Глава 8

На следующее утро, в девять часов, когда я пил третью чашку кофе (моя жена ничего не сказала, когда принесла ее мне, но на лице Джейнис явно читалось неодобрение), зазвонил телефон. Я прошел в гостиную, снял трубку, и телефонистка сказала кому-то, что абонент на проводе.

Голос Хола Мурса меня потряс. Дрожащий, запинаящийся, голос восьмидесятилетнего старика. И я с облегчением вспомнил, что прошлой ночью, в тоннеле,

мы сразу нашли общий язык с Кертисом Андерсоном, который разделял наше отношение к Перси. Ибо у меня сложилось впечатление, что позвонивший мне человек больше не проработает в «Холодной горе» и дня.

— Пол, как я понимаю, вчера у вас возникли осложнения. Во многом благодаря нашему другу мистеру Уэтмору.

— Без трудностей не обошлось, — признал я, прижимая трубку к уху и стараясь говорить в микрофон, — но мы справились. И это главное.

— Да. Конечно.

— Могу я спросить, кто тебе об этом рассказал? — Окончание фразы: «чтобы я смог привязать пустую консервную банку к его хвосту» — я оставил при себе.

— Спросить-то ты можешь, но, поскольку дело это не твое, я предпочту промолчать. Между прочим, утром я позвонил на службу узнать, нет ли чего срочного, не поступали ли какие-либо бумаги, и мне сообщили кое-что интересное.

— Правда?

— Да. На мой стол легло прошение о переводе. Перси Уэтмор желает как можно скорее перебраться в Брейр-Ридж. Должно быть, написал заявление до окончания ночной смены.

— Похоже на то.

— Обычно я поручаю такие дела Кертису, но, учитывая... э... сложившуюся в блоке Е ситуацию, я попросил мисс Ханнах принести заявление ко мне домой во время ее перерыва на ленч. Она любезно согласилась. Я одобрю перевод, и заявление сегодня же уйдет в столицу штата. Полагаю, не пройдет и месяца, как ты в последний раз увидишь спину Перси, выходящего за дверь. Может, и меньше.

Мурс ожидал, что новости меня порадуют, и имел на то все основания. Ведь он оторвался от тяжело больной жены, чтобы ускорить решение вопроса, который

в противном случае мог затянуться на добрые полгода, даже с учетом связей Перси. Однако сердце у меня упало. Месяц! Значит, придется подавить естественное желание подождать, свести риск к минимуму, а задуманное мною требовало немалого риска. Иногда, как в этом конкретном случае, лучше прыгнуть сразу, до того как потеряешь самообладание и вовсе откажешься от прыжка. Если уж все равно придется иметь дело с Перси (почему-то я нисколько не сомневался в том, что остальные поддержат меня в моей безумной затее), то лучше покончить со всем прямо этой ночью.

— Пол? Ты меня слышишь? — Он понизил голос, словно уже говорил сам с собой. — Черт, наверное, оборвалась связь.

— Нет, я тебя слышу, Хол. Прекрасные новости.

— Да, — согласился он, и его старческий голос вновь поразил меня. — Я знаю, о чем ты думаешь.

Ничего-то ты не знаешь, начальник тюрьмы, мысленно возразил ему я. Ты и представить себе не можешь, о чем я думаю.

— Ты думаешь, что наш молодой друг задержится в блоке Е до экзекуции Коффи. Скорее всего так оно и будет. Коффи наверняка уйдет до Дня благодарения, но ты сможешь вернуть его в щитовую. Никто возражать не будет. Даже он.

— Так я и сделаю. Хол, как Мелинда?

Последовала долгая пауза, столь долгая, что теперь уже я подумал о том, что разорвалась связь, но услышал его тяжелое дыхание.

— Она уходит, — донесся до меня едва слышный голос.

Уходит. Так говорят о тех, кто еще не умирает, но уже и не живет.

— Головные боли чуть меньше... во всяком случае сейчас... но она не может передвигаться без посторонней помощи, не может ничего держать в ру-

ках, ходит под себя... — Вновь долгая пауза. — Она ругается.

— Понятно. — Я, конечно, ничего не понимал, но и не имел ни малейшего желания расспрашивать его. Впрочем, Мурс все рассказал сам.

— Она вроде бы хорошо себя чувствует, говорит о клумбе, о платье, которое видела в каталоге, о последней речи Рузвельта, которую слышала по радио, восхищается его умом и внезапно начинает говорить что-то ужасное... такие ужасные слова. Не повышая голоса. Лучше б она его повышала, потому что тогда... видишь ли, тогда...

— То есть она сама не своя.

— Именно так, — подтвердил он. — Но слышать эти грубые ругательства, произнесенные ее нежным голоском... это выше моих сил, Пол. — У него перехватило дыхание, я услышал, как он откашливается. Затем его голос зазвучал увереннее: — Она хочет, чтобы я пригласил пастора Доналдсона, и я знаю, что он сможет утешить ее, но как я могу просить его заглянуть к нам? Представь себе, он сидит читает ей Евангелие, и тут она обзывает его матерным словом? Она может, прошлым вечером обозвала меня. Сказала: «Передай-ка мне вон тот журнал, гребаный членосос». Пол, где она только набралась таких слов? Откуда это у нее?

— Не знаю. Хол, вечером вы будете дома?

Когда Хол Мурс в хорошей форме, не озабочен какими-либо проблемами или тревогой за жизнь близких, он не лезет за словом в карман. И его язвительных реплик подчиненные страшатся больше, чем неудовольствия или гнева. Попадают они обычно в десятку и бьют наотмашь. В тот день досталось и мне. Я этого не ожидал, но только порадовался, что получил свое. Это означало, что Мурс еще не сломался под обрушившейся на его плечи ношей.

— Нет. Мы с Мелиндой идем на танцы. Пообжидаемся там, а перед уходом скажем скрипачу, что играет он отвратительно и вообще появился на свет только потому, что кобель оттрахал его мать.

Я прижал руку ко рту, чтобы не расхохотаться. К счастью, приступ смеха быстро прошел.

— Извини, — послышалось в трубке. — В последнее время я почти не сплю. Вот и срываюсь. Разумеется, мы будем дома. А чего ты спрашиваешь?

— Это неважно.

— Ты же не собираешься заехать к нам? Если ты работал в прошлую ночь, значит, работаешь и в эту, так? Или ты с кем-нибудь поменялся?

— Нет, я не менялся. Вечером мне на службу.

— Да и заезжать сейчас не стоит. Она совсем слаба.

— Тебе, конечно, виднее. Спасибо за добрую весть.

— Я доволен, что смог порадовать тебя. Молись за мою Мелинду, Пол.

Я пообещал, подумав, что не намерен ограничиться молитвой. Бог помогает тем, кто помогает себе сам, говорили в церкви, где славили Иисуса, всемогущего Господа нашего. Я положил трубку и посмотрел на Джейнис.

— Как Мелли? — спросила она.

— Неважно. — Я передал ей разговор с Холлом, рассказал о том, что Мелинда ругается (конкретных примеров, правда, приводить не стал). А закончил словами Хола «она уходит». Джейнис печально кивнула, потом всмотрелась в меня.

— Ты что-то задумал. Что-то замышляешь, возможно, не очень хорошее. Это написано у тебя на лице.

Солгать я не мог, мы прожили вместе слишком много лет, чтобы теперь возводить между нами стену лжи. Я просто сказал, что знать ей об этом не следует... во всяком случае пока.

— Это... может обернуться для тебя неприятностями? — Тревоги в ее голосе не чувствовалось, скорее

присутствовало любопытство. Такое отношение к неизведанному мне всегда в ней нравилось.

— Возможно.

— Задуманное тобой пойдет кому-то во благо?

— Возможно.

Я крутил пальцами телефонный диск.

— Ты бы хотел, чтобы я оставила тебя одного, пока ты будешь говорить по телефону? Жена должна знать свое место? Мыть посуду? Вязать пинетки?

Я кивнул.

— Я бы, возможно, нашел другие слова, но...

— На ленч будут гости, Пол?

— Я на это надеюсь.

Глава 9

З верюгу и Дина я нашел сразу, потому что у них стояли телефоны. У Гарри телефона не было, но я позвонил его соседу. Так что двадцать минут спустя он перезвонил мне, очень недовольный, грозя в следующую получку компенсировать расходы за мой счет. Я посоветовал ему не волноваться из-за пустяков и пригласил на ленч. Благо Зверюга и Дин уже согласились, а Джейнис обещала приготовить свой знаменитый капустный салат... не говоря уже о еще более знаменитом яблочном пироге.

— Как это, ни с того ни с сего да на ленч? — недоверчиво спросил Гарри.

Я признал, что хочу с ними кое-что обсудить, но только не по телефону. Гарри согласился приехать. Я положил трубку на рычаг и в задумчивости подошел к окну. Хотя мы все работали в ночную смену, я никого не разбудил. Но по голосам Зверюги, Дина и Гарри не чувствовалось, что они хорошо выспались. Значит, случившееся прошлой ночью волновало не только

меня. И скорее всего они могли согласиться на авантюру, которую я намеревался им предложить.

Зверюга (он жил ближе остальных) прибыл в четверть двенадцатого. Дин — на пятнадцать минут позже, Гарри, уже переодевшийся для работы, — еще через четверть часа. Джейнис подала нам сэндвичи с копченым мясом, капустный салат и ледяной чай на кухне. Днем раньше мы бы сели на открытой веранде, радуясь легкому ветерку, но после грозы с холмов подул холодный ветер, и температура резко упала.

— Мы будем рады, если ты составишь нам компанию, — предложил я Джейнис.

Она покачала головой.

— Не хочу знать, что вы там задумали: буду меньше волноваться. Я перекушу в гостинной. На этой неделе у меня в гостях Джейн Остин, а она очень хорошая компаньонка.

— Кто такая Джейн Остин? — спросил Гарри, когда Джейнис ушла. — Твоя родственница или Джейнис? Симпатичная?

— Она писательница, недоумок ты наш, — ответил за меня Зверюга. — Умерла аккурат в те времена, когда Бетси Росс приладила звезды к первому флагу*.

— А-а-а, — разочарованно протянул Гарри. — Читатель из меня никакой. Я все больше слушаю радио.

— Так что у тебя на уме, Пол? — спросил Дин.

— Прежде всего Джон Коффи и Мистер Джинглес. — Как я и ожидал, на их лицах отразилось изумление: они-то думали, что я заговорю о Делакруа и Перси. Может, о них обоих. Я посмотрел на Дина, потом перевел взгляд на Гарри. — С Мистером Джинглесом все произошло очень быстро. Не знаю, успел ли

* Бетси Росс — владелица обивочной мастерской и магазина тканей в Филадельфии. Изготовила в 1776 году первый национальный флаг США по рисунку Джорджа Вашингтона.

кто из вас разглядеть, в каком состоянии попал мышонок в руки Коффи.

Дин покачал головой.

— Я только увидел кровь на полу.

Я повернулся к Зверюге.

— Этот сукин сын Перси буквально размазал его по линолеуму, — ответил тот. — Мышонок должен был умереть, но не умер. Коффи что-то с ним сделал. Излечил его. Я понимаю, поверить в это нелегко, но я все видел собственными глазами.

— Он излечил и меня, — добавил я. — Я это не просто видел, но и чувствовал. — Я рассказал им об урологической инфекции, о повторном приступе (указал через окно на поленницу, рядом с которой едва не упал носом в лужу собственной мочи), о том, как боль напрочь исчезла после того, как Коффи прикоснулся ко мне. И больше не возвращалась.

Рассказ не занял много времени. Потом они посидели, обдумывая мои слова и жуя сандвичи.

— Из его рта что-то вылетело.словно черные насекомые, — прервал затянувшуюся паузу Дин.

— Совершенно верно, — согласился с ним Гарри. — Сначала они были черными. А потом стали белыми и исчезли. — Он оглядел нас. — Знаете, а я бы все забыл, если б ты не напомнил мне о них, Пол. Забавно, правда?

— Нет в этом ничего забавного или странного, — возразил Зверюга. — Я думаю, так практически всегда происходит с людьми, когда они сталкиваются с чем-то необычным. Самое простое для них — обо всем забыть. Зачем помнить то, что не имеет никакого смысла? Пол, а когда он излечил тебя, из его рта тоже вылетели эти насекомые?

— Да. Я думаю, это болезнь... или боль. Коффи забирает их в себя, а потом выбрасывает наружу.

— Где они и умирают, — подытожил Гарри.

Я пожал плечами. Я не знал, что умирает, как умирает и умирает ли, да и не имело это никакого значения.

— Он высосал из тебя боль? — спросил Зверюга. — Мне показалось, что из мыша он высасывал. Боль... а может, и смерть.

— Нет, — покачал я головой. — Он только прикоснулся ко мне. И я это почувствовал. Меня ударило. Словно электрическим током, но безболезненно. Но ведь я не умирал, а только мучился от боли.

Зверюга кивнул.

— Касание и дыхание. Как и твердят во всех церквях.

— Где восславляют Иисуса, всемогущего Господа нашего, — подтвердил я.

— Я не очень понимаю, при чем здесь Иисус, — возразил Зверюга, — но мне кажется, что Джон Коффи действительно могуч.

— Ладно, — вмешался в нашу дискуссию Дин, — раз вы говорите, что такое произошло, я вам верю. Пути Господни неисповедимы, только Он решает, кому творить чудеса. Но какое отношение имеем ко всему этому мы?

Дин задал хороший вопрос. Я глубоко вздохнул и рассказал, что я задумал. Они слушали, словно пораженные громом. Даже Зверюга, который обожал читать журналы с историями о зеленых человечках из космоса. На этот раз пауза тянулась дольше, и никто из них не жевал сандвичи.

Первым заговорил Брут Хоуэлл.

— Если нас поймают, Пол, мы потеряем работу, и нам чертовски повезет, если этим все и закончится. Вполне возможно, что мы окажемся в блоке А на полном попечении штата. Будем шить кошельки и мыть-ся по двое.

— Да, — кивнул я. — Такое возможно.

— Я могу понять, что тобой движет, хотя бы частично, — продолжал он. — Ты знаешь Мурса лучше нас. Он не только большой босс, но и твой друг... Ты принимаешь участие в судьбе его жены.

— Она очень хорошая женщина и так много значит для него.

— Но мы-то не столь близко знакомы с ней, как ты и Джейнис. Так, Пол?

— Она бы вам понравилась, если бы вы познакомились с ней. Во всяком случае, понравилась, если бы вы познакомились до того, как с ней приключилась эта беда. Она отдает много времени благотворительности, она верный друг, очень набожна. И такая веселая. Была. Рассказывала истории, от которых мы смеялись до слез. Но не по этой причине я хочу ее спасти, если такое возможно. То, что случилось с ней, несправедливо. С какой стороны ни посмотри.

— Я все-таки думаю, что к этому решению тебя подтолкнуло другое, — покачал головой Зверюга. — Я думаю, все дело в Делакруа. Ты хочешь как-то компенсировать его смерть.

И он не ошибся. Разумеется, не ошибся. Я знал Мелинду Мурс лучше, чем остальные, но не столь хорошо, чтобы просить всех рискнуть ради нее своей работой... а может, и свободой. Опять же, чтобы рискнуть даже своей работой и свободой. У меня было двое детей, и я не хотел, чтобы моя жена писала им, что их отца должны судить... за что? Точно я сказать не мог. Скорее всего за организацию и пособничество побегу.

Но за всю жизнь, всю, не только за годы службы, я не видел ничего более отвратительного и ужасного, чем смерть Эдуарда Делакруа. Не просто видел — принимал участие в этом действе. Мы все принимали в этом участие, потому что позволили Перси оставаться среди нас уже после того, как окончательно поняли, что к блоку Е его нельзя подпускать на пушечный выстрел. Мы все несли свою долю ответственности за

случившееся. Даже начальник тюрьмы Мурс. Сказал же он, что Делакура все равно поджарят мозги, независимо от того, приложит к этому руку Перси Уэтмор или нет. Добавив, что, может, оно и к лучшему, учитывая, что натворил маленький француз. Но Перси не просто поджарил Делу мозги. Он выдавил французу глаза и сжег ему лицо. А почему? Потому что Дел убил шестерых? Нет. Потому что Перси обмочил штаны, а маленький француз вволю посмеялся над его конфузом. Мы участвовали в этом чудовищном деянии, а Перси, судя по всему, выйдет сухим из воды. Его ждет перевод в Брейр-Ридж, где он в полную силу оттянется на больных. С этим мы поделать ничего не могли, но, возможно, нам бы удалось смыть с рук хотя бы часть налипшей на них грязи.

— В моей церкви говорили об искуплении, а не о компенсации, — уточнил я, — но, полагаю, речь идет об одном и том же.

— Ты действительно думаешь, что Коффи сможет спасти ее? — с трепетом спросил Дин. — Просто... высосать опухоль из ее головы? Словно устрицу?

— Думаю, сможет. Полной уверенности у меня, разумеется, нет, но, после того что он сделал со мной... с Мистером Джинглесом...

— У мышонка были переломаны все кости и разможжены внутренности, это точно, — прогудел Зверюга.

— Но он это сделает? — спросил Гарри. — Сделает?

— Если сможет, обязательно.

— Почему? Коффи ее знать не знает.

— Потому что это единственное, что он умеет. Поэтому что именно для этого его создал Господь.

Зверюга картинно оглядел нас, напоминая, что кого-то не хватает.

— А как насчет Перси? Ты думаешь, он нам это позволит?

И тогда я рассказал им, как мы нейтрализуем Перси. Мой рассказ Дин и Гарри наградили восхищенными взглядами, заулыбался и Зверюга.

— Лихо закручено, брат Пол! Аж дух захватывает!

— А что потом? — спросил Гарри. По его блестящим глазам чувствовалось, что он уже на все согласен. Но Гарри хотелось убедиться, что я не упустил какой-нибудь мелочи. — Что потом?

— Мертвые молчат, — пробурчал Зверюга, и мне пришлось бросить на него короткий взгляд, чтобы убедиться, что он всего лишь шутит.

— Я думаю, он будет держать рот на замке.

— Почему? — В голосе Дина слышалось сомнение. Он снял очки и начал протирать стекла. — Я вот в этом не уверен.

— Во-первых, он не будет знать, что произошло. Он же думает, будто мы ничем от него не отличаемся, и потому решит, что мы просто хотим отомстить ему. А во-вторых, и это куда важнее, он побоится что-либо сказать. Вот на что я рассчитываю. Мы прямо скажем ему: если ты начнешь рассылать жалобы, мы последует твоему примеру.

— Расскажем насчет казни, — кивнул Гарри.

— И о том, как он стоял столбом, когда Уэртон набросился на Дина, — добавил Зверюга. — Я думаю, Перси очень боится, как бы об этом не прознали. — Он медленно кивнул. — Пожалуй, он промолчит. Но, Пол... мне представляется более разумным привезти миссис Мурс к Коффи, а не наоборот. С Перси мы поступим, как ты и предлагаешь, а потом проведем ее по тоннелю, вместо того чтобы выводить по нему Коффи.

Я покачал головой.

— Не получится. Никогда.

— Мурс не разрешит?

— Именно так. Если мы привезем Коффи в его дом, то, возможно, сумеем захватить Мурса врасплох и он хотя бы позволит Коффи попытаться помочь Мелинде. По-другому не получится.

— А на чем мы поедем? — спросил Зверюга.

— Первым делом я подумал о перевозке, — ответил я, — но сразу понял, что мы не сможем выехать из ворот незамеченными. Опять же, все вокруг знают,

что это за автомобиль. Так что придется воспользоваться моим «фордом».

— Ничего не выйдет. — Дин водрузил очки на нос. — Ты не сможешь запихнуть Джона Коффи в кабину, даже если разденешь догола и намажешь мылом. Ты так привык к нему, что забыл, какой он огромный.

Гарри Тервиллигер взял с тарелки остаток второго сэндвича, посмотрел на него и положил на место.

— Если мы действительно решим все это проделать, я думаю, стоит взять мой грузовичок. Посадим Коффи в кузов. На дорогах в такой час никого нет. Как я понимаю, поедem мы после полуночи?

— Да, — кивнул я.

— Вот о чем вы забываете, парни, — заговорил Дин. — Я знаю, что Коффи в блоке Е сидит тихо как мышка, из глаз его постоянно текут слезы, но он убийца! И великан. Если у него появится желание сбежать из грузовичка Гарри, мы сможем остановить его лишь выстрелом в голову. И убить его будет непрос-то даже из револьвера сорок пятого калибра. А если мы не сможем остановить его? Допустим, он убьет кого-то еще? Мне очень не хочется терять работу и еще больше не хочется самому попасть в тюрьму. У меня жена и двое детей, которые могут рассчитывать только на меня. Но более всего я не хочу, чтобы на моей совести осталась смерть еще одной маленькой девочки.

— Такого не будет, — возразил я.

— Почему ты так в этом уверен? — спросил Дин.

Я не ответил. Потому что не знал, как начать. Знал, что им скажу, какие приведу доводы, но вот с началом ничего не выходило. Помог мне Зверюга.

— Ты думаешь, он их не убивал, так ведь, Пол? — изумленно спросил он. — Ты думаешь, этот здоровяк невиновен?

— Я абсолютно уверен, что он невиновен.

— Да как такое может быть?

— Доводов два, — ответил я. — Первый — мой ботинок.

Я наклонился над столом и заговорил.

Часть пятая

НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Глава 1

Мистер Герберт Уэллс написал роман о человеке, который изобрел машину времени, а я неожиданно для себя обнаружил, что, работая над своими мемуарами, создал собственную машину времени, которая, правда, могла переносить меня только в прошлое, а конкретнее, в 1932 год, когда я служил старшим надзирателем блока Е тюрьмы «Холодная гора», находившейся в ведении штата. Хотя машина эта очень напоминает мне автомобиль модели «форд-I»: в том, что она заведется, сомнений быть не может, но никогда не знаешь, удастся ли ограничиться поворотом ключа зажигания или придется вылезать из кабины и крутить заводную рукоятку, пока не отвалится рука.

Когда я излагал историю Джона Коффи, старт чаще всего давался очень легко, но вот вчера пришлось-таки браться за рукоятку. И все потому, что я добрался до казни Делакруа, а часть моего сознания (или подсознания) не хотела к этому возвращаться. Умер Делакруа плохой смертью, скверной смертью, и все из-за Перси Уэтмора, молодого человека, любившего причесываться и не выносившего, когда над ним смеются... даже если смеялся лысоватый француз, отсчитывающий последние денечки жизни.

Как и в любой грязной работе, самое трудное — начать. Вот и для двигателя нет разницы, пользуетесь вы ключом зажигания или «кривым стартером»: если уж он завелся, проблем как не бывало. Так со мной вчера и случилось. Поначалу слова никак не хотели складываться в предложения, потом предложения — в абзацы, но в конце концов все наладилось, и я только успевал водить пером по бумаге. Я открыл для себя, что рукопись — это особая, я бы даже сказал, ужасная форма воспоминаний. В чем-то она сродни изнасилованию. Может, такое восприятие обусловлено моим возрастом, все-таки я глубокий старик, но мне думается, возраст здесь ни при чем. Мне представляется, что сочетание ручки и воспоминаний оказывает магическое воздействие, а магия опасна. Я лично знал Джона Коффи, видел, что он может сделать для мышей и людей, поэтому говорю об этом со знанием дела.

Магия опасна.

Короче, вчера я писал весь день, слова лились потоком, освещенная солнцем веранда дома престарелых исчезла, уступив место кладовой в конце Зеленой мили, в которой столько моих проблемных детей в последний раз садились на стул, после чего мы по двенадцати ступеням сносили их тела к тоннелю, проходящему под дорогой. Именно там Дин, Гарри, Зверюга и я, стоя над дымящимся телом Делакруа, заставили Перси вновь пообещать нам незамедлительно подать прошение о переводе в больницу в Брейр-Ридж.

На веранде-солярии всегда свежие цветы, но к полудню у меня в носу стоял запах поджаренной плоти мертвеца. А стрекот газонокосилки сменился глухими ударами об пол капель воды, просачивающейся через скругленный потолок тоннеля. Я отправился в путешествие по времени. И вернулся в 1932 год если не телом, то разумом и душой.

Я пропустил ленч, писал до четырех часов дня или около того и положил ручку на стол, лишь когда рука уже отказывалась ее держать. А потом медленно прошел по коридору второго этажа до окна, выходящего на автостоянку машин сотрудников. Брэд Доулен, тот самый, что более всего напоминал мне Перси, и очень интересующийся целью моих прогулок, ездит на старом «шевроле», наклейка на бампере которого гласит: «Я ВИДЕЛ БОГА И ЗНАЮ, КАК ЕГО ЗОВУТ». Смена его уже закончилась, и он, естественно, уехал домой. Почему-то я представлял себе, что живет он в домике-фургоне, какие обычно цепляют к автомобилям, а вокруг валяются банки из-под пива.

Я спустился вниз и пересек кухню, где уже готовили обед.

— Что у вас в мешке, мистер Эджкомб? — спросил меня Нортон.

— Пустая бутылка, — ответил я. — Я нашел в лесу источник юности. Хожу туда каждый день и набираю немного воды. Выпиваю перед сном. Должен сказать, очень способствует.

— Может, этот источник и помогает вам сохранять молодость, — отозвался Джордж, второй повар, — но по вашему внешнему виду это никак не заметно.

Мы все посмеялись, и я вышел из дома. На всякий случай огляделся (автомобиля Доулена на стоянке не было, но осмотрительность еще никому не вредила), потом направился к площадке для крикета. За ней начиналась лужайка, которая на фотографиях из буклета, рекламирующего Джорджия Пайнс, выглядела куда привлекательнее, чем в реальности, а потом тропа уходила в лес, росший к востоку от дома престарелых. У этой тропы и притулились два сарая, которыми уже давно не пользовались. Во второй, тот что стоит ближе к каменному забору, отделяющему Джорджия Пайнс от шоссе 47, я вошел и оставался в нем несколько минут.

В тот вечер я плотно пообедал, немного посмотрел телевизор, спать лег рано. Ночами я часто просыпаюсь, прокрадываюсь в телевизионную комнату и смотрю старые фильмы по кабельному телевидению. Но в эту ночь я спал как убитый, и никакие кошмары — побочный продукт моего увлечения литературой — меня не мучили. Работа над текстом вымотала меня, все-таки я не так уж и молод, знаете ли.

Проснулся я, когда солнечный лучик, который в шесть утра только прокрадывается в мою комнату, добрался до изножия моей кровати. Торопливо поднявшись, забыв о болях в бедрах, коленях, лодыжках, я как можно быстрее оделся и поспешил к окну в коридоре, надеясь, что место на автостоянке, которое обычно занимал «шевроле» Доулена, пусто. Иногда он опаздывал на полчаса...

Не повезло. Автомобиль стоял, сверкая в лучах утреннего солнца. Наверное, у мистера Доулена были причины прибывать на работу в эти дни вовремя. Конечно, старина Пол Эджкомб куда-то ходит по утрам, у старины Пола Эджкомба завелись какие-то секреты, вот мистер Брэд Доулен и намеревался вывести его на чистую воду. «Что ты там делал, Поли? Скажи мне» — это его слова. Наверное, он уже поджидает меня. Мне бы следовало остаться в своей комнате... но я не мог.

— Пол?

Я повернулся так резко, что чуть не упал. Элейн Коннелли. Моя верная подруга. Ее глаза широко раскрылись, она протянула руки, словно хотела удержать меня от падения. К счастью, мне удалось сохранить равновесие. У Элейн ужасный артрит, я бы переломил ее надвое, если б упал в ее объятия. Романтика не умирает и для тех, кому больше восьмидесяти, но можно забыть всю ту ерунду, которой переполнены «Унесенные ветром».

— Извини. Я не хотела тебя пугать.

— Все нормально. — Я выдавил из себя улыбку. — Просто мне следовало проснуться пораньше. Теперь буду просить тебя взять на себя труд окатывать меня стаканом холодной воды.

— Ты смотришь, стоит ли его автомобиль? Автомобиль Доулена?

Говорила она серьезно, поэтому я кивнул.

— Хотелось убедиться, что он в западном крыле. Мне надо ненадолго уйти, и я не хочу, чтобы Доулен меня видел.

Она улыбнулась отблеском той насмешливой улыбки, что, должно быть, так шла ей в молодости.

— Сует свой нос куда не следует, да?

— Точно.

— В западном крыле его нет. Я уже позавтракала, соня ты эдакий, и могу сказать, где он сейчас. На кухне.

Я вытаращился на нее. Я знал, что Доулен любопытен, но не настолько же!

— Ты можешь отложить утреннюю прогулку? — спросила Элейн.

Я задумался.

— Могу...

— Но не хотелось бы?

— Не хотелось бы.

Теперь, подумал я, она спросит, почему для меня так важна прогулка по утреннему лесу.

Но она не спросила. Лишь вновь улыбнулась.

— Ты знаешь мистера Хоуланда?

— Конечно. — Впрочем, видел я его редко. Жил он в западном крыле, по масштабам Джорджия Пайнс все равно что в соседнем округе. — А что?

— Ты знаешь, чем он знаменит?

Я покачал головой.

— Мистер Хоулэнд, — улыбка Элейн стала шире, — один из пяти обитателей Джорджия Пайнс, которым разрешено курить. Потому что он поселился здесь до того, как изменились правила проживания.

Действительно, подумал я, какое еще курение в доме престарелых. Не дай Бог, кто-то помрет раньше положенного срока.

А Элейн сунула руку в карман платья в синюю и белую полоску и достала сигарету и коробку спичек.

— Элейн, что...

— Проводи старушку вниз. — Она убрала сигарету и спички в карман и взяла меня под руку узловатыми пальцами. Мы зашагали к лестнице, и я решил во всем положиться на нее. Может, она и стара, но далеко не глупа.

По лестнице мы спустились осторожно, как и положено старикам, опасаящимся, как бы у них чего не сломалось.

— Подожди здесь, — распорядилась Элейн, сходя с последней ступеньки. — Я пойду в западное крыло, в туалет. Ты ведь знаешь, о каком туалете я говорю?

— Да, — кивнул я. — О том, что примыкает к кабинету водных процедур. Но зачем?

— Я не курила уже лет пятнадцать, а вот сегодня захотелось. Не знаю, сколько потребуется затяжек, чтобы сработал детектор дыма, но я намерена это выяснить.

Я ответил ей восхищенным взглядом, думая о том, как она похожа на мою жену... Джейнис поступила бы точно так же. Элейн вновь улыбнулась своей озорной улыбкой. Я обхватил ее очаровательную шею, подтянул ее лицо к своему и легонько поцеловал в губы.

— Я люблю тебя, Элейн.

— О, какие слова, — насмешливо ответила она, но я чувствовал, что Элейн довольна.

— А как насчет Чака Хоуланда? У него неприятностей не будет?

— Нет, потому что он в телевизионной комнате смотрит «Доброе утро, Америка» в компании двух дюжин стариков и старух. А я постараюсь ретиро-

ваться из западного крыла, как только детектор дыма включит противопожарную сигнализацию.

— Только не споткнись и не упали. Я не прощу себе, если...

— Не волнуйся. — На этот раз она поцеловала меня. Любовь среди руин. Кому-то все это может показаться странным, даже гротескным. Но уверяю вас, лучше такая любовь, чем никакой.

Я наблюдал, как Элейн шагает, медленно, с трудом переставляя ноги (палкой она пользуется лишь в дождливые дни и когда боль совсем уж нестерпимая, и этим гордится). Оставалось только ждать. Прошло пять минут, десять, я уже подумал, что она так и не решилась закурить. Или выяснилось, что датчик не работает. Но тут в западном крыле зазвенел сигнал пожарной тревоги.

Я тут же двинулся к кухне, не торопясь, потому что полной уверенности, что маневр Элейн нейтрализует Доулена, у меня не было. Старичье, многие еще в халатах, повалило из телевизионной комнаты (здесь ее называют Центр развлечений, смех да и только), чтобы посмотреть, что происходит. Я облегченно вздохнул, увидев среди них Чака Хоуланда.

— Эджкомб! — обратился ко мне Кент Эвери, одной рукой тяжело опираясь на трость, а второй поддерживая пижамные штаны. — Настоящая тревога или ложная? Как по-твоему?

— Откуда мне знать? — Я пожал плечами. И тут же мимо нас протрусили три сотрудника, крича, чтобы старики срочно выходили из дома и подождали на улице, пока все образуется. Третьим бежал Брэд Доулен. На меня он даже не взглянул, чем немало меня порадовал. Я подался к кухне, думая о том, что, объединившись, Элейн Коннолли и Пол Эджкомб справятся с дюжиной брэдов доуленов, даже если им будут помогать полдюжины перси уэтморов.

Повара на кухне прибирались после завтрака, не обращая внимания на звон пожарной сигнализации.

— Доброе утро, мистер Эджкомб, — поздоровался со мной Джордж. — Вроде бы вас искал Брэд Доулен. Вы разминулись с ним буквально на минуту.

Значит, мне повезло, подумал я. Но вслух сказал, что увижусь с ним позже. А потом спросил, не остались ли после завтрака гренки?

— Конечно, остались, — заверил меня Нортон. — Но они уже каменные. Вы сегодня припозднились.

— Припозднился, — не стал я отрицать очевидно-го, — но мне хочется есть.

— Так я вам сейчас поджарю свежие. — Джордж потянулся за хлебом.

— Нет, нет, сойдут и холодные, — остановил я его, а после того как он протянул мне пару гренков, поспешил к двери, чувствуя себя мальчишкой, которому удалось удрать с уроков ради рыбалки.

Выйдя из кухни, я огляделся в поисках Доулена, убедился, что бояться нечего, и поспешил в лес через площадку для крикета и лужайку, по пути жуя гренки. На тропе я сбавил скорость, и мысли мои вернулись к тому дню, который наступил после ужасной смерти Эдуарда Делакура.

Утром я поговорил по телефону с Холом Мурсом, и он сказал мне о том, что из-за опухоли Мелинда иногда начинает ругаться, как пьяный матрос. Потом моя жена где-то прочитала, что такое поведение даже имеет медицинский термин: синдром Туретта. Дрожь голоса Хола Мурса наложилась на воспоминания о том, как Джон Коффи вылечил меня и вернул к жизни мышонка Делакура. Вот тут я и переступил черту, отделяющую желание что-то сделать от действий.

Был и еще один довод, основанный на проведенном мною эксперименте, в котором участвовали руки Джона Коффи и мой ботинок.

Поэтому я собрал людей, с которыми работал, людей, которым доверил бы свою жизнь: Дина Стэнтон, Гарри Тервиллигера и Брута Хоуэлла. Они пришли ко мне на ленч на следующий день после смерти Делакруа, и я изложил им свой план. Разумеется, они знали, что Коффи излечил мышонка, Зверюга видел это своими глазами. И когда я предположил, что может свершиться еще одно чудо, если мы отвезем Джона Коффи к Мелинде Мурс, они меня не высмеяли. Но Дин Стэнтон задал вопрос, который вобрал в себя их опасения: что, если Джон Коффи сбежит, пока мы будем возить его туда-сюда?

— Допустим, он убьет кого-то еще? — спросил Дин. — Мне очень не хочется терять работу и еще больше не хочется самому попасть в тюрьму. У меня жена и двое детей, которые могут рассчитывать только на меня. Но более всего я не хочу, чтобы на моей совести осталась смерть еще одной маленькой девочки.

В повисшей над столом тишине они смотрели на меня, ожидая ответа. Я знал, что все изменится, если я произнесу те слова, что вертелись на кончике языка. Мы подошли к рубикону, перейдя который, уже не могли повернуть назад.

Только я этот рубикон давно перешел. А потому открыл рот и заговорил.

Глава 2

— Такого не будет, — возразил я.
— Почему ты так в этом уверен? — спросил Дин.

Я не ответил. Потому что не знал, как начать. Знал, что им скажу, какие приведу доводы, но вот с началом ничего не выходило. Помог мне Зверюга.

— Ты думаешь, он их не убивал, так ведь, Пол? — изумленно спросил он. — Ты думаешь, этот здоровяк невиновен?

— Я абсолютно уверен, что он невиновен.

— Да как такое может быть?

— Доводов два, — ответил я. — Первый — мой ботинок.

— Твой ботинок? — воскликнул Зверюга. — Да какое отношение имеет твой ботинок к вопросу о том, убил Джон Коффи двух девочек или нет?

— Вчера ночью я снял один ботинок и дал ему. После экзекуции, когда страсти немного улеглись. Я просунул ботинок между прутьями решетки, а Коффи взял его своими лапищами. Я попросил его завязать шнурок. Хотел убедиться, по силам ли это ему. Наши проблемные дети, как вам известно, ходят в шлепанцах. Человек, будь у него на то желание, может повеситься на шнурке. Мы все это знаем.

Они согласно покивали.

— Коффи положил ботинок на колени, один раз перекрестил концы шнурка, а потом все застопорилось. Он сказал, что ему точно показывали, как завязывать шнурки, когда он был еще подростком. То ли отец, то ли мать, то ли кто-то из друзей, но теперь он уже позабыл, как это делается.

— Знаешь, я со Зверюгой в одной лодке, — подал голос Дин. — Никак не возьму в толк, как соотнести твой ботинок и виновность или невиновность Коффи в убийстве близняшек Деттериков.

Мне пришлось повторить историю похищения и убийства, все то, что я прочитал в жаркий день в тюремной библиотеке, когда низ живота у меня жгло огнем, а неподалеку похрапывал старик Гиббонс, и рассказанное этим репортером, Хаммерсмитом.

— Собака Деттерика за ляжку незваного гостя не прихватила бы, но уж лаять-то она умела. Мужчина, который похитил девочек, прикормил ее сосиской. Он подбирался ближе с каждым брошенным собаке куском, а когда та доедала последний, схватил ее за голову и свернул шею.

Потом, когда преследователи наткнулись на Коффи, помощник шерифа, который возглавлял погоню, Роб Макги, заметил, что в нагрудном кармане Коффи что-то лежит. Поначалу он подумал, что там револьвер или пистолет. Коффи сказал, что это ленч. Так оно и оказалось: пара сэндвичей и огурчик, аккуратно завернутые в газету и перевязанные веревкой. Коффи не мог вспомнить, кто дал ему еду. Вроде бы какая-то женщина в фартуке.

— Сэндвичи, огурчик, но не сосиски, — уточнил Зверюга.

— Не сосиски, — согласился я.

— Естественно, сосисок не было, — пожал плечами Дин. — Он скормил их собаке.

— Именно так и заявил на суде прокурор. Но смог бы Коффи, скормив сосиски псу, аккуратно завернуть сэндвичи и огурчик и перевязать все веревкой? Не знаю, было бы у него на это время, но дело не в этом. Коффи не способен даже завязать шнурок бантиком.

Последовала долгая пауза, сидящие за столом перебаривали услышанное. Первым пришел в себя Зверюга.

— Святое дерьмо! Как получилось, что никто не указал на это на суде?

— Никому такое просто в голову не пришло, — ответил я, вновь подумав о Хаммерсмите, репортере, который окончил колледж в Боулинг-Грин, полагал себя просвещенным человеком и одновременно ставил дворняг и негров на одну доску в твердой уверенности, что и те и другие когда-нибудь да укусят безо всякой на то причины. И называл их «ваши негры», словно они по-прежнему кому-то принадлежали, были чьей-то собственностью... но не его. Нет, не его. Только не его. И в то время на Юге было немало таких хаммерсмитов. — Никому не хватило мозгов додуматься до этого, в том числе и адвокату Коффи.

— Но ты-то додумался! — воскликнул Гарри. — Черт побери, парни, мы сидим за одним столом с мистером Шерлоком Холмсом, — в голосе его слышалась не только ирония, но и восторг.

— Да перестань, — отмахнулся я. — Мне бы тоже такое не пришло в голову, если б я не сравнил то, что он сказал помощнику шерифа Макги в тот день, когда его поймали, со сказанным мне после того, как он избавил меня от урологической инфекции, и после того, как вернул к жизни мышонка.

— Что? — недоверчиво переспросил Дин.

— Когда я входил в его камеру, я был словно под гипнозом. Я не мог остановиться, даже если бы и попытался.

— Что-то мне это не нравится. — Гарри заерзал на стуле.

— Я спросил, чего он хочет, и Коффи ответил: «Только помочь». Я это хорошо запомнил. А когда все закончилось и мне полегчало, он это знал. «Я помог, — услышал я от него. — Я помог, так ведь?»

Зверюга согласно покивал.

— То же самое произошло и с мышонком. Ты сказал: «Ты помог», — а Коффи повторил как попугай: «Я помог мышке Дела». Именно тогда ты все понял? Именно в тот момент?

— Пожалуй, да. Я вспомнил, какие слова он произнес в ответ, когда Макги спросил его, что произошло. Об этом написано во всех газетах. «Я ничего не смог с этим поделать. Попытался загнать это обратно, но было уже слишком поздно». Произносил эти слова мужчина, держащий в руках два трупика. Они — маленькие, белокожие, светловолосые. Он — здоровенный и черный. Поэтому неудивительно, что все именно так восприняли эти слова. А сказал он другое: «Я не смог помочь. Попытался вернуть все назад, но было уже слишком поздно». Они же слышали то, что соотносилось с увиденным, а видели они негра с двумя

трупам девочек-близняшек. Они подумали, он сознается в содеянном, говорит, что похитил девочек, изнасиловал их и убил. А потом пришел в себя и попытался вернуть...

— Когда было уже слишком поздно, — пробормотал Зверюга.

— Да. Только сказать Коффи хотел другое: он слишком поздно нашел девочек, пытался их излечить, вернуть к жизни... и не смог. Они ушли слишком далеко по дороге смерти.

— Пол, ты в это веришь? — спросил Дин. — Ты действительно в это веришь?

— Да, — ответил я, заглянув в свое сердце, как на духу.

Теперь-то, обдумывая прошлое, я могу точно сказать, что сомнения в виновности Коффи зародились у меня с момента его появления в блоке Е, когда он вошел под крики Перси: «Мертвец идет!» Я же пожал ему руку, не так ли? Я никогда не пожимал руку осужденному, приходящему на Зеленую милю, а вот Коффи пожал.

— Господи Иисусе! — выдохнул Дин. — Святой Боже!

— Твой ботинок — это одно, — напомнил Гарри. — А что второе?

— Перед тем как преследователи обнаружили Коффи и девочек, они вышли на берег Трейпинг-ривер. Нашли участок примятой травы, залитый кровью, и остатки ночнушки Коры Деттерик. Вот тут собаки повели себя по-разному. Четыре тянули всех на юго-восток, вниз по течению. Но две, терьеры, хотели бежать вверх по течению. Тут Бобо Марчант дал терьерам понюхать ночнушку, и они согласились в мнении остальных собак.

— Терьеры не ищейки, не так ли? — спросил Зверюга, на его губах заиграла улыбка. — У них другая работа.

— Да, — кивнул я.

— Что-то я вас не понимаю, — покачал головой Дин.

— Терьеры забыли, что Бобо совал им под нос в начале пути, — ответил Зверюга. — К тому времени, когда погоня достигла берега реки, терьеры преследовали убийцу, а не девочек. Пока убийца и девочки не расставались, никаких проблем не возникало, но...

Глаза Дина вспыхнули. Гарри, тот все понял раньше.

— Думая обо всем этом, поневоле удивляешься, как присяжные, пусть у них и было желание возложить вину на бродягу-негра, могли хоть на минуту поверить, что это преступление совершено Джоном Коффи. Подкормить собаку, чтобы потом свернуть ей шею. На такое у него мозгов не хватит.

— Я думаю, он шел южным берегом Трейпинг-ривер, от фермы Деттериков его отделяло шесть-семь миль. Может, Коффи спрыгнул с грузового состава, на мосту они замедляют ход, так что это несложно. А потом он услышал какой-то шум на севере.

— Убийцу?

— Убийцу. Тот мог уже изнасиловать девочек, а может, Коффи услышал крики насилуемых. Во всяком случае, залитый кровью участок травы — то место, где все закончилось. Там убийца разбил им головы, а сам побежал прочь.

— Побежал на северо-запад, — уточнил Зверюга. — В том направлении, куда и тянули всех терьеры.

— Правильно. А Джон Коффи проходил через ольховник, что растет на юго-востоке, возможно, привлеченный шумом, и нашел тела девочек. Может быть, одна из них была еще жива. Скорее всего живы были обе, но недолго. Джон Коффи не мог знать, умерли они или нет. Знал он только одно: в его руках целительная сила, вот он и пытался с ее помощью спасти Кору и Кэти Деттерик. Когда это не получилось, он потерял контроль над собой и завыл, впад в истерику. В тот момент его и настигла погоня.

— Почему он не остался там, где нашел девочек? — спросил Зверюга. — Почему унес их на юг? Есть какие-нибудь предположения?

— Я готов поспорить, что поначалу он оставил их на месте. На суде свидетели говорили о большом участке притоптанной травы. А Джон Коффи — мужчина крупный.

— Джон Коффи — гребаный гигант, — поправил меня Гарри тихим голосом, дабы моя жена, не дай Бог, не услышала, что он ругается.

— Может, он запаниковал, увидев, что у него ничего не получается. А может, решил, что убийца где-то рядом, в лесу, наблюдает за ним. Коффи — гигант, мы это знаем, но он не так уж храбр. Гарри, ты же помнишь, как он спросил, горит ли у нас свет по ночам?

— Да. Я еще подумал, что это смешно, учитывая его габариты, — задумчиво ответил Гарри.

— Так если он не убивал маленьких девочек, кто же их убил? — спросил Дин.

Я покачал головой.

— Кто-то еще. Я предполагаю, какой-нибудь белый. Прокурор особо упирал на то, что только очень сильный мужчина может свернуть голову такой большой собаке, какая была у Деттериков, но...

— Это все ерунда, — пробурчал Зверюга. — Даже двенадцатилетняя девочка сможет свернуть голову собаке, если застанет ее врасплох и будет знать, как надо ее схватить. Если Коффи не убивал близняшек, их мог убить кто угодно... любой человек. Кто именно, мы скорее всего не узнаем никогда.

— Если только он не повторит то же самое, — вставил я.

— Мы все равно ничего не узнаем, если это произошло или произойдет в Техасе или Калифорнии, — возразил Гарри.

Зверюга откинулся на спинку стула, потер глаза руками, словно уставший ребенок, потом опустил руки на колени.

— Кошмар какой-то. У нас осужденный, который, возможно, невиновен, скорее всего невиновен, но он пройдет Зеленую милю. И сомнений в этом нет, как не сомневаемся мы в том, что Господь сотворил большие деревья и маленьких рыбешек. Но что мы можем предпринять? Если начнем трезвонить о его исцеляющих руках, нас просто высмеют, а он все равно сядет на Старую Замыкалку.

— Давай подумаем об этом позже. — Я увел разговор в сторону, потому что понятия не имел, как ему ответить. — Сейчас вопрос в другом: будем мы что-то предпринимать насчет Мелли или нет. Я бы предложил хорошенько все обдумать и принять решение через пару дней, но боюсь, с каждым днем шансы на то, что Коффи ей поможет, стремительно уменьшаются.

— Помнишь, как он протягивал руки, требуя, чтобы ему дали мышонка? — спросил меня Зверюга. — «Дайте его мне, пока еще есть время», — сказал он. — Пока еще есть время».

— Помню, — ответил я.

Зверюга глубоко задумался, потом кивнул.

— Я — за. Мне, конечно, жаль, что с Делом все так вышло, но я хочу посмотреть, что произойдет, когда Коффи прикоснется к ней. Возможно, ничего, но вдруг...

— Я сомневаюсь, что мы сможем вывести этого здоровяка из блока. — Гарри вздохнул, потом кивнул. — Но кого это волнует? Я — за.

— Я тоже, — поддержал остальных Дин. — Но кто останется в блоке, Пол? Будем тянуть спички?

— Нет, сэр. — Я покачал головой. — Никаких спичек. Останешься ты.

— Это еще почему? — сердито бросил Дин. Снял очки и начал яростно протирать стекла. — Почему я?

— Потому что ты молод и твои дети еще учатся в школе, — ответил Зверюга. — Гарри и я — холостяки, Пол женат, но его дети выросли и могут сами позаботиться о себе. Мы влезает в авантюру. Я почти уве-

рен, что нас поймают. — Он посмотрел на меня. — Об одном ты не упомянул, Пол. Если мы даже вытащим его из тюрьмы, а потом пальцы Коффи не излечат Мелли, Хол Мурс может сам выдать нас. — Он выдержал паузу, предоставляя мне возможность ответить, может, возразить, но я предпочел промолчать. Тогда Зверюга вновь повернулся к Дину и продолжил: — Пойми меня правильно. Работу ты потеряешь наверняка, но по крайней мере у тебя будет шанс избежать тюрьмы, если действительно поднимется шум. Перси-то ничего знать не будет. Если ты останешься за столом дежурного, то потом сможешь говорить, будто думал, что мы действуем согласно полученному приказу.

— Мне это все равно не нравится, — ворчал Дин, но чувствовалось, что он уже согласился с нами. Напоминание о детях убедило его. — И сделать это надо сегодня? Вы уверены?

— Если уж делать, так сегодня, — ответил Гарри. — Боюсь, завтра у меня не хватит духу.

Моя жена заглянула в комнату.

— Кто хочет ледяного чаю? Брут?

— Нет, благодарю. Я бы выпил виски, но, учитывая обстоятельства, это не слишком хорошая идея.

Джейнис посмотрела на меня: на губах улыбка, в глазах тревога.

— В какую историю ты втягиваешь этих парней, Пол? — И прежде чем я раскрыл рот, подняла руку, останавливая меня. — Молчи, молчи, ни о чем не хочу знать.

Глава 3

Потом, когда остальные давно ушли, а я одевался, собираясь на службу, она взяла меня за руку, развернула к себе лицом и заглянула в глаза.

— Мелинда? — только и спросила она.

Я кивнул.

— Ты можешь что-то для нее сделать, Пол? Действительно можешь или все это мечты, вызванные случившимся прошлой ночью?

Я подумал о глазах Коффи, о его руках, о том, как шел к нему, словно под гипнозом, когда он позвал меня. Подумал о его ладонях, обхвативших тельце умирающего Мистера Джинглеса. «Пока еще есть время», — сказал он. И о черных «насекомых», которые сначала стали белыми, а потом исчезли.

— Я думаю, у нас остался единственный шанс ей помочь, — после долгой паузы ответил я.

— Тогда используй его. — Она застегнула пуговицы моей новой шинели, выданной этой осенью. С начала сентября я надевал ее всего третий или четвертый раз. — Используй.

И она практически вытолкала меня за дверь.

Глава 4

Эту ночь, пожалуй, самую необычную ночь в моей жизни, я прибыл на службу в двадцать минут седьмого. В воздухе еще витал запах сожженной человеческой плоти. Скорее всего мне это казалось, ведь обе двери, ведущие наружу, как в блоке, так и в кладовой, целый день держали открытыми, а две предыдущие смены все чистили и мыли, но запах все равно бил в нос, и я едва ли смог бы съесть обед, если бы меня не отвлекали мысли о том, что ждало нас впереди.

Зверюга прибыл без четверти семь, Дин — через пять минут. Я попросил Дина прогуляться в лазарет и принести мне согревающий пояс: ранним утром, помогая нести тело Делакура, я потянул спину. Он тут же ушел.

Гарри заявился за три минуты до семи.

— Пикап? — спросил я.

— Припаркован где положено.

Пока все шло хорошо. Мы стояли у моего стола и пили кофе, сознательно не упоминая о том, что нам предстояло. Перси не показывался, и мы уже начали надеяться, что не увидим его в эту ночь. Он мог и не прийти, учитывая, сколь враждебно мы отреагировали на его вчерашнюю выходку.

Но Перси, похоже, верил в старую аксиому, гласящую, что надо немедленно садиться на лошадь, которая только что сбросила тебя, и вошел в блок в шесть минут восьмого, в отутюженной униформе, с револьвером на одном бедре и знаменитой дубинкой в чехле — на другом. Он сунул карточку в контрольные часы, отметил время прибытия и исподлобья оглядел нас троих (Дин еще не вернулся из лазарета).

— Забарахлил стартер. Пришлось заводить двигатель вручную.

— Бедняжка, — посочувствовал ему Гарри.

— Тебе следовало остаться дома и починить стартер, — добавил Зверюга. — Мы ведь не хотим, чтобы у тебя отвалилась от усталости рука.

— Вас бы это только порадовало, — огрызнулся Перси, но мне показалось, что на душе у него полегчало. Он ожидал встретить более жесткий прием. Вот и славненько, подумал я. Несколько следующих часов нам предстояло держать его в полном неведении относительно наших планов. А потому не следовало проявлять по отношению к нему ни открытой враждебности, ни чрезмерного дружелюбия. Последнее после вчерашнего он бы воспринял с особым подозрением. Мы все понимали, что не сможем застать его врасплох, но хотелось, чтобы наши действия все-таки стали для него неожиданностью. А для этого требовалось выдержать определенную линию поведения. Конечно, церемониться с Перси мы не собирались,

но в то же время я не мог допустить, чтобы ему крепко досталось.

Вернулся Дин.

— Перси, — обратился я к Уэтмору, — пойди в кладовую и вымой пол. И лестницу в тоннель. А потом можешь написать рапорт о вчерашнем.

— И не давай воли воображению, — добавил Зверюга. Большие пальцы рук он засунул за пояс и с интересом разглядывал потолок.

— Вы, однако, шутники, — ответил Перси, но протестовать не стал. Не указал даже на то, что пол уже мыли как минимум дважды. Он почел за счастье покинуть наше общество.

Я просмотрел рапорт предыдущей смены, не нашел в нем чего-либо достойного внимания, потом прогулялся к камере Уэртона. Он сидел на койке, подтянув к груди колени и обхватив ноги руками. Посмотрел на меня и злобно улыбнулся.

— Никак пожаловал сам большой босс. Чего это вы такой радостный, босс Эджкомб? Словно свинья, стоящая по колено в дерьме. Жена настроила ваш инструмент, перед тем как вы ушли из дома, а?

— Как поживаешь, Крошка? — спросил я ровным голосом.

Тут он просто просиял. Поднялся, потянулся. Улыбка стала шире, злобы в ней поубавилось.

— Черт побери! Наконец-то вы назвали меня как надо. Что с вами случилось, босс Эджкомб? Заболели или как?

Нет, не заболел, подумал я. Болел я раньше, но Джон Коффи меня вылечил. Его руки не знали, как завязать шнурок, но умели многое другое. Куда более важное.

— Друг мой, если ты хочешь зваться Крошкой Биллом, а не Диким Биллом, мне без разницы.

Уэртон прямо-таки раздулся от гордости, совсем как те мерзкие рыбы, что живут в реках Южной Аме-

рики и укол шипов которых смертельно опасен. Работая на Миле, мне приходилось иметь дело со многими опасными людьми, но мало кто вызывал у меня такое отвращение, как Уильям Уэртон, который считал себя великим преступником, но чьи тюремные выходки ограничивались разве что плевками да поливанием мочой брюк надзирателя. Так что должного уважения с нашей стороны он не видел. Но в эту ночь я хотел максимально расположить его к себе. И если ради этого следовало гладить Билли по шерстке, почему нет?

— Во мне гораздо больше от Крошки, чем от Дикого Билла, и вам лучше в это поверить, — вещал Уэртон. — Я попал сюда не из-за того, что украл в магазине пакетик леденцов. — И такая гордость звучала в его голосе, словно его записали в бригаду героев французского Иностранного легиона, а не бросили в камеру, расположенную в семидесяти шагах от электрического стула. — Где мой ужин?

— Перестань, Крошка, в рапорте сказано, что ты поужинал без десяти шесть. Мясо с подливой, картофельное пюре, зеленый горошек. Меня так просто не проведешь.

Он расхохотался, вновь сел на койку.

— Тогда включите радио.

— Может, попозже.

Я отошел от его камеры, посмотрел в дальний конец коридора. Зверюга направлялся к двери изолятора, дабы убедиться, что заперта она на один замок вместо положенных двух. Я знал, что на один, потому что чуть раньше проверил это сам. Мы понимали, что потом счет пойдет на секунды, и хотели как можно быстрее открыть дверь. К счастью, отпала необходимость в очистке изолятора от всякого хлама, так как мы уже рассовали его по разным углам после прибытия Уэртона на Зеленую милю. С его появлением изолятор пустовал гораздо реже, и мы полагали, что так оно

и будет до тех пор, пока Крошка Билл не сядет на Старую Замыкалку.

Джон Коффи, который обычно в это время лежал на койке, повернувшись лицом к стене, на этот раз сидел, сцепив руки перед собой, и не отрывал глаз от Зверюги, чего с ним не случалось никогда. Опять же, по его щекам не текли слезы.

Зверюга подергал дверь изолятора и двинулся ко мне по Зеленой миле. Взглянул на Коффи, проходя мимо его камеры, и тут Коффи произнес:

— Конечно. Я хотел бы проехаться на машине, — словно ответил на вопрос Зверюги.

Взгляд Зверюги встретился с моим: «Он знает. — Я буквально услышал его мысли. — Каким-то образом он знает».

Я пожал плечами и развел руки, как бы говоря: «Разумеется, знает».

Глава 5

Старик Два Зуба со своей тележкой в последний раз заглянул в блок Е примерно в четверть десятого. Мы накупили достаточно еды, чтобы удовлетворить его жадность.

— Вы сегодня видели мышонка? — с улыбкой спросил он.

Мы покачали головами.

— Может, его видел Красавчик? — Он посмотрел в сторону кладовой, где Перси то ли мыл пол, то ли писал рапорт, то ли ковырял в заднице.

— А тебе что до этого? — осадил его Зверюга. — Это не твое дело, старик. Вали отсюда со своей телегой. И так все провонял.

Старик Два Зуба шумно втянул воздух в ноздри.

— Это не мой запах. Это Дел-прощается с вами.

Хохотнув, он покатил тележку к двери, ведущей во двор. Потом старик Два Зуба катал ее еще десять лет. После того как я ушел со службы, черт, после того как закрылась «Холодная гора», он уже в другой тюрьме продавал пирожки и попкорн надзирателям и тем заключенным, которые могли себе это позволить. Иногда во сне я слышу его голос, он кричит: «Меня поджаривают! Поджаривают! Поджаривают! Индейка уже готова!»

После ухода старика время потянулось медленно, стрелки часов просто не желали двигаться. Полтора часа мы слушали радио. Уэртон покатывался со смеху чуть ли не от каждой фразы Фреда Аллена, а я ну никак не понимал его шуток. Джон Коффи все так же сидел на койке, сцепив руки перед собой, и ловил взглядом всякого, кто садился за стол дежурного. Люди точно так же ведут себя на автовокзалах, ожидая, когда объявят посадку на их автобус.

Перси появился из кладовой без четверти одиннадцать и протянул мне рапорт, написанный карандашом. Многочисленные грязные пятна показывали, сколь часто он брал в руки ластик. Перси увидел, как мой палец застыл над первым пятном, и затараторил:

— Это черновик. Я все перепишу. Что вы скажете?

Я мог бы сказать, что подобной лжи мне читать еще не доводилось. Но сказал, что все нормально, и он отошел весьма довольный.

Дин и Гарри играли в криббидж, громко переговариваясь, споря по любому поводу, и каждые пять секунд поглядывали на стрелки часов. Я буквально чувствовал, как воздух сгустился от напряжения. И мне казалось удивительным, что ни Перси, ни Дикий Билл ничего не замечают.

Без десяти минут двенадцать я не выдержал и кивнул Дину. Он удалился в мой кабинет с бутылочкой «эр-си колы», купленной у старика Два Зуба, и через пару минут вернулся. «Кола» уже плескалась в жес-

тяной кружке, которую заключенный не мог разбить. Не смог бы он с ее помощью и перерезать себе горло.

Я взял кружку, огляделся. Гарри, Дин и Зверюга не отрывали от меня глаз. Как и Джон Коффи. Перси вернулся в кладовую, в эту ночь ему явно не хотелось составлять нам компанию. Я поднес кружку к носу. Пахло «эр-си колой» и ничем больше, чуть странно-ватый, но приятный запах корицы.

С кружкой в руке я подошел к камере Уэртона. Он лежал на койке. Не онанировал пока, но член его уже встал и подрагивал, словно натянутая струна, по которой проходятся пальцы гитариста.

— Крошка, — позвал я его.

— Отстаньте от меня.

— Как скажешь, — согласился я. — Я принес тебе «колу» в награду за примерное поведение, для тебя сегодняшний вечер просто рекорд, но теперь выпью ее сам.

И я поднес кружку к губам. Уэртон вскочил в мгновение ока. Меня это не удивило. Большинство опасных преступников, приговоренных к большим срокам, пожизненному заключению, смертной казни, — страшные сладкоежки, и Уэртон не был исключением из общего правила.

— Давай сюда. — Обычно таким тоном надсмотрщик говорит с ленивым рабом. — Дай кружку Крошке.

Кружка в моей руке застыла перед прутьями, чтобы Уэртон мог просунуть руку сквозь решетку и взять ее. Только так можно было избежать неприятностей, и это подтвердит вам любой умудренный опытом надзиратель. Много мы проделывали автоматически, не задумываясь. К примеру, не позволяли заключенным звать нас по именам. Нам было известно, что звон ключей означает — в блоке чрезвычайное происшествие, ведь ключи звенят на бегу, а в тюрьмах надзи-

ратели ни с того ни с сего по коридорам не бегают. Не доходило все это лишь до таких, как Перси.

Сегодня, однако, Уэртон не выказывал желания кого-то схватить или придушить. Он осторожно взял кружку, в три глотка осушил ее и удовлетворенно рыгнул.

— Великолепно!

Я протянул руку.

— Кружку.

В его глазах зажглись насмешливые огоньки.

— А если я оставлю ее у себя?

Я пожал плечами.

— Мы придем и заберем ее. А ты отправишься в ту маленькую комнатку и больше не увидишь «эрси» как своих ушей. Если только тебя не попотчуют ею в аду.

Улыбка поблекла.

— Не нравятся мне шутки насчет ада. — Он просунул кружку между прутьев решетки. — Вот. Берите.

Я взял.

А за спиной раздался голос Перси:

— С чего это вы поите этого дылдона «колой»?

«Потому что в ней растворено достаточно снотворного, чтобы он проспал добрых сорок восемь часов», — мысленно ответил я.

— Милосердие Пола безгранично, — вслух ответил ему Зверюга. — Оно все равно что теплый дождь в пустыне.

— Чего-чего? — переспросил Перси.

— Я хочу сказать, что он еще не потерял веры в человечество. Боюсь, никогда не потеряет. Хочешь сыграть в «курицу», Перси?

Перси фыркнул.

— Дурацкая игра. Глупее разве что «ведьма»*.

— Поэтому я и предложил тебе составить нам компанию, — улыбнулся Зверюга.

* В России — «Акулина».

— Все шутите, — буркнул Перси и ретировался в мой кабинет.

Мне, конечно, не хотелось, чтобы эта крыса протирала задницей мой стул, но я промолчал.

Время ползло. Двадцать минут первого. Половина. В двенадцать сорок Джон Коффи поднялся с койки и, подойдя к решетке, схватился руками за прутья. Зверюга и я заглянули в камеру Уэртона. Тот лежал на спине, улыбаясь потолку. С открытыми глазами, напоминающими большие стеклянные шары. Одна рука покоилась на груди, вторая свешивалась до пола.

— Не прошло и часа, а Крошка Билл уже превратился в Мечтателя Уилла, — хмыкнул Зверюга. — Интересно, сколько таблеток снотворного растворил Дин в «коле».

— Достаточно. — Голос мой чуть дрожал. Не знаю, почувствовал ли это Зверюга, но я сам эту дрожь слышал. — Пошли. Надо довести дело до конца.

— Ты не хочешь подождать, пока он окончательно отключится?

— Он уже отключился, Брут. Просто забыл закрыть глаза.

— Босс у нас ты. — Зверюга огляделся в поисках Гарри, но тот уже стоял рядом. А Дин сидел за столом дежурного, тасуя карточную колоду и то и дело поглядывая на дверь моего кабинета — присматривал за Перси.

— Время? — Лицо Гарри над синей униформой побледнело, но говорил он решительно.

— Да. Если уж решили начинать, то пора.

Гарри перекрестился и поцеловал большой палец. Потом направился к изолятору, открыл дверь и вошел, чтобы тут же выйти со смиренной рубашкой. Протянул ее Зверюге. И вдвоем мы зашагали по Зеленой миле. Коффи стоял у решетки, наблюдая за нами, но не произнес ни слова. Когда мы достигли стола дежурного, Зверюга убрал смиренную ру-

башку за спину, достаточно широкую, чтобы полностью скрыть ее.

— Удачи, — выдохнул Дин, такой же бледный, как и Гарри, и не менее решительный.

Перси сидел за моим столом, в моем кресле и штудировал книгу, на этот раз не «Фрегат» или «Мужское приключение», а «Уход за душевнобольными в клинике». По затравленному взгляду, брошенному на нас, можно было подумать, что читает он «Последние дни Содомы и Гоморры».

— Что такое? — Он торопливо захлопнул книгу. — Что вы хотите?

— Поговорить с тобой, Перси, — ответил я. — Только и всего.

Но на наших лицах он прочел нечто большее, чем желание поговорить, и торопливо вскочил, чтобы метнуться к открытой двери в кладовую. Он подумал, мы пришли затем, чтобы устроить ему хорошую выволочку.

Гарри опередил его, застыв перед дверью со сложенными на груди руками.

— Говорите! — Перси смотрел на меня, изо всех сил стараясь не выказать страха. — В чем дело?

— Не спрашивай, Перси. — Я-то думал, что все придет в норму, как только мы перейдем к реализации этого безумного плана, но так не получилось. Я все еще не мог поверить, что все это происходит наяву. Что это не дурной сон. Я ожидал, что жена вот-вот тряхнет меня за плечо и скажет, что я слишком громко стонал во сне. — Будет лучше, если ты сделаешь все, что тебе скажут.

— А что у Зверюги за спиной? — осыпшим голосом спросил Перси.

— Ничего, — ответил Зверюга. — Кроме... вот этого...

Он выхватил из-за спины смирительную рубашку и потряс ею, как матадор плащом, призывая быка броситься на него.

Глаза Перси широко раскрылись, и он метнулся в сторону. Однако убежать ему не удалось, потому что Гарри схватил его за локти.

— Отпустите меня! — завопил Перси, пытаюсь вырваться.

Такого, конечно, быть не могло, Гарри превосходил его и весом, и силой, бицепсы у него были как у человека, все свободное время пахущего землю плугом и рубящего дрова, но Перси удалось дотащить Гарри за собой до злосчастного зеленого ковра, который я давно собирался поменять. На мгновение мне показалось, что он сумел вырвать одну руку: паника явно прибавила Перси сил.

— Успокойся, Перси, — попытался остановить его я. — Будет лучше...

— Незачем мне успокаиваться! — Перси все вырывался и вырывался. — Отстаньте от меня! Все отстаньте! У меня есть связи! Большие связи! Если вы все это не прекратите, отправитесь в кандалах в Южную Каролину!

Еще рывок, и бедром Перси ударился о мой стол. Книга, которую он читал, «Уход за душевнобольными в клинике», подпрыгнула, и из нее выскочила другая, маленькая, размером с брошюру. Не «Последние дни Содомы и Гоморры», но одна из тех, что мы даем заключенным, если их сексуальное возбуждение переключается через край, но они отличаются примерным поведением.

Я опечалился, увидев, что Перси уединился в моем кабинете, чтобы читать порнуху; Гарри, заглянув через плечо Перси, скривился от отвращения, а вот Зверюга загоготал, отчего весь запал вышел из Перси, по крайней мере на время, как пар из свистка.

— Ох, Перси. — Зверюга покачал головой. — Что скажет твоя мама? А губернатор?

Перси покраснел как помидор.

— Заткнитесь. И оставьте в покое мою мать.

Зверюга бросил мне смирительную рубашку и наклонился к Перси.

— Ты прав. А теперь вытяни вперед руки и будь хорошим мальчиком.

Губы у Перси дрожали, глаза подозрительно блестели. Я понял, что он сейчас расплчется.

— Не вытяну. — Мальчишеский, полный обиды голос. — И вам меня не заставить. — Тут он сорвался на крик, зовя на помощь. Гарри дернулся. Я тоже. Пожалуй, в тот момент мы были ближе всего к тому, чтобы поставить точку на наших планах. Мы — да, но не Зверюга. Он не колебался ни секунды. Зашел за спину Перси, встав плечом к плечу к Гарри, который по-прежнему держал Перси за руки, и крепко ухватил его за уши.

— Прекрати орать, — процедил Зверюга. — Или у тебя будут самые большие в мире уши.

Вопли прекратились. Перси застыл, уставившись на картинку в брошюре, на которой персонажи делали нечто очень интересное, на что в жизни я никогда не решался.

— Вытяни руки, — продолжал Зверюга, — и довольно глупостей. Быстро!

— Нет, — упрямился Перси. — Не вытяну, и вы меня не заставите.

— Вот тут ты ошибаешься. — И Зверюга крутанул уши Перси, как крутят вентили на газовой плите, чтобы добавить или уменьшить напор газа. Раздался крик боли и изумления. Но не только боли и изумления. Понимания. Впервые в жизни Перси осознал, что плохое случается не только с теми людьми, которые не состоят в родстве с губернатором. Мне хотелось сказать Зверюге, чтобы он это прекратил, но я, естественно, промолчал. Мы зашли слишком далеко, чтобы давать задний ход. Я напомнил себе, на какие муки Перси обрек Делакура только потому, что тот посмеялся над

ним. И воспоминания эти еще больше укрепили меня в мысли, что негоже поворачивать назад.

— Вытягивай ручки, милый, — проворковал Зверюга, — а не то придется повторить.

Гарри уже отпустил юного мистера Уэтмора. Всклипывая, как мальчишка, со слезами, катившимися по щекам, Перси протянул руки, словно лунатик в кинокомедии. Смирительную рубашку я уже держал наготове. Не успели руки Перси нырнуть в рукава, как Зверюга отпустил его уши и схватился за завязки, свисающие с манжет. Мгновение спустя руки Перси были крест-накрест крепко прижаты к груди. Гарри тем временем застегивал пуговицы на спине. Поскольку Перси перестал сопротивляться, мы упрямились с ним за десять секунд.

— Хорошо, цыпленок. — Зверюга хлопнул его по плечу. — А теперь топай к гнездышку.

Но Перси не потопал. Он посмотрел на Зверюгу, потом повернулся ко мне. В его глазах застыл ужас. Он уже забыл о своих связях, об обещании отправить нас в Южную Каролину. Перси думал совсем о другом.

— Пожалуйста, — хрипло прошептал он. — Не сажайте меня к нему, Пол.

Тут я понял, чего он так перепугался, почему сопротивлялся изо всех сил. Он думал, что мы посадим его в камеру к Дикому Биллу Уэртону, отомстив за сухую губку тем, что убийца-психопат выдерет его в задницу. Я почувствовал к Перси еще большее отвращение и решил во что бы то ни стало довести задуманное до конца. Ведь Перси судил нас по своим меркам, именно так он поступил бы с нами, поменяйся мы местами.

— Мы посадим тебя не к Уэртону, — ответил я, — а в изолятор. Там ты проведешь три или четыре часа один, в темноте, обдумывая все то, что ты сделал с Дедом. Возможно, тебя уже поздно учить хорошим ма-

нерам. Брут, во всяком случае, думает именно так, но я оптимист. А теперь шевелись.

Он подчинился, бормоча себе под нос, что мы об этом пожалеем, еще как пожалеем, что он нам этого не простит, но при этом чувствовалось, что у него отлегло от сердца.

Когда мы вывели Перси в коридор, Дин с таким изумлением глянул на нас, что я едва не рассмеялся.

— Послушайте, вам не кажется, что шутка зашла слишком далеко? — спросил Дин.

— А ты молчи, если не хочешь составить ему компанию, — прорычал Зверюга.

Этот диалог мы отрепетировали, и мне он показался искусственным, но только так мы могли уберечь Дина Стэнтона от серьезных неприятностей, если бы наша авантюра закончилась провалом. Впрочем, если говорить начистоту, я сомневался, что он сумеет выйти сухим из воды.

Мы погнали Перси по Зеленой миле. Он несколько раз спотыкался и наверняка бы упал, если б мы не удержали его. Уэртон лежал на койке, но мы слишком быстро пронесли мимо его камеры, и я не успел заметить, спит он или бодрствует. Джон Коффи стоял у решетки и наблюдал.

— Ты — плохой человек и заслуживаешь того, чтобы тебя посадили в темную комнату, — напутствовал он Перси, но я не думаю, что тот услышал хоть слово.

Когда мы завели Перси в изолятор, его глаза уже покраснели от слез, а растрепанные волосы падали на лоб. Гарри одной рукой вытащил револьвер Перси, другой — дубинку.

— Мы тебе их вернем, не волнуйся.

— А вот о вашей работе я такого сказать не могу. Вы не имеете права так поступать со мной! Не имеете права!

Он бы мог еще много чего сказать, да только времени слушать у нас не было. Я достал из кармана

моток широкой изоляционной ленты. Перси увидел ее и попятился. Но Зверюга схватил его и держал, пока я не залепил ему рот, а потом для надежности не закрепил кляп, обвязав ленту вокруг головы. Я понимал, что Перси лишится нескольких прядей волос, когда мы будем снимать ленту, но решил, что он это переживет. Очень уж достал меня этот Перси Уэтмор. Зато нам можно было не беспокоиться о том, что его крики привлекут чье-либо внимание.

Мы попятились к двери, а Перси остался стоять посреди изолятора, под лампочкой, что висела под потолком. Он шумно дышал через нос, пытался что-то мычать. В общем, ничем не отличался от других заключенных, которых мы определяли в изолятор.

— Чем тише ты будешь сидеть, тем скорее выйдешь отсюда, — на прощание посоветовал ему я. — Запомни это, Перси.

— А если тебе станет одиноко, вспоминай о тех картинках, которые ты так усердно рассматривал в кабинете босса, — добавил Гарри.

Мы вышли. Я закрыл дверь, Зверюга ее запер. Дин стоял на Миле рядом с камерой Коффи. Он уже вставил ключ в замок. Мы все переглянулись, но никто не произнес ни слова. О чем мы могли говорить? Маховик закрутился. Оставалось только надеяться, что все пройдет так, как мы задумали.

— Ты по-прежнему хочешь проехаться с нами, Джон? — спросил Зверюга.

— Да, босс, — ответил Коффи. — Полагаю, что да.

— Хорошо. — Дин открыл первый замок, вынул ключ, вставил его во второй.

— Нужно ли нам заковывать тебя в цепи, Джон? — спросил я.

Коффи обдумал мой вопрос.

— Можете, если хотите, — наконец ответил он. — Необходимости в этом нет.

Я кивнул Зверюге, тот откатил дверь камеры, потом повернулся к Гарри, который нацелил револьвер Перси (сорок пятого калибра) на выходящего из камеры Коффи.

— Отдай все это Дину.

Гарри мигнул, словно мои слова вырвали его из сна, увидел, что держит в руках револьвер и дубинку Перси, и передал их Дину. Коффи уже стоял в коридоре, едва не доставая лысой головой до лампочек, ссутулившись, с висящими словно плети руками. Как и при своем появлении в блоке, он более всего напоминал мне гигантского пойманного медведя.

— До нашего возвращения держи игрушки Перси в ящике стола дежурного, — распорядился я, посмотрев на Дина.

— Если мы вернемся, — добавил Гарри.

— Хорошо, — кивнул Дин, пропустив мимо ушей реплику Гарри.

— Если кто-то зайдет, скорее всего такого не будет, но вдруг, что ты скажешь?

— Около полуночи Коффи начал буянить. — Дин отвечал, как студент на экзамене. — Нам пришлось обрядить его в смиренную рубашку и отправить в изолятор. Если кто-то что-то услышит, то подумает, что это он никак не может уговориться. — И Дин мотнул головой в сторону Коффи.

— А что насчет нас? — спросил Зверюга.

— Пол в административном корпусе просматривает личное дело Дела и список свидетелей казни. Это очень важно, потому что экзекуция прошла не так, как положено. Он сказал, что, возможно, вернется только к концу смены. Ты, Гарри и Перси в прачечной, стираете одежду.

Именно так ответили бы в любом блоке, если бы проверяющий недосчитался надзирателей. По ночам в прачечной играли в карты, блэкджек или покер. О тех надзирателях, которые принимали участие в игре,

говорили, что они стирают одежду. Обычно за игрой выпивали, иной раз и курили травку. Полагаю, то же самое происходило в любой тюрьме, с того момента как человек изобрел тюрьмы. Когда проводишь столько времени, охраняя нарушителей закона, трудно самому остаться незапятнанным. В любом случае проверять, стирали мы одежду или нет, никто бы не стал. На ночные постирушки начальство предпочитало закрывать глаза.

— Не придерешься. — Я подтолкнул Коффи к своему кабинету и повернулся к Дину. — Если мы попадемся, Дин, ты ничего не знаешь.

— Сказать-то легко, но...

В этот момент костлявая рука высунулась из камеры Уэртона и схватила Коффи за бицепс. Мы ахнули от неожиданности. Уэртон должен был отключиться, но он стоял у решетки, качаясь из стороны в сторону, словно боксер, пропустивший сильный удар, и лыбился во весь рот.

Коффи отреагировал более чем необычно. Он не отпрянул в сторону, лишь шумно втянул воздух сквозь сжатые зубы. Скривился, словно его коснулось что-то холодное и скользкое. Глаза его широко раскрылись, будто Уэртона он увидел впервые, будто они не вставали вместе каждое утро и не ложились спать каждый вечер. А лицо его стало точно таким же, как в тот момент, когда он захотел, чтобы я вошел к нему в камеру. С тем чтобы помочь мне. И еще раз я видел у него такое лицо, когда он протягивал руки, чтобы я положил в них Мистера Джинглеса. Вот и теперь лицо его как бы осветилось изнутри, словно кто-то внезапно зажег лампу у него в мозгу. Только выражение лица было другим. Можно сказать — жестким и холодным, и впервые я подумал: а что произойдет, если Джон Коффи вздумает бежать? У нас револьверы, мы могли пристрелить его, но даже с оружием завалить его — задача не из простых.

Схожие мысли я прочитал и на лице Зверюги, но Уэртон лишь продолжал лыбиться.

— Куда это вы собрались? — спросил он. Язык его заплетался, получилось: «Куд эт овы сбрались?»

Коффи стоял не шевелясь, потом повернулся к Уэртону, посмотрел сначала на его руку, затем на его лицо. Я не мог понять, что означают эти взгляды. Чувствовал, они что-то означают, но понять, что именно, не мог. Что же касается Уэртона, то он меня не волновал. Потом он бы все равно ничего не вспомнил. Как лунатик.

— Ты — плохой человек, — прошептал Коффи, и я не могу с уверенностью сказать, что услышал я в его голосе: боль, злость или страх. А может, все вместе. Коффи вновь посмотрел на руку, вцепившуюся в его бицепс. Как смотрят на насекомое, которое может больно укусить.

— Ты прав, ниггер. — Уэртон самодовольно улыбнулся. — Плохой для таких, как ты.

Тут я понял, что сейчас может случиться что-то ужасное, способное полностью изменить намеченный план, точно так же, как землетрясение меняет русло реки. И ни я, ни кто-то другой не в силах что-либо изменить.

Но Зверюга придерживался иного мнения. Он оторвал руку Уэртона от бицепса Коффи, и ощущение безысходности исчезло. Я уже упоминал, что за время моей службы в блоке Е телефон губернатора никогда не звонил. Все так, но если б он зазвонил, я испытал бы точно такое же облегчение, как в тот момент, когда Зверюга разъединил руку Уэртона и бицепс черного гиганта. Глаза Коффи сразу затуманились. Свет внутри погас.

— Ложись на койку, Билли, — порекомендовал Уэртону Зверюга. — Отдохни.

Обычная фраза, которую мы не раз говорили нашим подопечным, но сейчас она пришлась как нельзя кстати.

— Может, и лягу. — Уэртон отступил на шаг, повернулся, его повело в сторону, но он не упал, в последний момент сумел удержаться на ногах. — Ну и ну! Все плывет перед глазами. Как после крепкой выпивки.

Уэртон поплелся к койке.

— Ниггеров надо сажать на отдельный электрический стул, — успел пробормотать он, прежде чем уперся коленями в край и рухнул на койку. Захрапел Уэртон еще до того, как его голова коснулась тюремной подушки.

— Господи, да как он смог встать после такой дозы снотворного? — прошептал Дин.

— Это неважно, главное — он отключился, — ответил я. — Если зашевелится — дай ему еще одну таблетку, растворенную в стакане воды. Но не больше. Убивать его нам ни к чему.

— Такое чудовище таблетками не убьешь, — пробурчал Зверюга, искоса глянув на Уэртона. — Таблетки им только на пользу.

— Он — плохой человек, — повторил Коффи чуть ли не шепотом, с некоторой неуверенностью, словно не очень-то знал, что означают его слова.

— Совершенно верно, — кивнул Зверюга. — Очень плохой. Но мы о нем можем уже забыть. Сегодня он нам не помешает. — И мы двинулись дальше, окружив Коффи, словно обожатели — идола. — Скажи мне, Джон, ты знаешь, почему мы взяли тебя с собой?

— Чтобы помочь, — ответил он. — Я думаю... чтобы помочь... даме?

Он вопросительно взглянул на Зверюгу.

Тот кивнул.

— Совершенно верно. Но как ты узнал об этом? Откуда тебе это известно?

Джон Коффи обдумал вопрос, потом покачал головой.

— Я не знаю. Говорю вам правду, босс. Я многого не знаю. И никогда не знал.

Другого объяснения мы от него так и не услышали.

Глава 6

Я знал, что маленькая дверь между моим кабинетом и кладовой не предназначалась для людей с габаритами Коффи, но я и представить себе не мог, сколь разительным окажется это несоответствие, до того момента как Коффи остановился перед дверным проемом, задумчиво оглядывая его.

Гарри засмеялся, но сам Джон вроде бы не увидел ничего комичного в ситуации, когда большой человек стоит перед маленькой дверью. Разумеется, и не мог увидеть, даже если бы уровень его интеллекта был на несколько пунктов выше. Он всегда был здоровяком, а дверь ненамного уступала в размерах обычной.

Коффи присел, чуть ли не на корточках протиснулся в дверь, выпрямился за ней и спустился по ступенькам, где его уже ждал Зверюга. Там Джон остановился и через пустую комнату посмотрел на возвышение, на котором стояла Старая Замыкалка, покинутая, на время забытая всеми, словно трон в замке умершего короля. Колпак, однако, никак не походил на корону, более приличествуя шуту. Удлиненная тень электрического стула падала на стену. Мне показалось, что запах сгоревшего мяса все-таки ощущается. Пусть и очень слабый. Но, видимо, у меня просто разыгралось воображение.

Гарри проскользнул в дверь, я — за ним. Мне не понравилось, как Джон словно замороженный смотрит на Старую Замыкалку. Еще больше мне не понравилось другое, когда я подошел поближе: мурашки на коже.

— Пошли, здоровяк. — Я взял его за руку и попытался увести к двери в тоннель. Поначалу он не сдвинулся с места.

— Пошли, Джон, нам пора, а не то придется возвращаться прямо сейчас. — Гарри нервно рассмеялся,

взял Коффи за другую руку и потянул, но тот стоял как скала. А затем заговорил. Джон обращался не ко мне, не к нам, но слова его мне не забыть никогда.

— Они все еще здесь. Часть их все еще здесь. Я слышу, как они кричат.

У Гарри отвалилась челюсть и осталась висеть, словно сорванная с одной петли ставня в заброшенном доме. В устремленном на меня взгляде Зверюги был ужас, он отступил на шаг от Джона Коффи. Второй раз за последние пять минут я почувствовал, что мы на грани провала. Но тут инициативу взял на себя я. Когда же несколько позже угроза нависла над нами в третий раз, пришла очередь Гарри. Так что, поверьте мне, в ту ночь каждый из нас внес достойную лепту.

Я встал между Джоном и электрическим стулом, приподнялся на цыпочки, чтобы полностью заслонить собой Старую Замыкалку, а потом дважды резко щелкнул пальцами у Джона перед глазами.

— В путь! Быстро! Ты сказал, нам нет нужды заковывать тебя в цепи, теперь доказывай, что это так! Шагай, здоровяк! Шагай, Джон Коффи! Туда! К той двери!

Его взгляд прояснился.

— Да, босс.

И, слава Богу, он зашагал.

— Смотри только на дверь, Джон Коффи, только на эту дверь и никуда больше!

— Да, босс.

Джон покорно уставился на дверь.

— Зверюга, — я указал на дверь.

Зверюга поспешил к ней, на ходу доставая кольцо с ключами и отыскивая нужный. Джон смотрел на дверь, ведущую в тоннель, я — на Джона, но уголком глаза заметил нервный взгляд, брошенный Гарри на электрический стул, чего раньше за ним не замечалось.

«Часть их все еще здесь. Я слышу, как они кричат».

Если он говорил правду, тогда Эдуард Делакруа кричал дольше и громче всех. И оставалось лишь радоваться, что я не слышал того, что долетало до ушей Джона Коффи.

Зверюга открыл дверь. Мы спустились по лестнице, Коффи шел первым. Сойдя с последней ступени, он вгляделся в темный тоннель с низким кирпичным потолком. Пройти здесь Джон мог только согнувшись...

Я развернул тележку. Простыню, на которую мы положили тело Делакруа, сняли (и, возможно, сожгли), так что в свете ламп тускло блестела черная кожа обивки.

— Ложись, Джон. — Я указал на тележку. Он вопросительно посмотрел на меня, я ободряюще кивнул: — Так будет проще и для тебя, и для нас.

— Хорошо, босс Эджкомб. — Он сел на тележку, потом лег, в его карих глазах стояла тревога. Ноги в дешевых тюремных шлепанцах свисали чуть ли не до пола. Зверюга встал между ними и покатил Джона Коффи по коридору, как катал многих других. Разница состояла лишь в том, что этот пассажир дышал. На полпути (мы могли бы слышать приглушенный шум проезжающих сверху автомобилей, но в столь поздний час дорога пустовала) Джон заулыбался.

— Однако забавно.

Едва ли он скажет так, когда будет ехать на тележке в следующий раз, подумал я. Потому что тогда он уже ничего не сможет почувствовать. Или сможет? Он же сказал, что часть их еще здесь и он может их слышать.

— Надеюсь, вы отыщете Аладдина, босс Эджкомб? — повернулся ко мне Зверюга, когда мы подошли к дальнему концу тоннеля.

— Не беспокойся.

Для постороннего Аладдин ничем не отличался от остальных ключей, а те, что я таскал с собой, весили

добрых четыре фунта, но так назывался ключ-отмычка, который открывал все замки. В те дни на каждый из пяти блоков выдавался только один Аладдин, и находился он в ведении старшего надзирателя. Другие надзиратели могли получить его, но только под расписку.

Дальний конец тоннеля перегораживали ворота, сваренные из толстых железных прутьев. Мне они напоминали древние замки. Из тех времен, когда рыцарство было в чести, а рыцарей отличала смелость. Да только не мог я сравнивать «Холодную гору» с Камелотом. За воротами лестница уходила вверх, к не приметной двери с надписями «ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН», «СОБСТВЕННОСТЬ ШТАТА» и «ПРОВОЛОКА ПОД ТОКОМ» на наружной стороне. Дверь эта не висела на петлях, а поднималась, как заслонка в закалочной печи.

Я открыл замок, Гарри распахнул ворота, и мы поднялись по ступеням. Джон Коффи опять шел первым. Наверху Гарри не без труда протиснулся между ним и стеной и открыл замок. Но в одиночку дверь поднять не смог: слишком тяжелая.

— Минуту, босс. — Джон оттер Гарри и поднял дверь одной рукой, словно сработали ее из картона, а не из толстого стального листа.

Холодный ночной воздух, принесенный ветром с холмов, ударил нам в лица, поднял с земли опавшие листья. Джон Коффи поймал один свободной рукой. Никогда не забуду, как он смотрел на лист, как мял его пальцами, принюхивался к идущему от листа запаху.

— Пошли, — торопил Зверюга. — Время поджигает.

Мы все вышли наружу. Джон опустил дверь, Зверюга запер ее: для этого Аладдин не требовался. Но только он мог открыть дверцу в изгороди, которая окружала выход из тоннеля.

— Руки по швам, здоровяк, — предупредил Гарри. — Не касайся проволоки, а то будет больно.

Наконец последнее препятствие осталось позади. Мы стояли кучкой (три холмика, прилепившиеся к горе), глядя на стены, огни, сторожевые вышки тюрьмы «Холодная гора». Я даже смог разглядеть силуэт охранника на одной из вышек, который как раз в этот момент дул на замерзшие руки. Он нас видеть не мог: во-первых, окошки, выходящие на дорогу, слишком малы, во-вторых, он держал под наблюдением стены и тюремный двор. Однако шуметь нам не следовало. А вот машина, следующая по дороге с включенными фарами, грозила нам серьезными неприятностями.

— Скорее, — прошептал я. — Гарри, показывай, куда идти.

Мы двинулись гуськом вдоль дороги. Гарри — первый, за ним Джон Коффи, Зверюга и я. Перевалив через холмик, мы спустились по склону, и тюрьма скрылась из виду. Гарри, однако, все шел и шел.

— Где ты поставил свой пикап? — проворчал Зверюга. — В Балтиморе?

— Ближе, — раздраженно ответил Гарри. — Придержи язык, Зверюга.

Но Коффи, это я видел по нему, с удовольствием шагал бы до восхода солнца, а может, и до следующего заката. Смотрел бы по сторонам во все глаза не со страхом, а с радостью, в этом я нисколько не сомневался. Может, Джон и боялся темноты в стенах тюрьмы, но здесь она совершенно его не пугала, я мог в этом поклясться. Он ласкал ночь, впитывал ее в себя всеми своими чувствами. Так мужчина ласкает женщину, наслаждаясь ее ароматом, округлостями тела, бархатистостью кожи.

— Поворачиваем, — предупредил Гарри.

От дороги уходил вправо узкий проселок с двумя колеями и растущей посередине травой. Мы повернули и прошагали еще с четверть мили. Зверюга вновь начал брюзжать, но Гарри остановился, свернул влево и начал скидывать с грузовичка ветки, которыми он

его замаскировал. Зверюга и Джон присоединились к нему, и прежде чем я успел помочь, на нас уже смотрела морда старого «фармолла», с фарами, забранными металлической сеткой.

— Лишняя осторожность не помешает, — пояснил Гарри Зверюге. — Для тебя это, возможно, пустячок, Брут Хоуэлл, но я происхожу из очень религиозной семьи. У меня такие святые кузины, что в сравнении с ними обычные христиане скорее львы. Если меня поймают...

— Не кипятись, — ответил Зверюга. — Просто я нервничал, ничего больше.

— Я тоже, — не стал скрывать Гарри. — А теперь, если эта колымага заведется...

Он направился к кабине, что-то бормоча себе под нос, а Зверюга подмигнул мне. Для Коффи же мы перестали существовать. Он откинул назад голову и любовался усыпавшими небо звездами.

— Если хочешь, я поеду с ним в кузове, — предложил Зверюга. За нашими спинами взвыл стартер «фармолла», и тут же завелся двигатель. Гарри газанул, а потом вернул двигатель в режим холостого хода. — Нам нет нужды двоим ехать с Коффи.

— Садись в кабину, — ответил я. — Ты сможешь поехать с ним на обратном пути. Если, конечно, нам всем не придется проделать его в нашей же перевозке.

— Зря ты это сказал. — Зверюга явно расстроился. Возможно, до него только сейчас дошло, что нас ждет, если мы попадемся. — Господи, Пол!

— Быстро! В кабину.

Он подчинился. Я дергал Джона Коффи за рукав, пока не вернул его с небес на землю, а потом повел к кузову грузовичка с обтянутыми брезентом боковыми бортами. Так что с проезжающих мимо машин нас бы не увидели. Задний борт, однако, отсутствовал.

— Полезай в кузов, здоровяк.

— Уже едем?

— Совершенно верно.

— Хорошо.

Коффи радостно улыбнулся и залез в кузов. Я последовал за ним, подошел к кабине, постучал по крыше. Гарри включил первую передачу, и грузовичок, весь трясясь, выехал на проселок.

Джон Коффи стоял посередине кузова, широко расставив ноги, вновь подняв голову к звездам, не замечая тряски.

— Посмотрите, босс! — прокричал он, указав в черную ночь. — Это Касси, леди в кресле-качалке!

Он не ошибся. Я видел ее в чередке звезд за черными силуэтами проплывающих мимо деревьев. Но думал не о Кассиопее, когда он упомянул леди в кресле-качалке, а о Мелинде Мурс.

— Я вижу ее, Джон. — Я подергал его за рукав. — Но ты должен сесть, хорошо?

Он сел, привалившись спиной к кабине, так и не оторвав глаз от ночного неба. Лицо его сияло неподдельным счастьем. Зеленая миля удалялась от нас с каждым поворотом лысых шин «фармолла», и на какое-то время прекратился ранее казавшийся беспре-рывным поток слез, текущих из глаз Джона Коффи.

Глава 7

Двадцать пять миль отделяли нас от дома Хола Мурса в Чимни-Ридж, и старому грузовичку Гарри Тервиллигера потребовался час, чтобы преодолеть их. Странная это была поездка. Вроде бы я помню все до мельчайших подробностей, каждый поворот, бугор, рытвину, испуг (такое случилось дважды, когда по встречной полосе проезжали грузовики), а вот что я чувствовал, сидя рядом с Джоном (мы оба, словно индейцы, завернулись в старые оде-

яла, брошенные в кузов предусмотрительным Гарри), описать не могу.

Пожалуй, преобладало ощущение потерянности, глубокая острая боль, пронзающая ребенка, внезапно осознавшего, что он заблудился, знакомых ориентиров нет и пути домой не найти. Грузовик мчал меня в ночь вместе с заключенным, не просто заключенным, но приговоренным судом к смертной казни за убийство двух маленьких девочек. Если бы нас поймали, мою уверенность в том, что он невиновен, никто бы не стал брать в расчет. Мы все отправились бы в тюрьму. Скорее всего и Дин Стэнтон составил бы нам компанию. Я бросил псу под хвост жизнь и карьеру только потому, что одна экзекуция прошла не так, как должно, а я поверил, будто этот гигантский увалень, сидевший рядом со мной, мог спасти женщину, в мозгу которой росла неоперабельная опухоль. Однако, наблюдая за Джоном, не отрывающим взгляда от звезд, я, к своему ужасу, понял, что уже в это не верю, если вообще-то верил. Урологическая инфекция забылась, как забывается все неприятное и болезненное, оставшееся в прошлом (если бы женщина действительно могла помнить, с какими болями доставался ей первый ребенок, как-то сказала мне мать, она никогда не стала бы рожать второго). Что же касается Мистера Джинглеса, вполне возможно, Перси не так уж сильно покалечил его. Или Джон, пользуясь гипнотической силой своего взгляда (а в его способности гипнотизировать сомнений как раз не было), каким-то образом убедил нас, будто мы видим то, чего на самом деле нет. К тому же мы как-то упустили из виду возможную реакцию Хола Мурса. В то утро, неожиданно ворвавшись в его кабинет, я увидел плачущего, сломленного старика. Но настоящий начальник тюрьмы, думал я, совсем другой человек. Тот, что сломал руку заключенному, бросившемуся на него, а потом с циничной откровенностью указал мне на то, что мозги Делакруа

все равно поджарят, вне зависимости от того, кто будет проводить экзекуцию. Как я только мог подумать, что Хол Мурс покорно отойдет в сторону и позволит нам ввести осужденного детоубийцу в свой дом? Позволит ему прикоснуться к своей жене?

Мои сомнения росли как снежный ком. Я просто не мог понять, почему я все это затеял, зачем убедил остальных отправиться вместе со мной в это безумное ночное путешествие. Я уже не верил, что у нас есть хоть малейший шанс выйти сухими из воды. Однако я даже не попытался что-либо изменить, хотя и мог, ведь мы контролировали ситуацию, пока не остановились у дома Мурсов. Но что-то (я думаю, волны восторга, накатывающие от гиганта, сидящего рядом) помешало мне забарабанить кулаками по крыше кабины и приказать Гарри развернуть грузовик и гнать обратно к тюрьме.

В таком вот я пребывал настроении, когда мы свернули на дорогу номер пять, а с нее — на Чимни Риджроуд. Еще через пятнадцать минут я увидел очертания знакомой крыши и понял, что мы прибыли.

Гарри переключился со второй передачи на первую (вроде бы за всю дорогу он только раз переключался на третью). Двигатель взревел, грузовичок затрясся, словно и он боялся того, что ждало нас впереди.

Гарри повернул на усыпанную гравием подъездную дорожку Мурсов и остановил грузовичок рядом с черным «бьюиком» начальника тюрьмы. Уже взошла луна, и в ее свете я увидел, что всегда ухоженная лужайка заросла сорняками, ее засыпало листьями. Обычно листья убирала Мелли, но в ту осень она не могла взять в руки грабли, а следующей осени ей, похоже, увидеть было не суждено. Такова правда жизни, думал я и никак не мог взять в толк, с чего мне взбрело в голову, будто этот мокроглазый идиот может что-то изменить.

Может, еще не поздно спастись, решил я и приподнялся, одеяло сползло с моих плеч. Сейчас я наклонюсь, постучу по стеклу кабины, скажу Гарри, что надо убираться отсюда...

Джон Коффи громадной рукой схватил меня за плечо, и я тут же шмякнулся на задницу.

— Смотрите, босс. — Он указал на дом. — Кто-то не спит.

Я проследил за его пальцем, и у меня упало сердце. В одном из окон первого этажа горел свет. Скорее всего в комнате, в которой Мелинда теперь проводила дни и ночи. Она уже не могла подниматься по лестнице, точно так же как не могла сгребать листья, засыпавшие лужайку после недавней грозы.

Они, конечно, слышали шум подъехавшего грузовичка, этого древнего «фармолла» Гарри Тервиллигера, с ревушим двигателем и чихающим глушителем. Черт, в эти ночи Мурсы не могли крепко спать.

И точно, свет вспыхнул на кухне, потом в гостиной, в холле... Наконец зажглась лампочка на крыльце. Я наблюдал за этими приближающимися огнями, как человек, стоящий у бетонной стены и выкуривающий последнюю сигарету в ожидании, когда взвод поднимет ружья и послышится команда «пли!». А потом двигатель «фармолла» смолк, скрипнули дверцы и захрустел гравий под ногами выпрыгнувших из кабины Гарри и Зверюги.

Джон встал, потянув меня за собой. В лунном свете его лицо горело нетерпением. Почему нет, помнится, подумал я тогда. С чего бы ему не рваться в этот дом? Он же идиот.

Зверюга и Гарри стояли плечом к плечу, словно дети, застигнутые грозой, в двух шагах от задних колес грузовичка. По их лицам я видел, что они испуганы не меньше моего. Настроение мое от этого не улучшилось.

Джон спустился на землю. Не прыгнул вниз, а просто сошел с кузова, как со ступеньки. Я последовал за ним на негнущихся ногах и растянулся бы на гравии, если бы он не ухватил меня за руку.

— Мы облажались, — просипел Зверюга. Его глаза округлились от страха. — Святой Боже, Пол, о чем мы думали?

— Сейчас поздно говорить об этом. — Я подтолкнул Коффи, и он послушно встал рядом с Гарри. Я же подхватил Зверюгу под руку, и мы вдвоем пошли к крыльцу, освещенному горящей над дверью лампой. — Разговаривать с Холлом буду я. Понял?

— Да, — отозвался Зверюга. — Сейчас это единственное, что я способен понять.

Я оглянулся.

— Гарри, оставайся с Джоном у грузовичка, пока я вас не позову. Не хочу, чтобы Мурс увидел вас до того, как я его подготовлю. — Только я знал, что подготовить начальника тюрьмы мне не удастся. Ни-когда!

Зверюга и я подошли к ведущим на крыльцо ступенькам, когда распахнулась входная дверь. На пороге возник Холл Мурс в пижамных штанах и полосатой футболке. Седые волосы торчали во все стороны. Он прекрасно знал, что, работая в тюрьме, нажил множество врагов, и вышел с револьвером в руке, тем самым, который обычно висел над каминной доской в гостиной. Модель эта называлась «нед бантлайн спешл», и стрелял из этого револьвера еще дедушка Хола. Но я увидел взведенный курок, и внутри у меня все похолодело.

— Кого это принесло сюда в половине третьего утра? — спросил Холл. Страх в его голосе не слышалось. На какое-то время пропала даже дрожь в руках. — Отвечайте, или... — ствол револьвера начал подниматься.

— Это мы, — отозвался Зверюга и поднял руки ладонями вверх, показывая, что он безоружен. Таким

голосом он не говорил никогда. Словно дрожь из рук Мурса перекачовала в горло Брута Хоуэлла. — Пол, я и... Это мы!

Зверюга поднялся на одну ступеньку, чтобы свет упал ему на лицо. Я присоединился к нему. Хол Мурс переводил взгляд с меня на Зверюгу, решимость в его глазах сменилась недоумением.

— Что вы тут делаете? Во-первых, сейчас глубокая ночь, во-вторых, это же ваша смена. Я это знаю, мне принесли график дежурств. Так какого черта... Господи, или в тюрьме бунт? — Тут он поднял глаза и посмотрел за наши спины. — Кто еще стоит у грузовичка?

«Разговаривать с Холлом буду я», — так я проинструктировал Зверюгу. Но пришла пора говорить, а я не мог открыть рта. В тот день, по дороге на работу, я подготовил небольшую речь, объясняющую наше появление у дома Мурсов. С достаточно логичными доводами, выслушав которые, Хол впустит нас в дом. Но подготовка пошла насмарку, в голове у меня все перемешалось. Мысли и образы сменяли друг друга: горящий Дел, умирающий Мистер Джинглес, старик Два Зуба, подпрыгивающий на Старой Замыкалке и орущий, что индейка готова. Такой вот вихрь кружился в моей голове. Я верю, что в мире есть место добру, что добро это — свидетельство присутствия нашего любимого Бога. Но я верю и в существование другой силы, не менее реальной, чем Бог, которому я молился всю жизнь, и сила эта целенаправленно старается порушить все доброе. Не сатана, я говорю не о сатане (хотя я верю, что и он существует), но какой-то демон разрушения, отвратительное создание, которое радостно гогочет, когда старик, пытаюсь раскурить трубку, поджигает на себе одежду или когда младенец сует в рот подаренную ему на первое в жизни Рождество игрушку и задыхается. Времени на раздумья мне хватало, прошло много лет, прежде чем из Холодной горы я

попал в Джорджия Пайнс, поэтому теперь я абсолютно убежден, что сила эта активно воздействовала на нас в ту ночь, пытаясь не допустить Джона Коффи к Мелинде Мурс.

— Хол... я... — Язык отказывался мне подчиняться.

Мурс вновь поднял револьвер, нацеливая его куда-то за наши спины. Его налитые кровью глаза широко раскрылись. И тут появился Гарри Тервиллигер, таща за собой нашего большого мальчика, который улыбался во весь рот.

— Коффи, — выдохнул Мурс. — Джон Коффи. — На мгновение у него перехватило дыхание, а потом он заорал во весь голос: — Стой! Стой, или я стреляю!

А из глубин дома донеслось:

— Хол? Что ты там делаешь? С кем ты разговариваешь, гребаный членосос?

Мурс обернулся, на лице его отразилось смущение. Думаю, мне хватило бы секундного замешательства Хола, чтобы вырвать револьвер из его руки. Да только мои руки не желали меня слушаться. К ним словно привязали по гире. И в голове что-то трещало, не давая думать, совсем как радиопомехи в грозу заглушают передачу. А страх подавил все остальные чувства.

Гарри и Джон Коффи приблизились к крыльцу. Мурс вновь посмотрел на нас и поднял револьвер. Потом он признался, что действительно хотел застрелить Коффи. Он решил, что мы все взяты в заложники, а за грузовиком и в темноте прячутся те, кто захватил нас и привез к его дому. Мурс не понимал, почему мы здесь оказались, но предполагал, что наиболее вероятная причина — месть.

Но прежде чем он выстрелил, Гарри Тервиллигер сделал шаг вперед и закрыл собой Коффи. Коффи его не заставлял, Гарри сделал это по собственной воле.

— Нет, мистер Мурс! Все в порядке! Мы не вооружены, стрелять нет нужды, мы приехали, чтобы помочь!

— Помочь? — Кустистые брови Мурса сошлись у переносицы. — Помочь чем? Помочь кому?

Как бы в ответ послышался все тот же женский голос.

— Иди сюда и пошуруй в моей киске, сукин ты сын! Да приведи своих засранных приятелей. Пусть и они по очереди трахнут меня!

Я посмотрел на Зверюгу, потрясенный до глубины души. Я-то понимал, почему она ругается: опухоль заставляла ее ругаться, но услышать такое... Такого я не ожидал.

— Что вы тут делаете? — вновь спросил нас Мурс. Решимость ушла из его голоса. Вопли жены выбили у него почву из-под ног. — Я не понимаю. Это побег или...

Джон отстранил Гарри, поднял его и переставил на другое место, а сам начал подниматься по лестнице. Он встал между мной и Зверюгой, такой огромный, что нас разнесло в стороны, аккуратно в посаженные Мелли кусты. Мурс медленно обвел Джона взглядом, как смотрят на встретившееся в пути особенно высокое дерево. И внезапно я вновь вернулся в реальный мир. Та сила, что путала мои мысли, блокировала их, исчезла. Думаю, я также понял, почему Гарри сохранил способность действовать, когда я и Зверюга стояли столбом перед нашим боссом. Гарри находился рядом с Джоном... и сила, которая противостояла другой, демонической, в ту ночь обреталась в Джоне Коффи. Когда же Джон оказался лицом к лицу с Холмом Мурсом, сила эта... что-то белое, только так я могу ее сейчас описать, что-то белое... взяла ситуацию под контроль. Вторая сила не исчезла, лишь отступила, черной тенью застыв невдалеке.

— Я хочу помочь, — произнес Джон Коффи.

Мурс, открыв рот, смотрел на него во все глаза. А когда Коффи взял у него «бантлайн спешл» и передал мне, Хол, похоже, даже не понял, что его обезоружили. Я осторожно спустил курок. Потом, проверив барабан, я обнаружил, что револьвер не заряжен. А Джон тем временем бубнил свое.

— Я пришел, чтобы помочь ей. Только помочь. Это все, чего я хочу.

— Хол! — выкрикнула Мелли. Теперь в голосе ее слышался страх. — Пусть они уйдут, кто бы они ни были! Гони этих коммивояжеров! Уже и ночью заявляются! Не нужны нам ни холодильники, ни кастрюли! И французские трусики с вырезом на промежности не нужны! Скажи им, чтобы они катились к гребаной... — Что-то разбилось, должно быть, стакан, и она разрыдалась.

— Только помочь. — Коффи говорил тихо, прямо-таки шептал. На ругательства и рыдания женщины он не обращал ни малейшего внимания. — Только помочь, босс, ничего больше.

— Ты не сможешь, — качнул головой Мурс. — Никто не сможет. — Интонации эти я уже слышал, и мгновение спустя до меня дошло, что точно так же звучал и мой голос, когда я входил в камеру Коффи, где он вылечил меня от урологической инфекции. Словно меня загипнотизировали. «Ты занимайся своими делами и не лезь в мои», — осадил я тогда Делакура. Потому что моими делами в тот момент занимался Коффи, как сейчас он занимался делами Хола Мурса.

— Мы думаем, что он сможет, — заговорил Зверюга. — И мы не стали бы рисковать работой, не говоря уж о том, что можем сами оказаться за решеткой, лишь для того, чтобы приехать сюда и уехать, не предоставив ему шанса.

Да только три минуты тому назад именно это мне и хотелось сделать. Как, впрочем, и Зверюге.

Джон Коффи взял инициативу на себя. Протиснулся мимо Мурса в холл (тот поднял руку, чтобы остановить его, но она лишь скользнула по бедру Коффи) и через гостиную и кухню прошествовал в спальню, откуда тут же донесся пронзительный голос:

— Не смей сюда входить! Не смей! Я не одета, сиськи торчат наружу, а в мочалке гуляет ветер!

Джон пропустил крики мимо ушей, шел, наклонив голову, чтобы не побить лампы, коричневая лысина тускло блестела, руки болтались по бокам. После короткого замешательства мы последовали за ним, Хол, я и Зверюга впереди, Гарри — в арьергарде. Если я что-то и понимал, так только одно: все в руках Джона, мы же что-либо изменить, на что-то повлиять не можем.

Глава 8

Женщина, что полулежала в спальне для гостей, привалившись спиной к подушке, поставленной на попа в изголовье, и во все глаза смотрела на гиганта, внезапно возникшего перед ней, ничем не напоминала Мелли Мурс, которую я знал добрых двадцать лет. Сильно отличалась она и от той Мелли Мурс, которую мы с Джейнис навещали незадолго до казни Делакруа. Женщина на кровати выглядела, как психически недоразвитая девочка, которая, выросши, превратилась в ведьму. Некогда гладкая кожа на лице собралась в складки. Правый глаз перекосило, словно Мелинда хотела мигнуть. Правый уголок рта опустился, над синюшной нижней губой желтел зуб. Жидкие волосики облепили череп. В воздухе стоял тяжелый запах человеческих испражнений. Горшок у кровати наполовину заполняла какая-то коричневатая жижа. Мы пришли слишком поздно, в ужасе подумал я. Лишь несколько

дней назад мы могли ее узнать. Но опухоль, похоже, слишком быстро увеличивалась в размерах, превратив Мелинду незнамо в кого. Даже Коффи, решил я, ей уже не поможет.

При появлении Коффи на ее лице отразился страх... словно нечто затаившееся у нее внутри узнало врача, который сумеет-таки изгнать его из тела. Поймите меня правильно: я не утверждаю, что в Мелли вселился злой дух, но и не могу полностью отвергнуть эту версию. Что-то в ее глазах, это я заявляю ответственно, что-то выглядело как страх. Думаю, в этом вы можете мне поверить, я слишком часто видел страх в глазах людей, чтобы ошибиться.

Как бы то ни было, страх быстро исчез, уступив место живой заинтересованности. Губы задрожали и изогнулись в некоем подобии улыбки.

— О, какой большой! — говорила она, как маленькая девочка, простудившая горло, потом вытащила руки — мертвенно-бледные, как и лицо, — из-под одеяла и хлопнула в ладоши. — Сними штаны! Я всю жизнь слышала о том, какие у негров длинные концы, но ни одного не видела!

Из груди Мурса, стоявшего за моей спиной, вырвался стон отчаяния.

Джон Коффи не отреагировал на ее слова. Он стоял, как бы наблюдая за Мелли со стороны, потом подошел к кровати, освещенной настольной лампой. Она отбрасывала яркий круг света на белое покрывало. За кроватью, в густой тени, я увидел кушетку, ранее стоявшую в гостиной. Плед, в свое время собственноручно связанный Мелли, наполовину сполз на пол. Там, наверное, спал или дремал Хол, когда мы подкатили к дому.

С приближением Джона выражение ее лица изменилось в третий раз. Внезапно я увидел прежнюю Мелли, чья доброта так много значила для меня все эти годы, а еще больше для Джейнис, особенно после

того, как дети улетели из отчего дома и она почувствовала себя одинокой и никому не нужной. Интерес в глазах Мелли остался, но уже интерес человека разумного, осознающего, что он делает и говорит.

— Кто ты? — спросила она громко и отчетливо. — И почему у тебя на руках и предплечьях так много шрамов? Кто так сильно изуродовал тебя?

— Я уже и не помню, откуда они взялись, мэм, — пробасил Коффи, усаживаясь на кровать.

Мелинда улыбнулась как смогла, правый уголок рта дрогнул, но не поднялся. Она прикоснулась к белому шраму, изогнутому, как ятаган, на тыльной стороне левой ладони Коффи.

— Какое это блаженство. Ты понимаешь почему?

— Потому что, если не знаешь, кто ударил тебя, и не отслеживаешь его, ты можешь спокойно спать по ночам.

Она рассмеялась, и в грязной вонючей комнате словно зазвенел серебряный колокольчик. Хол уже стоял рядом со мной, не пытаясь вмешаться. Только из груди с шумом вырывалось учащенное дыхание. Когда же Мелли засмеялась, одна из его рук ухватила меня за плечо. Так сильно, что остался синяк. Я обнаружил его на следующий день, но в тот момент ничего не почувствовал.

— Как тебя зовут? — спросила Мелинда.

— Джон Коффи, мэм.

— Коффи, как напиток.

— Да, мэм, только пишется по-другому.

Откинувшись на подушку, она пристально смотрела на него. Он сидел рядом, глядя на нее, в свете лампы они казались актерами на сцене, здоровяк негр в тюремной одежде и ссохшаяся умирающая белая женщина. Взгляды их слились воедино.

— Мэм?

— Да, Джон Коффи. — Едва слышные слова выскользнули в вонючий воздух. У меня заныли мышцы

спины, ног, рук. Я чувствовал, как пальцы Мурса сжимают мое плечо, уголком глаза увидел Зверюгу и Гарри. Они стояли обнявшись — два ребенка, потерявшиеся в ночи. Что-то должно было случиться. Что-то необыкновенное. Каждый из нас знал об этом.

Джон Коффи наклонился над Мелиндой. Заскрипели пружины, зашуршала простыня, и холодная луна заглянула в верхнюю половину окна спальни. Налитые кровью глаза Коффи пристально изучали поднятое к нему увядшее лицо.

— Я это вижу, — говорил он не ей (я так, во всяком случае, думаю), а себе. — Я это вижу и могу помочь. Застыньте... просто застыньте...

Коффи наклонился ниже, еще ниже. На мгновение его громадное лицо застыло в двух дюймах от ее лица. Он поднял одну руку с растопыренными пальцами, словно давая кому-то знак подождать... немного подождать... и тут же его широкие мягкие губы приникли к ее губам, заставляя Мелли раскрыть рот. Я увидел ее глаз, изумленно смотрящий мимо Коффи, потом лысая голова двинулась, заслонив его от меня.

Раздался свистящий звук, словно Коффи высасывал воздух из легких Мелли. Слышался он секунду или две, после чего пол дрогнул у нас под ногами, зашатались стены. Мне не почудилось: все ощутили то же самое, потом каждый упомянул об этом. В гостиной свалилось что-то тяжелое, как потом выяснилось, напольные часы. Позже Хол Мурс неоднократно пытался их починить, но они шли максимум пятнадцать минут и останавливались.

Треснуло стекло в окне, через которое в комнату заглядывала луна. Картина на стене (клипер, несущийся по волнам далекого моря) сорвалась с крюка и упала на пол, стекло, что предохраняло рисунок от пыли, разбилось вдребезги.

Запахло горелым, над белым покрывалом, под которым лежала Мелли, поднялся дымок. Часть его, в

ногах, обуглилась. Я освободился от руки Мурса, сжимавшей мне плечо, и шагнул к ночному столику. Стакан с водой стоял в окружении трех или четырех пухляков с таблетками, которые от толчка свалились на бок. Я взял стакан и вылил на дымящееся место. Зашипело.

Джон Коффи продолжал целовать Мелли взад, вдыхая и выдыхая, одна рука оставалась в воздухе, вторая упиралась в кровать.

Внезапно Мелли подалась вперед, выгнув спину. Одна из ее рук взлетела в воздух, пальцы сжимались и разжимались. Ноги забарабанили по кровати. Раздался крик. Его услышал не только я, но и остальные. Зверюга потом говорил, что так кричит волк или койот, когда попадает в капкан. Мне же крик этот напомнил клекот орла, парящего утром в тумане.

А снаружи порыв ветра едва не снес дом с фундамента. Странно, знаете ли, потому что, когда мы сюда подъехали, ветра не было и в помине.

Джон Коффи оторвался от Мелли, и я увидел, что кожа на ее лице разгладилась. Правый уголок рта выровнялся с левым, глаза приняли обычную форму, женщина помолодела лет на десять. Коффи смотрел на нее секунду-другую, а потом начал кашлять. Он повернул голову, чтобы не кашлять ей в лицо, потерял равновесие (этому удивляться не приходилось: при его габаритах сидел-то он на краешке кровати) и повалился на пол. Дом тряхнуло в третий раз. Коффи поднялся на колени, упираясь руками в пол, и продолжал надрывно кашлять, как человек с застарелым туберкулезом. Насекомые, думал я, теперь он выкашляет насекомых, и их на этот раз будет куда как много.

Только он не выкашлял. Джон заходил в кашле, ему едва хватало времени, чтобы между приступами набрать в легкие воздуха. Его темная, шоколадная кожа посерела. Встревоженный, Зверюга подошел к Коффи, опустился рядом с ним на одно колено, поло-

жил руку на широкую, содрогающуюся спину. Движение Зверюги словно разрушило чары. Мурс поспешил к кровати и сел на то место, где только что сидел Коффи. Он словно не замечал кашляющего гиганта, хотя тот находился у самых его ног. Видел Мурс только свою жену и никак не мог поверить своим глазам. Словно смотрел на грязное зеркало, которое очистилось по мановению волшебной палочки.

— Джон! — кричал Зверюга. — Отхаркни их! Отхаркни, как в прошлый раз!

Джон кашлял и кашлял. От напряжения на глазах его выступили слезы. Из рта брызгала слюна, но ничего больше.

Зверюга пару раз стукнул Коффи по спине, повернулся и посмотрел на меня.

— Он задыхается! То, что он высосал из нее, душит его!

Я двинулся к ним. Но не успел сделать и двух шагов, как Джон на коленях отполз от меня в угол комнаты, по-прежнему надсадно кашляя. Он прижался лбом к стене (я запомнил красные розы на обоях) и вновь постарался отрыгнуть то, что забивало ему горло. Но насекомые не вылетели наружу. Кашель, однако, стал не таким надсадным.

— Со мной все в порядке, босс. — Джон все еще прижимался лбом к красным розам, не раскрывая глаз. Не знаю, каким образом он почувствовал, что я стою рядом, но он это знал. — Честное слово, все в порядке. Посмотрите на даму.

Я с сомнением оглядел его, потом повернулся к кровати. Хол нежно разглаживал брови Мелли, но меня поразило другое: ее волосы, не все, только часть, потемнели.

— Что случилось? — спрашивала она мужа. На моих глазах ее щеки порозовели. Словно на них перенеслась пара роз с обоев. — Как я тут очутилась? Мы ведь собрались в больницу в Индианоле. Доктор хо-

тел сделать рентген черепа и посмотреть, что у меня в голове.

— Ш-ш-ш, — улыбнулся Хол. — Теперь это неважно, дорогая.

— Но я не понимаю! — Она чуть не плакала. — Мы остановились у магазинчика, ты купил мне паке-тик конфет... а потом... я здесь. Уже стемнело! Хол, ты поужинал? И почему я в спальне для гостей? Мне сделали снимки? — Ее взгляд заметался по комнате (Гарри она, похоже, не заметила), остановился на мне. — Пол, мне сделали снимки?

— Да, — кивнул я. — На них ничего нет.

— Они не обнаружили опухоль?

— Нет. Они сказали, что больше голова у тебя болеть не будет.

Сидящий рядом с ней Хол разрыдался.

Мелли села, оторвавшись от подушки и поцеловала его в висок. Затем посмотрела в угол.

— А кто этот негр? Почему он в углу?

Я повернулся и увидел, что Джон пытается под-няться. Зверюга ему помог, и Джону удался послед-ный рывок. Стоял он лицом к стене, словно ребенок, наказанный за какой-то проступок. Он все кашлял, но уже не так, словно его выворачивало наизнанку.

— Джон, — позвал я. — Повернись, здоровяк, по-смотри на даму.

Коффи медленно повернулся. Лицо его цветом не отличалось от золы, и выглядел он лет на десять стар-ше, словно когда-то сильный человек, проигравший битву с возрастом. Он не отрывал глаз от тюремных шлепанцев. Будь у него в руках шляпа, он бы застен-чиво мял ее.

— Кто ты? — вновь спросила Мелли. — Как тебя зовут?

— Джон Коффи, мэ, — ответил он.

— Но пишется не как напиток, — тут же добави-ла она.

Сидевший рядом с ней Хол вытаращился на нее. Мелли похлопала его по руке, не отрывая взгляда от негра.

— Я видела тебя во сне. Я видела, ты блуждал во тьме, как и я. Мы нашли друг друга.

Джон Коффи молчал.

— Мы нашли друг друга во тьме. Встань, Хол, ты сидишь на покрывале.

Мурс встал и с изумлением наблюдал, как она отбрасывает покрывало.

— Мелли, тебе нельзя...

— Не болтай ерунды. — Она поставила ноги на пол. — Разумеется, можно. — Мелли оправила ночную рубашку, потянулась и встала.

— Мой Бог, — прошептал Хол. — Святой Боже на небесах, посмотрите на нее.

Мелли направилась к Джону Коффи. Зверюга подался в сторону, не отрывая от нее восхищенных глаз. При первых шагах она хромала, правая нога слушалась хуже левой, потом разница пропала. Я вспомнил, как Зверюга протянул Делакруа раскрашенную катушку, говоря: «Брось ее... я хочу посмотреть, как он бежит». В тот вечер Мистер Джинглес тоже хромал, но на следующий вечер, вечер, когда Делакруа прошел Зеленую милю, от хромоты не осталось и следа.

Мелли обхватила Джона руками, прижалась к нему. Коффи постоял, потом поднял одну руку и погладил Мелли по голове. С бесконечной нежностью. Лицо его оставалось серым. Выглядел он совсем больным.

Она отступила на шаг, посмотрела ему в глаза.

— Спасибо тебе.

— Рад помочь, мэм.

Мелли повернулась, подошла к Холу. Он тут же обнял ее.

— Пол... — Гарри вытянул правую руку и выразительно постучал пальцем по циферблату часов.

Почти три. В половине пятого начинало светать. Если мы хотели вернуться в «Холодную гору» в темноте, следовало поторапливаться. А я хотел вернуться как можно скорее. Не только потому, что с каждой минутой наши шансы выйти сухими из воды уменьшались. Я также хотел доставить Джона туда, где мы могли вызвать к нему врача, если возникнет такая необходимость. А глядя на него, я чувствовал, что без этого не обойтись.

Хол и Мелинда, обнявшись, сидели на краешке кровати. Я подумал было о том, чтобы выйти с Холлом в гостиную и сказать ему пару слов наедине, но быстро понял, что от Мелли его не оторвешь и трактором. Он просто не сводил с нее глаз.

— Хол, — позвал я, — мы должны идти.

Он кивнул, не посмотрев на меня. Он изучал цвет щек жены, изгиб ее губ, вновь потемневшие волосы.

Я похлопал его по плечу, достаточно сильно, чтобы на мгновение привлечь его внимание к собственной персоне.

— Хол, мы сюда не приезжали.

— Что?..

— Мы сюда не приезжали. Потом мы обо всем поговорим, но это ты должен запомнить. Мы сюда не приезжали.

— Да, хорошо... — Он заставил себя повернуться ко мне. Чувствовалось, что дается ему это нелегко. — Вы должны отвезти его назад. Вы сумеете переправить его в тюрьму?

— Думаю, да. Возможно. Но нам надо поторапливаться.

— Откуда вы знали, что он на такое способен? — Тут Хол покачал головой, словно ругая себя за этот вопрос, требующий обстоятельного ответа: время-то поджимало. — Пол... спасибо тебе.

— Благодарю не меня. Джона.

Хол взглянул на Джона Коффи, протянул руку точно так же, как протянул ее я в тот день, когда Гарри и Перси привели Джона в блок. — Спасибо тебе. Большое тебе спасибо.

Джон молча смотрел на его руку. Зверюга толкнул Джона в бок, он вздрогнул, взял руку Хола в свою, пожал и прохрипел:

— Рад помочь.

Мне показалось, что таким же голосом говорила Мелли, когда хлопнула в ладоши и предложила Джону снять штаны. «Рад помочь» сказал он человеку, который в обычной ситуации не задумываясь подписал бы приказ на проведение казни Джона Коффи.

Гарри вновь постучал по циферблату, уже более нетерпеливо.

— Брут? — Я взглянул на Зверюгу. — Готов?

— Привет, Брут, — воскликнула Мелинда, словно только сейчас обнаружила его присутствие. — Как приятно вновь свидеться с тобой. Господа, не хотите ли чаю? А ты, Хол? Я могу заварить его. — Она поднялась. — Я болела, но теперь все в прошлом. Так хорошо я не чувствовала себя уже много лет.

— Премного вам благодарен, миссис Мурс, но Джону пора спать. — Зверюга улыбнулся, показывая, что это шутка, но во взгляде, брошенном на Коффи, сквозила тревога.

— Ну... если вы считаете...

— Да, мэм. Нам пора. Пошли, Джон Коффи. — Зверюга дернул Джона за руку, и тот послушно пошел к двери.

— Подождите! — Мелинда отбросила руку Хола, который пытался удержать ее, и легко, как девочка, подбежала к Джону, вновь обхватила его руками, прижалась к нему. Потом сняла с шеи цепочку с серебряным медальоном и протянула ее Джону, который бесстрастно посмотрел на нее.

— Это святой Христофор. Я хочу, чтобы ты взял его, Джон Коффи, и носил на себе. Он убережет тебя от беды. Пожалуйста, надень медальон. Ради меня.

Джон вопросительно взглянул на меня, я — на Хола, который сначала замахал руками, а потом согласен кивнул.

— Возьми, Джон. Это подарок.

Джон взял цепочку, надел, святой Христофор лег на тюремную куртку. Кашлять он совсем перестал, но посерел еще больше.

— Благодарю вас, мэ.м.

— Нет, — покачала головой Мелли, — это я благодарю тебя. Спасибо тебе, Джон Коффи.

Глава 9

Обратно я ехал в кабине, вместе с Гарри. Печка не работала, но по крайней мере стекло защищало от ветра. Мы проехали десять миль, когда Гарри внезапно съехал на обочину.

— В чем дело? — испугался я. — Спустило колесо?

Мне и по дороге к дому Мурсов казалось, что старый «фармолл» развалится на следующем ухабе.

— Нет. — В голосе Гарри слышались извиняющиеся нотки. — Должен облегчиться, только и всего. А то мочевого пузыря уже дышать не дает.

Как выяснилось, облегчиться хотелось всем, кроме Джона. Когда Зверюга спросил, не хочет ли он слезть на землю и полить кусты, Коффи лишь покачал головой. Сидел он, привалившись спиной к кабине, обернув плечи одеялом. Лица его я в темноте разглядеть не мог, но слышал учащенное, прерывистое дыхание. Мне это определенно не нравилось.

Я подошел к придорожным кустам, расстегнул ширинку и приступил к делу. Урологическая инфекция мучила меня не так уж давно, поэтому я все еще

радовался, избавившись благодаря Джону от необходимости всякий раз стискивать зубы, когда возникало желание сходить по малой нужде. Занятый своими мыслями, я не подозревал, что Зверюга стоит рядом и делает то же самое, пока не услышал его голос:

— Он никогда не сядет на Старую Замыкалку.

Меня удивила непоколебимая уверенность его тона.

— С чего ты взял?

— Джон проглотил ту гадость, что высосал из нее, вместо того чтобы выплюнуть. Он большой и сильный, но через неделю его не станет, а может, и раньше. Один из нас будет обходить камеры и увидит, что он лежит на койке холодный, как камень.

Я уже думал, что отлил все, но тут по моей спине пробежал холодок и из краника выжалось еще несколько капель. Застегивая ширинку, я подумал, что Зверюга скорее всего прав, и понадеялся, что так оно и случится. Джон Коффи вообще не заслуживал смерти, если моя версия гибели дочерей Деттериков соответствовала действительности. А если уж избежать смерти он не мог, я бы не хотел, чтобы умер он от моей руки. Я даже не знал, поднимется ли у меня рука, если придется усаживать Джона на Старую Замыкалку.

— Пошли, — прошептал в темноте Гарри. — Уже поздно. Пора возвращаться.

Шагая к грузовику, я осознал, что мы оставили Джона одного. Такой глупостью мог похвастать только Перси Уэтмор. Я подумал, что Джон сбежал. Выплюнул насекомых, как только увидел, что его никто не охраняет, и сбежал. А мы найдем разве что одеяло, в которое он кутался.

Но Джон сидел на том же месте, привалившись к кабине и положив руки на согнутые колени. Он слышал наши шаги, поднял голову, попытался улыбнуться. Но улыбка быстро сползла с осунувшегося лица.

— Как ты себя чувствуешь, Большой Джон? — спросил Зверюга, забравшись в кузов и подняв с пола одеяло.

— Хорошо, босс, — едва слышно ответил Коффи. — Хорошо.

Зверюга похлопал его по колену.

— Мы скоро вернемся. И знаешь, что будет, когда мы вернемся? Я принесу тебе большую чашку горячего кофе. С сахаром и сливками.

Почему нет, думал я, усаживаясь в кабину. Если только нас не загребут по дороге и самих не отправят в тюрьму.

Мысль об этом тревожила меня с того момента, как мы определили Перси в изолятор, но не так сильно, чтобы помешать мне уснуть. Приснилась мне Голгофа. С запада доносились раскаты грома, пахло какими-то ягодами. Зверюга, Гарри, я и Дин стояли в панцирях и шлемах, совсем как в фильме Сесила Демилля. Мы же центурионы, догадался я. Над нами возвышались три креста. На среднем распяли Джона Коффи. На боковых — Перси Уэтмора и Эдуарда Делакруа. Я посмотрел на свою руку и увидел зажатый в ней окровавленный молоток. «Мы должны снять его, Пол! — прокричал Зверюга. — Мы должны снять его!»

Да только мы не могли, потому что лестницу унесли. Я как раз хотел сказать об этом Зверюге, но грузовик сильно потрянуло, и я проснулся. Гарри задним ходом загонял его в кусты, в то самое место, откуда началась наша поездка.

Мы вдвоем вылезли из кабины, подошли к грузовичку сзади. Зверюга спрыгнул на землю без проблем, а вот у Коффи подогнулись колени, и он едва не упал. Мы втроем с трудом удержали его. Он выпрямился, и тут же его сразил жуткий приступ кашля. Прижав ладони ко рту, он попытался заглушить хрипы.

Когда приступ прошел, мы забросали капот «фармолла» ветками и двинулись в обратный путь. Самыми опасными мне представлялись последние двести ярдов по обочине дороги. Я уже видел, а может, мне казалось, что я вижу посветлевшее на востоке небо. Я боялся, что с нами столкнется какой-нибудь фермер, решивший с утра пораньше собрать урожай тыкв или

вырыть остатки ямса. Ладно фермер, я ожидал в любой момент услышать крик «Не двигаться!». Почему-то с интонациями Кертиса Андерсона. А потом из темноты выйдут двадцать вооруженных карабинами надзирателей, и нас тут же поставят к стенке.

Когда мы добрались до двери, сердце у меня колотилось так сильно, что перед глазами при каждом ударе вспыхивали белые звездочки. Руки застыли, онемели, и я никак не мог вставить ключ в замок.

— Господи, фары! — простонал Гарри.

Я вскинул голову и увидел две точки света: по дороге катил автомобиль. Кольцо с ключами чуть не выпало у меня из рук, я подхватил его у самой земли.

— Дай ключи мне, — протянул руку Зверюга. — Я открою.

— Я сам.

На этот раз Аладдин скользнул в замочную скважину и легко повернулся. Через секунду мы были за дверью и, привалившись к ней, наблюдали, как мимо тюрьмы проехал грузовик. Рядом с собой я слышал тяжелое дыхание Джона Коффи. Чем-то он напоминал двигатель, в системе охлаждения которого почти не осталось масла. Когда мы выходили из тюрьмы, он без труда поднял дверь. На этот раз мы даже не стали его просить. Ее подняли я и Зверюга, а Гарри и Джон первыми прошли под ней. На лестнице ноги у здоровяка заплетались, но он не упал и благополучно добрался до нижней ступени. Мы со Зверюгой опустили дверь, заперли ее на замок и последовали за ним и Гарри.

— Господи, я думал, нам не... — начал Зверюга, но я остановил его, двинув под ребра.

— Ничего не говори. Даже не думай, пока он не вернется в камеру.

— А потом придется разбираться с Перси, — напомнил Гарри. Наши голоса гулко отдавались в кирпичном тоннеле. — Ночь не закончится, пока мы не договоримся с ним.

Как выяснилось, в эту ночь нас ожидали новые сюрпризы. Много сюрпризов.

Часть шестая

КОФФИ НА МИЛЕ

Глава 1

Я сидел на закрытой веранде Джорджия Пайнс, с отцовской перьевой ручкой в руке, отключившись от реальности, вспоминая ту ночь, когда я, Гарри и Зверюга вывели Джона Коффи из тюрьмы и повезли к Мелинде Мурс в надежде спасти ее. Я написал о том, как мы накачали снотворным Уильяма Уэртона, любившего называть себя Крошка Билл. Написал, как мы обрядили Перси Уэтмора в смиренную рубашку и сунули в изолятор в конце Зеленой мили. Написал о необычайном ночном путешествии, о чуде, свидетелями которого нам довелось стать. Мы увидели, как Джон Коффи оттащил женщину от края могилы... нет, вытащил ее с самого дна.

Я писал, не замечая, что вокруг движется джорджияпайнское время. Старики спустились в столовую поужинать, затем потянулись в Центр развлечений (да, вы имеете право хохотнуть) получить вечернюю дозу информации. Я вроде бы помнил, как моя подруга Элейн Коннолли приносила мне сандвич. Я вроде бы ее поблагодарил, сандвич съел, но когда именно она его принесла, с чем был сандвич, сказать не могу. Потому что находился в тот момент в 1932 году, где сандвичи приносил нам старик Два Зуба, который катил перед собой тележку, расписанную цитатами из

Библии. Со свининой — пять центов, с говядиной — десять.

Я помню, как в доме престарелых становилось все тише и тише: старики готовились к отходу ко сну. Я слышал, как пел Мики, пожалуй, самый добрый из сотрудников, разнося по комнатам лекарства. О долине, откуда ушла красивая девушка. О том, как оставшиеся будут вспоминать ее большие глаза и нежную улыбку. Песня заставила меня вновь вспомнить Мелинду, слова, которые она сказала Джону после того, как свершилось чудо. «Я видела тебя во сне. Я видела, ты блуждал во тьме, как и я. Мы нашли друг друга».

В Джорджия Пайнс все уgomонилось. Миновала полночь, а я все писал. О том, как Гарри напомнил, что нам мало вернуть Джона в тюрьму, ведь потом придется разбираться с Перси.

Вот тут на меня и навалилась усталость, слишком долго я не выпускал из руки отцовскую ручку. Я положил ее на стол, вроде бы лишь на несколько секунд, чтобы размять пальцы, потом лег лбом на руку и закрыл глаза, чтобы они немного отдохнули. Когда я открыл их вновь и поднял голову, в окно ярко светило утреннее солнце. Я взглянул на часы: начало девятого. Я проспал сидя, положив голову на руки, словно какой-нибудь пьяница, добрых шесть часов. Я встал, морщась от боли: затекла спина. Подумал о том, что надо бы спуститься на кухню, взять пару гренок и отправиться на утреннюю прогулку, затем посмотрел на исписанные листы и решил, что прогулку можно отложить. Не хотелось мне в то утро играть в прятки с Брэдом Доуленом.

А вместо прогулки я мог дописать все до конца. Иной раз следует поднажать, пусть тело и мозг протестуют, требуя перерыва. Иногда это единственный способ дойти до конца. И я отчетливо помню, как в то утро пытался отделаться от назойливого духа Джона Коффи.

— Хорошо, — сказал я себе. — Еще одна миля. Но сначала...

Я прошел в туалет в конце коридора на втором этаже. Когда стоял у писсуара, на глаза мне попался детектор дыма, торчащий из потолка. Он напомнил мне об Элейн, о том, как днем раньше она отвлекла Доулена, чтобы я мог прогуляться в лес по своим делам. От писсуара я отходил, улыбаясь во весь рот.

На веранду я вернулся в превосходном настроении. Кто-то (я решил, что это была Элейн), поставил чайник рядом с моей рукописью. Я жадно выпил две чашки чая, до того как сесть за стол. Наконец, заняв привычное место, я снял с ручки колпачок и вновь начал писать.

И только успел вернуться в 1932 год, как на меня упала тень. Я поднял голову, и у меня засосало под ложечкой. Доулен стоял между мною и окнами. И ухмылялся.

— Заметил, что ты пропустил утреннюю прогулку, Поли, и решил посмотреть, не найду ли я тебя здесь. Чтобы убедиться, не заболел ли ты, знаешь ли.

— Какой ты, однако, добрый и заботливый. — Голос мой звучал нормально, но сердце билось уж очень сильно. Я его боялся. Он напоминал мне Перси, которого я не боялся никогда... но я был молод, когда жизнь свела меня с Перси.

Ухмылка Брэда стала шире, но осталась столь же неприятной.

— Мне сказали, что ты просидел тут всю ночь, Поли, все писал и писал. Это не дело. Такие старые пердуны, как ты, должны по ночам спать.

— Перси... — начал было я, увидел отразившееся на его лице недоумение и понял свою ошибку. Глубоко вдохнул и заговорил снова: — Брэд, чего ты на меня наезжаешь?

Ответил он после короткой паузы:

— Старина, возможно, мне просто не нравится твоя физиономия. А чего ты пишешь? На завещание не похоже.

Он шагнул к столу, наклонился. Я хлопнул рукой с растопыренными пальцами по листу, на котором писал. Остальные начал переворачивать свободной рукой.

— А вот с этим у тебя ничего не выйдет, старичок. — Говорил он со мной, как с ребенком. — Если Брэд хочет что-то посмотреть, Брэд посмотрит. А уж потом можешь положить свою писанину в гребаный сейф.

Пальцы его руки, молодой и сильной, сомкнулись на моем запястье и сжали его. Боль пронзила все тело. Я застонал.

— Отпусти, — вырвалось у меня.

— Когда ты дашь мне посмотреть, что ты пишешь. — Он больше не улыбался. Но лицо оставалось веселым. Такие веселые лица свойственны тем, кто любит причинять другим боль. — Дай мне посмотреть, Поли. Я хочу знать, что ты пишешь. — Моя рука начала сползать с последнего листа, на котором речь шла о том, как мы везли Джона по тоннелю под дорогой. — Я хочу знать, не пишешь ли ты о том, что делаешь в...

— Оставьте этого человека в покое.

Голос прогремел, как удар хлыста в сухой, жаркий день. Брэд подпрыгнул, словно пришелся этот удар по его заднице. Он отпустил мою руку, которая тут же упала на исписанные листы, и мы оба повернулись к двери.

Там стояла Элейн Коннолли, которая давно уже не выглядела такой посвежевшей, уверенной в своих силах. Джинсы обтягивали ее бедра и длинные ноги. Волосы украшала синяя лента. В скрюченных артритом руках она держала поднос: сок, яйца всмятку, гренки, чай. Глаза ее сверкали.

— Что это вы придумали? — пожелал знать Брэд. — Тут есть не положено.

— А он поест, — все тем же командным тоном ответила Элейн. Я никогда не слышал, чтобы она так разговаривала. Мне понравилось. Я поискал отблеск страха в ее глазах, но нашел только ярость. — А ваше дело — убраться отсюда, прежде чем я поступлю с вами так, как следует поступать с тараканами, пусть из рода человеческого.

Доулен шагнул к ней, с одной стороны, рассвирепев, с другой — не зная, как ему вести себя в такой ситуации. Я подумал, что это опасное состояние, но Элейн не дрогнула.

— Готов спорить, я знаю, почему вчера сработала пожарная сигнализация, — процедил Доулен. — Возможно, тут не обошлось без одной старушенции с куриными лапами вместо рук. А теперь выметайся отсюда. Мы с Поли не закончили наш разговор.

— Его зовут мистер Эджкомб, — напомнила она. — А если я еще раз услышу, как вы называете его Поли, я могу пообещать вам, мистер Доулен, что больше в Джорджия Пайнс вы работать не будете.

— Да кто ты такая? — Доулен надвинулся на нее, попытался рассмеяться, но смех застрял у него в горле.

— Я прихожусь бабушкой одному человеку, который в настоящее время избран спикером палаты представителей штата Джорджия, мистер Доулен. И человек этот любит своих родственников, особенно тех, кто старше его по возрасту.

Улыбка слетела с лица Доулена, как исчезает под мокрой тряпкой меловая надпись с классной доски. Брэд застыл, не зная, что и думать. С одной стороны, он надеялся, что Элейн блефует, с другой — боялся, что она говорит правду. Действительно, чего ей блефовать, если проверить ее слова — пара пустяков. Похоже, вторая версия уже казалась ему более логичной.

И тут я расхохотался во весь голос. Потому что вспомнил, как часто Перси грозил нам своими связями. Теперь же, впервые за мою долгую, долгую жизнь,

ту же угрозу услышал сам Перси, пусть и в образе Брэда Доулена.

Доулен пронзил меня взглядом и вновь повернулся к Элейн.

— Я говорю серьезно, — продолжала она. — Поначалу я решила не обращать внимания на ваше поведение. Я старуха, поэтому мне проще всего ни во что не вмешиваться. Но когда моим друзьям угрожают, когда их оскорбляют, я не могу стоять в стороне. А теперь убирайтесь отсюда. И без единого слова.

Губы Брэда зашевелились, как у рыбы, уж очень он хотел произнести одно слово (возможно, рифмующееся со словом «скука»). Но не произнес. Еще раз взглянул на меня и прошествовал мимо Элейн в коридор.

Я шумно выдохнул, а Элейн поставила поднос передо мной и села напротив.

— Твой внук действительно спикер палаты представителей? — спросил я.

— Действительно.

— Тогда что ты здесь делаешь?

— Должность спикера позволяет ему разбираться с тараканами вроде Брэда Доулена, но не прибавляет богатства. — Она рассмеялась. — Кроме того, мне здесь нравится. У меня хорошая компания.

— Позвольте счесть это за комплимент, — улыбнулся я.

— Пол, с тобой все в порядке? Ты такой усталый. — Она протянула руку через стол и убрала с моего лба прядь волос.

Болезнь изуродовала ей пальцы, но Элейн так нежно прикоснулась ко мне. Я закрыл глаза. А открыл их, уже приняв решение.

— Я в полном порядке. И почти закончил. Элейн, прочитай то, что уже написано! — Я протянул ей ворох листов. Возможно, они перепутались, Доулен здорово напугал меня, но на каждом стоял порядковый номер, так что она могла быстро их разложить.

Элейн пристально смотрела на меня, но листы не брала.

— Ты закончил?

— Тебе потребуется несколько часов, чтобы все прочитать. Если ты сможешь разобрать написанное.

Вот тут она взяла листы, просмотрела несколько.

— У тебя отличный почерк, даже когда устает рука. Я все разберу, можешь не беспокоиться.

— К тому времени, когда ты все прочтешь, я поставлю последнюю точку. И за полчаса или час ты дочитаешь остальное. А потом... если на то будет твое желание... я хотел бы тебе показать кое-что.

— Имеющее отношение к твоим утренним и дневным прогулкам?

Я кивнул.

Она посидела, глубоко задумавшись, затем поднялась с листами в руках.

— Я пойду на улицу. Сегодня очень теплое солнце.

— И дракон повергнут. На этот раз не рыцарем, а благородной дамой.

Элейн улыбнулась, наклонилась и поцеловала меня над бровью, отчего у меня по телу побежали мурашки.

— Будем на это надеяться, но, по моему опыту, от драконов вроде Брэда Доулена избавиться очень сложно. — Она помялась. — Удачи тебе, Пол. Я надеюсь, ты сможешь побороть то, что тебя мучает.

— Я тоже на это надеюсь, — отозвался я, подумав о Джоне Коффи. «Я не смог помочь, — сказал Джон. — Пытался, но было слишком поздно».

Я съел яйца, выпил сок, а гренок оставил на потом. Взял со стола ручку и начал писать, по моим расчетам, в последний раз.

Мне оставалась одна последняя миля.

Зеленая миля.

Глава 2

Эту ночь, когда мы вернулись с Джоном Коффи в блок Е, тележка из роскоши превратилась в необходимость. Я очень сомневаюсь, что Джон сумел бы пройти весь тоннель. Идти согнувшись труднее, чем выпрямившись, а тоннель не проектировался в расчете на таких, как Джон Коффи. И мне не хотелось даже думать, что бы произошло, если б он рухнул на полпути. Как бы мы объясняли, почему он оказался в тоннеле, почему мы упаковали Перси в смирительную рубашку и бросили в изолятор?

Но, слава Богу, тележка у нас была и Джон Коффи возлежал на ней, как выбросившийся на берег кит, пока мы катили ее к лестнице, что вела в кладовую. Слез он с тележки без посторонней помощи и замер на месте, тяжело дыша. Кожа его стала такой серой, будто он вывалился в муке. Я решил, что к полудню Джона наверняка переведут в лазарет... если к тому времени он еще будет жив.

Зверюга бросил на меня полный отчаяния взгляд. Я ответил таким же.

— Мы не можем перенести его наверх, но можем помочь ему подняться, — решил я. — Ты встанешь под его правую руку, я — под левую.

— А я? — спросил Гарри.

— Пойдешь позади. Если он будет заваливаться назад, толкни его вперед.

— А если не получится, присядь там, куда, по-твоему, он должен упасть, и смягчи удар, — добавил Зверюга.

— Тебе бы выступать по радио, Брут, — пробурчал Гарри. — Шутки у тебя отменные.

— Да уж, с чувством юмора у меня все в порядке, — признал Зверюга.

В конце концов нам удалось поднять Джона по ступенькам. Я очень опасался, что он лишится чувств, но обошлось.

— Пойдешь первым, — шепнул я Гарри. — Убедись, что в кладовой никого нет.

— А что мне делать, если есть? — поллюбопытствовал Гарри, протискиваясь мимо меня. — Сказать «извините» и вернуться назад?

— Довольно острить, — ответствовал Зверюга.

Гарри приоткрыл дверь, всунулся в кладовую и, по моему разумению, слишком долго стоял, не меняя позы. Наконец улыбаясь повернулся к нам.

— Горизонт чист. Все спокойно.

— Будем надеяться, что так пойдет и дальше, — выразил наши общие чувства Зверюга. — Двинулись, Джон Коффи, ты почти что дома.

Он смог пересечь кладовую, но нам пришлось помогать ему подниматься по трем ступеням и проталкивать через низенькую дверь. В моем кабинете, выпрямившись, он уже едва дышал, его глаза начали стекленеть. Я с ужасом заметил, что правый угол рта Коффи опустился. Ту же асимметрию мы видели и у Мелинды, когда вошли в ее комнату.

Дин услышал нас и вскочил из-за стола.

— Слава Богу! Я думал, вы никогда не вернетесь. Я уж решил, что вас поймали, что Мурс приказал вас арестовать, что... — Он замолчал, увидев Джона. — Господи, что это с ним? Он что, умирает?

— Он не умирает... так ведь, Джон? — Зверюга взглядом показал Дину, что сначала надо думать, а уж потом говорить.

— Разумеется, нет... я выразился фигурально. — Дин нервно хохотнул. — Но он такой...

— Не бери в голову, — оборвал его я. — Лучше помоги препроводить его в камеру.

Вновь мы превратились в холмики, прилепившиеся к горе. Только эту гору миллионы лет разъедала эрозия, так что она могла развалиться в любую минуту. Джон Коффи шел медленно, дыша через рот, как глубокий старик, который слишком много курил, но шел.

— Как Перси? — спросил я. — Бушевал?

— Поначалу, — ответил Дин. — Пытался даже кричать, несмотря на ленту, которой ты залепил ему рот. Наверное, ругался.

— Как же мне повезло, — буркнул Зверюга. — Хорошо, что мои нежные уши всего этого не слышали.

— А потом время от времени пинал дверь, знаете ли, — затараторил Дин. Чувствовалось, что он страшно рад нашему появлению. Его очки сползли на мокрый от пота нос, он вернул их на место. Мы миновали камеру Уэртона. Никчемный парень лежал на спине, на этот раз с закрытыми глазами, и громко храпел.

Дин перехватил мой взгляд, брошенный на Уэртона, и рассмеялся.

— Вот уж кто не доставил мне никаких хлопот! Не шевельнулся с того момента, как улегся на койку. Спал как убитый. А то, что Перси колотился в дверь, даже и хорошо. Честно скажу, меня это радовало. Если б он затих, я бы начал волноваться, не задушил ли его кляп. Но знаете, в чем мне повезло? Я вам сейчас скажу. Всю ночь сюда никто не заходил! — И он закончил звенящим от радости голосом: — Мы выкрутились! Выкрутились!

Тут он вспомнил, ради чего все затевалось, и спросил о Мелинде.

— У нее все хорошо. — Мы добрались до камеры Джона. Вот тут до меня начал доходить смысл сказанного Дином: «Мы выкрутились! Выкрутились!»

— Это было... вы понимаете... как с мышонком? — спросил Дин. Он бросил быстрый взгляд на пустую камеру, которую занимали Делакруа и Мистер Джинглес, на изолятор, откуда впервые появился мышонок. Голос Дина упал до шепота, как случается, когда человек входит в большую церковь. — Это было... — Он шумно сглотнул. — Вы знаете, что я имею в виду... Это было чудо?

Мы трое переглянулись, словно хотели убедиться, что в этом вопросе расхождений у нас нет.

— Джон вытащил ее из могилы, вот что он сделал, — ответил за всех Гарри. — Да, это было чудо, по-другому и не скажешь.

Зверюга открыл оба замка, затем подтолкнул Джона к камере.

— Заходи, здоровяк. Немного отдохни. Ты это заслужил. А мы пока разберемся с Перси...

— Он — плохой человек, — автоматически пробубнил Джон.

— Ты прав, он злобный, как ворлок, — согласился Зверюга, в голосе его слышались успокаивающие интонации, — но тебе волноваться из-за него незачем. Мы его к тебе не подпустим. Ты ложись на койку, а я прямо сейчас принесу тебе кружку кофе. Горячего и крепкого. И ты сразу станешь другим человеком.

Джон тяжело опустился на койку. Я подумал, что он вытянется на ней и, как обычно, повернется лицом к стене, но он остался сидеть. Руки его как плети болтались между колен, он опустил голову и тяжело дышал открытым ртом. Медальон со святым Христофором, который дала ему Мелинда, вывалился из-под куртки и болтался в воздухе. Он убережет тебя, сказала она ему, но пока святой ничем не помог Джону. Он словно занял место Мелинды в могиле, о которой упоминал Гарри.

Но в тот момент я не мог позволить себе думать о Джоне Коффи. Я повернулся к остальным.

— Дин, достань револьвер и дубинку Перси.

— Хорошо. — Дин прошел к столу и отпер ящик, в котором лежали револьвер и дубинка, вытащил их.

— Готовы? — спросил я всех троих.

Они кивнули. Это были достойные люди, поведением которых в ту ночь я мог гордиться. Гарри и Дин немного нервничали, Зверюга же являл собой олимпийское спокойствие.

— Хорошо. Говорить буду я. Чем реже вы будете открывать рот, тем быстрее закончится наша беседа... хорошим или плохим. Согласны?

Вновь они кивнули. Я глубоко вздохнул и зашагал по Зеленой миле к изолятору.

Перси вскинул голову, прищурился от яркого света из коридора. Он сидел на полу и лизал кусок изоленды, которой я залепил ему рот. Второй кусок, круговой, отвалился (вероятно, пот или бриллиантин тому поспособствовали). Еще час — и он орал бы во весь голос.

Перебирая ногами, он подался от нас, но вскоре остановился, осознав, что деваться все равно некуда и дальше стены не уползешь.

Я взял у Дина револьвер и дубинку, показал Перси.

— Хочешь получить их назад?

Он подозрительно посмотрел на меня, потом кивнул.

— Зверюга, Гарри, поднимите его на ноги.

Они наклонились, подхватили Перси под упрятанные в брезент руки и поставили на ноги. Я подошел к нему вплотную. Мне в нос ударил запах пота, в котором Перси просто купался. И вспотел он не потому, что очень уж пытался вырваться из смиренной рубашки. Нет, он потел от страха, гадая, что мы сотворим с ним, когда вернемся.

Ничего плохого со мной не будет, наверное, думал Перси, они не убийцы... а потом вспоминал о Старой Замыкалке, и до него доходило, что в определенном смысле мы самые настоящие убийцы. Я лично отправил на тот свет семьдесят семь человек, больше, чем любой из тех, на чьей груди я закреплял ремень, больше, чем сержант Йорк, герой первой мировой войны. По логике, мы не могли убить Перси, но наши действия уже отличала алогичность, говорил он себе, сидя на полу со связанными руками и куском изоленды на физиономии. А кроме того, человеку трудно рассуждать логично, если он сидит в изоляторе, спеленутый смиренной рубашкой, словно муха, аккуратно упакованная в паутину.

Короче, момент для беседы с ним был самый подходящий.

— Я сниму изоленду, если ты пообещаешь, что не будешь вопить. Я хочу с тобой поговорить, так что крики мне ни к чему. Что скажешь? Обойдемся без них?

Я увидел облегчение в его глазах. Он понял: раз я хочу поговорить, значит, у него есть шанс остаться живым и невредимым. Перси кивнул.

— Если начнешь орать, изоленда вернется на прежнее место, — предупредил я. — Это тебе понятно?

Второй кивок, более нетерпеливый.

Я поднял руку, схватился за уголок, дернул. Перси скривился от боли: лента прихватила с собой часть кожи, особенно на губах. Так что заговорил он не сразу.

— Снимите с меня смирительную рубашку, дылдены паршивые, — выплюнул он.

— Снимем в свое время, — ответил я.

— Сейчас! Сейчас! Немед...

Я влепил ему оплеуху, прежде чем сообразил, что делаю... хотя, разумеется, я понимал, что может дойти и до такого. Понимал со времени моего разговора о Перси с начальником тюрьмы Мурсом, когда Хол порекомендовал отвести Перси более заметную роль в экзекуции Делакруа. Руку человека можно сравнить с наполовину прирученным животным. Большую часть времени она слушается, но иной раз вырывается из-под контроля и действует по своему разумению.

Треск пошел, как от ломающейся ветви. Дин ахнул. Перси вытаращился на меня, его глаза, круглые как плоски, едва не вылезли из орбит. Рот открывался и закрывался, открывался и закрывался, как у аквариумной рыбки, подплывшей к стеклу.

— Заткнись и слушай. Тебя следовало наказать за то, что ты сотворил с Делом, и мы воздали тебе по заслугам. Иначе мы наказать тебя не могли. Решение принималось единогласно, за исключением Дина, но ему пришлось идти у нас на поводу, потому что он бы горько пожалел, если б поступил иначе. Не так ли, Дин?

— Да, — прошептал Дин, бледный как молоко, — похоже на то.

— Если мы захотим, ты еще можешь пожалеть о том, что родился на свет, — продолжал я. — Мы стараемся, чтобы люди узнали, как ты чуть не сорвал экзекуцию Делакруа...

— Сорвал?..

— ...И как по твоей милости едва не погиб Дин. Мы скажем достаточно для того, чтобы даже твой дя-дюшка не смог устроить тебя на работу.

Перси отчаянно замотал головой. Он в это не верил, возможно, не мог поверить. На его бледной щеке пламенел отпечаток моей пятерни.

— А кроме того, мы проследим, чтобы тебя избили до полусмерти. Мы сами марасть об тебя руки не станем. У нас тоже есть связи, Перси. Едва ли ты настолько глуп, чтобы этого не понимать. Эти люди не занимают высоких постов, но знают, как решать некоторые вопросы. У этих людей в нашей тюрьме сидят друзья, братья, отцы. И они с радостью отрежут такому говнюку, как ты, нос или член. Отрежут только ради того, чтобы дорогой им человек мог каждую неделю проводить в тюремном дворе на три часа больше.

Перси перестал трясти головой. Только таращился на меня. В глазах его стояли слезы, но по щекам они еще не катились. Я думаю, это были слезы ярости и раздражения. Во всяком случае, мне хотелось так думать.

— А теперь, Перси, попробуем взглянуть на происходящее с другой стороны. Губы немного поболят, но новая кожа вместо той, что сошла с изолентой, нарастет быстро. Я полагаю, других травм у тебя нет, разве что мы уязвили твою гордость... но об этом никто не знает, кроме тех людей, что сейчас стоят перед тобой. А мы никому ничего не скажем, правда, парни?

Они покачали головами.

— Разумеется, нет, — прогудел Зверюга. — То, что происходит на Зеленой миле, никого не касается. Так было всегда.

— Ты отправишься в Брейр-Ридж, и мы до отъезда оставим тебя в покое. — Я выдержал паузу. — Остановимся на этом варианте, Перси, или ты хочешь сыграть с нами в другую игру?

Он долго-долго молчал, обдумывая мои слова. Я буквально слышал, как ворочаются его мозги в поисках оптимального решения. И наконец он осознал, что изоленту-то сняли, а вот смирительную рубашку оставили. Да и мочевого пузыря у него наверняка переполнился.

— Хорошо. Считаем вопрос закрытым. А теперь снимите с меня этот балахон. Я уже не чувствую плеч...

Зверюга выступил вперед, оттеснив меня в сторону, и его лапища легла на физиономию Перси: четыре пальца вжались в правую щеку, большой — в левую.

— Сейчас снимем. Но сначала послушай меня. Пол у нас большой босс, так что иной раз ему приходится говорить красиво.

Я попытался вспомнить, какие это я произносил красоты, но без особого успеха. Однако предпочел не комментировать слова Зверюги. Тем более что Перси просто обалдел от ужаса, поэтому не хотелось портить произведенный эффект.

— Люди не всегда понимают, что красивые слова не означают, будто у человека, который их говорит, мягкое сердце. Поэтому я счел нужным высказаться. Мне красоты ни к чему. Я привык говорить прямо. Поэтому послушай и меня. Если ты нарушишь свое обещание, мы хором выдерем тебя в жопу. Если ты даже убежишь в Россию, мы найдем тебя и там. А потом выдерем, да не только в жопу, но и во все остальные дырки. И будем драть до тех пор, пока ты не захочешь умереть, лишь бы это все прекратилось. После чего нальем уксуса в те места, откуда будет течь кровь. Ты меня понял?

Он кивнул. С пальцами Зверюги, впившимися ему в щеки, Перси очень напоминал старика Два Зуба.

Зверюга отпустил его и отступил на шаг. Я кивнул Гарри, тот обошел Перси сзади, начал расстегивать пуговицы, развязывать тесемки.

— Помни об этом, Перси, — процедил Гарри. — Помни об этом и не поминай прошлого.

Вроде бы мы выглядели достаточно внушительно, три надзирателя в синем... но я все равно почувствовал холодок, пробежавший по спине. Перси мог держать язык за зубами день или неделю, продолжая просчитывать вероятный исход различных раскладов, но в конце концов два момента окажутся решающими: его вера в родственные связи и неспособность найти достойный выход из создавшейся ситуации. Оставаться в проигравших ему точно не хотелось, потому он не мог не сорваться. Мы, конечно, спасли Мелли, привезя к ней Джона, и, будь у меня такая возможность, я бы не захотел ничего менять («даже за весь чай Китая», как мы говорили в те дни), но последний удар оставался за Перси, и уж после него мы бы оказались на полу, а рефери не осталось бы ничего другого, как открыть счет. Мы могли заставить Перси выполнить этот уговор лишь одним способом — убив его. Если он выходил из изолятора живым, мы больше не могли контролировать его действия.

Я искоса глянул на Зверюгу и увидел, что он все это понимает. Умом сына миссис Хоуэлл Бог не обидел. Зверюга пожал плечами. Что из того? — как бы говорил он мне. Разве есть другое решение, Пол? Мы сделали то, что должны были сделать, причем сделали все, что смогли.

Да. И добились неплохих результатов.

Гарри тем временем расстегнул последнюю пуговицу смирительной рубашки. С перекошенным от ярости лицом Перси скинул ее. На нас он смотреть не решался.

— Дайте мне револьвер и дубинку.

Я протянул ему и то и другое. Он бросил револьвер в кобуру, засунул дубинку в чехол.

— Перси, если ты подумаешь над...

— Этим я и намереваюсь заняться. — Он протиснулся мимо меня. — Я собираюсь хорошенько обо всем подумать. И начну прямо сейчас. По пути домой. Пусть кто-нибудь пропечатает мою контрольную карточку по окончании смены. — У двери изолятора он оглянулся, чтобы одарить нас взглядом, полным презрения и злости. — Если, конечно, вы не захотите объяснять, почему я ушел раньше положенного времени.

И он зашагал по Зеленой миле, начисто позабыв, почему покрытый линолеумом коридор сделан таким широким. Один раз Перси уже допустил такую ошибку, но тогда отделался более чем легко. Теперь же ему не повезло.

Я последовал за ним, стараясь найти слова, которые успокоили бы его. Мне не хотелось, чтобы он покидал блок Е в таком виде, озлобленный, взъерошенный, с красной отметиной от моей оплеухи на щеке. Гарри, Дин и Зверюга наступали мне на пятки.

Дальнейшее произошло очень быстро, думаю, в течение минуты. Однако я запомнил все в мельчайших подробностях, возможно, потому, что по возвращении домой дал Джейнис полный отчет. Последующие события: встреча на заре с Кертисом Андерсоном, расследование, пресс-конференция, организованная для нас Холлом Мурсом (он к тому времени уже вернулся к руководству тюрьмой), заседания специальной комиссии в столице штата — все это стерлось за давностью лет. Но то, что произошло непосредственно на Зеленой миле, впечаталось в память навсегда.

Перси шагал по правой стороне Зеленой мили, наклонив голову, и я бы сказал, что обычный заключенный до него бы не достал. Но Джон Коффи не подпадал под понятие «обычный заключенный». Гигант с гигантскими руками.

Я увидел, как коричневая рука просунулась между прутьями, и крикнул: «Берегись, Перси! Берегись!»

Перси начал поворачиваться, взялся за дубинку. Но тут Коффи схватил его и притянул к решетке своей камеры с такой силой, что правая щека Перси впечаталась в прутья.

Он вскрикнул от неожиданности и повернулся к Коффи, поднимая дубинку. Джон стоял, прижимаясь к прутьям лицом, давя на них с такой силой, словно пытался просунуть голову в коридор. Разумеется, он бы не смог раздвинуть прутья, но создавалось впечатление, что еще чуть-чуть — и они поддадутся. Но этого не потребовалось. Правой рукой Коффи обхватил Перси за шею и рывком подтянул его голову к своей. Перси просунул руку с дубинкой через решетку и ударил Коффи в висок. Брызнула кровь, но Джон словно и не заметил удара. Он прижался ртом ко рту Перси. Я услышал похожий на хлопок звук, словно кто-то долго-долго сдерживал дыхание, а потом выдохнул. Перси бился, словно рыба на крючке, пытаясь вырваться, но у него не было ни единого шанса. Правая рука Джона, обвив шею Перси, крепко держала его. Их лица слились, как сливаются в страстном поцелуе лица любовников, разделенных решеткой.

Перси сдавленно вскрикнул, отпрянул назад. На мгновение губы их разделились, и я увидел черный поток, переливающийся из Джона Коффи в Перси Уэтмора. Затем правая рука напряглась, и рот Перси вновь прижался ко рту Джона, буквально исчез в нем.

Я рванулся вперед, схватился за револьвер, который никак не желал вылезать из кобуры. Пол подомной затрясся точно так же, как в доме Мурсов. Лопнула одна из ламп под потолком. Осколки посыпались вниз. Изумленно вскрикнул Гарри.

Наконец мне удалось выхватить револьвер, но еще раньше Джон отшвырнул от себя Перси и отступил в глубь камеры, морща нос и потирая губы, словно отведал чего-то отвратительного на вкус.

— Что он сделал? — прокричал Зверюга. — Что он сделал, Пол?

Перси стоял, прижавшись спиной к решетке камеры Дела. С широко раскрытыми, пустыми глазами. Я осторожно приблизился к нему, ожидая, что сейчас он начнет задыхаться и кашлять, как случилось с Джоном после того, как он высосал опухоль из Мелинды. Но этого не произошло. Перси застыл, как изваяние.

Я щелкнул пальцами у него перед глазами.

— Перси! Эй, Перси! Просыпайся!

Никакой реакции. Ко мне присоединился Зверюга, помахал двумя руками.

— Ничего не выйдет. — Я покачал головой.

Словно не услышав меня, Зверюга дважды громко хлопнул в ладоши у самого носа Перси. И вот это сработало. Дрогнули веки, Перси огляделся вокруг в полном замешательстве, словно приходя в себя после нокаута. Посмотрел на Зверюгу, потом на меня. Теперь-то, по прошествии стольких лет, я абсолютно уверен, что нас он не увидел. Тогда же мне казалось, что увидел, я решил, будто он приходит в себя.

Перси оттолкнулся спиной от решетки, его повело в сторону. Зверюга поддержал его.

— Спокойно, парень, спокойно, с тобой все в порядке?

Перси не ответил и повернулся к столу дежурного. Его уже не шатало.

Зверюга протянул к нему руку, но я перехватил ее.

— Оставь его в покое.

Произнес бы я эти слова, если б знал, что произойдет потом? С осени 1932 года я задавал себе этот вопрос тысячу раз. Но ответа у меня так и нет.

Перси продвинулся к столу дежурного на двенадцать или четырнадцать шагов и остановился, низко опустив голову, как раз у камеры Дикого Билла Уэртона. Уэртон по-прежнему храпел. Он все проспал, даже собственную смерть, так что, по моему разумению, ему повезло гораздо больше, чем другим обитателям блока Е. Больше, чем он того заслуживал.

Прежде чем мы успели сообразить, что к чему, Перси выхватил револьвер, шагнул к решетке и выпустил шесть пуль в спящего. Одну за другой, чуть ли не очереду. От грохота мы чуть не оглохли. Даже утром, когда я рассказывал Джейнис о ночных приключениях, у меня так звенело в ушах, что я едва слышал свой голос.

Мы побежали к нему, все четверо. Дин успел первым. Как — не знаю, потому что он стоял за моей спиной, когда Коффи прижимал Перси к себе, но успел. Он схватил Перси за запястье, чтобы вырвать у него револьвер, но применять силу не пришлось. Пальцы Перси разжались, и револьвер вывалился на пол. Перси окинул нас плавающим взглядом. Что-то зашипело, и остро запахло аммиаком: опорожнился мочевого пузырь Перси. Потом раздалось: бр-р-р-рап, и вонь резко усилилась. Перси наполнил штаны уже и сзади. Взгляд его устремился в дальний конец коридора. Только глаза Перси, похоже, ничего не видели. Ближе к началу этого повествования я отмечал, что через два месяца после описываемых событий, когда Зверюга нашел щепки от раскрашенной катушки Мистера Джинглеса, Перси находился в Брейр-Ридже, и в этом я не солгал. Только отдельный кабинет с личным вентилятором ему не достался. Не попал он и в компанию к сумасшедшим. Думаю, ему выделили отдельную палату.

Все-таки у него были влиятельные родственники.

Уэртон лежал на боку, спиной к стене. Тогда я многого не увидел, только кровь, пропитавшую простыню и залившую бетонный пол, но коронер сказал, что стрелял Перси отменно. Меня это не удивило, я помнил рассказ Дина о том, с какой точностью Перси метал дубинку. На этот раз расстояние было меньше, а цель не шевелилась. Уэртон получил по пуле в пах, живот и грудь, три последние угодили в голову.

Зверюга кашлял, разгоняя рукой пороховой дым. Я тоже кашлял, но заметил это только теперь.

— Приехали. — Голос Зверюги звучал ровно и спокойно, но в глазах застыла обреченность.

Я посмотрел на камеру Джона Коффи. Тот сидел на койке, сцепив руки, с поднятой головой, полностью оправившись от болезни. Он мне кивнул, а я, удивляясь самому себе, как и в тот день, когда я протянул ему руку, кивнул в ответ.

— Что же нам делать? — заверещал Гарри. — Господи, что же нам теперь делать?

— Тут уж ничего не поделаешь, — продолжал Зверюга тем же голосом. — Мы обречены. Так ведь, Пол?

И тут меня осенило. Я посмотрел на Гарри и Дина, которые уставились на меня, как испуганные дети. На Перси, стоящего с отвисшей челюстью и болтающимися как плети руками. На моего близкого друга Брута Хоуэлла.

— Волноваться нам не о чем.

Перси наконец зашелся кашлем. Он согнулся пополам, лицо его побавровело. Я уже раскрыл рот, чтобы приказать остальным отойти, но не успел вымолвить ни слова. Из рта Перси хлынул черный рой насекомых. Такой густой, что на какие-то мгновения скрыл от нас голову Перси.

— Спаси нас, Господи! — выдохнул Гарри.

А насекомые уже побелели, сверкнув, словно снег под январским солнцем, и исчезли. Перси медленно выпрямился и вновь уставился невидящими глазами в конец Зеленой мили.

— Мы этого не видели, правда, Пол? — спросил меня Зверюга.

— Нет. Я не видел, и ты не видел. Ты это видел, Гарри?

— Нет.

— А ты, Дин?

— Видел что? — Дин снял очки и начал их протирать. Я было подумал, что сейчас он их уронит, так дрожали его руки, но обошлось.

— Это хороший вопрос. Можно сказать, попадание в десятку. А теперь слушайте своего учителя, парни, и слушайте внимательно, потому что повторять времени у меня не будет. История эта простая. И не будем её усложнять.

Глава 3

Все это я рассказал Джейнис около одиннадцати часов утра, я чуть не написал «утра следующего дня», но, разумеется, речь шла все о том же дне. Несомненно, самом длинном дне в моей жизни. Рассказал все то, что изложил на предыдущих страницах, закончив описанием лежащего на койке трупа Уильяма Уэртона, наспигованного свинцом.

Нет, не совсем так. В конце я рассказал ей о тех насекомых, что вылетели изо рта Перси. Говорить об этом нелегко, даже если тебя слушает только жена, но я нашел в себе силы рассказать все без утайки.

Пока я говорил, она налила мне полчашки черного кофе: у меня слишком дрожали руки, и целую я бы расплескал. Когда же я выговорился, дрожь унялась, и мне даже захотелось есть. Во всяком случае, я бы не отказался от яйца, а может, и от супа.

— Нас спасло то, что нам не пришлось лгать.

— Вы просто сказали не всю правду, — покивала Джейнис. — Оставили за кадром кое-какие мелочи. Не упомянули о том, что вывезли из тюрьмы убийцу, приговоренного к смертной казни, дабы он излечил умирающую женщину. Или о том, как он свел Перси Уэтмора с ума, затолкав ему в горло опухоль, отсосанную из мозга женщины?

— Может, и так, Джен. Но если ты и дальше будешь развивать эту тему, суп тебе придется или съесть самой, или отдать собаке.

— Извини. Но ведь я права?

— Да. Но зато нам сошло с рук... — Что? Что сошло нам с рук? Побегом это назвать нельзя. Увольнительной — тоже. — Нам сошло с рук ночное путешествие. Даже Перси ничего не сможет им сказать, если к нему и вернется рассудок.

— Если вернется, — эхом отозвалась Джейнис. — Каковы шансы?

Я покачал головой, показывая, что не имею ни малейшего понятия. Но на самом деле я знал точный ответ — никогда. Ни в тридцать втором году, ни в сорок втором, ни даже в пятьдесят втором. И в этом я не ошибся.

Перси Уэтмор оставался в Брейр-Ридж, пока больница не сгорела дотла в 1944 году. Семнадцать человек погибло при пожаре, но не Перси. Он по-прежнему ни на что не реагировал — такое состояние врачи называют кататоническим, но один из санитаров вывел Перси из крыла, где находилась его палата, задолго до того, как туда добрался огонь. Его перевели в другую больницу (названия я не помню, да и особого значения это не имеет), где он и умер в 1965 году. Насколько я могу судить, его последними словами стала просьба о том, чтобы мы отбили его контрольную карточку по окончании смены... если только мы не захотим объяснять, почему он ушел раньше.

Ирония ситуации состояла в том, что нам и не пришлось ничего объяснять. Перси сошел с ума и застрелил Уильяма Уэртона. Именно это услышали от нас руководство тюрьмы, журналисты, члены комиссии, и мы говорили правду, и только правду. Когда Андерсон спросил Зверюгу, как вел себя Перси перед тем как начал стрелять, Зверюга ответил одним словом: «Тихо». И я с невероятным трудом подавил желание расхохотаться. Потому что и здесь Зверюга не погрешил против истины. Перси действительно вел себя тихо, просидев большую часть смены в смири-

тельной рубашке, с заклеенным изоляционной лентой ртом. Максимум, что он мог сказать, это мммп, мммп, мммп.

Кертис продержал Перси в моем кабинете до восьми утра, пока не прибыл Хол Мурс, мрачный, но уверенный в себе, готовый вновь возглавить вверенное ему государственное учреждение. Кертис Андерсон не возражал, более того, передал ему бразды правления со вздохом облегчения, который не услышал бы только глухой. Потерявший ориентацию, растерянный старичок, каким Мурс предстал перед нами ночью, исчез, к Перси решительным шагом подошел начальник тюрьмы, схватил его за плечи большими руками, крепко потрянул.

— Сынок! — крикнул он в ничего не видящие, пустые глаза Перси. — Сынок! Ты меня слышишь? Ответь мне, если ты меня слышишь! Я хочу знать, что произошло!

Разумеется, ответа от Перси он не дождался. Андерсон хотел отвести начальника тюрьмы в сторону, чтобы обсудить дальнейшую линию поведения, все-таки дело касалось близкого родственника губернатора, но Мурс отмахнулся и увел меня на Зеленую милю к камере Джона Коффи. Тот, как обычно, лежал на койке лицом к стене, со свешивающимися ногами. Вроде бы спал... может, и спал, но с Джоном Коффи увиденное глазом далеко не всегда следовало принимать на веру.

— Случившееся в моем доме имеет отношение к тому, что произошло здесь после вашего возвращения? — тихим голосом спросил Мурс. — Я буду прикрывать вас как только смогу, даже если это будет стоить мне работы, но я должен знать.

Я покачал головой и ответил тоже шепотом. У начала Зеленой мили толпились не меньше дюжины надзирателей. Еще один фотографировал тело Уэртона. Андерсон давал ему ценные указания, так что в тот момент с нас не сводил глаз только Зверюга.

— Нет, сэр. Мы привели Джона в его камеру, вы это видите собственными глазами, а Перси выпустили из изолятора, куда посадили, чтобы он не путался под ногами. Мы думали, что Перси будет кипеть от ярости, однако ошиблись. Он лишь попросил вернуть ему оружие и дубинку. Ничего не сказал, зашагал по коридору. А поравнявшись с камерой Уэртона, выхватил револьвер и открыл стрельбу.

— Ты думаешь, что пребывание в изоляторе... как-то подействовало на него?

— Нет, сэр!

— Вы надевали на него смирительную рубашку?

— Нет, сэр. Не было необходимости.

— Он вел себя спокойно? Не бросался на вас?

— Нет, сэр.

— Даже когда понял, что вы намерены запереть его в изолятор, он сохранял спокойствие и не оказал сопротивления?

— Совершенно верно. — Я решил, что тут необходимы небольшие пояснения. Самые простенькие. — Он даже слова не сказал. Прошел в угол у дальней стены и сел там.

— Уэртону он тогда ничего не сказал?

— Нет, сэр.

— И с Коффи не разговаривал?

Я покачал головой.

— Мог Перси затаить зло на Уэртона? Тот чем-то досаждал Перси?

— Возможно. — Я еще понизил голос. — Перси пренебрегал инструкцией, шагая по коридору, Хол. Однажды Уэртон схватил его, подтащил к решетке и... скажем, облапал.

— Ничего больше? Только... облапал? Это все?

— Да, но Перси принял это близко к сердцу. Уэртон также сказал, что скорее оттрахал бы Перси, чем его сестру.

— Ага. — Мурс все поглядывал на Джона Коффи, словно еще и еще раз хотел убедиться, что Коффи —

реальный человек, а не плод его воображения. — Этим не объяснишь случившегося с Перси, но мне хотя бы понятно, почему он расстрелял Уэртона, а не Коффи или кого-то из твоих людей. Пол, они будут говорить то же самое?

— Да, сэр, — подтвердил я.

— И они скажут, — заявил я Джейнис, глядя в тарелку супа, которую она поставила передо мной. — Я за этим прослежу.

— Ты солгал, — заметила она. — Ты солгал Холу.

Что ж, на то человеку и дана жена, не так ли? Всегда ищет проеденные молю дырки на твоём лучшем костюме и зачастую находит.

— Полагаю, что да, хотя все зависит от того, с какой стороны посмотреть. Но я не сказал ему ничего такого, что камнем легло бы на его совесть. Я думаю, Хол в этой истории чист. В конце концов, в блоке Е его и не было. Он находился дома, ухаживая за женой. В тюрьму его выдернул звонок Кертиса.

— Он что-нибудь сказал о Мелинде?

— В тот момент нет, было не до этого, но мы перекинулись несколькими словами, когда я и Зверюга уходили домой. Мелинда мало что помнит, чувствует себя хорошо. Ходит и разговаривает. Подробно рассказала Холу, какие цветы посадит на клумбах следующей весной.

Какое-то время жена молча наблюдала, как я ем.

— Хол знает, что произошло чудо, Пол? — наконец спросила она. — Он это понимает?

— Да. Мы все понимаем, все, кто там был.

— С одной стороны, мне тоже хотелось присутствовать при этом, но с другой — я рада, что меня там не было. Если б я увидела, как Саул прозрел на дороге в Дамаск, то, наверное, умерла бы от сердечного приступа.

— Нет. — Я наклонил тарелку, чтобы добрать последние капли. — Скорее всего ты сварила бы ему суп. Такой же вкусный, как этот, цыпленок.

— Я рада, что суп тебе понравился. — Но думала она не о супе, не о готовке, даже не о прозрении Саула на дамасской дороге. Она смотрела в окно на далекие холмы, опершись подбородком на руку, и глаза у нее туманились, как те самые холмы по утрам в разгар лета, обещая жаркий день. Как в то утро, когда нашли близняшек Деттериков, подумал я не знаю уж по какой причине. И задался вопросом: а почему они не кричали? Похититель причинил им боль, на веранде и ступенях остались капли крови. Так почему же они не кричали?

— Ты действительно думаешь, что Джон Коффи убил этого Уэртона? — спросила Джейнис, отвернувшись от окна. — Что его смерть не случайна? Ты думаешь, он использовал Перси Уэтмора?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— Расскажи мне еще раз о том, что произошло, когда вы уводили Коффи с Мили. Только об этом.

Я рассказал. О том, как костлявая рука, просунувшаяся между прутьями решетки и схватившая Джона Коффи, напомнила мне змею, водяную змею, каких мы очень боялись в детстве, когда шли купаться на реку. О том, как Джон назвал Уэртона плохим человеком. Тихим голосом, чуть ли не шепотом.

— А Уэртон ответил?.. — Моя жена вновь смотрела в окно, но слушала внимательно.

— Уэртон ответил: «Ты прав, ниггер. Плохой для таких, как ты».

— И все?

— Да. У меня возникло ощущение, будто сейчас что-то должно случиться, но ничего не произошло. Зверюга оторвал руку Уэртона от Джона и велел ему лечь на койку, что Уэртон и сделал. Он же едва держался на ногах. Уэртон пробурчал что-то вроде того, что неграм следует завести отдельный электрический стул, и отключился. А мы поехали к Мурсам.

— Джон Коффи назвал Уэртона плохим человеком?

— Да. То же самое он однажды сказал и о Перси. Пожалуй, несколько раз. Точно не помню когда, но знаю, что говорил.

— Но Уэртон не сделал Коффи ничего плохого, так ведь? В отличие, скажем, от Перси.

— Именно так. Их камеры располагались в разных концах Зеленой мили, Уэртона — у стола дежурного, Джона — ближе к изолятору. Даже видеть друг друга они могли, лишь подойдя к решетке.

— Еще раз расскажи мне, как выглядел Коффи, когда Уэртон схватил его.

— Джейнис, толку от этого не будет.

— Как знать. Расскажи, как он выглядел.

Я вздохнул.

— Я бы сказал, потрясенным. Но при этом не отскочил, а лишь втянул воздух сквозь сжатые зубы. Как сделала бы ты, если б лежала на пляже и загора-ла, а я тихонечко подошел и плеснул тебе на спину холодной воды. Наверное, он отреагировал бы точно так же, если бы ему ни с того ни с сего отвесили пощечину.

— Да, конечно, — кивнула Джейнис. — За руку его схватили неожиданно, вот он и вздрогнул, на мгновение пробудился.

— Да, — согласился я и тут же добавил: — Нет.

— Так все-таки да или нет?

— Скорее нет, чем да. Нельзя сказать, что Джон вздрогнул от неожиданности. Скорее ситуация напоминала ту, когда он хотел, чтобы я вошел к нему в камеру, после чего Джон излечил меня от урологической инфекции. Или когда хотел, чтобы я передал ему мышонка. Он изумился, но не тому, что к нему прикоснулись... во всяком случае, не только этому... Господи, Джен, я не знаю.

— Хорошо, не будем об этом. Я просто не могу понять, почему Джон это сделал, только и всего. По

своей природе он не насильник. Отсюда другой вопрос, Пол. Как ты сможешь отправить его на тот свет, если ты уверен, что девочек он не убивал? Как ты можешь посадить его на электрический стул, если кто-то другой?..

Я аж подпрыгнул. Локтем задел тарелку, она полетела на пол и разбилась. Меня словно громом поразило. Разумеется, сработала интуиция, а не логика, но многое говорило за то, что я попал в десятку.

— Пол? — встревожилась Джейнис. — Что с тобой?

— Не знаю. Точно ничего не знаю, но собираюсь выяснить все, что смогу.

Глава 4

Стрельба в блоке Е не осталась незамеченной. Вспокоился губернатор, всполошилась пресса. Конечно, репортеры в те времена не вели себя так нагло, как нынче, но с компетентностью и пронырливостью у них все было в порядке. Если уж они ухватывали кость, отнять ее у них не представлялось возможным. А тут попалась мозговая косточка. И они оттянулись от души.

Но все хорошее когда-нибудь да кончается. Даже цирк с удивительными уродцами, смешными клоунами, дрессированными животными и тот покидает город. Наше представление закончилось итоговым заседанием Специальной комиссии. Но комиссия с таким грозным названием оказалась на удивление ручной и нелюбознательной. При других обстоятельствах губернатор потребовал бы чьей-нибудь головы, но здесь был особый случай. Родной племянник его жены сошел с ума и убил человека. Убил убийцу, за что его следовало бы только поблагодарить, но все же Перси Уэтмор застрелил его, когда тот мирно спал в

своей камере, а за это никого не погладили бы по головке. С учетом того, что у Перси совсем съехала крыша, губернатор хотел как можно скорее поставить последнюю точку.

О нашей ночной поездке к дому Мурсов на грузовичке Гарри Тервиллигера комиссия не прознала. Как и о том, что Перси Уэтмор все это время просидел в изоляторе, упакованный в смирительную рубашку. Не заметили и повышенного содержания снотворного в крови Уильяма Уэртона. Да и не могли заметить. Если власти что-то и искали в его теле, так это пули. Люди коронера их извлекли, сотрудники похоронного бюро уложили тело в ящик из сосновых досок, и человек с наколкой «Крошка Билл» на левом предплечье исчез с лица земли. И слава Богу.

Как бы то ни было, суeta длилась почти две недели. За это время я не мог лишний раз сбегать в туалет, не то что отлучиться на целый день, чтобы проверить идею, осенившую меня, когда я сидел за кухонным столом. И лишь ближе к середине ноября, кажется, двенадцатого числа я понял, что с Уэртоном нас допекать больше не будут. В тот день, придя на работу, я обнаружил у себя на столе приказ на экзекуцию Джона Коффи. Вместо Хола Мурса подписал его Кертис Андерсон, но, разумеется, его законность не ставилась под сомнение, поскольку он обязательно прошел через Хола, прежде чем попасть ко мне. Я мог представить себе, как Хол сидит в своем кабинете в административном корпусе и смотрит на этот листок, сидит и думает о своей жене, которая очень удивила бы врачей в больнице Индианолы. Эти врачи подписали приказ на ее смерть, а Джон Коффи порвал его на мелкие клочки. А теперь пришла очередь Джону Коффи пройти Зеленую милю, и кто из нас мог этому помешать? Кто из нас захотел бы этому помешать?

В приказе значилась и дата — 20 ноября. Через три дня после его получения, думаю, пятнадцатого,

Джейнис позвонила в тюрьму, чтобы сказать, что я заболел. Я же, выпив чашку кофе, поехал на север в своем «форде». Джейнис поцеловала меня на прощание и пожелала удачи. Я поблагодарил ее, хотя еще не решил для себя, что следовало понимать под удачей: то ли находки, подтверждающие выдвинутую мною версию, то ли их отсутствие. Одно я знал наверняка: в тот день петь за рулем мне не хотелось.

К трем часам пополудни я уже добрался до здания суда округа Пардом, успел просмотреть интересные меня бумаги, а затем побеседовал с шерифом, которому уже сообщили, что некий незнакомец интересуется местными преступниками. Шериф Кэтлетт пожелал знать, что я делаю в его вотчине. Я объяснил. Кэтлетт обдумал мои слова, а потом рассказал мне кое-что интересное. Предупредив, что будет все отрицать, если я попытаюсь сослаться на него. О том, что я услышал от шерифа, я думал все время, пока ехал домой. Продолжал думать и ночью, вместо того чтобы спать.

На следующий день я поднялся еще до рассвета и покатил в округ Трейпинг. С толстопузым Гомером Крибом общаться не стал, сразу обратился к помощнику шерифа Робу Макги. Макги поначалу и слушать не хотел того, о чем я ему говорил. Не хотел, и все. В какой-то момент я почувствовал, что он вот-вот врежет мне в челюсть, чтобы больше не слушать меня, но в конце концов Макги согласился поехать на ферму Деттериков и задать Клаусу несколько вопросов. Главным образом потому, что не хотел, чтобы эти вопросы задавал я.

— Ему только тридцать девять лет, а выглядит он глубоким стариком. — Макги сверлил меня взглядом. — И ему нет нужды встречаться с умником-наблюдателем, который вообразил себя детективом. Незачем бередить рану, которая только начала заживать. Вы оставайтесь в городе. От фермы Деттериков дер-

житься подальше. Переговорив с Клаусом, я вас найду. Если будете маяться от безделья, съешьте в закусочной кусок яблочного пирога.

Я съел два и, похоже, переборщил.

Когда Макги появился в закусочной и сел рядом со мной у прилавка, я попытался угадать ответ по выражению его лица, но без особого успеха.

— Так что? — спросил я.

— Пойдемте ко мне домой, там и поговорим. Здесь, на мой взгляд, слишкомлюдно.

Поговорили мы на крыльце дома Макги. Оба продрогли, но миссис Макги в доме курить не разрешала. Вступила в ряды борцов за чистоту воздуха до того, как образовалось это движение. Сначала говорил только Макги. При этом он недовольно хмурился, ему явно не нравилось то, что вещал его же рот.

— Вы ведь понимаете, что это ничего не доказывает? — спросил он воинственным тоном, закончив рассказ. При этом Макги агрессивно нацелил на меня палец, но на его лице читалось другое. Мы оба знали, что круг доказательств не исчерпывается теми, что представляются в суде. И мне показалось, впервые в жизни помощник шерифа Макги пожалел, что он не так туп, как его босс.

— Понимаю, — кивнул я.

— И если вы думаете, что сможете устроить ему новый суд, отталкиваясь от такой мелочи, лучше выбросьте из головы эти мысли, сенор. Джон Коффи — негр, а в округе Трейпинг как-то не принято повторно судить негров.

— Это мне известно.

— Так что же вы собираетесь предпринять?

Я щелчком перекинул сигарету через перила крыльца и поднялся. Мне предстоял долгий путь домой, так что задерживаться не следовало.

— Хотел бы я знать, помощник шерифа Макги, но пока не знаю. Потому что сейчас могу сказать только одно: напрасно я съел второй кусок яблочного пирога.

— Вот что я вам скажу, умник. — Голос его по-прежнему звучал воинственно. — На вашем месте я бы не открывал этот ящик Пандоры.

— Открыл его не я. — С этими словами я повернулся, глубоко вздохнул и поехал домой.

Прибыл я поздно, после полуночи, но жена не ложилась спать, дожидаясь меня. Я предполагал, что так оно и будет, но все равно очень обрадовался, когда Джейнис бросилась мне на шею, обняла, прижалась всем телом.

— Привет, незнакомец. — Она провела рукой по ширинке. — С игрунчиком все в порядке? Не замерз? Готов поработать?

— Да, мэм. — Я подхватил ее на руки, отнес в спальню, и мы слились в едином порыве, но на самой вершине блаженства я подумал об источающих слезы глазах Джона Коффи. И о Мелинде Мурс, говорящей: «Я видела тебя во сне. Я видела, ты блуждал во тьме, как и я. Мы нашли друг друга».

Я заплакал, все еще лежа на жене, ее руки обвивали мне шею.

— Пол! — испуганно вскрикнула она. За всю нашу совместную жизнь Джейнис видела меня плачущим раз шесть, не больше. Я не из тех, у кого слезы начинают течь по всякому поводу. — Пол, что случилось?

— Я знаю все, что нужно знать, — ответил я сквозь всхлипывания. — Можно сказать, я знаю слишком много. Через несколько дней я должен посадить Джона Коффи на электрический стул, но близняшек Деттериков убил Уильям Уэртон. Дикий Билл.

Глава 5

На следующий день на ленч собралась та же компания, что сидела за нашим кухонным столом после экзекуции Делакруа. Только на этот раз в нее

добавился пятый человек — моя жена. Именно Джейнис убедила меня созвать остальных. У меня самого поначалу такого желания не просматривалось. Зачем вешать такую гирю на других, спрашивал я. Достаточно и того, что об этом знаем мы.

— У тебя не все в порядке с логикой. Возможно, потому, что ты очень расстроен. Они уже знают худшее. Им известно, что Джон приговорен к смерти за преступление, которое не совершал. Поэтому твой рассказ только поможет им облегчить душу.

Я в это не очень-то верил, но подчинился. Я ожидал взрыва эмоций после того, как изложил Зверюге, Дину и Гарри все, что мне удалось узнать за два последних дня (я ничего не мог доказать, но не сомневался, что нарисованная мною картина полностью соответствовала событиям, происшедшим в действительности), но поначалу все задумчиво молчали. Первым заговорил Дин, взяв очередную булочку, испеченную Джейнис, и намазывая ее толстым слоем масла.

— Так ты думаешь, Джон видел его? Он видел, как Уэртон бросил девочек, может, даже как насиловал их?

— Я думаю, если бы он это видел, то попытался бы остановить насильника. А вот убегающего Уэртона он, возможно, и видел. Но потом об этом забыл.

— Естественно, — кивнул Дин. — Джон не такой, как все, да вот ума у него от этого не прибавилось. Он смог понять, что девочек убил Уэртон, лишь когда тот просунул руку сквозь решетку и коснулся его.

Зверюга полностью согласился с Дином.

— Потому Джон и выглядел таким удивленным... даже потрясенным. Помните, как широко раскрылись его глаза?

Я кивнул.

— Джейнис сказала, что он использовал Перси как орудие убийства, и я все время об этом думал. Почему Джон Коффи захотел убить Дикого Билла? С Пер-

си в принципе все понятно. Перси раздавил мышь Делакруа, Перси заживо поджарил Делакруа, и Джон это знал. Но Уэртон? Уэртон так или иначе досаждал нам, но отнюдь не Джону. Он едва ли обменялся с ним дюжиной слов за все время пребывания на Миле, да и то по большей части той ночью. А о чем они могли говорить? Уэртон вырос в округе Пардом, где негра принято замечать лишь в том случае, если он по какому-то делу поднимается на твое крыльцо. Так почему Джон решил убить Уэртона? Что такого ужасного он мог увидеть или почувствовать, когда Уэртон прикоснулся к нему, если сохранил всю отраву, что высосал из тела Мелли, до возвращения в тюрьму?

— И при этом сам едва не погиб, — добавил Зверюга.

— Это точно. И объяснение я могу предложить только одно: близняшки Деттерики. Я говорил себе, что идея безумная, скорее всего это лишь совпадение, такого просто не может быть. Но потом вспомнил сопроводительное письмо Кертиса Андерсона. Там указывалось, что у Уэртона полностью отсутствуют сдерживающие центры. Что за ним тянулся шлейф преступлений, совершенных по всему штату, прежде чем его поймали на том грабеже с убийствами. Опять же мне вспомнилось, как он пытался задушить Дина, когда его привезли в блок Е. Отсюда перекинулся мостик к...

— Собаке, — закончил за меня Дин. Он потирал шею там, где ее едва не перепилила цепь Уэртона. Думаю, автоматически, не замечая этого. — К тому, как собаке сломали шею.

— Короче, я поехал в округ Пардом, чтобы ознакомиться с уголовным досье Уэртона. Мы-то получили лишь информацию, касающуюся его последних убийств. Другими словами, знали лишь о завершающем этапе его карьеры. Я же хотел посмотреть, с чего все начиналось.

— Хлопот с ним хватало? — спросил Зверюга.

— С избытком. Вандализм, мелкие кражи, поджог стогов сена, даже кража взрывчатых веществ: он и его дружок украли шашку динамита и взорвали ее на берегу реки. Уэртон куролесил с десяти лет, но в досье я не нашел того, что искал. Потом прибыл шериф, пожелавший узнать, кто я такой и что делаю на его территории, и тут мне повезло. Я пошел на хитрость, сказал ему, что при обыске в камере мы нашли под матрацем Уэртона пачку фотографий обнаженных маленьких девочек. Вот я и решил узнать, не замечен ли Уэртон в растлении несовершеннолетних, поскольку слышал о том, что в Теннесси остались нераскрытыми несколько таких преступлений. Разумеется, о близняшках Деттериках я не упоминал. Мысль о них не пришла в голову и шерифу.

— Разумеется, — пожал плечами Гарри. — Чего о них думать? Преступник-то отловлен и осужден.

— Я сказал, что Уэртон скорее всего к преступлениям в Теннесси не причастен, потому что ничего такого за ним не числится. И вот тут шериф, фамилия его Кэтлетт, рассмеялся и заметил, что в досье занесено далеко не все, в чем замечен Уэртон. Но особого значения это не имеет, поскольку он уже мертв.

Я заверил его, что приехал сюда лишь ради собственного любопытства, и это его успокоило. Шериф увез меня к себе, усадил в кабинете, налил кофе, угостил виски и рассказал, что шестнадцать месяцев тому назад (Уэртону тогда только исполнилось восемнадцать) мужчина, проживающий в западной части округа, поймал его в амбаре со своей дочерью. На изнасилование это не тянуло. Мужчина сказал Кэтлетту, что «эта штучка у Уэртона размером с ноготок». Извини, дорогая.

— Все нормально, — ответила Джейнис, однако побледнела.

— И сколько лет было девочке? — спросил Зверюга.

— Девять.

Зверюга насупился.

— Мужчина мог бы разобраться с Уэртоном сам, с помощью братьев или кузенов, но делать этого не стал. Зато пошел к Кэтлетту и ясно дал понять, что хочет, чтобы Уэртона только предупредили. Потому что кому охота, чтобы о твоей дочери судачили на всех углах. У шерифа Кэтлетта Уэртон давно сидел в печенках. Он уже определял пятнадцатилетнего Уэртона в исправительную колонию для подростков. И терпение шерифа лопнуло. Он взял трех помощников и отправился в дом Уэртонов. Заголосившую миссис Уэртон отвели в сторону, а молодого мистера Уэртона, Крошку Билли, предупредили, наглядно показав, что ждет прыщавых отроков, которые тащат в сено девочек, слыхом не слыхавших о том, что такое месячные. «Мы предупредили его на славу, — сказал мне Кэтлетт. — Впрочем, отделался он легко. Разбитым носом, вывихнутой рукой да задницей, превращенной в сплошной синяк».

Зверюга не смог сдержать смеха.

— Как это похоже на округ Пардом. По-другому и быть не могло.

— А три месяца спустя Уэртон словно с цепи сорвался. Совершенных им преступлений с лихвой хватило на приговор, который и привел его к нам.

— Значит, его таки тянуло на несовершеннолетних девочек. — Дин снял очки и начал протирать стекла. — Совсем маленьких девочек. Но один случай — еще не привычка.

— Такое только один раз не делают, — вырвалось у моей жены.

Потом я рассказал им о поездке в округ Трейпинг. С помощником шерифа Робом Макги мне пришлось говорить куда более откровенно: просто выбора не было. До сих пор я понятия не имею, как он вызвал на разговор мистера Деттерика, но Макги, усевшийся ко мне за стол после поездки на ферму, выглядел постаревшим лет на семь.

В середине мая, примерно за месяц до грабежа и убийств, поставивших точку на преступной деятельности Уэртона, Клаус Деттерик красил сарай (и, кстати, конуру Боузера). Он не хотел, чтобы сын залезал на высокие леса (опять же учебный год у мальчика еще не закончился), поэтому нанял помощника. Приятного на вид парня. Очень тихого. Работал тот на ферме три дня. Нет, в доме он не спал. Деттерик не относился к тем, кто мог пустить в дом незнакомца, пусть тихого и приятного на вид. Мало ли кто бродил в те времена по дорогам. Так что главе семьи приходилось быть осмотрительным. Да помощнику и не требовалась крыша над головой. Он сказал Деттерику, что снял комнату в городе, у Евы Прайс. В Тефлоне действительно жила Ева Прайс, которая сдавала комнаты, но в мае у нее не было постояльца, даже отдаленно похожего на наемного работника Деттериков. Останавливались у нее все больше джентльмены в клетчатых пиджаках и с чемоданами, полными образцов самой разнообразной продукции. Другими словами, коммивояжеры. Макги знал, о чем говорил: по пути с фермы Деттериков он заглянул к миссис Прайс. Поэтому так и расстроился.

Наемный работник не спал в доме Деттериков, но дважды обедал за семейным столом. То есть познакомился и с Гови, и с девочками, Корой и Кэти. И, возможно, слышал, как они щебетали о том, что с нетерпением ждут лета. Потому что в теплую погоду мама, если они будут себя хорошо вести, разрешит им спать на веранде и они смогут почувствовать себя женами первопроходцев, пересекающих на фургонах Великие равнины.

Я мог представить себе, как он сидит за столом, ест жареного цыпленка и ржаной хлеб, испеченный миссис Деттерик, слушает, не поднимая волчьих глаз, кивает, иногда улыбается, запоминает каждую мелочь.

— Что-то не вяжется все это с образом безумца, который ты нарисовал мне, рассказывая о появлении

Уэртон на Зеленой миле, — с сомнением заметила Джейнис. — Совсем не вяжется.

— Вы не видели его в больнице Индианола, мэм, — ответил ей Гарри. — Стоял как debil с отвисшей челюстью и болтающимся поверх штанов концом. Позволил нам одеть его. Мы подумали, что он накачан наркотиками или просто полный идиот. Так ведь, Дин?

Дин кивнул.

— Через день после того как он закончил красить сарай, — продолжил я, — бандит в маске ограбил в Джервисе железнодорожную кассу. Добыча составила семьдесят долларов. Унес он и серебряный доллар, отчеканенный в 1892 году, который кассир носил при себе как талисман. Серебряный доллар нашли у Уэртон при аресте, а расположен Джервис всего в тридцати милях от Тефлона.

— Значит, этот грабитель... ты думаешь, что он три дня помогал Клаусу Деттеррику красить сарай, — в голосе моей жены не слышалось вопросительных ноток. — Обедал с ними и просил передать ему соль, не забывая сказать «пожалуйста».

— Самое ужасное в таких людях, как Уэртон, — их непредсказуемость. — Зверюга тяжело вздохнул. — Вполне возможно, что он намеревался убить Деттериков и ограбить дом, но передумал, так как облако неожиданно закрыло солнце или по другой не менее веской причине. Может, он просто хотел на несколько дней лечь на дно. Но скорее всего он уже тогда положил глаз на девочек и решил, что вернется. Как потвоему, Пол?

Я кивнул. Потому что придерживался того же мнения.

— Надо еще учесть и имя, под которым он представлялся Деттеррику.

— Какое имя? — не поняла Джейнис.

— Уилл Бонни.

— Бонни? Что-то я...

— Так звали настоящего Крошку Билла, знаменитого бандита.

— О! — У нее округлились глаза. — Так ты можешь снять Джона Коффи с крючка! Слава Богу! Все-го-то делов — показать мистеру Деттерлику фотографию Уильяма Уэртона... хотя бы ту, что сделали в тюрьме...

Зверюга и я переглянулись. На лице Дина отразилась надежда, Гарри же внимательно изучал свои ногти.

— В чем дело? — напирала на нас Джейнис. — Чего вы переглядываетесь? Макги должен...

— Роб Макги, по моему разумению, хороший человек и отличный полицейский, — ответил я, — но не он решает вопросы в округе Трейпинг. Последнее слово там остается за шерифом Крибом, и я готов спорить, что скорее в аду выпадет снег, чем он вернется к пересмотру дела Коффи на основании моих находок.

— Но... если Уэртон там побывал... если Деттерик сможет опознать его и шериф убедится, что он там был...

— Он был там в мае, а это еще не означает, что он вернулся в июне и убил девочек. — Говорил Зверюга мягко, таким тоном обычно сообщают семье о смерти ближайшего родственника. — С одной стороны, у нас будет человек, который три дня помогал Клаусу Деттерлику красить сарай, а потом ушел. Да, этот человек совершил в штате множество преступлений, но за те три майских дня, что он провел в Тефлоне, никаких проступков за ним не замечено. С другой — негр-здоровяк, нет, негр-гигант, которого нашли на берегу реки с двумя мертвыми голенькими девочками в руках.

Он печально покачал головой.

— Пол прав, Джен. Макги может сомневаться, но его мнение значения не имеет. Инициировать пересмотр дела может только Криб, а Криб не захочет возвращаться к тому, что так хорошо закончилось. И ска-

жет он следующее: «Убийца — ниггер, а не белый. Вот и чудненько. Я поеду в «Холодную гору», по пути съем бифштекс и запью его пивом, потом с удовольствием посмотрю, как ниггера поджарят, и поставлю на этом деле жирную точку».

Джейнис слушала с выражением ужаса на лице, потом повернулась ко мне:

— Но Макги уверен, что убийца — Уэртон, так, Пол? Я права? Помощник шерифа Макги знает, что он арестовал невинного человека. Неужели он не выступит против шерифа?

— Если выступит, то потеряет работу, — ответил я. — Да, я думаю, в глубине души он знает, что девочек убил Уэртон. Но себя он убеждает в том, что ему надо держать рот на замке и дожидаться, пока Криб или уйдет на пенсию, или лопнет от обжорства. Тогда он займет его место и в округе все пойдет по-другому. Вот что он говорит себе, чтобы спать спокойно. А в одном вопросе Макги наверняка полностью солидарен с Крибом. И по его разумению, Джон Коффи — всего лишь ниггер. Так что незачем городить огород.

— Тогда ты должен поехать в столицу штата, — решительно заявила Джейнис. — Поехать и рассказать, что ты выяснил.

— И как же он расскажет о том, что выяснил, Джен? — спросил Зверюга все тем же обволакивающим голосом. — Сможет ли Пол начать с того момента, как Уэртон схватил Джона за руку, когда мы выводили его из блока Е, чтобы он сотворил чудо, излечив жену начальника тюрьмы?

— Нет... разумеется, нет, но... — Она увидела, на какой тонкий лед можно попасть, развивая эту тему, и попыталась зайти с другой стороны. — Что-нибудь солги. — Джейнис воинственно посмотрела на Зверюгу, потом на меня. Такой испепеляющий взгляд мог бы зажечь газету.

— Солги, — повторил я. — Так о чем мне лгать?

— О своих поездках сначала в округ Пардом, а потом в Трейпинг. Поезжай к этому жирному шерифу Крибу и скажи, что Уэртон сознался тебе в изнасиловании и убийстве близняшек Деттериков. — Ее горящий взор устремился на Зверюгу. — А ты, Брут, сможешь подтвердить его слова. Скажешь, что сознавался он в твоём присутствии, и ты тоже все слышал. Да и Перси мог это слышать, потому-то и обезумел. Застрелил Уэртона, потому что мысли о содеянном Уэртоном свели его с ума. Он... Что? Что теперь?

Теперь уже не только я и Зверюга, но и Гарри с Дином в ужасе смотрели на нее.

— Мы же не докладывали об этом, мэм. — Гарри говорил с Джейнис, как с ребенком. — Первым делом нас спросят, почему мы никому об этом не доложили? Мы обязаны сообщать начальству все, что говорят наши подопечные о совершенных преступлениях. Как своих, так и чужих.

— Да мы бы ему и не поверили, — добавил Зверюга. — Такие, как Диккий Билл Уэртон, лгут обо всем, Джен. О преступлениях, которые совершили, о больших шишках, с которыми знакомы, о женщинах, с которыми спали, об успехах в школьной футбольной команде, даже о погоде.

— Но... но... — Я попытался ее обнять, но она отшвырнула мою руку. — Но он там был! Он красил их чертов сарай! Он с ними обедал!

— Тем более понятно, почему он может взять на себя это преступление, — резонно заметил Зверюга. — В конце концов, хуже ему не будет. Так почему не похвалиться? Все равно два раза на электрический стул его не посадить.

— Давайте разберемся, правильно ли я вас поняла. Все сидящие за этим столом знают, что Джон Коффи не только не убивал этих девочек, но пытался их спасти. Помощник шерифа Макги этого, естественно, знать не может, но он понимает, что Джон Коффи при-

говорен к смерти за преступление, которого не совершал. И все же... все же... вы не сможете добиться возобновления судебного разбирательства.

— Да, мэм. — Дин яростно протирал стекла очков. — Вы все изложили правильно.

Она сидела, низко опустив голову, глубоко задумавшись. Зверюга раскрыл рот, хотел что-то сказать, но я поднял руку, останавливая его. Я не верил, что Джейнис найдет способ вызволить Джона из камеры смертников, но не верил я и в то, что это невозможно. Жена у меня была не только умная, но и решительная. Именно сочетание таких качеств иной раз позволяло сворачивать горы.

— Хорошо, — наконец изрекла она. — Тогда вы должны сами его выпустить.

— Мэм? — На лице Гарри отразились изумление и страх.

— Вам это под силу. Один раз вы это сделали, так ведь? Можете и повторить. Только теперь вы не приведете его назад.

— А как вы объясните моим детям, почему их папочка оказался в тюрьме, миссис Эджкомб? — спросил Дин. — Обвиненный в организации побега убийцы?

— До этого дело не дойдет, Дин. Мы что-нибудь придумаем. Обставим все так, будто побег настоящий.

— Тут уж придется постараться, — усмехнулся Гарри. — Все-таки план этот должен придумать человек, который не помнит, как завязывать шнурки на ботинках.

Джейнис смотрела на него, не зная, что и сказать.

— Толку от этого не будет, — покачал головой Зверюга. — Даже если мы найдем способ вывести его из тюрьмы, толку от этого не будет.

— Почему? — Джейнис едва сдерживала слезы. — Почему не будет?

— Потому что он — негр с лысой головой и ростом в шесть футов и восемь дюймов, у которого едва

хватает мозгов на то, чтобы поднести еду ко рту. Сколько пройдет времени, прежде чем его поймают? Два часа? Шесть?

— Раньше он не привлекал к себе внимания. — Слеза потекла-таки по щеке Джейнис. Она сердито сбросила ее ребром ладони.

Джейнис говорила правду. Я написал письма друзьям и родственникам с Юга с одним вопросом: не попадались ли им в газетах заметки о человеке с внешностью Коффи. Не попадались. Такие же ответы получила на свои письма и Джейнис. Кроме одного. В городе Маскл-Шоулз, штат Алабама, в 1929 году смерч разрушил церковь во время службы. И крупный лысый негр вытащил из-под развалин двух человек. Поначалу их приняли за мертвых, но, как выяснилось, ни один серьезно не пострадал. Это было чудо, сказал репортеру местной газеты один из свидетелей. Негр, бродяга, нанятый пастором на один день для уборки церкви, бесследно исчез.

— Ты права, не привлекал, — согласился Зверюга. — Но не забывай, что говорим мы о том времени, когда его еще не приговорили к смерти за убийство и изнасилование двух маленьких девочек.

Джейнис не ответила. Молча посидела с минуту. А потом сделала нечто такое, что потрясло меня до глубины души. Точно так же, как недавно потрясли ее мои слезы в момент наивысшего блаженства. Взмахом руки Джейнис смахнула на пол все, что стояло на столе: тарелки, стаканы, чашки, вазочки, ложки, вилки, молочник, чайник. Осколки полетели во все стороны.

— Святое дерьмо! — Дин отпрянул от стола и едва не упал вместе со стулом.

Джейнис этого и не заметила. Смотрела она на меня и на Зверюгу.

— Так вы хотите убить его, паршивые трусы? Вы хотите убить человека, который спас жизнь Мелинде Мурс, который хотел вернуть к жизни девочек? Что ж,

по крайней мере на свете станет одним черным человеком меньше, так? Вы сможете этим утешиться. Одним ниггером станет меньше!

Джейнис поднялась, взглянула на свой стул и отшвырнула его к стене. Стул, конечно, от стены отскочил и упал на осколки тарелок, чашек, стаканов. Я взял жену за руку, но она вырвалась.

— Не прикасайся ко мне. На следующей неделе ты превратишься в убийцу, такого же, как этот Уэртон, так что не прикасайся ко мне.

Она выскочила на заднее крыльцо, прижала фартук к лицу и разрыдалась. Мы четверо переглянулись. Потом я поднялся из-за стола и принялся за уборку. Сначала Зверюга, потом Гарри и Дин присоединились ко мне. После того как мы более-менее привели кухню в порядок, они ушли. За это время никто не произнес ни слова. Все, что могли, мы уже сказали.

Глава 6

Этот вечер у меня был выходной. Я сидел в гостиной нашего маленького дома, курил, слушал радио, наблюдал, как сгущаются сумерки. Телевизор — дело хорошее, я ничего против него не имею, просто мне не нравится, как он уводит человека от реального мира, приковывая его к светящемуся прямоугольнику экрана. В этом смысле радио куда лучше.

Вошла Джейнис, присела на подлокотник кресла, взяла меня за руку. Какое-то время мы молчали, слушая льющуюся из динамика музыку, глядя на вспыхивающие на небе звезды.

— Извини, что назвала тебя трусом. — Она заговорила первой. — За всю нашу совместную жизнь я не говорила тебе ничего более обидного.

— Даже в тот раз, когда мы пошли в поход и ты обозвала меня старой вонючкой? — спросил я.

Мы рассмеялись, потом раз или два поцеловались, и все у нас опять пошло хорошо. Она была такой красивой, моя Джейнис, и я до сих пор вижу ее во сне. Я старый, уставший от жизни человек, но мне снится, как она входит в мою комнату в этом стариковском прибежище, где в коридорах пахнет мочой и вареной капустой, мне снится, что она молода и прекрасна, у нее яркие синие глаза и высокая грудь, которую меня так и тянет поласкать, и я слышу, как она говорит: «Милый, я же не ехала в том автобусе, что попал в аварию. Ты ошибся, только и всего». Даже теперь я вижу такие сны и, проснувшись, плачу, зная, что это лишь сон. Я, который так редко плакал, будучи молодым.

— Хол знает? — наконец спросила она.

— О невинности Джона? Откуда?

— Он может помочь? Может повлиять на Криба?

— Никоим образом, дорогая.

Она кивнула, словно и ожидала услышать такой ответ.

— Тогда ничего ему не говори. Если помочь он не может, не надо ему ничего говорить.

— Хорошо.

Джейнис пристально посмотрела на меня.

— И ты не скажешься больным в ту ночь. Никто из вас не скажется. Вы не можете.

— Не можем. Если мы будем там, то по крайней мере сможем гарантировать ему быструю смерть. Чтобы не получилось, как с Делакруа. — На мгновение, к счастью, лишь на мгновение, я увидел горящую маску, спадающую с лица Делакруа, чтобы открыть два сваренных шарика желе, в которые превратились его глаза.

— И никакого выхода нет? — Она подняла мою руку, провела ею по бархатистой коже своей щеки. — Бедный Пол. Бедный ты мой.

Я промолчал. Никогда прежде мне не хотелось убежать отсюда. Собрать чемодан, взять с собой Джейнис и бежать куда глаза глядят.

— Бедный ты мой, — повторила она. А потом добавила: — Поговори с ним.

— С кем? Джоном?

— Да. Поговори с ним. Узнай, что он хочет.

Я обдумал ее слова, кивнул. Она была права. Как всегда.

Глава 7

Двумя днями позже, восемнадцатого, Билл Додж, Хэнк Биттерман и кто-то еще, точно не помню, повели Джона Коффи в душ блока Д, а мы воспользовались его отсутствием, чтобы провести репетицию казни. Старику Два Зуба изображать Джона мы не позволили. Хотя это и не обсуждалось, все понимали, что допустить такое невозможно.

Его роль взял на себя я.

— Джон Коффи, — в голосе Зверюги чувствовалась дрожь, — вы приговорены к смерти на электрическом стуле, приговор вынесен присяжными и...

Присяжными. Простыми людьми с улицы. Таими же, как и подсудимый. Смех да и только. Насколько я знал, таких, как Джон, на всей планете больше и не было. Потом мне вспомнились слова Джона, которые он произнес, спустившись по ступеням из моего кабинета в кладовую и взглянув на Старую Замыкалку: «Они все еще здесь. Я слышу, как они кричат».

— Освободите меня, — прохрипел я. — Расцепите замки и дайте мне встать.

Они сняли с моих рук и ног хомуты, но поначалу я не мог шевельнуться, словно Старая Замыкалка не хотела меня отпускать.

Когда мы возвращались в блок, Зверюга наклонился ко мне и заговорил так тихо, что его не могли услышать Дин и Гарри, шедшие следом.

— В моей жизни случалось такое, о чем теперь не хочется и вспоминать, но именно сейчас я впервые чувствую, что могу загреметь в ад.

Я быстро взглянул на него, дабы убедиться, что он не шутит. Не шутил.

— О чем ты?

— Я хочу сказать, что нам суждено убить создание Божье. Которое не причинило вреда ни нам, ни кому-либо еще. Я хочу знать, что будет, если я предстану перед нашим Создателем и Он попросит меня объяснить, почему я это сделал? Я отвечу, что такая у меня была работа? Разве это моя работа?

Глава 8

Когда Джон вернулся из душа и его сопровождающие отбыли, я открыл замки его камеры, откатил дверь, вошел и опустился рядом с ним на койку. Зверюга сидел за столом дежурного. Он поднял голову, увидел, что меня не страшует никто из надзирателей, но ничего не сказал. Просто продолжил прерванное занятие: он заполнял какие-то бланки, поминутно облизывая кончик карандаша.

Джон смотрел на меня своими странными глазами — налитыми кровью, отстраненными, влажными от слез... но и спокойными. Он словно говорил, что слезы на глазах не такая уж и беда, если к этому привыкаешь. Он даже чуть улыбнулся. От него пахло мылом, он был свеженький и чистенький, как младенец после вечернего купания.

— Привет, босс. — Он взял в руки мои ладони.

— Привет, Джон. — К горлу подкатил комок, и я шумно глотнул, пытаюсь избавиться от него. — Наверное, ты знаешь, что нас ждет. Через пару дней.

Он молчал, держа мои руки в своих. Оглядываясь назад, я понимаю, что со мной уже начало что-то происходить, но тогда я ничего не замечал.

— На обед ты можешь заказать что-нибудь вкусненькое, Джон. Если хочешь, мы даже принесем тебе пива. Нальем в кружку из-под кофе, только и всего.

— Никогда не любил пива.

— А как насчет еды?

Он глубоко задумался, потом улыбнулся.

— Хотелось бы тушеного мяса.

Я кивнул.

— Тушеное мясо. С подливой и картофельным пюре. — Я чувствовал, как все тело покалывают маленькие иголки. Ощущение это знакомо всем: такое бывает, когда отлежишь руку или ногу. Но тут покалывание распространилось на все тело. — Что еще?

— Не знаю, босс. Что у вас есть. Может, окру, но я не привередлив в еде.

— Хорошо, — кивнул я, подумав, что на десерт он получит абрикосовый торт, который испечет ему миссис Джейнис Эджкомб. — А как насчет священника? С которым ты смог бы помолиться? Я знаю, как это успокаивает. Я могу пригласить преподобного Шустера, он приезжал к Делу...

— Священника не хочу, — оборвал меня Джон. — Вы были добры ко мне, босс. Если хотите, вы можете помолиться со мной. Этого будет достаточно. Я могу постоять рядом с вами на коленях.

— Я? Джон, я не могу...

Он чуть сильнее сжал мои руки. Усилилось и покалывание.

— Вы сможете. Не так ли, босс?

Теперь ощущения напоминали те, что я испытывал, когда он лечил меня, но чем-то они и отличались. И не только потому, что на этот раз никакой заразы во мне не сидело. Просто сейчас Джон все делал подсознательно, не отдавая себе в этом отчета. Внезапно

меня охватил ужас, неодолимое желание вырваться из камеры. Во мне зажглось что-то такое, что никогда не горело раньше. Не в мозгу — во всем теле.

— Вы, и мистер Хоуэлл, и другие боссы были добры ко мне, — продолжал Джон Коффи. — Я знаю, что вы волновались, но теперь можете успокоиться, потому что я хочу уйти, босс.

Я попытался что-то сказать, но не смог. А он смог. И говорил как никогда долго.

— Я действительно устал от боли, которую слышу и чувствую, босс. Я устал от того, что постоянно куда-то иду, одинокий, всеми покинутый. У меня никогда не было друга, который составил бы мне компанию, сказал, куда мы идем и зачем. Я устал от людей, которые так ненавидят друг друга. Их мысли режут меня, как осколки стекла. Я устал от того, что часто хотел помочь и не смог. Я устал от тьмы, которая окружает меня. Но больше всего устал от боли. Ее слишком много. Если бы я мог положить ей конец, мне захотелось бы жить дальше. Но я не могу.

Остановись, попытался сказать я. Остановись, отпусти мои руки, я утону, если ты этого не сделаешь. Утону или разорвусь.

— Вы не разорветесь. — При этих словах он улыбнулся... но руки мои отпустил.

Я наклонился вперед, часто-часто дыша. На полу я различал каждую трещинку, каждую впадинку или бугорок. Я посмотрел на стену и увидел имена и фамилии, написанные в 1924, 1926, 1931 годах. Надписи эти давно стерли, людей, их писавших, унесла река времени, но я догадался, что напрочь ничего стереть нельзя, во всяком случае, с этой стены, и я вновь увидел эти надписи, налезавшие друг на друга. Глядя на них, я словно слышал, как говорят мертвые, и поют, и молят о снисхождении. Я чувствовал, как вибрируют глаза в глазницах, слушал биение собственного сердца, шум текущей по артериям и венам крови.

Я услышал свисток паровоза, наверное, того, что в три пятьдесят приходил в Прайсфорд, хотя полной уверенности у меня не было, потому что раньше я никакого свистка не слышал, во всяком случае, в «Холодной горе»: железная дорога находилась в десяти милях от тюрьмы. Я просто не мог слышать паровозный свисток на таком расстоянии, тем более в помещении, я в этом не сомневался до ноября 1932 года, но в ту ночь я его точно услышал.

Где-то разлетелась лампа, громко, как бомба.

— Что ты со мной сделал? — прошептал я. — Джон, что ты со мной сделал?

— Извините, босс. Я как-то не подумал. Ничего особенного. Скоро все придет в норму.

Я поднялся и зашагал к решетке. Словно во сне. Когда я добрался до нее, он заговорил:

— Вы удивлялись, почему они не кричали. Это единственный вопрос, на который у вас еще нет ответа, так? Почему эти маленькие девочки не кричали, когда еще были на веранде?

Я повернулся к нему, ясно различая каждый сосудик на его белках, каждую пору на лице... и чувствуя его боль, боль, которую он снимал с других людей, впитывая ее, как губка воду. Я видел тьму, о которой он говорил. Она окутывала мир, я увидел ее его глазами и на мгновение испытал жалость к нему и великое облегчение. Да, мы должны были сделать что-то ужасное, мы не могли предотвратить его казнь... и, однако, мы сказывали ему огромную услугу.

— Я это увидел, когда тот плохой человек схватил меня, — добавил Джон. — Именно тогда я узнал, что девочек убил он. Я видел его в тот день, я был в лесу, видел, как он бросил их и убежал, но...

— Ты забыл.

— Совершенно верно, босс. Забыл. И вспомнил, лишь когда он коснулся меня.

— Так почему они не кричали, Джон? Он причинил им боль, кого-то сильно ударил, на крыльце оста-

лась кровь. Так почему они не кричали, если родители спали наверху?

Джон смотрел на меня измученными глазами.

— Он сказал одной: «Если ты закричишь, я убью твою сестру, а не тебя». То же он сказал и другой. Вы видите?

— Да, — прошептал я, потому что смог все увидеть. Темная ночь, веранда, примыкающая к дому Деттериков. Уэртон, нависший над девочками, как злой дух. Одна из них пытается вскрикнуть, но Уэртон бьет ее по лицу, и кровь, хлынувшая из носа, остается на полу и ступенях.

— Он убил их вместе с их любовью. Они любили друг друга. Теперь вы понимаете, как это случилось?

Я кивнул не в силах произнести ни слова.

Он улыбнулся. Слезы потекли вновь, но он улыбнулся.

— И так каждый день. По всему миру.

Джон Коффи улегся на койку и повернулся лицом к стене.

Я вышел на Зеленую милю, запер камеру и зашагал к столу дежурного. Необычное состояние не проходило. Я по-прежнему ощущал отстраненность от реальности. Внезапно до меня дошло, что я могу слышать мысли Зверюги — очень тихий шепот. Его мучило слово «расписка». Вернее, буква после «эр», то ли «о», то ли «а». Потом он поднял голову, губы его начали складываться в улыбку, но улыбка исчезла, как только он пригляделся ко мне.

— Пол? С тобой все в порядке?

— Да. — Я рассказал ему то, что услышал от Джона. Разумеется, не все и, уж конечно, не упомянул о том, как изменило меня его прикосновение (об этом я не говорил никому, даже Джейнис, Элейн Коннолли станет первой, кто узнает... если захочет читать последние страницы, прочитав все остальное), но повторил слова Джона о его желании уйти. Зверюге замет-

но полегчало, но я почувствовал (услышал?) молчаливый вопрос, уж не выдумал ли я все это, чтобы избавить его, да и остальных, от угрызений совести. А потом я почувствовал, что он решил мне поверить, поскольку в этом случае действительно многое упрощалось.

— Пол, тебя не прихватила вновь та самая инфекция? — спросил Зверюга. — Очень уж ты красный.

— Нет, думаю, я в норме, — ответил я. До нормы еще было далеко, но я верил Джону. А он обещал, что со временем все образуется. Я уже чувствовал, что странные ощущения в теле ослабевают.

— Все равно тебе не повредит зайти в кабинет и немного полежать.

Вот лежать-то мне как раз и не хотелось. Я чуть не рассмеялся, столь нелепым показалось мне это предложение. Куда больше мне хотелось построить маленький домик, покрасить его, вскопать огород, засеять грядки. И закончить со всем этим до ужина.

И вот так каждый день, думал я. По всему миру. Эта тьма. Над миром.

— Я лучше схожу в административный корпус. Хочу посмотреть кое-какие документы.

— Тебе виднее.

Я подошел к двери, открыл ее, потом обернулся.

— Мысль у тебя правильная. После «эр» пишется «а».

И, не оборачиваясь, прикрыл за собой дверь. Я и так знал, что Зверюга смотрит мне вслед с отвисшей челюстью.

До конца смены я не находил себе покоя. Не присаживал на месте и пяти минут, чтобы не вскочить и чем-то не заняться. Сходил в административный корпус, кружил по тюремному двору так долго, что охранники на вышках наверняка подумали, будто я рехнулся. Но по мере того как успокаивался шелест мыслей в моей голове, я тоже постепенно начал успокаиваться.

Однако по пути домой меня вновь охватила жажда деятельности. Я просто не мог усидеть за рулем. Свернул на обочину, выскочил из «форда» и пробежал по дороге с полмили, наклонив голову и энергично работая руками. Только тогда я начал приходить в себя. Обратно бежал уже не так быстро, а последние сотни ярдов прошагал, шумно выдыхая холодный воздух. Приехав домой, я сказал Джейнис, что Джон Коффи сам хочет покинуть этот мир. Она кивнула, на лице ее явственно читалось облегчение. Так ли оно было на самом деле? Этого я не знал. Шесть часов тому назад, даже три часа назад, знал бы наверняка, а вот теперь — нет. И меня это только радовало. Джон постоянно говорил, что он очень устал, и я мог понять почему. С такими, как у него, способностями устать не мудрено. Опять же я понимал, что побуждает его стремиться к покою, пусть и вечному.

Когда Джейнис спросила меня, почему я такой потный и покрасневшийся, я ответил, что по пути домой остановил машину и немного пробежался. Я сказал ей все что мог, поскольку уже отмечал (я исписал уже столько страниц, что хочется просмотреть их и убедиться, так ли это), что в нашей семейной жизни не было места для лжи. И не стал распространяться насчет того, почему я бегал.

А она не спросила.

Глава 9

Эту ночь, когда настал черед Джона Коффи пройти Зеленую милю, не гремел гром, не бушевала гроза. Ночь выдалась холодной, и свет миллионов звезд падал на пустынные поля с торчащими кое-где стеблями кукурузы.

На этот раз казнь проводил Брут Хоуэлл. Ему предстояло надеть колпак на голову Джона и дать коман-

ду ван Хэю на поворот рубильника. Билл Додж находился с ван Хэем в щитовой. 20 ноября, примерно за сорок минут до полуночи, Дин, Гарри и я подошли к единственной камере, в которой находился осужденный. Джон Коффи сидел на краешке койки, зажав руки между коленями. На воротнике его синей рубашки темнело крошечное пятнышко от подливыв. Он смотрел на нас сквозь прутья решетки, и по всему чувствовалось, что он куда спокойнее, чем мы. Руки у меня похолодели, в висках стучало. Одно дело знать, что Джон хочет уйти (иначе уж и не знаю, смогли бы мы делать то, что должно), другое — осознавать, что мы сажаем его на электрический стул за преступление, которого он не совершал...

Хола Мурса я повидал в семь вечера. В его кабинете. Мурс собирался домой, уже застегивал шинель. Бледный как полотно, а руки его так дрожали, что у меня возникло желание самому застегнуть ему пуговицы, словно малому ребенку. В прошедший уик-энд мы с Джейнис навещали Мелинду, и выглядела она куда лучше, чем Хол в день казни Джона Коффи.

— На экзекуцию я не останусь, — предупредил он меня. — Там будет Кертис, к тому же я знаю, что Коффи в хороших руках. Вы с Брутом не допустите повторения того, что случилось с Делакруа.

— Да, сэр, — кивнул я. — Сделаем все в лучшем виде. Есть ли новости о Перси?

Мой ответ означал: пришел ли он в себя? Не сидит ли в теплом кабине и не рассказывает кому-либо, скорее всего доктору, о том, как мы надели на него смиренную рубашку и бросили в изолятор, совсем как одного из наших проблемных детей... или дылдонов, по терминологии Перси. А если рассказывает, поверят ли ему?

Но, по словам Хола, Перси пребывал все в том же состоянии. Ни с кем не разговаривал, ни на что не реагировал. Он все еще находился в Индианоле, «на

обследовании», сказал Хол, не очень-то понимая, что бы это значило, но, поскольку улучшений не наблюдалось, речь могла идти только о переводе в специализированную больницу.

— Как держится Коффи? — спросил Хол. Ему наконец-то удалось справиться с последней пуговицей.

— Отлично, — заверил я его. — Он нам хлопот не доставит.

Хол кивнул и поплелся к двери, старый и больной.

— Как в одном человеке может быть столько плохого и столько хорошего? — задал он риторический вопрос. — Как человек, спасший мою жену, мог убить этих маленьких девочек? Ты это понимаешь?

Я ответил, что нет, но пути Господни неисповедимы, в каждом из нас заложено добро и зло, не наше дело задаваться вопросом, почему, и так далее, и так далее. Большую часть того, что Хол услышал от меня в тот вечер, я почерпнул в церквях, где восхваляли Иисуса, всемогущего Господа нашего. Хол кивал после каждой фразы, настроение у него улучшилось. Он мог позволить себе эти кивки, потому что мои слова воспринимались им как индульгенция. Но на лице Хола по-прежнему читалась печаль: он переживал неизбежность казни Коффи. В этом сомнений у меня не было. Но на сей раз до слез дело не дошло, потому что дома Хола ждала жена, чудесным образом излечившаяся от смертельной болезни. Стараниями Джона Коффи нынче она пребывала в полном здравии, и человек, одоббивший приказ о проведении казни Джона Коффи, мог покинуть тюрьму и поехать к ней. Присутствовать на этой казни у него необходимости не было. И когда, ближе к рассвету, тело Джона Коффи будет остывать в подвале окружной больницы, Хол будет мирно спать в теплой постели рядом с женой. И за это я ненавидел его. Не так уж и сильно (я знал, что чувство это пройдет), но ненавидел. Искренне ненавидел...

Теперь же я входил в камеру Коффи, сопровождаемый Дином и Гарри. Побледневшими, как в воду опущенными.

— Ты готов, Джон? — спросил я.

Он кивнул:

— Да, босс. Полагаю, что да.

— Хорошо. Я должен кое-что сказать перед тем, как мы выйдем отсюда.

— Говорите все что нужно, босс.

— Джон Коффи, как сотрудник суда...

Я сказал все, а когда закончил, Гарри Тервиллигер выступил из-за моей спины и протянул руку. Джон поначалу удивленно взглянул на нее, потом улыбнулся и пожал. Дин, еще более побледнев, тоже протянул ему руку.

— Ты заслуживаешь лучшего, Джонни. — Он внезапно осип. — Мне очень тебя жаль.

— Все будет хорошо, — ответил Джон. — Сейчас мне трудно, но вскоре будет хорошо. — Он поднялся, медальон святого Христофора, подаренный Мелли, лег на рубашку.

— Джон, я должен взять у тебя медальон. — Я откашлялся. — Потом могу надеть... если хочешь, но сейчас надо его снять.

Серебряный медальон проводил ток, поэтому, касаясь кожи, мог впечататься в нее после того, как ван Хэй повернул бы рубильник. Если б не впечатался, то все равно, раскалившись, оставил бы след на коже. Такое я уже видел. Я многое повидал за годы службы на Миле. Больше, чем хотелось бы. Теперь я это понимал, как никогда раньше.

Джон перекинул цепочку через голову, положил медальон на мою ладонь. Я убрал его в карман и попросил Джона выйти из камеры. На этот раз мы обошлись без проверки макушки: череп у него был гладкий, как ладонь.

— Знаете, днем я заснул и увидел сон, босс, — заговорил Джон. — Мне приснилась мышка Дела.

— Правда, Джон? — Я встал слева от него, Гарри — справа, Дин — сзади. Так мы и зашагали по Миле. Я твердо знал, что осужденного я сопровождаю по ней последний раз.

— Да, — кивнул он. — Мне снилось, что я попал в то место, о котором говорил босс Хоуэлл, — этот Маусвилл. Мне снилось, что я стою среди детей и все они смеются над тем, что выделяет мышка Дела! — Тут он рассмеялся сам, потом снова стал серьезным. — Во сне я увидел двух маленьких светловолосых девочек. Они смеялись вместе со всеми. Я обнял их, и на этот раз с их волос не капала кровь. Мы все наблюдали, как Мистер Джинглес катит носом катушку, и как же мы смеялись. До слез.

— Правда? — Я думал, что не смогу пройти Милю до конца, просто не смогу. Не выдержу, начну плакать или кричать, а может, у меня разорвется сердце, и на этом все закончится.

Мы зашли в мой кабинет. Джон огляделся, а потом опустился на колени. Сам, без напоминания. В глазах Гарри застыла боль. А Дин стоял бледный как мел.

— О чем мы будем молиться, босс? — спросил Джон.

— О силе, — не задумываясь ответил я. — Господин наш, пожалуйста, помоги нам довести до конца то, что мы начали, пожалуйста, прими к себе этого человека, Джона Коффи, с фамилией, как напиток, но которая пишется иначе, прими его на небеса и упокой его душу. Пожалуйста, помоги нам проводить его так, как он того заслуживает, и пусть ничего не пойдет наперекосяк. Амен. — Я открыл глаза, посмотрел на Дина и Гарри. Оба они чуть приободрились. Возможно, несколько секунд передышки пошли им на пользу. Сомневаюсь, что им помогла моя молитва.

Я уже хотел подняться, но Джон поймал мою руку и посмотрел на меня со смирением и надеждой.

— Я помню молитву, которой кто-то научил меня, когда я был маленьким. По крайней мере мне кажется, что помню. Могу я ее произнести?

— Конечно, конечно, — вырвалось у Дина. — Времени у нас предостаточно, Джон.

Коффи закрыл глаза, сосредоточился. Я ожидал услышать колыбельную или какой-нибудь псалом, но ошибся. Такой молитвы я не слышал никогда, ни до, ни после. Сложив руки перед собой и закрыв глаза, Джон заговорил:

— Дитя Иисус, кроткий и добрый, помолись за меня, сиротку. Будь моей силой, будь моим другом, будь со мной до конца. Амен.

Он открыл глаза, хотел было встать, потом пристально посмотрел на меня.

Я вытирал глаза рукавом. Слушая его, я думал о Деле. Он тоже хотел прочитать свою молитву: «Святая Мария, Мать Бога моего, молись за меня, молись за нас, несчастных грешников, ныне и присно... и в час нашей смерти».

— Извини, Джон.

— Не за что.

Он сжал мою руку и улыбнулся. А потом, как я и предполагал, помог мне встать.

Глава 10

Свидетелей собралось немного, четырнадцать человек, в два раза меньше, чем на казни Делакура. Огромная туша Гомера Криба сразу бросилась мне в глаза, а вот помощника шерифа Роба Макги я не заметил. Как и начальник тюрьмы Мурс, он предпочел пропустить эту экзекуцию.

В первом ряду сидела пожилая пара, которую я поначалу не признал, хотя неоднократно видел их

фотографии в газетах, в том числе и ноябрьских. Когда же мы приблизились к возвышению, на котором дожидалась Старая Замыкалка, женщина выкрикнула: «Медленной тебе смерти, сукин ты сын!» Тут я понял, что это Клаус и Маджори Деттерик. А не узнал я их, потому что редко видишь пожилых людей, которым еще не перевалило за сорок.

Джон сжался от этого вопля. Хэнк Биттерман, который стоял между свидетелями и возвышением, не спускал глаз с Клауса Деттерика. Он выполнял мой приказ, но Деттерик и не пытался броситься на Джона. Он словно находился на другой планете.

Зверюга, стоявший позади Старой Замыкалки, коротко мне кивнул, когда мы поднялись на возвышение, убрал револьвер в кобуру, взял Джона за запястье и осторожно повел к электрическому стулу. Совсем как юноша, впервые пригласивший девушку на танец.

— Все нормально, Джон? — шепотом спросил он.

— Да, босс, но... — Взгляд его заметался, впервые он выглядел испуганным. Страх слышался и в его голосе. — Здесь так много людей, которые ненавидят меня. Очень много. Я это чувствую. Мне больно. Они жалят меня, словно осы.

— Ты лучше сосредоточься на нас, — прошептал Зверюга. — У нас ненависти к тебе нет... ты это чувствуешь?

— Да, босс. — Но голос его дрожал все сильнее, а из глаз вновь покатились слезы.

— Убейте его дважды, парни! — внезапно выкрикнула Маджори Деттерик. Голос ее ударил, как пощечина. Джон прижался ко мне, застонал. — Вы должны убить этого насильника дважды, воздайте ему по заслугам!

Клаус все с тем же отсутствующим видом притянул жену к себе. Она разрыдалась.

Тут я заметил, что плачет и Гарри Тервиллигер.

Свидетели этого не видели, Гарри стоял к ним спиной, но он плакал. Однако что мы могли поделать? Только идти вперед.

Зверюга и я развернули Джона. Зверюга нажал на плечо гиганта, Джон сел, схватился за широкие дубовые подлокотники Старой Замыкалки и облизал пересохшие губы.

Гарри и я опустились на колени. Днем раньше по нашей просьбе механик увеличил длину хомутов, потому что щиколотки Джона превосходили в размерах икры обычного человека.

Однако мне привиделось, что хомуты все равно малы, замки не защелкнутся и нам придется увести Джона в камеру, где он и пробудет до тех пор, пока Сэм Бродерик, начальник мастерской, и его парни не проведут необходимую доработку. Но я поднатужился, и замок защелкнулся. Нога Джона дернулась, он ахнул. Похоже, я прихватил кожу на ноге.

— Извини, Джон, — пробормотал я и взглянул на Гарри. У него замок закрылся сразу (наверное, хомут сделали посвободнее, а может, правая нога Джона была меньше левой), но он все смотрел на замок, и я мог понять почему: чем-то тот напоминал пасть голодного аллигатора.

— Все будет хорошо. — Я надеялся, что голос мой звучит убедительно и что я говорю правду. — Вытри лицо, Гарри.

Он вытер слезы со щек и пот со лба. Мы повернулись. Гомер Криб, громко разговаривавший со свидетелем, который сидел рядом с ним (прокурором, судя по строгому черному костюму и узенькому галстуку), замолчал. И вовремя.

Зверюга закрепил одно запястье Джона, Дин — второе. Через плечо Дина я мог видеть доктора, не приметно стоявшего у стены с черным саквояжем между ног. Нынче, я полагаю, они сами бегут на эти экзекуции, особенно если присутствует телевидение, а

вот раньше их приходилось приводить чуть ли не силой. Может, тогда они лучше представляли себе, в чем состоят обязанности доктора, и полагали, что присутствие на казни — нарушение клятвы, которую они приносили, становясь врачами: не навреди.

Дин кивнул Зверюге. Зверюга повернулся, чтобы взглянуть на телефон, который никогда не звонил и не мог звонить ради таких, как Джон Коффи, и скормандовал Джеку ван Хэю:

— Позиция один!

Послышалось мерное гудение, ярче вспыхнули лампы. Наши тени четче нарисовались на стене. Они, словно вампиры, нависли над тенью от стула. Джон шумно вдохнул. Костяшки его пальцев побелели.

— Еще не больно? — Миссис Деттерик вырвалась из рук мужа. — А я надеюсь, что больно! Я хочу, чтобы ты умер от боли!

Ее муж вновь схватил ее. Я видел, как струйка крови течет у него из носа. И меня не удивило, когда в марте, открыв газету, я узнал, что он умер от инсульта.

Зверюга встал перед Джоном и касался его плеча, когда говорил. Это противоречило заведенному порядку, но свидетели, за исключением Кертиса Андерсона, знать этого не могли, а Кертис промолчал. По выражению его лица мне показалось, что он думает только о том, как бы уйти с этой работы. Ему очень хотелось уйти. После Перл-Харбора он добровольцем ушел в армию, но так и не попал за океан, погиб в Форт-Брегге в автомобильной аварии.

Джон тем временем расслабился от прикосновения пальцев Зверюги. Я думаю, он понял далеко не все из сказанного Зверюгой, но его рука на плече успокаивала. Зверюга, который умер от инфаркта двадцать пять лет спустя (по словам его сестры, это случилось, когда он ел сэндвич и смотрел телетрансляцию матча по рестлингу), был хорошим человеком. Моим другом. Может, лучшим из нас. Он, несомненно, пони-

мал, как человек одновременно и хотел уйти, и боялся этого последнего путешествия.

— Джон Коффи, вы приговорены к смерти на электрическом стуле, приговор вынесен присяжными и утвержден судьей. Господи, спаси народ этого штата. Вы хотите что-нибудь сказать перед тем, как приговор будет приведен в исполнение?

Джон вновь облизал губы, но голос его прозвучал четко и ясно:

— Я жалею, что я такой, как есть.

— И должен жалеть! — взвизгнула мать двух мертвых дочерей. — Должен жалеть, чудовище! Обязан жалеть!

Джон посмотрел на меня. Я не увидел в его глазах смирения, надежды попасть на небеса, обрести вечный покой. Как бы мне хотелось сказать вам, что я все это увидел. Но мне открылось другое. На меня смотрели глаза загнанного в ловушку животного. И переполняли их страх, безнадежность, отчаяние. Мне вспомнились слова Джона о том, как Уэртону удалось без шума увести Кору и Кэти с веранды: «Он убил их вместе с их любовью... И так каждый день. По всему миру».

Зверюга снял новую маску с крюка, но как только Джон увидел ее и понял, для чего она предназначена, глаза его округлились от ужаса. Он посмотрел на меня, на его лысом черепе выступили огромные капли пота. С перепелиное яйцо, подумал я.

— Пожалуйста, босс, не надевайте эту штуку мне на лицо, — простонал он. — Пожалуйста, не отправляйте меня в темноту, не заставляйте меня шагать в темноте, я боюсь темноты.

Зверюга смотрел на меня с вопросительно поднятыми бровями, застыв с маской в руках. Решение следовало принимать быстро, а голова работала с трудом. Маска — традиция, не закон. Надевали ее, чтобы избавить свидетелей от неприятных аспектов казни. А

тут я понял, что нечего идти на поводу у свидетелей, во всяком случае, в этот раз. Джон, в конце концов, не сделал ничего предосудительного и, уж конечно, не заслужил того, чтобы перед смертью на него надевали маску. Пусть свидетели об этом не подозревали, но мы-то знали наверняка, а потому я решил удовлетворить его последнюю просьбу. Что же касается Маджори Деттерик, то она, возможно, только поблагодарила бы меня за это.

— Хорошо, Джон, — пробормотал я.

Зверюга вернул маску на крюк. За нашими спинами недовольно загудел Гомер Криб.

— Эй, парень! Надень на него эту маску! Или ты думаешь, мы хотим смотреть, как у него вылезут глаза?

— Успокойтесь, сэр, — не поворачиваясь ответил я. — Это экзекуция, и проводите ее не вы.

— Ты и поймать-то его не сумел, — прошептал Гарри.

Гарри умер в 1982 году, чуть-чуть не дожив до восьмидесяти. Старик. До меня ему, конечно, далеко, но все-таки есть чем похвалиться. Умер он от рака.

Зверюга наклонился и достал из ведра губку. Нажал на нее пальцем, потом сунул его в рот. Мог бы этого и не делать: я видел, как с губки обильно тек соляной раствор. Зверюга сунул губку под колпак и водрузил его на голову Джона. Впервые я видел бледного Зверюгу, мертвенно-бледного, едва не теряющего сознание. Он не просто так помянул суд Божий в нашем недавнем разговоре. Участвуя в казни Джона Коффи, он действительно боялся, что Господь отправит его в ад за то, что он способствовал убийству Его создания. На меня накатил приступ тошноты. Подавил я его с немалым трудом. Жидкость с губки текла по лицу Джона.

Дин Стэнтон затянул нагрудный ремень, его длины едва хватило. Мы приняли все меры, чтобы уберечь Дина в случае провала нашего ночного путеше-

ствия. Заботясь о его детях. Мы же не могли знать, что жить ему осталось меньше четырех месяцев. После казни Джона Коффи Дин подал рапорт с просьбой перевести его в другой блок. Его определили в блок С, где заключенный убил Дина, вонзив заточку в шею и выпустив всю его кровь на грязный бетонный пол. Я так и не знаю почему. Думаю, никто этого не знает. Наверное, по глупости. Почему люди вообще убивают друг друга. Газом. Электричеством. Какое-то безумие. Ужас.

Зверюга проверил ремень, отступил на шаг. Я ждал, когда же он подаст команду, но Зверюга молчал. Скрестил руки за спиной, расправил грудь и молчал. Я понял, что команды он не подаст. Возможно, он не мог ее подать, лишившись дара речи. Мне казалось, у меня тоже не повернется язык, но я взглянул в полные ужаса, плачущие глаза Джона и понял, что должен взять инициативу на себя. Должен, даже если потом мне придется целую вечность гореть в адском пламени.

— Позиция два, — прохрипел я, едва узнавая собственный голос.

Колпак загудел. Десять пальцев оторвались от широких дубовых подлокотников и растопырились в десяти направлениях. Их кончики вибрировали. Над головой взорвались три лампы — бах! бах! бах! Маджори Деттерик вскрикнула и без чувств повалилась на мужа. Она умерла в Мемфисе восемнадцать лет спустя. Попала под троллейбус.

Джона бросило вперед. На какое-то мгновение его глаза встретились с моими. Он был в сознании. И именно меня видел он, когда мы вытолкали его из нашего мира в мир иной. Джон повалился на спинку Старой Замыкалки, колпак съехал набок, из-под него поднялся дымок. Смерть была быстрой. Я сомневаюсь, что безболезненной, как утверждают сторонники казни на электрическом стуле (никто из них почему-то не проявил желания проверить это на себе), но быстрой. Руки бессильно упали на подлокотники, по щекам еще текла соленая вода... и слезы.

Последние слезы Джона Коффи.

Глава 11

Все шло нормально, пока я не приехал домой. Уже рассвело, пели птицы. Я припарковал свой «форд», вылез из кабины, поднялся по ступеням заднего крыльца. И вот тут волна печали накрыла меня. Я думаю, причиной стали мои мысли о том, что Джон боялся темноты. Я вспомнил, как мы встретились первый раз, как он спросил, горит ли у нас свет по ночам, и ноги у меня подогнулись. Я сидел на крыльце, наклонившись вперед, и плакал. И оплакивал я не только Джона, но и всех нас.

Джейнис вышла из дома, села рядом со мной. Обняла меня.

— Вы ведь не причинили ему лишней боли?

Я покачал головой, говоря, что нет.

— И он хотел уйти.

Я кивнул.

— Пойдем в дом. — Она помогла мне подняться. Я подумал о том, что и Джон помогал мне встать после того, как мы с ним помолились. — Пойдем в дом, я сварю тебе кофе.

Я подчинился. Прошло первое утро, первый день, затем первая смена. Время вбирает в себя все, время уносит прошлое все дальше, и наконец остается только темнота. Тьма. Иногда мы кого-то находим во тьме, иногда снова теряем. Вот все, что я знаю, и случилось это в 1932 году, когда тюрьма, находившаяся в ведении штата, еще располагалась в Холодной горе.

И электрический стул, естественно, тоже.

Глава 12

Примерно в четверть третьего моя закадычная подруга Элейн Коннолли вошла на веранду-солярий, где я сидел за столом, аккуратно сложив пе-

ред собой последние листы. Лицо ее побледнело, а глаза подозрительно блеснули. Я подумал, что она скорее всего плакала.

Я же смотрел в окно. Просто смотрел. На холмы на востоке. Правая рука чуть дрожала, но приятной дрожью умиротворения. Я исписался, вытащил из памяти все, что мог. И меня это радовало.

С трудом я заставил себя встретиться взглядом с Элейн: опасался, что увижу в ее глазах ненависть и презрение, но увидел то, что и хотел, — грусть и изумление. Ни ненависти, ни презрения, ни недоверия.

— Хочешь прочитать конец? — спросил я и похлопал по тоненькой стопке. — Я все написал, но я тебя пойму, если ты...

— Вопрос не в том, чего я хочу, а чего нет, — ответила она. — Я просто должна узнать, чем все закончилось, хотя я не сомневаюсь, что ты усадил его на электрический стул. Вмешательства Провидения, с заглавной буквы, пока еще не замечено, если речь идет о простых людях. Но прежде чем я возьму эти страницы... Пол...

Элейн замолчала, словно не знала, как продолжить. Я ждал. Иной раз помочь людям невозможно. Лучше и не стараться.

— Пол, ты здесь пишешь, что в 1932 году у тебя было двое взрослых детей, не один — двое. Если вы с Джейнис не поженились в двенадцать или тринадцать лет, получается...

Я улыбнулся.

— Мы поженились рано, в наших местах это обычное дело, но не такими молодыми.

— Тогда сколько же тебе лет? Я всегда полагала, что тебе чуть больше восьмидесяти, то есть ты моего возраста, может, даже моложе, но если исходить...

— Мне было сорок, когда Джон Коффи прошел Зеленую милю, — ответил я. — Я родился в тысяча восемьсот девяносто втором. То есть сейчас мне сто четыре года, если я не разучился считать.

Она лишь смотрела на меня, не в силах произнести ни слова.

Я протянул ей последние страницы, вспоминая вновь, как Джон прикасался ко мне в своей камере. «Вы не взорветесь», — сказал он тогда, улыбаясь при этой мысли, и я не взорвался... но все равно что-то случилось со мной. Не просто случилось, но и наложило отпечаток на всю мою дальнейшую жизнь.

— Прочти остальное, — добавил я. — Там все ответы, которые я мог дать.

— Хорошо, — прошептала Элейн. — Я немного побаиваюсь, не буду лгать, но... хорошо. Где я тебя найду?

Я встал, потянулся, прислушался к скрипу своего позвоночника. Одно я знал наверняка — от веранды-солярия меня уже тошнит.

— На крикетной площадке. Я хочу тебе кое-что показать, а идти нам как раз в том направлении.

— Что-то... страшное?

В ее испуганном взгляде я увидел маленькую девочку, какой она была, когда мужчины носили летом соломенные шляпы, а зимой — пальто с енотовыми воротниками.

— Нет. — Я улыбнулся. — Не страшное.

— Хорошо. — Она взяла листы. — Я прочитаю их в своей комнате. Встретимся на крикетной площадке... — Она оценивающе взглянула на стопку. — В четыре? Подойдет?

— Абсолютно. — Я подумал о Брэде Доулоне. К тому времени он уже уедет.

Элейн взяла мою руку, нежно пожала и ушла. Я постоял, глядя на стол, на котором остался лишь принесенный ею утром поднос. И ни одного листа. Я еще не мог поверить, что справился с этим титаническим трудом... и, как вы увидите сами, все-таки не справился, ибо все, что вы прочтете ниже, написано после того, как я отдал последние страницы Элейн Коннолли. Даже тогда я знал, в чем причина.

Алабама.

Я взял с подноса оставшийся кусок гренка и спустился на крикетную площадку. Сел на солнышке, наблюдая за дюжиной пар, размахивающих деревянными молотками на длинной ручке, поглощенный своими стариковскими мыслями, наслаждаясь теплом, согревающим мои косточки.

Примерно в два сорок пять на стоянку начали подъезжать автомобили тех, кто работал с трех до одиннадцати, а в три на стоянку потянулись сотрудники, смена которых закончилась. Многие уезжали компанией, но Доулен, я заметил, появился на стоянке в гордом одиночестве. Меня это только порадовало: может, мир еще не превратился в ад, раз такие, как Доулен, не могут найти себе друзей. Из заднего кармана торчала книжечка анекдотов. Дорожка к автостоянке проходила мимо крикетной площадки, так что он меня увидел, но не помахал рукой и даже не бросил на меня сердитого взгляда. Я не возражал. Доулен сел в свой старенький «шевроле» с наклейкой «Я ВИДЕЛ БОГА» и уехал, оставив за собой слабый запах машинного масла.

Около четырех Элейн, как и обещала, присоединилась ко мне. Взглянув на ее лицо, я понял, что она снова плакала. Элейн обняла меня, крепко прижав к себе.

— Бедный Джон Коффи. И бедный Пол Эджкомб.

«Бедняжка Пол», — услышал я голос Джейнис.

Элейн вновь заплакала. Теперь уже я обнял ее, прямо на крикетной площадке, под начавшим свой путь к горизонту солнцем. Наши тени словно танцевали. Возможно, в «Сказочном бальном зале», передаче, которую мы слушали по радио в тридцатые годы.

Наконец Элейн совладала с нервами и оторвалась от меня. Нашла бумажную салфетку в кармане блузы, вытерла мокрые от слез глаза и щеки.

— А что случилось с женой начальника тюрьмы, Пол? Что случилось с Мелли?

— Ее выздоровление врачи больницы в Индианоле расценили как чудо. — Я взял Элейн под руку, и мы зашагали к тропе, что уходила в лес от автостоянки нашего богоугодного заведения. И вела к сараю, который стоял у стены, разделяющей Джорджия Пайнс и мир более молодых людей. — Умерла она от сердечного приступа, а не от опухоли мозга, десять или одиннадцать лет спустя. Кажется, в сорок третьем году. Хол же умер от инсульта сразу после нападения японцев на Перл-Харбор, может, даже в тот самый день. Так что Мелли пережила мужа на два года. Ирония судьбы.

— А Джейнис?

— Я не готов ответить на этот вопрос сегодня. Скажу в другое время.

— Обещаешь?

— Обещаю. — Но это обещание я так и не сдержал. Через три месяца после этой нашей прогулки по лесу, когда я галантно поддерживал ее под руку, Элейн Коннолли мирно умерла в собственной постели. Как и в случае с Мелиндой Мурс, смерть наступила от сердечного приступа. Горничная, которая нашла ее, сказала, что лицо у Элейн было умиротворенное, то есть смерть пришла внезапно и не вызвала боли. Надеюсь, в этом она не ошиблась. Я любил Элейн. И мне ее недостает. Ее, Джейнис, Зверюги, их всех.

Не торопясь мы добрались до второго сарая, у самой стены. Он стоял в поросли молодых сосен, с продавленной крышей, покосившимися ставнями. Я направился к двери, но Элейн замешкалась.

— Не бойся, — успокоил я ее. — Заходи.

Задвижка на двери отсутствовала. То есть когда-то она была, но ее давно сорвали. Поэтому, чтобы дверь не открывалась, я засовывал сложенный вдвое кусок картона между ней и косяком. Теперь же я распахнул дверь и вошел в сарай. Дверь я оставил широко раскрытой, потому что в сарае царила темнота.

— Пол, что там... О... О!

Второе «о» больше походило на крик.

Стол я сдвинул к стене. На нем лежали фонарик и пакет из плотной коричневой бумаги. На грязном полу стояла коробка из-под сигар «Нав-А-Тамра», которую мне принес парень, обслуживающий автоматы с прохладительными напитками и сладостями, что стоят в Джорджия Пайнс. Я просил что-то особенное, и он без труда смог мне помочь, так как его компания торговала и табачными изделиями. Я предложил заплатить за коробку (в те времена, когда я работал в «Холодной горе», они стоили немало, я уже упоминал об этом), но парень лишь рассмеялся.

Из коробки выглядывала пара ярких глаз-бусинок.

— Мистер Джинглес, — позвал я тихим голосом. — Подойди сюда. Подойди сюда и познакомься с дамой.

Я присел на корточки (суставы болели, но я даже не поморщился) и протянул руку. Поначалу я подумал, что на этот раз он не сможет перевалиться через край. Но он смог, из последних сил. Приземлился на бок, встал на лапки и поспешил ко мне. Бежал, хромая на одну из задних лапок: в старости дала о себе знать травма, нанесенная Перси. Мистер Джинглес давно уже перекочевал в разряд старичков. Шерстка у него совсем поседела, за исключением головки и кончика хвоста.

Он прыгнул мне на ладонь. Я поднял его, и он вытянул шею, принюхиваясь к моему дыханию, прижимая ушки к голове, блестя яркими глазками. Элейн (рот ее приоткрылся) в изумлении смотрела на мыша.

— Этого не может быть. — Она перевела взгляд на меня. — Пол, этого не может быть... не может!

— Смотри внимательно, а потом скажешь, может или нет.

Из пакета на столе я достал катушку, которую раскрасил сам, не мелкими, а фломастерами, изобретенными гораздо позже 1932 года. Но по яркости моя

катушка ничуть не уступала катушке Дела, может, даже превосходила ее. *Mesdames et messieurs*, подумал я. *Bienvenue au cirque de mousie!*

Я вновь присел, и Мистер Джинглес спрыгнул с моей ладони. Старик, он все равно обожал фокус с катушкой. Как только я достал ее из мешка, он уже не спускал с нее глаз. Я бросил катушку на неровный пол, и Мистер Джинглес тут же помчался за ней. Конечно, не так быстро, как раньше, прихрамывая, но кто мог ожидать от него быстроты? Как я и говорил, он был глубоким стариком, эдакий мышинный Мафусил. Шестьдесят четыре года, никак не меньше.

Мистер Джинглес догнал катушку, отлетевшую от дальней стены. Обежал ее и лег на бочок. Элейн уже шагнула к нему, но я удержал ее. Мгновение спустя Мистер Джинглес поднялся на лапки. Медленно, очень медленно он носом покатил катушку ко мне. Появившись в Джорджия Пайнс (я нашел его лежащим на ступенях лестницы, ведущей на кухню; выглядел он так, словно преодолел длинную дистанцию и совсем обессилел), Мистер Джинглес еще мог катить катушку лапками, как он это проделывал на Зеленой миле. Теперь не мог, задние лапки не выдерживали веса его тельца. Однако, как и на Зеленой миле, он управлялся одним носом: толкал сначала одно «колесо», потом другое. Когда Мистер Джинглес добрался до меня, я поднял его одной рукой (весил он не больше перышка), а катушку — другой. Его яркие глазки по-прежнему не отрывались от нее.

— Больше не бросай ее, Пол. — Голос Элейн дрогнул. — У меня разорвется сердце, если я еще раз увижу, как он бежит за катушкой.

Я понимал ее чувства, но полагал, что она не права. Мистеру Джинглесу нравилось бегать за катушкой и прикатывать ее назад. Даже теперь, после стольких лет. И лишать его любимой игрушки не хотелось.

— В пакете есть и мятные леденцы, — улынулся я. — «Канада минс». Я думаю, он до сих пор любит их, не перестает принюхиваться, если я достаю один из пакета. Но его желудок с ними уже не справляется. Поэтому я приношу ему гренки.

Я опять присел, отломил маленький кусочек от гренка, который забрал с веранды-солярия, положил на пол. Мистер Джинглес понюхал его, взял в передние лапки, начал есть. Его хвост аккуратно свернулся вокруг него. Покончив с полученной порцией, Мистер Джинглес вопросительно посмотрел на меня.

— Иногда старики не знают меры в еде. — Я протянул гренек Элейн. — Попробуй.

Она отломил маленький кусочек, бросила на пол. Мистер Джинглес подошел, понюхал, посмотрел на Элейн... потом взял кусочек и начал есть.

— Видишь? — Я повернулся к ней. — Он знает, что ты не временная.

— Откуда он здесь взялся, Пол?

— Понятия не имею. Однажды я вышел на утреннюю прогулку и увидел, что он лежит на ступеньках. Я сразу сообразил, кто он такой, но взял катушку, чтобы убедиться, что не ошибся. А потом достал ему коробку из-под сигар и выложил ее ватой. Я думаю, он ничем не отличается от нас, Элейн: у него тоже все болит. Однако желание жить по-прежнему при нем. Ему нравится катать катушку, ему нравится видеть давнего знакомого. Шестьдесят лет я держал в себе историю Джона Коффи, больше чем шестьдесят, а вот теперь я ее рассказал. Мне кажется, для того он и вернулся. Чтобы дать мне знать, что надо поторапливаться и изложить все на бумаге, пока еще есть время. Потому что я, как и он... отправляюсь туда.

— Отправляешься куда?

— Ты знаешь. — В молчании мы наблюдали за Мистером Джинглесом. Потом, не знаю почему, я вновь бросил катушку, хотя Элейн и просила меня этого не делать.

Мистер Джинглес, естественно, понесся за катушкой, прихрамывая, с трудом, но и (я в этом не сомневался) с нескрываемым удовольствием.

— Плексигласовые стены, — прошептала Элейн, провожая его взглядом.

— Плексигласовые стены, — с улыбкой согласился я.

— Джон Коффи прикоснулся к Мистеру Джинглесу точно так же, как он прикоснулся и к тебе. Ведь он не просто излечил твою болезнь, он сделал тебя... повысил сопротивляемость твоего организма?

— Думаю, ты подобрала правильный термин.

— Сопротивляемость тому, что в конце концов валит нас с ног, как термиты валят деревья, в которых селятся. Повысил твою сопротивляемость... и его, Мистера Джинглеса. Когда держал его между своих ладоней.

— Совершенно верно. Какая бы сила ни действовала через Джона, так я, во всяком случае, представляю себе случившееся с нами. А теперь то, что он в нас вложил, иссякает. Термиты все-таки прогрызли ствол. На это им потребовалось чуть больше времени, но они своего добились. Мне, возможно, еще осталось несколько лет, люди живут дольше мышей, но время Мистера Джинглеса на исходе.

Он добрался до катушки, обошел ее, лег на бок, часто-часто дыша (мы видели, как поднимается и опускается его седой бочок). Потом поднялся и начал толкать катушку носом. Прихрамывая, едва держась на лапках. Но глазки его блестели так же ярко, как и всегда.

— Ты думаешь, он хотел, чтобы ты написал то, что я сегодня прочитала? — спросила Элейн. — Так, Пол?

— Не Мистер Джинглес, — ответил я. — Не он, но сила, которая...

— Кого я вижу! Поли... И Элейн Коннолли! — раздался из открытой двери голос, полный насмешливо-

го ужаса. — Чтоб я так жил! Что это вы тут поделываете?

Я повернулся, совсем не удивившись возникшему в дверном проеме Брэду Доулену. Он удовлетворенно улыбался, еще бы, ему удалось провести старого пердуна. Интересно, далеко ли он отъехал после окончания смены? Наверное, до ближайшей закусочной, где выпил стакан-другой пива.

— Уходите, — холодно молвила Элейн. — Немедленно уходите.

— Не тебе командовать здесь, старая карга. — Доулен все улыбался. — Может, ты и имеешь право указывать, что мне делать, там, на холме, но не здесь. Здесь вас вообще быть не должно. Проживающим в доме престарелых заходить сюда не положено. Любовное гнездышко, Поли? А где же стариковская лежанка, которая просится на страницы «Плейбоя»? — Его глаза широко раскрылись, когда он увидел обитателя сарая. — А это еще что такое?

Я не повернулся, чтобы посмотреть. Я и так знал, кого он увидел. В это мгновение настоящее внезапно слилось с прошлым. И в дверях уже стоял не Брэд Доулен, а Перси Уэтмор. Еще мгновение, и он вбежит в сарай и растопчет Мистера Джинглеса, у которого уже не было сил убежать от злодея.

Я поднялся (боль в суставах исчезла как по мановению волшебной палочки) и бросился наперерез Перси.

— Оставь его в покое! — завопил я. — Ради Бога, оставь его в покое, Перси, или я за себя...

— Почему ты называешь меня Перси? — спросил он и нанес мне такой сильный толчок в грудь, что я едва не упал. Элейн поймала меня (могу себе представить, какой болью отдалось в ней это резкое движение), и я устоял на ногах. — И не в первый раз. Можешь не дуть в штаны. Трогать эту гадость я не собираюсь. Нет нужды. Кому нужна дохлая мышь.

Я повернулся в надежде, что Мистер Джинглес просто лежит на боку, переводя дух, как не раз с ним

случалось. Он лежал на боку, все так, да только второй бок больше не поднимался и не опускался. Я старался убедить себя, что это не так, что он еще дышит, но тут Элейн зарыдала в голос. С невероятным трудом она наклонилась и подняла с пола мышку, которую я впервые увидел на Зеленой миле, когда она бесстрашно шла к столу дежурного. Мистер Джинглес недвижно лежал на ее ладони. Глазки потухли. Он умер.

Доулен пренебрежительно улыбнулся, обнажив зубы, которые давно требовали внимания дантиста.

— Господи, неужели мы потеряли семейного любимца? Может, устроим похороны с венками и...

— Заткнись! — вскричала Элейн так громко и властно, что Доулен отступил на шаг, а улыбка сползла с его лица. — Убирайся отсюда! Немедленно убирайся отсюда, а не то ты больше не проработаешь здесь ни одного дня! Ни одного часа! Клянусь, не проработаешь!

— И отправишься в кандалах в Южную Каролину, — прошептал я так тихо, что ни Элейн, ни Доулен меня не услышали. Взгляд мой не отрывался от Мистера Джинглеса, лежащего на ладонке Элейн.

Бред собрался уже осадить ее, вновь заявить, что здесь она не вправе орать на него (в принципе сарай находился вне территории, на которой полагалось гулять проживающим в доме престарелых, я об этом знал), но не решился. Потому что, как и Перси, в душе он был трусом. Скорее всего он проверил, действительно ли ее внук — большая шишка, и убедился, что Элейн не погрешила против истины. Опять же любопытство свое он удовлетворил, вызнал стариковский секрет: в сарае жила ручная мышь. А теперь она сдохла, не выдержало сердце или что-то еще, когда она катила катушку.

— Не понимаю, чего вы так раскипятились. — Он пожал плечами. — Если бы речь шла о собаке...

— Убирайся, — рявкнула Элейн. — Убирайся отсюда, невежа. Вместе со своими жалкими мыслишками.

Доулен побагровел.

— Я уйду, но... если ты придеешь сюда завтра, Поли... то найдешь на двери новый замок. Вашему брату появляться здесь не положено, что бы ни говорила эта грозная дама. Посмотрите на пол! Доски-то прогнили! Если кто-то из вас провалится, без перелома ноги не обойтись. Косточки-то у вас хрупкие. Так что забирайте мертвую мышь, если хотите, и уходите. Любовное гнездышко закрывается.

Он повернулся и зашагал прочь, в полной уверенности, что свел поединок вничью. Я подождал, пока его шаги стихнут, потом осторожно взял у Элейн трупик Мистера Джинглеса. Взгляд мой упал на бумажный пакет с мятными леденцами... и из моих глаз потекли слезы.

— Ты pomoжешь мне похоронить давнего друга? — спросил я Элейн.

— Да, Пол. — Она обняла меня за талию, положила головку мне на плечо. Одним старым, узловатым пальцем погладила неподвижный бок Мистера Джинглеса. — Я с радостью помогу тебе.

Мы позаимствовали лопату в пристройке, где хранился садовый инвентарь, похоронили Мистера Джинглеса у высокого дерева и не спеша пошли навстречу нашему ужину и остатку жизни. Думал я о Деле. О Деле, стоящем на коленях на зеленом ковре моего кабинета со сложенными перед грудью руками и блестящей под лампой лысиной. Деле, который просил нас позаботиться о Мистере Джинглесе, чтобы с ним не случилось ничего плохого. Только в конце концов плохое случается с каждым из нас, не так ли?

— Пол? — нарушила затянувшееся молчание Элейн. В голосе ее слышались нежность и усталость. Похороны Мистера Джинглеса отняли у нас немало сил. Мы же глубокие старики. — С тобой все в порядке?

Моя рука обнимала Элейн за талию. Я притянул ее к себе.

— Несомненно.

— Послушай, сегодня, похоже, будет чудесный закат. Давай останемся на улице и полюбуемся им?

— С удовольствием. — И мы остались на лужайке, обнимая друг друга за талию, наблюдая, как яркие краски заката постепенно сменяются серыми сумерками.

Sainte Marie, Mere de Dieu, priez pour nous, pauvres pecheurs, maintenant et a l'heure de notre mort*.

Амен.

Глава 13

1956 год

А лабаму поливал дождь.

Наша третья внучка, очаровательная Тесса, заканчивала университет Флориды. Мы поехали на выпускной вечер на «грейхаунде»*. Мне было шестьдесят четыре, совсем юноша, Джейнис — пятьдесят девять, в моих глазах она оставалась такой же красавицей, как и в день нашего знакомства. Мы сидели в самом конце салона, и она пилила меня за то, что я не купил ей новую фотокамеру, чтобы заснять на пленку грядущее незабываемое событие. Я уже открыл рот, чтобы ответить, что до выпускного вечера у нас будет целый день, поэтому мы сможем купить новую камеру, если Джейнис того хочет, наши финансы это позволяют, но потом подумал, что пилит она меня исключительно от скуки: ей не нравилась книга, которую она взяла в дорогу. Помнится, очередной роман про Перри Мейсона. А потом наступил провал в памяти, словно пленку, на кото-

* Святая Мария, Мать Бога моего, молись за нас, несчастных грешников, ныне и присно, и в час нашей смерти (фр.).

** Название как автобуса, так и национальной автобусной компании, маршруты которой покрывают всю Америку.

рой фиксируется происходящее, засветили, выставив на солнце.

Вы помните этот инцидент. Полагаю, те, кто читал о нем, помнят, большинство же — нет. Однако эта катастрофа попала на первые полосы газет всей страны, от Западного до Восточного побережья. Мы миновали Бирмингем, дождь лил как из ведра, Джейнис жаловалась, что ее старая фотокамера барахлит, и тут взорвалось переднее колесо. Автобус развернуло на мокром асфальте, и ему в бок врезался грузовик, перевозивший удобрения. Мчащийся со скоростью шестьдесят миль в час грузовик впечатал автобус в бетонное ограждение моста. Страшный удар буквально разорвал автобус пополам. Половинки разнесло в разные стороны, та, в которой находился бак с дизельным топливом, взорвалась, превратившись в огненный шар. Только что Джейнис жаловалась на свой старый «кодак», а в следующую секунду я понял, что лежу под дождем на откосе, уставившись на синие нейлоновые трусики, вывалившиеся из чьего-то раскрывшегося чемодана. Трусики с вышитой черным надписью «СРЕДА». Вокруг валялись другие чемоданы. И тела. И части тел. В автобусе находились семьдесят три человека, уцелели только четверо. Среди них и я, причем единственный, кто отделался несколькими ушибами и царапинами.

Я поднялся и потащился среди тел и чемоданов, выкрикивая имя жены. Я отбросил в сторону будильник, я это помню, прошел мимо мальчика лет тринадцати с разmozженной головой. Я чувствовал, как струи дождя бьют меня по лицу, потом я оказался под мостом, и дождь прекратился. Когда я вышел с другой стороны автострады, он вновь забарабанил по моему лбу и щекам. Джейнис лежала рядом с исковерканной кабиной перевернувшегося грузовика. Я узнал ее по красному платью, одному из ее лучших. Самое

лучшее она, разумеется, приберегала для выпускного вечера.

Джейнис еще не умерла. Потом я часто думал, что было бы лучше, не для нее — для меня, если б она погибла мгновенно. Тогда я смог бы быстрее отпустить ее и она бы умерла более естественной смертью. Только все это, наверное, мои выдумки. Потому что, будь моя воля, я бы ее никогда не отпустил.

Она вся дрожала. Одна из туфелек свалилась с ее ноги, и я видел, как вибрирует ступня. Лежала она с открытыми глазами, один заливала кровь. Я упал на колени под пропахшим дымом дождем, думая о том, что дрожь — результат воздействия электрического тока, который пропускают через ее тело. Через нее пропускают электроток, и моя задача — не допустить разрыва цепи, иначе все будет кончено.

— Помогите мне! — закричал я. — Помогите! Помогите мне кто может!

Никто не помог, никто не пришел. Дождь лил и лил, сильный, нескончаемый дождь, прибивший мои еще черные волосы к черепу. Я держал Джейнис на руках, и никто не приходил. Ее пустые глаза смотрели на меня, из разбитой головы лилась кровь. Рядом с ее дрожащей, со спазматически сжимающимися пальцами рукой лежал кусок хромированного металла с надписью «ГРЕЙ». Чуть дальше — примерно четверть некоего бизнесмена в коричневом костюме.

— Помогите мне! — вновь крикнул я и повернулся к мосту, под которым в тени увидел призрак Джона Коффи, гиганта с длинными, висящими как плети руками и лысой головой. — Джон! — заорал я во весь голос. — Джон, пожалуйста, помоги мне! Пожалуйста, помоги Джейнис!

Дождь залил мне глаза. Я стряхнул воду, но Джон пропал. Я видел тени, которые я принял за Джона... но не только тени. Он там был. Может, только призрак, но был. И дождь на его лице смешивался с вечно струящимися из глаз слезами.

Она умерла у меня на руках, под дождем, рядом с грузовиком, перевозящим удобрения, в воздухе, пропитанном запахом горящего дизельного топлива. Момента просветления не было, ее глаза не очистились, перед смертью Джейнис не признала меня, губы ее не прошептали последнее «люблю». Последний раз дрожь пробежала по ее телу, и она ушла. Я подумал о Мелинде Мурс. Первый раз за много лет. О Мелинде, сидящей на кровати, в которой она, по прогнозу врачей из больницы Индианолы, и должна была умереть. О Мелинде, посвежевшей, помолодевшей, не отрывающей восхищенных глаз от Джона Коффи. О Мелинде, говорящей: «Я видела тебя во сне. Я видела, ты блуждал во тьме, как и я. Мы нашли друг друга».

Я положил мою бедную жену на землю, поднялся без труда (повторюсь, я отделался лишь царапинами да синяками) и прокричал теням под мостом:

— Джон! Джон Коффи! Где ты, здоровяк?

Я пошел к теням, переступая через плюшевого медвежонка, перепачканного кровью, очки с одним разбитым стеклом, оторванную руку с обручальным кольцом на пальце.

— Ты же спас жену Хола, почему не мою жену? Почему не Джейнис? Почему не мою Джейнис?

Нет ответа. Только запах горящего дизельного топлива и горящих тел, только дождь, падающий с серого неба и барабнящий по земле, по асфальту, по мертвому телу моей жены. Я не услышал ответа тогда, не слышу его и теперь. Разумеется, в 1932 году Джон Коффи спас не только Мелинду Мурс, не только мышонка Дела, того самого, что стрелой мчался за катушкой и искал Дела задолго до того, как тот появился на Зеленой миле... задолго до того, как там появился Джон Коффи.

Джон спас и меня, и потом, много лет спустя, стоя под проливным алабамским дождем, пытаюсь разглядеть в тенях под мостом человека, которого там не

могло быть, окруженный изувеченными телами и вещами, вывалившимися из раскрывшихся чемоданов, я открыл для себя чудовищную истину: иногда нет абсолютно никакой разницы между спасением души и осуждением ее на вечные муки.

Я ощущал, как то ли первое, то ли второе вливается в меня, когда мы сидели вместе с Джоном Коффи на его койке восемнадцатого ноября 1932 года. Выливается из него и вливается в меня. Какая-то необъяснимая сила, живущая в нем, переходила в меня через наши соединившиеся руки, как не могут перейти любовь, надежда, добрые чувства. Ощущения эти начались с покалывания, а превратились во что-то огромное, захватившее все тело. Такого я не испытывал ни прежде, ни после. С тех пор я не болел ни воспалением легких, ни гриппом, ни ангиной. Не страдал никакими внутренними хворями. Царапины заживали на мне как на собаке. Если я и простужался, то раз в шесть-семь лет и очень быстро выздоравливал. Однажды, в начале того самого злосчастного 1956 года, у меня вышел камень. И пусть кому-то покажется это странным, особенно если он прочитал написанное выше, но часть моего разума наслаждалась болью, вызванной выходом камня. Собственно, впервые за двадцать четыре года, после того как Джон Коффи избавил меня от урологической инфекции, я испытал настоящую боль. Болезни уносили моих друзей и людей, являвшихся символами нашего поколения, пока они не ушли все. Инсульты, инфаркты, раковые заболевания, цирроз печени, болезни крови обходили меня стороной. Вот и в катастрофе автобуса я практически не пострадал. В 1932 году Джон Коффи вакцинировал меня жизнью. Привил иммунитет ко всем бедам, с которыми может столкнуться человек. В конце концов я уйду, разумеется уйду, иллюзий насчет бессмертия у меня нет (ушел же Мистер Джинглес), но я буду жаждать смерти задолго до того, как она настигнет меня. По

правде говоря, я уже хочу умереть, с того самого дня, как умерла Элейн Коннолли. Нужно ли говорить вам об этом?

Я проглядываю исписанные листы, перекладываю их дрожащими, в почечных бляшках руками и думаю: а есть ли в написанном какой-то смысл, как в тех книгах, которые должны сеять доброе и вечное? Я думаю о проповедях моего детства, что читались в церквях, где восхваляли всемогущего Иисуса, Господа нашего; я вспоминаю, как проповедники говорили, что взгляд Господний не упускает даже воробышка. Он все видит и все подмечает. Я это понимаю, когда думаю о Мистере Джинглесе и крошечных щепочках, найденных нами в лазе, через который он ушел из изолятора. Однако тот же Бог пожертвовал Джоном Коффи, который пытался творить только добро. Пожертвовал столь же жестоко, как ветхозаветный пророк жертвовал агнца... как Авраам принес бы в жертву сына, если б возникла такая необходимость. Я думаю о Джоне Коффи, говорящем, что Уэртон убил близняшек Деттериков их любовью, что это случается каждый день, по всему миру. Если такое случается, то именно Бог позволяет этому случаться, и когда мы говорим: «Я не понимаю», Он отвечает: «Меня это не волнует».

Я думаю о Мистере Джинглесе, который умер именно в тот момент, когда мое внимание отвлек на себя плохой, ничтожный человек. Я думаю о Джейнис, дрожащей всем телом в последние секунды жизни, когда я стоял рядом с ней на коленях под проливным дождем.

«Остановись, — пытался сказать я Джону в тот день в его камере. — Остановись, отпусти мои руки, я утону, если ты этого не сделаешь. Утону или разорвусь».

«Вы не разорветесь», — ответил он, услышав мою мысль и улыбнувшись. И я действительно не разорвался. Не разорвался.

У меня лишь одна старческая болезнь: бессонница. Допоздна я лежу в кровати, слушая, как в соседних комнатах кашляют старики и старухи. Иногда я слышу звонок вызова, торопливые шаги дежурной сестры по коридору, ночной выпуск новостей: сестры включают телевизор, стоящий на их столике. Я лежу и наблюдаю, как медленно плывет по небу луна. Я лежу и думаю о Зверюге, о Дине, иногда об Уильяме Уэртоне, говорящем: «Ты прав, ниггер. Плохой для таких, как ты». Я думаю о Делакруа с его: «Посмотрите, босс Эджкомб, я научил Мистера Джинглеса новому трюку». Я думаю об Элейн Коннолли, стоящей в дверях веранды-солярия и требующей от Брэда Доулена, чтобы он оставил меня в покое. Случается, что, задремав, я вижу пелену дождя, мост, а под ним Джона Коффи. Во сне я вижу его ясно и отчетливо, такое не спишешь на разыгравшееся воображение, он стоит, мой здоровяк, и наблюдает. Я же лежу и жду. Я думаю о Джейнис, о том, как потерял ее, о том, как она уходила от меня под дождем, и я жду. Мы все обречены на смерть, все без исключения, я это знаю, но, о Господи, иногда Зеленая миля так длинна.

Авторское последствие

Не думаю, что мне еще раз захочется написать роман с продолжением (хотя бы потому, что критикам представилась возможность пнуть меня шесть раз вместо одного), но я бы ни за что на свете не отказался от этого эксперимента. Я пишу это послесловие за день до публикации второй части «Зеленой мили», когда уже ясно, что проект оказался успешным, по крайней мере если говорить об объе-

мах продаж. За это, Постоянный читатель, я хочу Вас поблагодарить. А также за то, что появилась возможность взглянуть на писательский труд несколько под другим углом. Я, во всяком случае, взглянул.

Я писал быстро, потому что этого требовал проект. С одной стороны, это помогало, с другой — привело к появлению на страницах романа некоторых анахронизмов. Надзиратели и заключенные блока Е слушали передачу Фреда Аллена, а я сомневаюсь, чтобы в 1932 году у Аллена была своя радиопередача. То же самое можно сказать о музыкальной программе Кэя Кузера. Не оправдываясь, я все же скажу, что в недавней истории разобраться с датами бывает сложнее, чем с Крестовыми походами средневековья. Я установил, что Зверюга действительно мог назвать появившегося на Миле мышонка Пароход Уилли, так как диснеевский мультфильм вышел на экраны четырьмя годами раньше, но подозреваю, что порнографических комиксов вроде того, который разглядывал Перси, в те годы не было. Наверное, я смогу внести необходимые исправления, если решу издать «Зеленую милю» одной книгой... а может, оставлю все как есть. В конце концов, даже у великого Шекспира в трагедии «Юлий Цезарь» имеется такой анахронизм, как бьющие часы, хотя механические часы изобрели гораздо позже.

Издание «Зеленой мили» одной книгой сопряжено с немалыми сложностями, поскольку (и я это уже понял) не удастся просто сложить воедино шесть частей. Так как я пытался равняться на Чарлза Диккенса, то спросил у нескольких человек, хорошо знающих его творчество, какие средства использовал Диккенс, чтобы в начале следующей брошюры напомнить читателю о содержании предыдущей. Я предполагал, что оптимальным вариантом будет отдельная врезка, предшествующая основному тексту, вроде тех, которые печатала моя любимая «Ивнинг пост», давая материал с продолжением, и ошибся, так как Диккенс не обходился с читателем столь грубо: он встраивал врезку в повествование.

Пока я обдумывал, как же мне поступить, моя жена начала говорить мне (не то чтобы слишком досаждала, но убеждала очень настойчиво), что я так и не довел до конца историю Мистера Джинглеса, цирковой мыши. Я решил, что она права, и нашел выход из положения: Мистер Джинглес стал секретом старого Пола Эджкомба, и я смог создать еще одну интересную сюжетную линию. В итоге жизнь Пола в Джорджии Пайнс нашла в романе достойное место. Особенно мне понравилось, что для Пола Перси Уэтмор и Брэд Доулен в конце концов слились в одного человека. Я этого не планировал заранее, повествование само привело меня к такому финалу.

Хочу поблагодарить Ралфа Вичинанцу за предложение написать «сериальный триллер» и моих друзей в издательствах Viking Penguin и Signet, которые всячески поддерживали проект, хотя поначалу перепугались насмерть (все писатели — психи, и они это знали). Я также хочу поблагодарить Маршу Дефилиппо, которая расшифровывала мои каракули и никогда не жаловалась. Во всяком случае, жаловалась редко.

Но самые теплые слова благодарности я хочу сказать моей жене, Табите, которая прочитала роман и сказала, что он ей понравился. Писатели всегда пишут для своего идеального читателя, а для меня таковым является жена. Я ей полностью доверяю, и если она говорит, что написано хорошо, значит, так оно и есть. Потому что критик она беспощадный, глаз у нее наметанный и, если я пытаюсь скруглить угол или оставить несвязанными какие-то концы, она это сразу замечает.

И Вы, Постоянный читатель. Позвольте мне поблагодарить и Вас. А если у Вас возникнут какие-то идеи касательно издания «Зеленой мили» одной книгой, пожалуйста, дайте мне знать.

Стивен Кинг
28 апреля 1996 г.
Нью-Йорк

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

Зеленая миля

Художественный редактор *О.Н. Адашкина*

Компьютерный дизайн: *Ю.Ю. Миронова*

Технический редактор *О.В. Панкрашина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.09.99.

Формат 70×100¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ.

Бумага типографская. Усл. печ. л. 16,77.

Тираж 15 000 экз. Заказ 3733.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»

ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.